

John Hall

365
дней тоски

18+

John Hall

365 дней тоски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69955723

SelfPub; 2023

Аннотация

Я направляюсь в путешествие, которое покажет мне просторы планеты Меланхолии. Я отправляюсь в путешествие в надежде найти то место, где смогу остаться навсегда... то место, где буду счастлив! Я отправляюсь в путешествие, потому что больше не могу оставаться в городе Грусти, где каждый день сгораю от тоски.

John Hall

365 дней тоски

Предисловие

Начинаю этот проект как нечто меланхоличное, личное, потаённое и скрытое глубоко внутри меня самого. Это может быть общее впечатление от определенного дня, это может быть квинтэссенцией переживаний и чувств, это может базироваться на определенных погодных условиях, это может быть мной самим.

365 дней тоски. То, у чего не будет определенного направления, стиля, вида... ведь это мысль. Такая же мимолетная, как сгорание смеси порошка магния с хлоратом калия, серой и сульфидом сурьмы.

365 дней тоски. Обратная сторона моего смеха.

Город Грусти

День первый.

Наш удивительно свинцовый город, отражающийся тенью на небесах, сковал лёд. Улицы, словно покрытые тонким слоем лубриканта, отражают любой заблудившийся луч. Люди проверяют на прочность свои тазовые, берцовые, лучевую и локтевую кости... Спешка... Спешка судорогой сводит мысли жителей, которые проталкиваются, подобно червям, по тонким тоннелям узких проходов общественного транспор-

та... И существуют, подобно муравьям, в тесной колонии.

День второй.

Гнетущее утро. Запотевшее от скопления горячих тел и дыхания окно. Засаленная, немного слезшая со своего места наклейка с надписью: «Во избежание падения держитесь за поручни».

Сквозь коматозное состояние мозга пробивается мысль: «Во избежание падения надо держаться за плечо...»

И тут же ощущение, словно грязный, измазанный в про-дуктах жизнедеятельности ботинок врезаётся в мягкую эссенцию личного. И осознание – «поручни надежнее человеческого плеча».

День третий.

Турист – как аксиома существования. Пришёл, побыл и отчалил в направлении судьбы. Вдоль персональной нити, которую тщательно сплели Нона, Децима и Морта... Клото, Лахесис и Атропос.

Следуя по уже предназначенному маршруту, как и прочие, наблюдаю чудеса света и тайны ночи. Оставляю отметки в виде зарубок – шрамов на своём теле, на своей душе – и продолжаю двигаться навстречу одному, известному с момента появления мира, факту – исчезновение неизбежно.

День четвертый.

«Всего лишь грязь», – то, о чем я подумал, увидев себя в зеркале.

«Всего лишь грязь», – отдалось каким-то странным, отчуждённым эхом в мыслях, и я понял, что не вижу своего отражения, а вижу лишь то, что видят многие, когда смотрят на меня.

– Всего лишь грязь, – повторил я шёпотом и закончил свою мысль следующими словами: – Вот чем является человечество, если смотреть на него со стороны.

День пятый.

Запах уксуса утром – не то, что хотелось почувствовать в душной камере общественного транспорта, и не то, чем должно пахнуть от дорогой черной женской шубы.

И, казалось бы, встретить так называемого «vagabond» в похожей ситуации было бы более мерзко, но этот едкий, кисло-сладкий запах, ударивший в нос похмельного организма, был хуже нашатыря и моментально уничтожил всю романтику легкого вечернего отдыха со вкусом белого вина и сыра.

И у меня остались холодное утро, легкое похмелье и воспоминание о пропахшей уксусом чёрной женской шубе.

День шестой.

Картонный футляр – хранилище человека с комплектацией из комплексов, взглядов, привычек, мыслей, знаний,

воспоминаний, фобий, хобби, музыки, стиля, аксессуаров, внешности, электроники, жилища, автомобиля, работы, коллектива, любовников, политики, веры...

Картонный футляр – бесконечная матрёшка, в которую можно поместить весь мир.

Картонный футляр – будет выброшен, сожжен, потерян, забыт... И как человек, и как отдельная Вселенная.

День седьмой.

– Вот и всё!.. Вот и всё... Ты больше никогда не будешь прежним. Ты больше никогда не сможешь стать прежним. Плохой пародией на себя – да.

– О чём ты?

– Я о том, что ты смотришь в отражение и видишь нового нас.

– И что это значит?

– Что тебя больше нет.

– Почему?

– Потому что ты, а теперь мы, переродились после твоей гибели. Ведь ты умер, предав свои принципы.

– Вот дерьмо!..

– Да... теперь ты, мы – дерьмо.

День восьмой.

Необходимая добродетель – нечто, похожее на укол адреналина, когда ты чувствуешь, что направляешься прямо

в ад. Совершаешь этот акт реанимации не в качестве благонаправленного деяния, а в рамках отчаянной попытки зацепиться, удержаться и не пропасть... Не думаешь об этом, просто знаешь, что твой поступок – отговорка собственной черствости, циничности, съедающей изнутри.

Только осознание отсутствия необходимости в необходимой добродетели может освободить от ярма самопрезрения... Только чистая добродетель способна на это.

День девятый.

Недавно встретил человека. Прозвал его «салфетка», и холодная рука ужаса погладила меня по спине.

«Никогда не позволю стать себе таким, – мелькнула мысль, и вновь ужас прокатился по всему телу. – Никогда не посмею воспользоваться таким... ведь это страшно, очень...»

И потом еще одна мысль влупила мне с ноги прямо в голову:

«Что же тебя таким сделало? Что случилось? Что тебя сломало?! Скажи мне, чтобы я смог отгородиться от этого...»

День десятый.

И вот я стою на поребрике и всматриваюсь в воду, выпавшую осадками на проклятый город. Я уверен в том, что она очистится... Рано или поздно вновь станет кристальной

и вновь сможет даровать жизнь другим живым организмам. А пока что это – яд. Чистый яд, без примеси... хотя если подумать, вода, содержащая в себе масло, копоть, грязь и многие другие элементы и соединения.

И вот я стою и думаю о том, что человек – это та самая вода, которая со временем превращается в яд и может уничтожить как другую воду, так и жизнь вокруг.

День одиннадцатый.

Прощаться всегда тяжело... не хочется. Просто уйду, и все. Чтобы последними словами не вышло какого-нибудь выражения типа: «Ну, давай там» или «Удачи! До встречи...» Так же, по этой самой причине, я не здороваюсь. Мне так проще, мне так легче... представлять, что жизнь – один неразрывный день, в котором нет надобности говорить «прощай». В котором нет надобности здороваться... Просто представляя, что любой промежуток времени бесконечно мал, жить и наслаждаться общением.

День двенадцатый.

Пыль состоит из смерти. Смерть – есть пыль, которая со временем наполняет и тело, и душу. Время от времени необходимо делать уборку, соскребая с себя отмершие, отслужившие частички. Только так можно вдохнуть капельку жизни, частичку свежести, молодости... немного вчерашнего себя в себя настоящего.

Если же не заниматься собой, не убирать осевшую пыль, то будучи захламлённым, будучи помеченным печатью из пыли, её – то есть смерть – можно привлечь и уйти в бесконечность раньше отведённого срока.

День тринадцатый.

Туман спустился и окунул город в пелену самых низких облаков, которые только можно представить. Он скрыл собой грязь, скопившуюся и загрязнившую ливневки...

Скоро, чувствую, сильным дождем разверзнутся небеса и вода, хлынувшая сверху, смоем не только мусор с канализационных решеток, но и остальную грязь, что сама выстроила лабиринт, в котором скопится жидкость и вдоль стен которого понесет мешки с костями.

День четырнадцатый.

Глаза открываются от резкой боли, которая идёт изнутри плечевого сустава. Это чувство подбрасывает, заставляя сесть на краю кровати и схватиться здоровой рукой за ту, которую разрывают изнутри. Стараюсь дышать медленно... это помогает бороться с внезапной болью.

Справа, около кровати, стоит небольшая тумбочка. С неё дико, остервенело начинает орать будильник: «Это начало твоего рабочего дня!»

– Доброго утра, – срывается с губ, и, спустя небольшую паузу, одно емкое выражение довершает сказанное.

День пятнадцатый.

Я встретил её, и тут же капелька холодного пота скользнула вниз, вдоль линии позвоночника, по горячей коже. Я увидел её глаза-бусинки, что вперились в меня и с жадностью разложили по производным. Я услышал её медленное приближение по тонкой нити, которую та старательно сплела вокруг моего уставшего, измученного тела. Я почувствовал, как руки с короткими и очень тонкими пальцами обвили меня и прижали к прохладному телу, и сердце в груди забилось сильнее. Сквозь страх я возопил:

– «МАБ!»

И тут же проснулся.

– Не сегодня... – предплечье легко вошло в ямку переносицы, закрыв глаза. – Я сам решу, когда пойти с тобой... королева Фей.

День шестнадцатый.

Клац – клац – клац! Клац – клац – клац!

Удары печатей по столешницам из ДСП наполняют восемь часов... Треть моего дня. Из оставшегося мне времени я скрупулёзно выторговываю часть на сон, часть на тупую, страшную своей обыденностью, бытовуху, и часть на то, чтобы заняться действительно интересными мне делами.

В этом «Клац. Клац. Клац!» есть ещё одна, леденящая душу, черта – подавляющее большинство нас тратят треть сво-

ей жизни на существование и оставляют всего около часа, может, около двух часов, на жизнь.

День семнадцатый.

Суббота; темное, как ночь, холодное, облицованное серой дымкой утро. Свет автомобильных фар острыми лучами въедается в плотную смесь влажного воздуха и устремляется вперёд, под наклоном, вверх и вниз, ровными линиями, словно на рисунке ребёнка.

Меня несёт вперёд длинный стальной ящик, наполненный разными, такими же, как и я, беспокойными душами, которые так же устремлены и ведомы импульсом «надо».

«Беспокойные души – эссенция самого существа», – проскакивает глупая мысль.

День восемнадцатый.

– Я найду тебя... я просто обязан найти тебя! Я помню твой голос, помню, как ты звучишь, и это самое главное!

– Уже спросил у всех друзей. Они сказали, что слышали тебя, твой голос, но не могут вспомнить, откуда ты появилась.

– Прошло так много времени, но ты упорно отказываешься покинуть мои мысли... скажи, почему? ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ ОСТАВИТЬ МЕНЯ?! Почему ты заставляешь ме-

ня продолжать поиски?

– Я уже истратил все слова, всю брань, что была у меня в запасе, в попытках обругать тебя, но все мои попытки были тщетными.

– Я отчаялся... уже отчаялся... но не могу освободить свои мысли от тебя.

– Внезапно услышал и побежал на звук твоего чарующего голоса... Мышцы ног горели, но я должен был продолжить движение, чтобы узнать твоё имя, узнать тебя! И вот я очутился в магазине, и там, на кассе, я подошёл к администратору и спросил, как тебя зовут... И он сказал название и автора.

День девятнадцатый.

– Что ты здесь забыл?

Глаза въедаются в меня, как клещи, что лезут под кожу.

– Решил зайти... Надеялся, что не встречу тебя, – говорю я, стараясь не смотреть в лицо.

– Ты не умеешь врать.

Физически чувствую давление со стороны.

– Я не вру. Здесь подают прекрасный профитроль и заваривают неплохой чай, – не поднимая головы, отвечаю я.

– Именно поэтому перед тобой мясная нарезка и полупу-

стая бутылка дряни?

Давление увеличивается, чувствую, как кровь приливает к лицу.

– Всему своё время. Не торопи меня, – произношу я и понимаю, что совершил роковую ошибку.

– Я не могу вечно ждать...

Голос звенит раскалённой сталью.

Не могу выдавить ни слова.

– Хватит изводить меня. И, кстати, это мой последний день здесь. Я увольняюсь.

Её голос звучит в отдалении, глухо.

Продолжаю молчать.

– Это наша последняя встреча, наш последний разговор.

Она отдаляется мерным стуком каблучков.

Уже много лет, в полной тишине продолжаю раз за разом вспоминать этот диалог.

День двадцатый.

Я знал о том, что такие люди бывают и что этой аномалии есть имя. Читал в романе Гюго о сообществе, которое окрестили «Компрачикос». Но раньше я никогда не встречал таких...

В романе его называли «Гуинплен» или «Человек, который смеется». В жизни это называется «Макростомия».

Я встретил такого мужчину на улице, и внутри все замер-

ло. Никогда раньше не думал о том, что встречу нечто такое, что сможет погрузить мое нутро в состояние абсолютного холода. И ведь я понимаю – человек, который наделен этим недугом, не виновен! И я не прав, что не мог посмотреть на него, в его глаза... Но единственное, что я смог сделать в тот момент, – стыдливо уткнуть свой взор в серый асфальт и уйти в противоположную сторону. Теперь, видимо, этот поступок будет являться ко мне перед сном и лишать меня спокойствия. В очередной раз я был слишком слаб для этого мира.

День двадцать первый.

Цикличное повторение заученных до автоматизма действий лишает души, интеллекта, жизни. Остаётся лишь клацать определенные последовательности кнопок, чтобы достигнуть желаемого, необходимого результата... При этом думать не надо.

Нет надобности в том, чтобы мыслить, мечтать, стремиться. Есть лишь необходимость делать так, как написано в инструкции к механизму.

Можно назвать куклой, роботом... Железом, которого попадает в сборочный цех, откуда направляется в школу и дальше по конвейеру для получения необходимого минимума простых операций. Именно их предстоит выполнять до полного износа или окончания гарантийного срока и дальнейшей утилизации... Цикличное повторение заученных до

автоматизма действий лишает...

День двадцать второй.

Меня преследует чувство опустошенности. Оно наполняет меня до краев и заставляет чего-то хотеть... Чего-то... Абстрактного, далекого, не существующего, и это вожделение, это желание, оно сводит с ума. Заставляет искать... слепо следовать импульсу, который тащит, будто бы маньяк, наполненный составными частями боди-бэг, вслед за собой. Заставляет совершать ошибки и все равно двигаться, быть ведомым чувством опустошенности. И нет возможности избавиться от наполняющей меня чёрной дыры, нет ни единого шанса совладать с бесконечным пространством внутри моей души... Хотя нет, все-таки есть один метод! Но он подразумевает...

День двадцать третий.

Телефон молчит. Телефон уткнулся своим остывшим экраном в кафельный пол и молчит. Телефон ведет себя так, словно он – тело, что больше никогда не будет испытывать... Боль?.. Или же счастье?..

Я веду себя так же, как телефон, что впитывает в себя холод и стремится к полному опустошению ёмкостного контейнера батареи. Я лежу на кафельном полу коридора своей квартиры и всматриваюсь в рисунок, расплывающийся в глазах из-за слишком короткой дистанции. Я могу встать, могу

перелечь на кровать, но продолжаю лежать на холодном кафельном полу и молчать так же, как телефон, что символизирует мое тело, которое пока что способно испытывать... Счастье?.. Или боль?..

День двадцать четвертый.

Я понял... Я всё понял... И стало легче. Стало так приятно внутри. Теперь, с этого момента, я могу смотреть на самого себя и принимать свою душу, свое тело и свою натуру. Я вижу то, чем стал, то, во что я превратился. Кто-то скажет, теперь ты – неживой, кто-то назовет меня «пустой»... так сказать, «полый сосуд», который больше не хранит в себе ни любви, ни тоски, ни страха, ни сожаления. Я – нечто новое в этом старом мире.

Со мной общаются люди. Они окружают меня разноцветными точками на экране моего существования, и в этом есть что-то прекрасное. Они так заинтересованно слушают то, что я им говорю. Как будто им действительно есть дело... А еще мне понравилось, как обо мне отозвалась одна особа.

– Какое-то «рациональное безумие», – сказала она и посмотрела на меня большими глазами, наполненными отвращением и непониманием. Внутри меня все вскипело от наслаждения, я облизнулся.

– Безумие и есть рациональность. Безумие фокусирует. Безумие – шоры на глазах.

Услышав это, слушатели засмеялись, и лишь девушка

продолжила внимательно наблюдать за мной... теперь она тоже... больна.

День двадцать пятый.

Бесконечные ряды уносятся вперёд разноцветными коробочками. Меня несут сквозь пространство основной инстинкт, список и нужда. Я в постоянном поиске выгоды... даже понимая, что выгоды нет. Понимая, что выгода – удобная иллюзия для обывателя.

Моё тело изнашивает от усталости, но сознание не позволяет уйти до того момента, пока не будет урван самый лучший кусок. Я напоминаю себе падальщика, что кружит вокруг мяса и ждет своей очереди. Если повезет, то получится полакомиться второй свежестью, вторым сортом.

Я сам – второй сорт... не совсем мусор, не до конца отброс. Всего лишь никто, застрявший в гипермаркете.

День двадцать шестой.

Мне долгое время казалось, если я буду оставаться один, мне будет проще жить, но жить было скучно. Потом, потихоньку втягиваясь в липкие узы социума, я начал чувствовать счастье. Оно пронизывало меня тончайшими лучами, и я считал, что это – рай. Так было недолго, так было до первого столкновения интересов, взглядов, так было до первого ножа в спину от, казалось бы, ставшего близким человека. И я вновь закрылся, вновь предпочел скуку и тишину. Она не

била, она не жалила, она просто существовала вокруг, она просто была внутри. Но эта скука рано или поздно точно сведет меня с ума. Она заставит меня вновь окунуться в гнилой кисель социума, вновь почувствовать боль и вновь вернуться в стабильную апатию.

День двадцать седьмой.

– Эй! Эй, мистер! Эй, мистер найс-гай! – услышал я тоненький, но, несмотря на это, очень приятный девичий голосок. – Эй! Мистер! – она все же заставила меня покинуть собственные мысли и обратить внимание. – Мистер! Вы не могли бы подвинуть свои габариты в сторону, дабы прочистить проход? – сказала она нарочито задиристо, и я понял, что встал по центру узкой улицы и перегородил собой весь проход. Это меня несколько смутило, и я с глупой миной отодвинулся.

– Эй! Мистер найс-гай! – она специально использовала английские слова и улыбалась светящейся улыбкой. – Улыбнитесь, мистер!

Девушка прошла мимо, оставив меня обескураженным наблюдать за своей легкой походкой.

– Улыбнитесь, – прошептал я, – мистер, – голос трещал, как у старика. – Но мне нет и тридцати, – я смотрел на девушку, возраст которой застыл между восемнадцатью и двадцатью, – а я уже успел стать «мистером».

Я постарался улыбнуться, но уголки губ сами по себе поползли вниз.

День двадцать восьмой.

Мой день начинается с завтрака, затем тяжелая тренировка в спортзале. Потом тесная камера общественного транспорта до рабочего места, где я приму несколько круглых концентратов антидепрессанта, чтобы дотянуть до конца этого дня. Дальше меня ждет еще одно погружение в массу негатива, скованную стеклом, пластиком, дешевой тканью и тонкой сталью... приготовление ужина, прием пищи в тишине...

– Я больше не могу!.. Больше не хочу слушать голоса людей!!!

«Тишина. Мне нужна лишь тишина, – думаю я и представляю то, как слова отражаются от покрытых штукатуркой стен. – Тишина. Мне нужна лишь тишина», – стараюсь концентрироваться на своих мыслях, пока соседи сверху выясняют вопросы о том, кто не помыл полы и кто бросил носки посреди комнаты.

День двадцать девятый.

В очередной раз меня уносит с периферии по тоннелям вен к самому центру тяжело дышащего города. Улицы, забитые жировыми бляшками автомобилей, сужены до критического минимума и с трудом пропускают сквозь себя таких же, как и я, спешащих. Лёгкие осадки сгущают общий поток, отчего транспортные артерии окрашиваются красным.

Всего два места, которые необходимо посетить. Всего два

дела, общей протяжённостью в десять минут, которые необходимо сделать. Всего двумя бесценными часами моей жизни будет оценена эта многозначительная поездка. И так каждый день.

День тридцатый.

Медленная, вязкая апатия выгнала меня из дома и заставила стирать подошвы ботинок о разбитые дороги районов. Она вела меня за руку, сквозь холод, сквозь звуки ночных дворов, сквозь мерзкий, плотный туман бастиона тяжелых снов.

Я наблюдал за фигурами, прятавшими лица под плотной тенью капюшонов. Всему миру они объявляли о своем политическом протесте словами «Политика – профессиональная ложь», карикатурными рисунками сильных сего слабого мира в изогнутых экранах, что больше напоминали кривые зеркала.

Я шел мимо оцененного избавления от одиночества, мимо кредитованного наслаждения, мимо узаконенного жидкого яда. Меня несло вперёд, и я думал только о том, что этот город лишь питает мою апатию... Что этот город не способен избавить меня от вечного настроения «сплин».

День тридцать первый.

Утро. Заснеженная метелью дорога. Суббота. Хочется послать все. Проклясть. Не двигаться. Но меня несёт по зане-

сённому асфальту.

Холодно. Давно не было так холодно внутри. Наверное, это затянувшаяся зима так влияет на меня. Возможно, это долгий февраль, препятствующий оттепели, так влияет на меня. Возможно, дистанция, разделяющая меня и ту девушку, от которой пахнет медом и дымком, разрывает меня изнутри! И чем больший интервал времени и пространства простирается между нами, тем хуже. Возможно, даже не этот тяжелый февраль виновен во всем, возможно, причина скрыта в этой девушке... Точно, скрыта в этой девушке!

День тридцать второй.

Я люблю своих соседей, что живут этажом выше, а они любят ремонт, перестановку мебели и выяснение отношений. Они любят громко признаваться друг другу во взаимной, в великой, не знающей границ ненависти друг к другу. Они могут начать бить посуду, или же их собака внезапно обнаруживает портал в другой мир, и расположен он в действительно аномальном месте, так как каждый удар когтей по бетону отдаётся в моей квартире громким жестким скрежетом.

В скором времени на моей стене появится доска. На неё я буду клеить листы, обрывки, обрезки с разными вариантами того, как можно стучать, греметь, скрестись им в ответ. В самом верху будет надпись: «Начинать после полуночи».

День тридцать третий.

Я увидел, как она написала: «Все оттенки моего уныния». И понял – этот человек близок мне. На фотографии девушка держала букет белых цветов. Я в цветах ничего не понимаю, поэтому не придавал значения... И был не прав.

– Привет... – отправил я короткое сообщение.

Меня взяла в плен моя нерешительность, и в диалоговом окне повисло одинокое сообщение.

Прошло время, и я получил ответ.

– Может, хочешь купить тот букет? – появилось на экране – За... денежных единиц страны грустных, – написала она, а меня вновь прошибло.

«Она слишком хороша, – подумал я и решил, что нам ни в коем случае нельзя встречаться. – Мы погрязнем в тугой субстанции беспросветного отчаяния», – понял я...

Да, я купил тот самый букет, расплатившись с доставщиком купюрами «страны грустных».

– Что за цветы? – спросил я у парня в фирменной футболке лавки флористов.

– Это розы, – ответил он, вежливо попрощался и покинул мою жизнь, а я залез в сеть, чтобы найти значение.

– Белые розы – это символ... тоски, – прочел я, и тонкая улыбка появилась на моем лице.

День тридцать четвёртый.

Букет белых роз долгое время стоял на подоконнике. Я ждал тот момент, когда все лепестки опадут, оставив после

себя лишь сухие стебли, символ былой силы – символ жизни. Ежедневно отклоняя штору в сторону, я проверял, как они там... а они продолжали стоять и выглядеть так, будто бы атмосфера «страны грусти», проникающая сквозь тонкую оболочку стекла, питает их, наливает бархатным оттенком белого.

Так прошло сначала несколько дней. Так минула неделя. Так, по своей великой безалаберности, я пропустил месяц, продолжая изредка блюсти состояние этих цветов и не касаясь их. Я думал, что в них заключена магия... что эта магия провоцирует меня на нерешительность.

День тридцать пятый.

Я поглощаю тишину ложками. По этой причине в моем неприступном оплоте из нескольких стен преобладает тотальное молчание. Здесь, за шторой, скрывается букет цветов, к которым я никак не могу притронуться из-за нависшей надо мной моей нерешительности... Будто черный худи, надеваю ее поверх себя по утрам и прячу голову в глубоком капюшоне.

Лишь регулярные перепалки соседей сверху вдыхают пыль в слипшиеся легкие моего существования, разгоняя немоту, заставляя вновь отодвинуть штору и посмотреть на прекрасные, белые, нетленные цветы в бутылке из-под жидкого яда... Они продолжают бороться с самой жизнью, ведь прошло уже слишком много времени, вода, скорее всего, за-

цвела, и они должны были погибнуть давным-давно... Цветы Шрёдингера впитывают в себя мою тоску и атмосферу грустной страны и остаются такими же сильными, как моя нерешительность.

День тридцать шестой.

– Привет, – совладав с собой, я решился написать ей еще раз. Я написал и тут же соединил монитор с клавиатурой... Внезапно мне стало страшно. Сам не знаю почему.

Прошло несколько дней, прежде чем я проверил входящие, и там, как и ожидалось, был ответ, состоящий из одного короткого слова и присовокупленного к нему знака препинания.

– Чё? – содержало в себе ответное от неё сообщение.

– Почему белые розы? – написал я и посмотрел туда, где с другой стороны штор, в пустой бутылке из-под самого дешевого яда, продолжал впитывать энергетику хмурых лиц застывший во времени букет цветов. – Почему именно они? – простучал я по клавиатуре и вновь поймал приступ паники. Пластик громко клацнул, оборвав единственные лучи света в комнате. Еще несколько дней после этого я не мог проверить входящие из-за страха перед тем, чтобы узнать... Теперь Шрёдингер поселился не только на подоконнике, но и в моем ноутбуке.

День тридцать седьмой.

Внезапно все приобрело смысл. Он обрел смутный облик ожидания. Моя нерешительность дрогнула под прессом любопытства и сдала свои позиции... Ровно как и паника. Но две петли, ослабившие свое давление, дали место третьей, более опасной.

– Просто, – вот каким был ее ответ.

– Как это «просто»? Просто так ничего не бывает! Что ты имеешь в виду под этим своим «просто»?!

Перечитывая ее ответ, я практически кричал на экран ноутбука. Для меня это казалось nonsensом, бессмыслицей, глупостью. И тут случилось то, что случилось. Я почувствовал давление на своем горле... Начал задыхаться от сдавившей подреберные мешки для воздуха паранойи.

«Она написала это специально... Она знает меня! Точно! Она меня знает, и она специально появилась на горизонте моей тоски, чтобы свести меня с ума», – сидя на полу, в углу, обхватив руками колени, я раскачивался и думал об этом... Думал... Думал... И задыхался... Вдыхая густой кислород страны тоски.

День тридцать восьмой.

Наконец-таки мое тело приспособилось. Теперь я могу нормально дышать. Мои нерешительность и паника приняли в свои ряды третью черту. Теперь я и ее ощущаю постоянно. Мне кажется, что за мной наблюдаю... наблюдает она. И это становится прекрасным поводом покончить с цветами Шре-

дингера, что по сей день жадно всасывают в себя квинтэссенцию человеческой тоски, находясь в сосуде, что является одним из символов деструктивного быстрого счастья.

– Пора с вами прощаться, – произношу я полусшепотом, после чего моя рука хватает не бутылку, а один из бутонов. – Слишком долгое время я сгорал, тлел от интереса перед тем, как вы можете оставаться живыми, – произношу я, пока рука тянется к погрузившемуся в Лимбо великолепию, символизирующему мою тоску.

День тридцать девятый.

– Они... высохли... – шепчу я, сжимая застывшие во времени и пространстве белые розы... символ бесконечной тоски. Я слышу треск. Лепестки ломаются под моими пальцами. Они старательно впиваются острыми краями осколков в кожу рук, но этого недостаточно, чтобы остановить меня.

«Они высохли!.. – думаю я и стараюсь понять, когда это произошло. – Это случилось в первую неделю или... позже?» – мысли в голове стрекочут роем цикад.

Стук в дверь возвращает меня в комнату. Я очищаю руки от сухих обломков.

– Сейчас! – кричу я, получая наслаждение от уровня децибел, испускаемых моими легкими и голосовыми связками. «Интересно, кто там?» – думаю я за секунду до того, как отворить замки, предусмотренные конструкцией двери.

День сороковой.

Я выбрал свой путь проснуться и открыл глаза. Путь выбрал совершенно осознанно, совершенно оправданно... Я проснулся с саднящим от чувства тоски сердцем. Вчерашний вечер стал для меня взрывом внутренностей и разбросом кишок по концентрированному пространству квартиры.

«Звонок в дверь... доставщик из лавки флористов... будто бы она следит за мной... будто бы она видит каждое мое движение, – думал я, лёжа на спине и впиваясь в подвесную крышу комнаты. – Она прислала мне... латук? Салат?..»

Я посмотрел, на языке цветов салат – значит «Холодное сердце». Я все-таки смог уснуть этой ночью, смог провалиться в густую тьму сна, смог пробиться сквозь плотную завесу мыслей, чтобы пройти сквозь неё вновь и восстановить состояние паранойи.

«Она видела то, как я уничтожаю бутоны, или же она знала о том, что я это сделаю?» – думал я, вспоминая о сообщении в социалке, которое пришло от неё спустя несколько минут после цветов.

– Это тебе, – написала она, не поставив точку в конце предложения.

День сорок первый.

«Мне остаётся завидовать свободе облаков», – я стоял на улице и смотрел в налитое осмием небо. – Я так хочу стать облаком и быть ведомым ветром судьбы», – думал я, всмат-

риваясь в белые, как снег, облака на фоне серо-голубого неба. – Как же я хочу, подобно этим островкам, продуктам конденсации водяного пара, пролетать над нашим тусклым городом и нестись прочь», – думал я, чувствуя слабый запах хлора, смешанного с аммиаком.

Накануне вечером я написал той девушке: «Холодное сердце?» – и просидел в углу до утра, обняв колени и смотря в мерцающий монитор на столе. Я боялся увидеть то, что она напишет. Множество разных голосов, которые я никогда раньше не слышал, шептали мне, просили выключить ноутбук... но я не мог двинуться с места. Страх и любопытство сковали мои отростки рук и ног.

День сорок второй.

– Холодное сердце? – написал я ей и замер в ожидании ответа так, как замирает рогатая ящерица, ощущая опасность. Я просидел так до утра, и лишь первые лучи солнца смогли разрушить сферу окружившей меня сомнамбулы. Тогда я смог подняться с пола, подойти к ноутбуку, что тусклым светом давил на мои исполосованные сосудаи глаза. Я смог выйти на улицу и вдохнул кислород, наполненный хлором и аммиаком, вырвавшимся вслед за мной из пропитанного этим мерзким составом подъезда. Мне это напомнило протухшую редьку... не знаю почему.

«Холодное сердце?»

«Когда она ответит?»

«Почему Холодное сердце?»

«Почему салат... или латук?»

«Что это значит на самом деле?»

Я слышал расслоившиеся, как слоеное тесто, голоса в голове.

«Я стою на пороге психоза», – прозвучал мой голос среди других шепчущих мне голосов.

День сорок третий.

В последний раз взглянув на мутное небо, полное низких и тяжелых облаков, я двинулся вперёд. Мои ноги несли меня к совершенно конкретному адресу. Я знал того, чего я хочу... наверное, впервые, за все минувшие с момента появления на свет годы. Я хотел увидеть её своими глазами и узнать, для чего она прислала мне салат?! Ведь это глупо, ведь в этом нет никакого смысла, ведь она не могла узнать о том, что я наконец-таки уничтожил белые розы, что стояли у меня на подоконнике.

– Она не могла знать о розах, – незаметно для себя я прокричал это, и прохожие, с сонными, опухшими, несчастными лицами отскочили от меня и посмотрели со страхом, непониманием, презрением.

«Иди... иди к ней... иди скорей» – бесконечным эхом разверзлись голоса в моей голове.

«Неужели я на пороге психоза?» – единственный мой голос прорвался сквозь туман иллюзий.

День сорок четвёртый.

Я стою на пороге лавки флористов и не могу сдвинуться с места. До этого я был полон решимости разобраться со всем, а сейчас... ко мне вернулась моя нерешительность. Поэтому я стою и пялюсь на входную дверь как баран на новые ворота. Я надеюсь, что к ним придёт посетитель, откроет двери и в образовавшийся просвет я увижу ту девушку. Я надеюсь, что это послужит для меня импульсом к началу движения, к преодолению стены своей нерешительности.

Мне пришлось ждать... не знаю, сколько времени... по ощущениям, ни час, ни два... интервал длиною в вечность, хотя, я уверен, на самом деле прошло не так много времени. И вот дверь отворилась вместе с зашедшим посетителем, но той девушки я не смог увидеть. От этого стало спокойно внутри, и у меня получилось проследовать в небольшое душистое помещение, где молодой мужчина сказал мне: «У нее сегодня выходной».

«Беги отсюда...»

«Останься и узнай, где живет!»

«Возвращайся домой».

«Ты уверен?»

«Ты точно хочешь последовать этому пути?»

Мой психоз вновь разыгрался не на шутку.

День сорок пятый.

Я чувствую невесомость. Всего несколько мгновений я чувствую легкость... все несколько миллисекунд я не чувствую груза своего тела, лишь только бесконечность души. Я... лечу... вперёд головой. И готовлюсь к жесткой встрече моего лица и холодного асфальта. Положение сего тела относительно земли не строго параллельно. Под наклоном я стремлюсь вниз. В мыслях вакуум.

Жёсткое столкновение. Несколько долгих сантиметров боли. Остановка. На короткий промежуток времени потеря связи со страной грусти. Затем влажное, густое, тёплое соединяет мою голову и смесь битумов с минеральными веществами, такими как гравий и песок.

«Надо было уйти...»

«Зачем ты настаивал?»

»Не нужен тебе её адрес!»

«Почему ты такой идиот?»

«Вставай...»

«Узнай, где она живет!»

«Уходи прочь»

Я вновь чувствую тяжесть своего существа. Пытаюсь подняться... гравитация прижимает.

День сорок шестой.

Кое-как плетусь домой с разбитым лицом и капающей на воротник белой рубашки кровью. Мой внешний вид привлекает к себе взгляды отвращения, взгляды сочувствия и жа-

лости. Грустные лица внимательно изучают меня, отчего я лишь выше поднимаю испачканный алым ворот и закрываю счесанную часть лица. Я стараюсь как можно скорее вернуться домой и обработать рану.

«Идиот...»

«Умалишённый...»

«Скорее... скорее!»

«И там, дома...»

«Ты напишешь ей!»

«Да-да-да! Ты напишешь ей, чтобы узнать!»

«Ее адрес...»

«Как же так случилось, что я могу думать только о ней? – пробиваются мои собственные мысли сквозь пелену призрачных голосов. – Как же так случилось, что я хочу думать только о ней?»

«Да!..»

«Только».

«Только...»

«Только... о ней...»

«О ней...»

«О холодном сердце!»

– Заткнитесь! – злобно шепчу я, вновь привлекая к себе внимание ротозеев.

День сорок седьмой.

Я написал ей короткое сообщение «Как тебя найти?».

Я просидел перед мерцающим монитором, променяв свой уютный угол и холодный кафельный пол на непривычный офисный стул, а дистанцию – на короткое расстояние от ноутбука. Ждать ответа пришлось недолго.

– Для чего? – написала та девушка.

– Я хочу увидеть тебя! – был мой ответ – и вновь тишина. Я стучал по клавишам, исполняя танец пальцами. Я делал это в надежде немедленного ответа... пришлось ждать несколько часов. Все это время я слушал мерный стук метронома часов и считал удары. Несколько раз сбивался, начинал сызнава, но продолжал считать каждый удар.

– Этого не хочу я... – увидел я заветный ответ, который пронзил меня насквозь.

– Но почему? – тут же простучал я и был вынужден вновь замереть. Меня не смущал тот факт, что я не отправился на работу, меня не волновал постоянный звон мобильного телефона, меня даже не интересовал мой внешний вид и возможное заражение драной раны на лице. Все, что я хотел, получить ответ!.. И не только я... психоз тоже замер в молчании.

День сорок восьмой.

– Мне это неинтересно.

Вот какой ответ я получил через... не знаю сколько. Я даже успел вернуться к привычному образу жизни, полному социопатии и, на фоне этого, антропофобии. Вечера я про-

водил перед монитором и ждал... ждал... ждал... ждал... в молчании.

Я вернулся на работу и рассказал сказку о внезапной сильной болезни и о том, что я спал долго и не слышал трезвонящего телефона. Повезло, поверили. Но пригрозили, что больше такого терпеть не станут.

Все вернулось на круги своя. Практически все вернулось. Мой психоз не вернулся в небытие, а остался со мной и теперь активно принимал участие в жизни. Теперь я выслушивал длинные речи о лицах, запятнанных черными мешками под глазами.

–Такова жизнь в стране Грустных, – отвечал я и слушал то, как психоз затихал... даже он не давал мне ответов сразу.

День сорок девятый.

– Мне это неинтересно, – прочёл я с монитора ноутбука, и внутри щелкнуло. И почувствовал, как все живое, что успело зародиться во мне, уходит, как вода в сливное отверстие. Я остро ощутил формирование спирали водоворота и то, как он уносит мои органы, выдирая их со своих мест, и я почувствовал оставшееся в гордом одиночестве сердце, заполнившее собой всю полость. Оно мерно билось, отчего все тело содрогалось, а боль была невыносимой по причине увеличившихся объемов мышцы.

– Почему?

Трель клавиш прозвучала в атмосфере ругани соседей

сверху. Рука автоматически дернулась, чтобы отправить сообщение, и замерла от дрожи.

«Нет!»

«Да!»

Оживилось мое расстройство сознания, оглушительно заорав в равной пропорции голосов с обеих сторон.

День пятидесятый.

Я вышел на улицу и пошёл. Мои ноги работали до того момента, пока я не почувствовал боль и жжение, но и тогда я не смог остановиться и продолжил своё движение вперёд. В какой-то момент истощенные мышцы, до предела залитые молочной кислотой, содрогнулись, и я упал. Так к разодранному лицу прибавились раздолбанные в мясо ладони. Сидя на тротуаре, упершись саднящими руками в холодный ночной асфальт, я смотрел на звёзды и слушал пение голосов, поселившихся в моей голове.

– Как же прекрасен этот вечер... – прошептал я, смотря на точки звёзд.

«Как ужасен и как прекрасен я этим вечером, – думал я, ощущая боль в ногах, теле, разбитых руках и лице.– Как же прекрасен этот мир!» – я улыбнулся, поняв, что терять нечего.

День пятьдесят первый.

«Я понял!.. Я понял... Мечты, они как корм для ско-

та, только предназначенный для человека...» – подумал я и с огромным трудом, через боль, через усталость, поднялся с холодной поверхности смеси битумов и направился туда, где, по моим подсчетам, был мой дом.

Светало. Я достал телефон. По счастливому стечению обстоятельств заряд сохранился ровно на столько, сколько хватило бы на один звонок.

– Алло, шеф? – спросил я, услышав грузный, заспанный голос. – Я опоздаю. В больницу надо, – сказал я и услышал эхо своего голоса в отражении сотовой сети.

«Вот бы никуда сегодня больше не идти, – мелькнула мысль, пока начальник распинался хрипящим со сна голосом. – Лишь вернуться домой, смыть кровь и грязь и отвлечься от боли при помощи медикаментов, – думал я, не принимая в расчёт смягчившегося голоса начальника. – Вот я и сыт... будто бы скотина...»

– Да, шеф... опоздаю буквально на час, может быть, на два. Отработаю сверхурочно, – пришлось сказать под давлением Дамоклова меча.

День пятьдесят второй.

Не знаю, что со мной происходит. Каждую ночь я выхожу бродить по холодным улицам страны Грустных, города, наполненного туманами и тоской. За время прогулок практически никого не встретил. Будто бы другие полуночные скитальцы существуют в параллельных Вселенных. Иногда,

очень редко, ощущается чьё-то присутствие, но и оно исчезает так же внезапно, как и появляется. Я чувствую ауру вторженцев так, как если бы готовился в драке... так, как ощущается секунда перед началом драки. А потом отпускает и становится так хорошо.

Моя нерешительность практически испарилась. Моя паранойя больше не звучит адреналиновым сердцебиением. Мой психоз... что ж, это то, что со мной осталось. Психоз и... желание встретится с той девушкой. Взглянуть ей в глаза и прошептать: «Холодное сердце» – после чего развернуться и уйти прочь.

День пятьдесят третий.

День за днём я получаю наслаждение от нового, обновлённого себя. Да, есть одна проблема – я практически не сплю. Да, есть одно печальное последствие – голоса в моей голове стали громче и навязчивее. Но это все не может сравниться с чувством свободы, которое я внезапно приобрёл в последнее время. Я прихожу на работу и ухожу из офиса с улыбкой на лице. Ведь у меня есть одна прекрасная тайна, о которой осведомлён только я... и мой психоз.

Эта тайна – откровение самого мира. Она заключается в том, что, падая на дно, возможно обрести себя истинного. Только почувствовав истинного себя, можно стать свободным и больше не бояться получить по лицу.

Кстати, это ещё одна проблема. После той ситуации, когда

меня выкинули из флористической лавки, я начал получать удовольствие от боли и теперь я ищу возможность получить подобную боль.

День пятьдесят четвёртый.

Я чувствую, как начинаю сживаться... привыкать к новому образу жизни, и пускай постепенно, но стремительно он теряет смысл. На смену восторгу приходит разочарование, и вновь где-то слева и чуть выше диафрагмы полость начинает наполнять пустота.

«Видимо, это моя судьба, – размышляю я во время очередной ночной прогулки. – Видимо, мне суждено находиться в вечном скитании, целью которого является поиск... поиск того, чем заполнить пробитую сферу целостности персонального бытия», – пинаю пустую пластиковую бутылку уже порядочно стёртым носком кроссовка и слушаю, как она бряцает, ударяясь о полотно дороги. Наблюдая за тем, как она преломляет и отражает редкие лучи, испускаемые фонарями.

«Страна Грусти... город Саднящей Тоски... И все это на планете, имя которой «Апатия», может быть «Сплин» или... нет... все гораздо проще. Планета Меланхолии – вот точное определение места, в котором я обрёл свой дом».

День пятьдесят пятый.

Уже несколько дней я наблюдаю асперитас. Наконец-таки

окружающие видят то же, что и я. Каждый считает своим долгом остановиться, посмотреть, ткнуть пальцем и промолвить лишённую смысла реплику. Ведь все и каждый видят одинаковое явление.

Наконец-таки я чувствую единение с социумом, с индивидами... и даже с самим собой. Ведь примерно так я ощущаю мир, антропогенсферу, себя... спрятавшегося в раковину множества раковин, как представитель асперитас, укутанный разнообразными слоями бытия.

«Наконец-таки мы видим одно и то же, – думаю я, но больше не смотрю на небо. – Вот и настал тот день, когда вы, улитки с ворохом своего барахла, смотрите на небо, вобравшее в себя облака асперитас цветов никеля и хрома и восторгаетесь в тревожном предвкушении, – я слышу голоса людей, переливающиеся эмоциями. – Наконец-таки улитки рода асперитас вылезли из спиралевидных мыслей, сошедшихся в точке самолюбства, – мелькают мысли в голове. – Наконец-таки, я – один из вас».

День пятьдесят шестой.

Сутки... ещё одни... третьи. И все прошли во тьме. Во мраке, опустившемся на город Грусти, вместе с повисшим грозным небом, над пиками, шпилями и многогранниками зданий. Такое чувство, словно сумерки мыслей безрадостной толпы вырвались из-под сердец, покинули пристанища голов и душ и заполонили ббольшую часть кислородного пу-

звря атмосферы.

«Я больше не чувствую единения с людьми, окружающими в транспорте, офисе, гипермаркете и общественном туалете. Вновь чувствую потребность поиска и, видит бог, я готов пуститься в путь, – вот о чем я думаю, заполняя офисную машинку для приготовления кофе. – Это чувство чёрной дыры сосет под ложечкой и причиняет медленную, целенаправленную боль, которую я донесу с работы в квадраты стен квартиры».

Вот я захожу в типично-информативный, благодаря надписям, подъезд. Пешком, ибо так тяжелее, поднимаюсь на этаж, и там, у подножья двери квартиры, меня встречает корзинка с прекрасными цветами.

День пятьдесят седьмой.

Телефон, камера, щелчок затвора, пересылка полученного снимка на поисковой клиент, сравнение и поиск идентичных на вид вариантов. В результатах лишь букеты... приглядываюсь.

– Несколько видов... – понимаю я, прошептав мысли вслух. Теперь фотографирую каждый из видов и начинаю поиск сызнава.

«Синяя роза... обозначает «тайнство», обозначает «овладение звездой»! Далее аконит? Мало похож на цветок, но он тут есть, а тайный смысл – «мизантропия». О боже... Загадка становится все менее тяжелой для разрешения!» – вот о

чем я думаю, подробно фотографируя последний из цветов. Мысль о сложности поставленной передо мной задачи вызывает легкий приступ астмы, выраженный небольшой одышкой, как после пробежки в магазин.

– И напоследок, в корзинке есть колокольчики. Значение «думаю о тебе»... – прочитываю вслух, и дыхание окончательно перехватывают руки внезапно вернувшихся нерешительности и паранойи. Психоз взрывается тысячей голосов, орущих вразнобой. Я не могу ни дышать, ни остановить вой в голове. Стучу в грудь кулаком, чтобы спровоцировать себя на вдох, но не получается. В глазах начинает темнеть, а мозг разрывается от оглушительного эхо, размножившего тысячи голосов до миллионного числа.

День пятьдесят восьмой.

– Что ты хочешь от меня?!

– Ничего...

– Для чего эти цветы?

– Просто...

– Ты знаешь о том, что они значат?!

– Конечно...

– Так для чего ты мне их прислала?!

– Захотелось...

– Тебе нравится мучать меня?!

– Возможно...

– Почему ты... почему ты?!.. Для чего ты мне пишешь?!

- Интересно...
- Что тебе интересно?!
- Ответы...
- А-а-а-а!!! Чего тебе надо?!

Тишина... в мире Меланхолии в стране для Грустных, в туманном Альбионе Тоски, вновь воцарилась тишина, заняв свое почетное место на троне. Она вернулась в плохом настроении и привела вслед за собой облака асперитас. Так немая покровительница города, захлебнувшегося наземными клубами наполненного влагой воздуха, показала свое тяжелое настроение, свое огорчение, свою нелюбовь к тем, кто все это время нарушал её законы по соблюдению немоты.

- Встретимся?
- Нет...
- Почему?!
- Не хочу...
- По какой причине?!
- Страшно...

И вновь вязкая, тугая, звенящая, как после взрыва снаряда, тишина.

День пятьдесят девятый.

– Она... боится... меня? – через слово, с короткими паузами, произнёс я – Она... боится... меня... – повторил я

утвердительно, и паузы между словами сделал куда более короткими. – Она?.. Боится?.. меня?.. – прозвучала ещё одна заученная мной последовательность слов. Паузы были минимальными, но каждая буква, каждый минимальный звук содержал в себе вопрос, от которого жгло от холода внутри. Словно я получил обморожение души.

Ещё раз, так же трижды, я произнёс комбинацию в попытках осознать, принять или отвергнуть информацию, но не смог удержаться от того, чтобы в третий раз озвучить все тот же код.

«Боже, что со мной происходит?» – мелькнула мысль. Она была спровоцирована одинокими выкриками из моей головы.

«Обрати внимание на то, как ты произносишь!»

«Внимательнее!»

«Это и есть отгадка твоего нынешнего негодования...»

Я подумал и заметил повторяющуюся комбинацию. Короткие паузы, длинные, короткие. Короткие паузы, длинные, короткие. Короткие паузы, длинные, короткие.

– Кто-нибудь, спасите... наши... души... – одними губами беззвучно закричал я.

День шестидесятый.

Я выключил ноутбук. Отключил его от сети и бросил в дальний угол своего пенобетонного, своего панельного, своего маленького персонального Лимбо. Я разорвал практи-

чески любую связь с миром, и единственное, что у меня осталось, – механические действия для добывания жизненно необходимых грошей. Я просто посещал офис, просто отсиживался перед монитором и старательно делал вид, что мне не все равно.

«Наш разговор закончился... ничем?» – думал я, пока добирался на работу... думал я, возвращаясь домой, и в тот интервал, что разделял обе дороги. Я старался понять, почему и чего она боится.

«Чего она боится? По какой причине? Есть ли причина?» – задавался вопросами и тонул в догадках, как в глотке чая, попавшем «не в то горло». А самое смешно, я боялся сам.

«Это же так просто! – уговаривал я себя – Это же так просто! Написать «чего ты боишься?»! – я старался пересилить более глубинные чувства в себе. – Но мне было страшно спросить... мне страшно и спросить, и получить ответ на свой вопрос».

День шестьдесят первый.

Псевдоорганические соединения внезапно наполнили мое мировоззрение. Я вижу, как сокращаются трубчатые каналы. Наблюдаю за тем, как они пульсацией направляют массы в те или иные стороны. Я сам движусь в одной из таких трубок, подобно эритроциту. Я точно знаю о том, куда и для каких целей меня туда направляет туша, внутри которой и

которой я безропотно служу. Я в курсе своего предназначения, и мне это нравится.

Изредка я слушаю не имеющие смысла диалоги в своей голове. Еще реже – принимаю в них активное участие. Изредка я коротаю ночи на улицах, упорно стаптывая и стирая пятки кроссовок о полотно дороги. Изредка мне кажется, что мне не все равно...

Больше я не получаю от нее писем. Больше не пишу сам. Больше не пытаюсь найти потаенные смыслы. Мне хватает того бьющегося мира, внезапно ставшего состоять из псевдоорганики. Из нее состоят стены зданий. Они настолько тонкие, что можно слышать шепот соседей... что уж говорить о моментах ссор. По этой причине вместо бетона я вижу части живых организмов так, будто бы это животное, вывернутое наизнанку. Я вижу мир таким, каким его, возможно, видит Кроненберг... но мне не страшно.

День шестьдесят второй.

«Я – часть живой структуры. Я – часть организма. Я – муравей, я – трутень улья. Я – ворсинка на бесконечном пространстве вязанного свитера. Я – ничто».

Именно к этим выводам я прихожу каждый раз, как попадаю в один из желудочков центра своего города. Мои глаза сканером скользят по витринам, плакатам и билбордам и жадно впитывают в систему мозговых извилин все нечистоты. Эта грязь, этот мусор состоит из лейблов и логоти-

пов. Из навязанного организмом планеты Меланхолии образа счастья, в котором есть лишь пустота... в которой необходимо постоянно затыкать черную дыру собственного эгоцентризма.

Затем сокращение впрыскивает эссенцию из душ, уже не живых, но ещё не мертвых, во вторую полость, где необходимо оставить частички своих жизней, чтобы напитать сердце города Грусти, чтобы стабилизировать существование внутривакуумного шарика, наполненного тоской.

Далее я, и другие, и другие вместе со мной, и я вместе с другими, преодолеваем ещё два желудочка сердца города Грустных, вновь наполняя чёрные дыры квинтэссенцией нас... сканами изображениями манекенов.

День шестьдесят третий.

Мой ноутбук. Коллекция меня в форме небольшого пластикового коробка с внутренностями из схем и плат, из нолей и единиц, из сигналов устремляется навстречу живому. Таким образом я прощаюсь не столько с собой, сколько со своей жизнью. Таким способом я осуществляю ритуал освобождения от самого себя. Таким методом я уничтожаю мосты к копилке своего я.

Мой ноутбук устремляется в брюхо живого, шуршащего брюха реки. Он направлен одним из углов ровно вниз и скоро рассекает гладь воды своим корпусом. В скором времени я перестану жалеть о своем решении... о реализации своего

решения... об этом.

Люди, погрузившие свои лица в пустоты масок заинтересованности, делают вид, что им не все равно, в то время как я, открывший своё истинное, смотрю за тем, как пластмассовый угол продавливает упругую гладь и начинает погружение.

«Правильно! Молодец! Он тебе не нужен! Правильно! Молодец!.. – мой психоз радостно кричит. – Ты принял своё Холодное сердце!»

«Проклятье...» – раздаётся тихий голос моего рассудка.

День шестьдесят четвертый.

Я чувствую удушье. Чувствую, как нутро не наполняется смесью газов азота, кислорода, аргона, водорода, углекислого и прочих. Ощущаю, как мозг требовательно стучит по поверхности своей коробочки.

Я чувствую влагу. Ощущаю холодную белую поверхность умывальника под своими ладонями. Чувствую холод, проникающий внутрь кожи лица и обжигающий щеки, губы, нос, веки и проникающий даже сквозь белки и радужки глаз.

Основной инстинкт начинает свое действие. Рассудок глушит его, но легкие и диафрагма уже дергаются в судорогах. В попытках наполниться живительным ядом, необходимым для поддержания внутреннего пламени. Но я старательно сопротивляюсь и продолжаю держать лицо под водой.

Это не попытка совершить глупость. Это лишь необходи-

мость, которая запускает полый, фиброзно-мышечный орган из четырех камер, что заставляет его двигаться быстрее и вырабатывать адреналин. Я ощущаю это, но, при наличии ощущений, не чувствую ровным счетом ничего... начинает темнеть.

Долгий, тяжелый вдох сквозь хрип. Дождь из брызг. Разворачиваюсь, сажусь на кафельный пол. Стараюсь отдышаться. Вода стекает с волос на лицо и ниже. Глаза по-прежнему закрыты.

«Ничего... совсем ничего... вообще ничего!»

«Ничего...»

«Пустота!..»

«Вакуум!»

«Небытие внутри...»

Психоз раздраженно начинает свой спор, разделяясь на приверженцев двух лагерей. Первые – те, кто поняли то, для чего я сделал то, что сделал. Вторые – те, кто осуждают поступок... а я... опечален тем, что не смог доказать себе теплоту собственного сердца.

– Не чувствую.

Кадык медленно подпрыгивает, после чего я поднимаюсь с пола, вновь уставившись в гладь холодной воды.

День шестьдесят пятый.

Раз за разом я пытался вызвать из-под ребер хоть какую-нибудь эмоцию, но лишь новыми порциями воды зали-

вал пол ванной комнаты. Теперь уже не только аш-два-о была на мягком, но холодном коврик. Еще и кровь, выпавшая осадком к моим ногам, волнами расходилась в разные стороны. Несколько раз я «передержался», несколько раз я слишком сильно возжелал почувствовать хоть что-нибудь и потерял связь с реальностью. Тело моментально расслабилось и обрушилось вниз, встречая головой закругленные края раковины, стиральной машинки, ванной. Я возвращался с ощущением боли на лице, с шишками, набитыми в разных частях головы, с теплым бульоном из телец разного цвета, спускающимися и осыпающимися редким дождем на море Уэдделла... к моим стопам... из разбитой кожи, между бровью и виском.

Слышу стук в дверь, но не иду открывать. Вместо этого еще раз ныряю в водоем в белой фарфоровой чаше. Звуки из прихожей становятся далекими, приглушенными, приятными.

«Всплывай!»

«Выныривай!»

«Мы хотим жить!» – в очередной раз бьется в панике мой психоз. Теперь он действительно чувствует опасность и считает потраченные на нырок секунды.

«Уже слишком долго!»

«Воздух!»

«Дышать!»

Слушаю голоса, которые становятся все дальше, все глубже, все тише и все более низкими. Раздается треск из коридора, и это последнее, что я успеваю услышать в отблеске крана, за который цепляется макушка.

День шестьдесят шестой.

– Здравствуйте... меня... меня зовут... а это точно необходимо? – выдавливаю из себя слова, старательно не поднимая головы и всматриваясь в мерзкий рисунок полового покрытия, физически ощущая взгляды неудачников, сидящих по обе стороны и смыкающими круг.

– Да! – блевотный, воодушевленный голос пробирает меня волной презрения к его владельцу. – Это часть лечения! Это составная ВАШЕЙ реабилитации.

– Меня... зовут... – откашливаюсь, чтобы не произносить своего имени. – Да... и у меня депрессия, – замолкаю я, но не мой психоз, который откровенно ржёт и взрывается мириадом пистонов.

«Ну, хорошо, – неуверенно произносит засранец, которому якобы не все равно. – Давайте поаплодируем нашему новому другу – он даже не похож на человека. На нормального человека. Он не выглядит как обыватель... как наполнитель города Грустных на планете Меланхолии... потому что у него нет мешков под глазами... и этот мерзкий, мотивирующий голос...»

– Кто следующий расскажет нам о себе?

Он лыбится так, что хочется врезать ему по зубам.

День шестьдесят седьмой.

Я должен смотреть так, словно понимаю то, о чем твердит белохалатник. Я обязан выглядеть так, словно мне есть дело до его слов и замечаний. Меня склоняют к тому, чтобы быть, как сидящие в этом кругу. Но я не хочу быть, как они, и я не хочу называть своего имени, и до сих пор мне это удаётся. На всех этих собраниях, призванных для открытия себя и рассказов о себе... рассказов... рассказов... я откашливаюсь и выдавливаю сквозь зубы несколько отрешённых, ничего не значащих предложений, но я даю этой нахальной роже во главе терапии то, что он сможет записать в мое дело и быть довольным своими действиями.

«Ешь... жри... давишься моей ложью... наслаждайся ей!» – думаю я каждый день в пять часов вечера, соглашаясь с тем, что я пытался покончить с собой... но ни он, ни кто бы то ни было другой не поймёт, что я вновь хочу почувствовать что-нибудь... ХОТЬ... ЧТО... НИБУДЬ!

День шестьдесят восьмой.

«Ладно... ладно... давай заново... я – всего лишь грязь на лобовом стекле вечности. Ведь так? Ведь все то, что я совершаю в процессе своего существования, в конечном итоге – тщетность самого бытия... ведь так, да? И вот теперь ты скажи мне: «Как жить с этим?» Ты можешь возгораться

в пламенных речах о моей неправоте, но запомни одно: ты был, есть и всю жизнь будешь бояться, до самого последнего сокращения мышц, в котором ты ничего путного, не считая боли, не почувствуешь. Даже пресловутого облегчения не почувствуешь, ведь твоя... да и жизнь в целом – это НИЧТО!» – вот то, что я хочу сказать на самом деле.

– Ладно... ладно... – в который раз сообщаю сидящим о том, что меня зовут *кхе-кхе-кхе*, – изображаю тяжёлый, раскатистый кашель и в действительности начинаю ощущать на языке несколько небольших комочков мокроты – Я был не прав в своей попытке... – отмалчиваюсь, так как не собираюсь врать как минимум самому себе. – Сейчас я все осознал и понимаю, что долгое время находился в состоянии глубокой депрессии. – Психоз мерзко хихикает, отчего приходится сделать небольшую паузу, сделать глубокий вдох и сделать долгий выдох. – Сейчас я чувствую себя гораздо лучше. Можно сказать, что я нашел для себя смысл жизни и это – Сама Жизнь.

Стараюсь выглядеть так, будто бы верю тому, что говорю.

День шестьдесят девятый.

«Улыбайся... продолжай улыбаться, – твержу я сам себе, все больше стараясь соответствовать зомбированным кретинам, окружающим меня. – Надо улыбаться... только так я смогу покинуть это проклятое место! – мышцы скул, щек и губ уже перестали болеть от нагрузки, зубы уже перестали

болеть от нагрузки. – Улыбка как средство, как ключ от той клетки, в которой я сижу вместе с обезьянками, усаженными на мины собственного безумия».

– Меня... кхе-кхе... зовут... кхе-кхе... ай-я... да! И я чувствую себя превосходно.

Если бы они старались увидеть дальше собственного носа, они бы поняли, что я скрываю усталость и презрение к ним, хомячкам с промытыми мозгами.

– Я сам себя не понимаю! Как, буквально несколько дней... недель назад... я мог подумать о том, чтобы отказаться от этого прекрасного, светлого мира! – вот что я вынужден сказать, даже несмотря на графитовый оттенок внешнего мира. – Та непогода, которая сегодня спустилась на наш чудесный город, лишь временное ненастье, и скоро выйдет солнце! – сдерживаю комок, подступивший к кадыку.

«Даже если выйдет солнце, цветовая схема тёмно-графитового, ртутного оттенка никуда не денется и будет провоцировать других жителей планеты Апатии к тому, чтобы платить белохалатникам и так же сидеть в мерзких кружках взаимопогребения в жалость к себе и окружающим», – думаю я, пытаясь выдавить из себя что-то типа: «Спасибо за ваше внимание!»

День семидесятый.

Скука и усталость... скука и усталость... скука... усталость... препараты, которыми меня пичкают пять раз в день

после каждого приема пищи... точнее, того, что принято здесь называть пищей. Меня закармливают и насыщают скукой и усталостью. То есть тем, что само подталкивает к тому ошибочному диагнозу, который мне поставил... улыбчивый белохалатник, которого я... презираю.

Скоро меня выпустят. Поставят на большую белую бумажку, большую синюю печать и выпустят на просторы планеты Меланхолии. Это сделают с чувством победы, с чувством спасённой жизни, с ошибочным чувством помощи. Но мне до этого нет никакого дела. Единственное, от чего я хочу избавиться: скука и усталость. От этого я всегда хочу избавиться. Но сейчас, в этом месте, я готов на все... даже на поступок, ошибочно прописанный моим диагнозом... но об этом нельзя ни говорить, ни, тем более, думать. Особенно в этом месте! Где за мной ВСЁ следит, и это ВСЁ способно подслушать даже мой психоз, что не затыкается ни на единую минуту.

День семьдесят первый.

– Ну, что ж...

Он внимательно изучает мое дело. Медленно, с садистским наслаждением, переворачивает листочки и смотрит... смотрит... смотрит. Уверен, это его способ получить удовольствие, это его – эрогенная зона.

– Ваш наставник считает, что вы преодолели свои проблемы, что вы смогли избавиться от навязчивых идей и что ва-

ша депрессия растворилась в жизнерадостности. Это так?

Он поднимает глаза и теперь исподлобья смотрит на меня так, будто бы я – кусок мяса, а он – циничный мясник над тушей редкого существа.

– Что вы сами думаете о вашем, – выделяет обращение ко мне, – состоянии? Вам лучше? – Вновь смотрит в мое дело. Его не смущает ни тишина, ни даже мое присутствие. С таким же успехом он мог бы общаться с пустым местом... в его представлении я – пустое место. Так что головоломка складывается удачно.

– Нет, я готов утопиться в ложке супа! – с сарказмом отвечаю я. Зрачки сидящего напротив показываются из-за папки.

– Шутим-с? Это хорошо...

Замечаю объемы мешков под его глазами.

– Свободен!

Он ставит печать и автограф, а я становлюсь на путь возвращения домой.

«Этим местом правит такой же, как и я... псих...» – проскакивает мысль, которую я стараюсь спрятать как можно глубже, думая, что в этом месте прослушиваются мысли.

День семьдесят второй.

Информативный подъезд встречает меня холодом и запахом человеческих выделений. Спираль лестницы поднимает меня на определенную высоту небольшого Вавилона. Здесь, на необходимом этаже, я обнаруживаю открытую могилу за-

вядших цветов, курган пропущенных сообщений. Смахнув его ногой в сторону, открываю дверь своего пристанища и захожу внутрь атмосферы спертого воздуха...

Постояв несколько секунд в этом чистилище, я окунаюсь в свою обыденность, как в мерзко-тёплую воду. Подхожу к шкафу, в который педантично складывал чистую одежду, и достаю из небольшого тайника коробочек с купюрами.

«Этих денег мне хватит, чтобы начать новую жизнь... люблю...» – первая, она же – основная, она же – главная мысль. Беру деньги, паспорт и выхожу прочь. Вновь вдыхаю вонь подъезда, но длится это недолго, так как спускаться намного проще, нежели подниматься. Очувившись на улице, прячу руки в карманы джинсов и отправляюсь на главный вокзал, чтобы уехать отсюда. Чтобы покинуть город Грусти и найти город Совершенной Тоски.

День семьдесят третий.

Третьи сутки в пути. Автобусы уносят меня все дальше... правда, я не знаю куда. Это моя шестая пересадка за все время путешествия. До этого все билеты, что я покупал случайным образом, отвозили не так далеко... прочь, всего на несколько часов. Но этот – вот он был тем самым, в котором я нуждался!

Его маршрут проходит по длинным трассам, мимо множества разных пейзажей, смотря на которые, я понимаю ничтожность, обезличенность, холод городских палат. В этих

пейзажах есть то, чего не хватает моему городу. В этих пейзажах есть бесконечность, а в городе... единственная бесконечность города – это его тоска...

«На следующей остановке надо найти приют и поспать пару часов... – думаю я, пытаясь выгнуть спину и протянуть тем самым ноющие мышцы. – И, возможно, подработку на ночь... иначе мои средства быстро превратятся в пустоту в моих карманах», – трель выстрелов в позвонках довершает эту мысль, а я откидываюсь в кресле и вновь направляю взор в наполненный бесконечностью мир за стеклом, думая о бесконечной тоске города Грусти.

День семьдесят четвёртый.

Моя первая подработка, ночная... случайно подвернувшаяся. Мясокомбинат. Точнее, холодильник при складе на мясокомбинате. Я должен был таскать холодные туши, охлажденные туши и парное мясо.

Первые несколько часов, пробивая крюком мерзлые мышцы, я переносил мясо со складского холодильника в холодильник грузового автомобиля. Руки примерзали к стали даже сквозь перчатки. Дышать было тяжело от морозного воздуха в камере с освежеванными трупами животных.

Всего несколько часов этой работы пробрали меня до самых костей. Быстрое окончание смены, вот то единственное, о чем я мог мечтать... так как в голове завелась одна пугающая меня мысль.

«Люди могут быть такими же тушами, в таких же холодильниках... даже в этом мире, в этой реальности, в этой действительности». Вскоре эта мысль спровоцировала галлюцинацию, и я увидел вместо животных тела людей... такие настоящие, слегка обледеневшие трупы, подвешенные за ключичные кости на крюках.

Осознав это, я бросил тушу, зашёл в офис, взял деньги за отработанное мной время и покинул это место. Психоз в это время рассказывал мне страшные истории о смерти.

День семьдесят пятый.

Я смотрю в темноту и сверлю ее множеством взглядов. Это множество формируется из взгляда моего, совместно со взглядами тысячи глаз моего психоза. Я смотрю в темноту и сверлю ее своими взглядами... я хочу купить у нее свободу, расплатившись ржавыми дукатами. Я хочу покинуть стены дешманского отеля, пропахшего человеческими секретами, в котором остановился на несколько непродолжительных суток. Здесь оказалось настолько мерзко, что спать приходится на полу душа, предварительно промыв его горячей водой и вытерев грязной простыней, испещренной пятнами самого разнообразного происхождения... От таких манипуляций становится чуть менее мерзко.

Первую ночевку здесь я провел сразу после мясокомбината. Снедаемый собственными страшными фантазиями, я не заметил даже половины всей той мерзости, которой напол-

нены эти стены. Я не заметил ни криков постояльцев, ни запаха, который впитался в каждый атом этого места.

«Что же творится в аду, если то, что было раем, превратилось в это?! – подумал я, вспоминая свой город Грусти, лежа на холодном, кафельном полу временного ночлега, больше похожего на наркопритон. – Как же человечество смогло настолько кануть в бездну собственной грязи, что теперь не замечает тараканов и вшей, что копошатся на теле?!»

«Просто...»

«Просто...»

«Ну, так... просто...»

«Как так...»

«А не все ли равно?»

Психоз начинает горячую дискуссию, мешая мне провалиться в сон.

День семьдесят шестой.

Денег становится все меньше и меньше. Мои прогнозы и подсчеты оказались мечтами наивного ребёнка, бегущего со своей копилкой в магазин за кучей игрушек. Это вынуждает меня отказаться от автобусов и продолжить своё путешествие автостопом. Благо погода позволяет пешкарить настолько долго, насколько далеко способны унести ноги... и с каждым днём эта дистанция расширяется, подобно Вселенной. Ещё я вдруг обнаружил, что в этом мире есть добросердечные люди, которые не чураются путников и способны

подвезти.

«Странно... почему они, их лица, не наделены печатью грусти? Где?.. Где всеобъемлющие, черно-фиолетовые, с примесью синего, мешки под глазами? Почему уголки рта растянуты в улыбке, от которой не веет цинизмом, или сарказмом, или пластмассой?» – вопросы, на которые нет ответов.

Также, по какой-то интересной случайности, меня подвозят, в основном девушки. Улыбчивые, светлые, радостные... Я часто меняю машины, чтобы не напрягать и чтобы путешествие было путешествием, но... почему в основном девушки?.. Это меня не только интересует, но и начинает волновать.

День семьдесят седьмой.

Я определил, куда меня несут редкие встречные. Я еду на юг... Погода становится благосклоннее. Ветра сильнее. Одежда, которую я несу на себе с города Грустных, все меньше подходит под окружающий меня антураж. Работа, попадающаяся мне, становится все менее разнообразной, и в основном это либо лопата, либо тляпка, либо ручная перекладка с одного места на другое чего-нибудь весомого.

Не знаю, в чем причина, но после ночи на вокзале, после работы лопатой и бросания угля, после въевшейся под кожу чёрной пыли я чувствую себя... превосходно! Кажется, внутри меня даже проросли ростки чего-то нового, краси-

вого, окрашенного в красно-зелено-синюю гамму и в смеси этих цветов. До этого я был прочно связан верёвкой из апатично-серого цвета меланхолии.

В очередную свободную от работы ночь меня подобрала одна прекрасная леди, и мы поехали дальше, на юг. Она загадочно поглядывала на меня, словно стараясь понять, зачем я еду в одну с ней сторону. Будто бы я чужак, который пытается проникнуть в запрещённую область. Словно меня там ждут лишь тлен надежд и тотальное непонимание.

День семьдесят восьмой.

Мужчин действительно становится все меньше, и работу они выполняют все менее презентабельную. Машины, которыми они вынуждены пользоваться, преимущественно грузовые или приспособленные под выполнение определенных типов работ, типа: укладки асфальта, перевозок, ремонтных работ «на коленке» и прочих. Меня это вводит в ступор, хотя бы потому, что интеллект этих людей сильно занижен и не дотягивает до отметки статистического планктона из офиса. Кажется, некоторые практически не умеют или просто не могут говорить. Это странно... так же странно, как и реакция женщин на меня. Это смесь любопытства, страха, презрения и... непонимания.

«Ну, хоть в чём-то я способен понять вас», – думаю я, подсаживаясь к очередной девушке-водителю, от которой пахнет медовым гелем для душа и таким же кондиционером для

волос.

– Что у вас с лицом? – спрашивает она, уставившись на меня, во время ожидания переключения цвета светофора.

– Меня... гложет... тоска... – проговариваю я, поймав себя на мысли о той, что слала мне записки-головоломки в облике цветов.

День семьдесят девятый.

Я чувствую скорое достижение странной точки, аномальной... геопатогенной зоны, не отмеченной на карте. Я это замечаю даже по мотелям, которые становятся и дешевле, и чище. Это что-то невероятное. Что-то, что не вписывается в рамки той реальности, к которой я так привык.

Я плачу всего пару грошей, за которые получаю чистые простыни, целые унитаз и раковину, идеально чистые зеркала, в которых отражаюсь я и мысли моего психоза. Так же, за тот бесценнок, за отдаваемую в оплату шапку сухарей я получаю пускай не обильный, но очень вкусный завтрак. Но меня крайне напрягает ситуация гендерного плана... ведь я привык к численному равенству, а тут... тут мне нравится куда больше! Ведь каждую секунду глаз сам цепляется за длинные ножки и подкаченные ягодицы, за узкие щиколотки и сводящие с ума ключицы. И если бы меня не влекло бы в неизвестность, я мог бы сказать, что мое сердце начало оттаивать, а я – счастлив.

– Подкинешь? – спрашиваю я, опуская руку с поднятым

вверх пальцем.

– Тебе куда? – девушка удивлена... даже растеряна... и заинтересована ситуацией, не мной.

– Куда угодно, – отвечаю я, посылая уставшую улыбку.

День восьмидесятый.

– Эй... как ты, попутчик? – услышал я голос все той же милой девушки, которая согласилась взять меня на борт своего авто. – Ты чего такой подвисший? Ты не винда... растормаживайся!

– А... да... все норм. Задумался просто, – ответил я, переставая залипать в точку на пластике панели перед собой. – Думаю, я уже далеко от родного города...

– Хочешь домой? – сочувственно спросила она и прервала своё бдение на дорогу, чтобы улыбнуться мне.

– Нет... наоборот. В свой город Грусти я возвращаться не хочу. Во всяком случае, пока что не хочу, – отвечаю ей, неловко пожав плечами и вновь утыкаясь своим взглядом в точку.

– А зачем тогда думаешь? – её брови скатились к переносице в вопросительной гримасе.

– Да... так... – вновь неловкое движение плечами. – Неважно.

– И, вообще, вот ты говоришь, что в твоём городе много таких, как ты! – с завидным энтузиазмом поинтересовалась она в попытке изменить течение разговора. – Как это?

– Эм... в смысле?... Ты спросила, много ли таких, как я...

Я ответил.

Я не понимал того, что она имеет в виду, и лоб собирался складочками.

– У нас таких, как ты, нет... – теперь она пожала плечами, а лицо вобрало в себя оттенки грусти. – Мужчин нет... точнее... они есть, но...

«Зона дружеского общения?» – подумал я, поймав ту самую-самую привлекательную точку во Вселенной. В салоне воцарилась тишина, такая же, как задолго до мироздания.

День восемьдесят первый.

– Мы практически на месте, – сказала попутчица, улыбка на лице которой за проведённые со мной несколько дней поблекла. Сама она стала чуть более сгорбленной и словно потеряла свою балетную осанку под крестом на ржавых цепях. – Я в скором времени буду дома! – она мечтательно протянула слова и немного потянула спину, уперевшись руками о руль и выгнув уставшую спину. – Душ, горячий ужин... приготовленный своей рукой и... о-о-отдых!

– Спасибо... – охрипшим за часы молчания голосом сказал я. – Редко можно встретить такого человека, как ты.

– Что ты имеешь в виду?

Переносица покрылась редкой рябью небольших морщинок.

– С тобой так комфортно помолчать, – сказал я, закрыл

глаза и откинулся в кресле пассажира настолько, насколько возможно. Я не хотел увидеть те эмоции, которые появились бы на её лице.

Дальше ехали молча, и так было до тех пор, пока мы не пересекли невидимую черту, за которой начался огромный, яркий, шумный город с улицами, заполненными пешеходами и двигающимися по дорогам машинами.

– Здравствуй, мой дорогой город Женщин, – сказала она, и я понял, что среди людей не вижу ни одного мужчины.

– Здравствуй, мир, полный красок, – сказал я, почувствовав дискомфорт в своём чёрно-белом восприятии.

Город Женщин

День восемьдесят второй.

Девушка оставила меня в центре странного мегаполиса. Как только она высадила меня из машины, взгляды прохожих, наполнивших улицы, устремились ко мне, и на лице каждой из жительниц отразилась смесь из презрения и брезгливости. Словно я был измазан в машинном масле и грязи, будто бы от меня несло помойкой или так, если бы перед ними появился бы мутант, тело которого кардинально отличалось бы от тела самого обычного человека.

Не желая оставаться под стреляющими свёрлами-глазами, быстрым шагом я отправился на поиски пристанища, но куда бы я ни зашёл, меня отовсюду гнали. Пару раз даже доставали из-под стойки помповое ружьё и одним резким движе-

нием передёргивали затвор, таким образом показывая свою решительность.

«Да ну что же такое?!» – думал я, стараясь отойти от возмущения, переполняющего мое нутро в течении всего светлого дня. Вечером я устал настолько, что в какой-то момент просто сел на тротуар напротив дверей кафешки. Дела там шли не очень, так как огромное помещение с большим количеством столиков пустовало, не считая нескольких увлечённо разговаривающих представительниц этого странного места. За спиной слышалось шуршание открывающейся двери.

День восемьдесят третий.

– Эй! Эй ты, плечистая, – услышал я голос, которым нужно петь блюз под тяжелые звуки струн контрабаса. – Заходи! Смысл-то жопу холодить?!

Я понял, что говорящая обращается ко мне. Я сразу понял, что она не догадывается о том, что я мужчина... и я догадывался о её дальнейшей реакции. В любом случае, я решил встать и посмотреть в её глаза и увидеть, как исказится лицо от отвращения.

– А, так ты с севера?! – голос струился потоками горячего источника, которым меня окатили из таза. – Что ж ты, мой мальчик... заходи, гостем будешь!

Пышная добродушная женщина, одетая в пончо, смотрела на меня сверкающими глазами, а я не мог понять поче-

му...

– Спасибо... – неуверенно сказал я и, сопровождаемый её вращающейся в кистевом суставе рукой, вошёл в помещение ресторана.

– Ты, видимо, не сможешь понять происходящего, дорогой! Гала расскажет тебе... Гала тебе обо всем... оп... расскажет.

Она открыла бутылку пива и поставила передо мной на стойку.

– У меня денег нет, – ответил я, поймав самую привлекательную, самую красивую точку во всей Вселенной.

– Ай-яй! – протянула она. – Так ты же мое золото! – бодро встряхнув плечами и, вследствие этого, грудью, сказала она. – Гала и накормит, и напоит, и даст подзаработать. А ещё расскажет тебе об этом рае на земле!

Она подмигнула, схватила мою руку, бутылку пива со стойки и вложила второе в первое.

День восемьдесят четвёртый.

– Ну, что ж, дорогуша, ты такой блеклый? – Гала весело подтолкнула меня, подсаживаясь на высокий барный стул. – Будто бы из тебя высосали все цвета, оставив лишь на самом доньшке! Как самые вкусные капельки коктейльчика в стакане, до которых не достаёт соломинка.

– Думаю, что делать дальше... – не стал лукавить я. – Деньги... их нет... закончились внезапно здесь. Причём на

пол-литре воды! – сказал я, чуть громче и жёстче, чем планировал. – А заработать, думаю, мне не удастся. Здесь, в этом странном городе, точно не удастся.

– Э-э-э! – весело протянула женщина, созданная для того, чтобы петь настоящий чёрный блюз. – Здесь ты найдешь все! И кров, и батрачество, и сможешь свалить, как только считаешь это нужным.

– Спасибо за пиво, – сказал я, вставая с места с намерением бежать прочь.

– Стоп! – неизменно весело сказала Гала и схватила меня за предплечье стальной хваткой. – Мой милый мальчик. Это твой последний шанс. Остаться и послушать... – тяжелая пауза. – Или уйти и сгинуть здесь... особенно с полным отсутствием понятия того, где ты и какие здесь законы.

«Останься. Это логично... это необходимо... пару недель отдыха дай!» – впервые психоз возопил настолько громко, вынудив меня остаться. Но не могу не признать... её предложение мне понравилось, причем сразу!

День восемьдесят пятый.

Гала выдала мне спецовку и выпустила в зал, официантом. Она приглядывала из-за барной стойки и всегда, совершенно всегда, встречала и провожала меня улыбкой. Вообще, за пару дней работы в службе я обнаружил неестественное количество улыбок на женских лицах. Мое присутствие – единственное, что заставляло их сменить маски с «счастья» на

«непонимание», «шок» или «брезгливость».

– Почему тут нет мужчин? – спросил я ещё в первый день, сразу после знакомства. Тогда Гала закурила, сделала одну очень длинную затяжку, составленную из двух последовательных, после чего ответила:

– Это дико... но... все они... в шахтах, под городом, – сказала она. – Я сама не обо всем знаю. Не здешняя... поэтому мои габариты, – она смачно взяла себя за большую грудь, бока и слегка выпирающий живот, – выбиваются из общей идеальности. А о мужчинах... я знаю, что здешние мужчины даже не научены разговаривать. Их используют как скот, который работает на рудниках и строго контролируется.

На этом наш разговор об этом закончился.

– Я, наверное, диковинная зверюшка при тебе? – спустя пару дней спросил я, подойдя к барной стойке и посмотрев ей в глаза, в которых...

– Никогда не смотри в мои глаза, – сказала она, отвернувшись к шкафу с алкоголем. – Мой ласковый и нежный зверь, – хмыкнула она, начиная намешивать заказанный коктейль. Но за тот краткий миг я увидел бесконечную тоску в её взгляде.

«Сильная Гала, с вечной улыбкой на лице... неестественной улыбкой на лице... и всепронизывающим чувством тоски во взгляде... Наверное, она тоже из города Грусти... хотя, может быть, она из города, поиск которого меня привел сюда! Но город тотальной Тоски я должен отыскать сам», –

вот, о чем я думал, стараясь поймать баланс супа на подносе в своей руке.

День восемьдесят шестой.

Уже несколько недель я живу в подсобке заведения под названием «Сигарет-ка». Хозяйка по имени Гала – странная для этого странного места женщина, действительно любит курить. Иногда мне кажется, что она вовсе не выпускает сигарету из пухлых пальцев. Иногда мне кажется, что сигареты – единственное весомое, что осталось в её разбитой жизни... именно разбитой. На периоды «до» и «после». Последний такой период начался с попадания в город Женщин, где мужчины, оставленные на уровне интеллектуального развития трехлетних детей, вкалывают на эфемерных рудниках. Гала рассказывает мне об этом то, что сама знает...

Мы пережили послеполуночный час пик и теперь сидим за баром. Каким-то чудом прозрачные окна выходят на пустошь, с которой видно, как колесо огня и жизни выкатывается из-за границы тьмы. Гала, уперевшись локтями о стойку, берет пачку сигарет, открывает её и достаёт оттуда две последних. Одну она потягивает мне.

– Но я не...

– Не обсуждается.

Её голос, подобный голосу божественной блюз-солистки, отсекает любые варианты отказа. Она подкуривает сама и передает зажигалку мне. Откашливаюсь после первой затяжки,

заставляя Галу довольно улыбнуться.

– Спасибо, – произносит она в тот момент, как её стеклянные, полные усталости глаза сверлят небольшую каёмку диска. – Спасибо, что позволил мне прочувствовать этот момент... последняя сигарета и рассвет... это – божественная рапсодия тоски в нашем дерьмовом мире фальшивых улыбок. – Долгая затяжка и тишина. Столь многословная тишина.

День восемьдесят седьмой.

«Подойди ко мне,

Поцелуй в шею,

Подарю тебе,

Шрам на сердце»

Впервые я услышал, как поёт Гала, в тот момент, когда она пригласила в свой бар «Сигарет-ка» женский блюзовый квартет. Это было великолепно! Раньше... я видел лишь разновозрастных, зачастую помятых, нередко крайне побитых жизнью мужчин, которые рассказывали о себе, о мире, о несправедливости и о розовых очках.

Гала затянула своим хриплым голосом, который пробрал до мурашек, и только теперь я понял, что вновь способен чувствовать. Я вышел из анабиоза, в котором находился...

«Ты точно этого хочешь?»

«Это больно!»

«Это скребёт изнутри!»

Мой психоз активизировался. До этого некоторое время он молчал, не поднимая головы, не расправляя плеч.

«К тебе вернётся...»

«Все вернётся...»

«И нерешительность...»

«И паранойя...»

«И страх...»

Множеством голосов, множеством эхо говорила со мной моя проблема.

«На пороге было так много цветов... – внезапно вспомнил я своё возвращение домой и почувствовал длинную, раскалённую добела иглу, минующую рёбра. – Я. Хочу. Домой», – проскочила мысль, и Гала подхватила её строчкой своей песни.

– Я не знаю, где мой дом, – в унисон с моими мыслями пела эмигрантка из внешнего мира.

День восемьдесят восьмой.

– Прощай... в смысле, прости за все, – говорю я, стоя на пороге заведения «Сигарет-ка». – Думаю, мне пора выдвигаться отсюда. Думаю, настало то время, когда я должен продолжить свой путь, свой поиск истинной истины... для себя... Прощай...

Гала молчит. Она знает, что так надо, что так правильно, что так должно было случиться. Гала, как бы то ни было, была готова к тому, что её сотрудник отдаст швартовы и отпра-

вится в дальнейший путь, длина которого равна протяженности скоротечной жизни.

Я иду по улицам города Женщин и пытаюсь придумать дальнейшее направление. Психоз уговаривает продолжить путешествие, а внутри все сводит от желания вернуться в город Грусти и предпринять еще одну попытку найти ту девушку, что посылала... возможно, продолжает посылать мне цветочные шифры.

«Наверное, я пое...» – не успеваю закончить мысль, не успеваю дойти до вокзала, как что-то жесткое, что-то тяжелое, что-то тупое упирается в мою голову. Ну, как упирается... кто-то бьет меня чем-то вышеописанным по голове, отчего вмиг я теряю сознание.

День восемьдесят девятый.

Дзынь... Дзынь... Дзынь...

«Что... п-происходит?!» – думаю я вместе с тем, как мой мозг и мое нутро содрогаются вместе с каждым ужасным, звенящим звуком.

– Прекратите! – кричу я, даже не надеясь на то, что все закончится... и звук не заканчивается. Он становится громче, словно приближаясь.

Дзынь... Дзынь... Дзынь...

Меня тащат. Меня волокут по земле. Я это точно знаю из-за пяток, что скользят по земле и камням. Сквозь адскую боль мой мозг выдаёт недавние события из холодильника

при мясокомбинате.

«Неужто мое тело растерзают на закуски?! – по спине пробежал мерзкий холодок. – Неужели моя тоска закончится в желудке голодной женщины из города без мужчин?! Или это какая-то шутка... ошибка?! Или какое-то стечение странных обстоятельств?!»

Стараюсь открыть глаза. Теперь боль ощущается как внутри, так и снаружи черепа. Это то самое, уникальное чувство, когда даже не хочется сопротивляться.

«Путь меня сожрут! – вот моя сублимация. – В виде нечистот я смогу продолжить служить этому миру... как биомасса из белого воротничка», – думаю я, пересиливая себя и открывая глаза.

Вокруг мелькают кирки. Отсюда и звон, к которому прибавляется запах сырой земли.

«Слишком большой аналог могилы выбрал меня для погребения внутри себя», – подумав об этом, я теряю сознание.

День девяностый.

Редкий, крайне полезный минерал добывают тут. Во всяком случае, мне так кажется... Ведь загадочность превышает сингулярность догадки, рассыпаясь на дискретное множество. А сама тайна складывается из окружения, в котором я оказался. Атмосфера, в которую я погружён, сочетает в себе зомбированность, деспотию и матриархат, а единственные разумные люди, которые наполняют нынешнюю реаль-

ность – женщины из города, раскинувшегося неподалёку или сверху... или где-то еще.

Вокруг, в хлопковых изношенных робах, рабы с кирками – это мужчины, словарный запас которых составлен из четырёх слов: диггин, вода, еда, сон. Женщины так и называют свой скот – «диггер». Они жестоки, беспринципны и не принимают никаких отступлений от сложившегося порядка. Женщины – самые примерные и суровые солдаты, каких только можно представить. И под эгиду таких я попал.

«Я попал...» – думаю я, пытаюсь придумать способ вырваться из-под земли. Самое паршивое заключается в совершенном отказе надсмотрщиц поговорить со мной. Они считают это оскорблением своих чувств.

«У тебя есть только мы!» – хором поют психоз, паранойя и нерешительность. Хочется сесть в углу, обхватить руками колени и сдохнуть под звон и стуки работающего скота.

День девяносто первый.

– Диггин... диггин-диггин-диггин, – слушаю я сутки напролёт и помираю от простуды, подыхая от обязанности работать... несмотря на мою простуду, а это нереально тяжело. Дыхание сбивается, пот пробивается сквозь мерзкое чувство высокой температуры тела. Думаю, такими темпами я очень быстро загнусь, и на этом закончится мое путешествие.

– Вода... еда... сон...

Все в строгих порциях подаётся сюда в строго определен-

ное время... хотя я не могу утверждать этого, так как знать о времени могут лишь женщины, а мужчины... лишь шестеренки механизма, доставляющего наверх бабки в виде прозрачных камней.

– Диггин... Диггин... Диггин, – уже начинаю заговариваться и поддерживать общие выкрики. «Наверное, так проще... Возможно, это как раз то, что я искал... – думаю я, потихоньку лишаясь разума. – Нет мыслей, нет чувств, нет фантазий... ничего нет», – вот то, о чем думаю я, чувствуя движение моего психоза.

«Ты вооружён и потенциально опасен».

«Ты вооружён и опасен».

«Ты вооружён».

«Ты опасен».

«Твоё оружие – твой рассудок».

«Твоя опасность – твоя кирка в руках».

Психоз подталкивает... нет... психоз призывает меня к тому, чтобы пробиться из-под земли наружу и бежать... бежать... бежать из великолепного города Женщин.

«Мне нужен город тотальной Тоски! – слышу голос рассудка сквозь голоса моего диагноза. – А не все вот это!»

День девяносто второй.

Сложно быть человеком, когда ощущаешь себя порождением. Сложно считать себя человеком, когда тебя... когда из тебя делают животное... сложно оставаться человеком, когда

от тебя ничего не остаётся. Только отчаяние, только паника, только страх сдохнуть, подкреплённый самыми великолепными женскими фигурами, которые только можно представить! Так сложно быть единственным мужчиной в городе Женщин, где ты – нежеланный пришелец и часть хрупкой экосистемы, в которой такие, как ты, – скот... и ты видишь то, как из человека сделали ничто.

– Отошли в сторону! – голосом командира говорю я, прижимая к себе девушку, от которой пахнет корицей и мятой. – Я не шучу. Так что, если вам ОНА вам дорога... как тебя зовут?

– Клер!

– Если вам дорога Клер, расступитесь!

В нас нацелены небольшие револьверы, и таких стрелков очень много.

– Куда идти? – спрашиваю я, судорожно обшаривая взглядом сомкнувшееся кольцо из прекрасных женщин.

– Туда, – девушка показывает пальцем, а я чувствую её дрожь. Я чувствую себя дерьмом... простуженным, уставшим, грязным убудком, который взял заложника.

«Молодец! – кричит психоз – А ведь не так давно ты боялся написать первым! Растёшь!»

Меня встречают мысли о девушке-цветке из города Грусти.

«Гала... как же ты права! Все проблемы в нас и от нас самих!» – думаю я, слегка касаясь иглой кирки тонкой шеи

своей заложницы и стараясь не повредить фарфор кожи.

День девяносто третий.

– Пожалуйста, выведи меня отсюда! – спокойно, тихо, практически неслышимо произношу на ухо своей заложнице. – Пожалуйста!

В моем голосе просьба, страх, отчаяние, а внутри, между тем, голоса психоза, кричащие адреналиновым безумием: «Давай... давай-давай-давай!»

– Пусти меня, создание! Отпусти, я тебе говорю! – девушка старается вырваться, дергается, выкручивается змеей. – Создания не имеют права касаться женщин! – она хрипит собственной яростью.

– Пожалуйста... пожалуйста! – продолжаю шептать я, не выпуская из вида идущих со всех сторон прекрасных, опасных, жаждущих возмездия женщин.

Так мы движемся вдоль стены. Это единственный способ обезопасить затылок. Так мы движемся вдоль стены, а страх внутри меня затягивает петлю на шее. Ту самую, которая была накинута перепиской за ноутбуком... Так мы движемся вдоль стены, рискуя стать первоклассной мишенью для тира. Так всё человечество движется вдоль стены и ждёт минуты своего расстрела.

«Рано или поздно все превратится в пыль, – шепчет психоз – Все и вся!.. Последними рассыплются стены и сожжённые мосты».

День девяносто четвёртый.

Самое мерзкое место в мире, которое навевает мне ассоциацию с цинковой банкой для военных трупов, раскрывает свою пасть... лифт проглатывает нас. Дальше нас ждёт тяжёлая тишина сквозь асинхронное дыхание.

«Смогу ли я вырваться отсюда? – думаю я, просчитывая все варианты того, что делать после того, как двери откроются. – Ведь это была шахта, а я был диггером в среде обезумевших мужчин... в окружении Адамов в первоизданном его виде. – Как мне миновать дальнейшие помещения и выйти? Будут ли эти дальнейшие помещения и... насколько много там охранниц?» – вращаются мысли, кружа свой нудный хоровод.

В конце концов створки распахиваются, и нас встречает облава во главе с странного вида женщиной.

– Эй, ты, – у неё низкий голос, – с тобой говорит мэр сего рая! – она слишком приторна и манерна, это слышно по интонации. – Я здесь, чтобы выставить тебя отсюда! – говорит она, а я обращаю внимание на большую выпирающую челюсть, на тяжёлые надбровные кости, на сломанный нос. – Такие, как ты, тут не нужны!

После лица я изучаю шею, широкие плечи, мощные груди на грудных мышцах, практические отсутствующую талию и огромные руки с костяшками, по размеру напоминающими перепелиные яйца.

– Если ты хочешь уйти, есть три требования! – продолжает женщина, бедра которой разбиты на четыре мышцы и выглядывают из выреза плотно сидящего на ней платья. – Первое! Ты никогда больше сюда не вернёшься!

Не могу понять того, что именно меня смущает в этой особе, кроме явной любви к спортзалу... и спортивной фармакологии – для получения мышц таких объемов.

– Второе! Ты должен отпустить нашу девочку!

Ещё раз пробегаю по всей её фигуре взглядом и нахожу то самое, что не заметил раньше.

– Третье! Вот тебе велосипед! Вот твои шмотки и твои деньги! Проваливай отсюда! – обращается ко мне мэр города женщин, являющийся трансвеститом или... трансгендером.

«Вот это ирония, – смеюсь я вместе с психозом, соглашаясь на требования. – Если они меня сейчас пристрелят... эта ситуация стоила того, чтобы погибнуть здесь, – думаю я, забирая вещи и велосипед. – Все дело в каддыке», – беззвучно смеюсь я.

День девяносто пятый.

Я голоден. Я устал. А обезвоживание превратило язык, горло и мысли в наждачную бумагу, о которую стираются годы оставшейся мне жизни, приближая их к числу «ноль». Иногда я использую выделенное мне средство передвижения, иногда качу его рядом, иногда откровенно ору на него, полыхая от ярости к тому извращенному рассудку, который

придумал мне такую пытку.

Меня окружает степь... пустынная степь под холодными лучами зенитного солнца, спадающей луны и двух моментов кромешной тьмы. Теперь я понимаю, почему меня выпроводили через другой въезд в город... они знали, что это место либо прикончит меня, либо... если это «либо» вообще существует.

«Двигай поршнями, ленивая задница!» – психоз не позволяет мне остановиться, он мешает мне уснуть, только он сохраняет мою способность к движению. Впервые я рад этим голосам в своей голове.

«Уже прошло несколько дней... а сколько человек может прожить без пищи? Без сна? Без... воды?!» – я задаю себе эти вопросы, словно ответ на них – некий ключ, что позволит покинуть хранилище...

Внезапно я спотыкаюсь о...

«Это стальной штырь?.. нет, это...» – мой взгляд поднимается к линии горизонта. Несколько секунд зрачок настраивается, пытаюсь поймать резкость изображения и отказываясь показывать кладбище старых велосипедов. Таких же, каким был награждён я.

День девяносто шестой.

Запаха нет. Гниения нет... уже нет. Лишь бежевые кости, на которых превращаются в пыль тряпки из разных временных интервалов. Редкий, слабый ветер иногда вращает коле-

са, застывших в перевёрнутом состоянии велосипедов. В такие моменты немая пустошь наполняется мерным скрипом. Это жутко.

«Интересно, это диггеры или случайные мужчины из других городов, поступившие так же, как и я? – я продолжаю вести вслед за собой велосипед. – Интересно, есть ли край у могилы или же... нет! Конечно же, есть! И я буду одним из немногих, кто найдёт способ, чтобы выбраться отсюда! – раздаётся урчание, и меня переламывает пополам от голода. – Что же делать?!» – икру на ноге сводит судорогой, и впервые за долгое время я вынужденно останавливаюсь. Я бодрствую с того момента, как очнулся в шахте. Тогда я последний раз ел. Неудивительно, что сейчас мне крайне плохо.

«Найди кожаную обувь...»

«Да! Да-Да-Да! Обувь!»

«Сделанная из кожи...»

Мой психоз то ли издевается надо мной, то ли пытается дать мне подсказку. Моя нерешительность приподнимает голову и устремляет свой тяжёлый взгляд на меня.

«В этом есть смысл, – думаю я. – Но я не уверен в таком методе для выживания. Пока что не уверен...»

День девяносто седьмой.

«Как же иронична жизнь, – думаю я, стараясь высмотреть что-нибудь похожее на кожаную обувь. – Ещё недавно я был забитым представителем офисного планктона, а сей-

час ищу старый ботинок – встречаются какие-то тапки, резиновые сапоги, кроссовки, что-то вязаное, а кожаного ничего нет, словно предшественники были связаны со мной одной мыслительной цепочкой. – Ещё недавно я возвращался в свою квартиру, в которой из трёх комнат занимал только одну. Ещё недавно у меня была прибыльная работа. Ноутбук. Телефон. И был определенный алгоритм жизни».

Я нахожу подошвы, кожаные, точнее, одну и изрядно подгнившую. Она рассыпается под давлением пальца, вынуждая меня отправиться на дальнейшие поиски.

«Ещё недавно я не мог закончить фразу. Я не мог выбрать того, что сказать, и по этой причине превращался в тень человека... в собственную тень... В мимолетную слуховую галлюцинацию, – продолжаю раздраженно шептать и рыскать взглядом по скелетам. – Ещё недавно я представлял, как сдохну в просторе квадратных метров и буду найден после того, как останки распухнут, остынут и начнут испускать настолько ужасный запах, что соседи сверху больше не смогут его терпеть и зайдут в гости», – кладбище старых велосипедов поистине бескрайнее и заставляет идти... идти... идти.

«Ещё недавно...» – я прерываю свою речь, заметив что-то похожее на то, что я искал.

День девяносто восьмой.

«...ещё недавно я был в психушке, а сейчас... кхм... эть...

ну-ка... давай! ага... А сейчас я буду пробовать прожевать старую кожаную подошву». Я подношу к глазам то, что смог добыть, отобрав у мертвого. Я просматриваю протектор. По потёртости вижу то, что на правую ногу человек прихрамывал. Не осмелившись попробовать начать жевать, принимаю решение о том, чтобы добыть вторую подошву и положить её про запас. Спустя примерно полминуты я вновь жадно изучаю стоптанный протектор и пытаюсь заставить себя начать есть это...

«Деваться некуда».

«Жить хочешь, нет?»

«Давай, не тяни уже...»

Голоса моего психоза пытаются подбодрить. Не помогают... не помогает, но выхода нет. Я пытаюсь сделать укус, и вместе с соленой горечью мой желудок сводит судорога. Вместе с жестким характерным звуком меня отклоняет в сторону и скручивает от рвотного импульса, но рвать нечем. Во рту остаётся лишь мерзкий привкус моего выживания, смешанного с...

«Давай уже!»

Со своими ладонями в границы моего сознания в попытках расширить его. От безысходности я делаю второй укус. Теперь единственное, что я ощущаю и что меня смущает, — черствость ссохшейся кожи, которую просто так не откусить.

«Придётся долго грызть».

«Слышь, накрутил себя и теперь страдаешь!»

«Жить... я, мы – все, хотим жить!»

«Психоз упирается, долго придётся ждать, прежде чем удастся отделить кусок для дальнейшего пережёвывания», – думаю я, приступая к работе и возвращаясь на путь из этого пустынного ада.

День девяносто девятый.

«А ведь не так плохо... если ничего не остаётся... если хочется жить и не хочется свернуться калачиком от голода и так сдохнуть, – думаю я, потихоньку переступая старые, ржавые, брошенные велосипеды и попутно высматривая то, что можно будет съесть. – Ещё бы воды... обезвоживание в скором времени либо сведёт меня с ума, и я буду вынужден... либо заставит меня прекратить мои попытки наесться высохшими кусками кожи».

«Интересно, когда закончится это кладбище? – думаю я, просматривая окружающий бесконечно вширь и так же далеко вдаль пейзаж. – Ведь оно должно окончиться. У всего есть точка... у отношений, у работы, у ремонта, у дачного сезона...»

Я уже несколько часов просто иду. Ехать невозможно, из-за отсутствия достаточного пространства. А потом ко мне приходит гениальная мысль о том, что здесь мне велосипед не нужен. Его нужно бросить и идти налегке. А там, у одного из последних, взять, пускай поскрипывающий, пускай старый и пыльный... любой велосипед!.. и искать хоть ка-

кую-нибудь трассу, дорогу или что-то похожее на тропу, по которой хоть иногда проходит транспорт.

«Наконец стоящая идея».

«Молодец!»

«А че так долго ждал до снисхождения просветления?!»

«Тормоз...»

«Да выброси ты его уже!» – в полный голос вопит мой психоз, взорвавшись в моей голове от сильного негодования.

День сотый.

«Видимо, я все же не смогу выбраться отсюда», – мерзкий, соленый привкус кожи окончательно высушил меня. Даже дышать теперь больно. Я хочу пить и, к своему стыду, готов прибегнуть к самым крайним методам, но такой возможности у меня уже нет из-за практически полного отсутствия жидкости в организме... не считая собственной крови, пить которую – крайне неудачная идея.

Мои ноги гудят после нескольких суток непрерывного передвижения. И это несмотря на некоторую продолжительность моего путешествия, и это несмотря на опыт из пары недель работы халдеем!..

– Я должен выжить, несмотря ни на что! – еле-еле выдыхаю я.

Больше нет сил. Хорошо, что полоса кладбища подошла к концу и уже некоторое время остаётся позади. Изредка, конечно, встречаются одинокие велосипеды или же то, что

когда-то было человеком, а ныне – лишь останки.

«Сколько я ещё смогу протянуть? Сколько мне осталось?» – я так устал от этих вопросов. Это не мантра... нет! Это саморазрушение через мысль!

«Я достиг края Земли?» – сердце подскакивает к глотке. Руки вздымаются к небу. Под ногами мягкая, бесцветная, всеобъемлющая пустота сердца его бывшей... или её бывшего... под моими ногами внезапно возникшая пустота.

День сто первый.

Холодное, мокрое, нескончаемо темное тонким слоем на горизонтальной поверхности раскинулось вокруг меня. Я лежу и подыхаю от боли в спине. Она пришла ко мне вместе с вернувшейся стервой по имени Рассудок.

«Эй! – эхом голосов моего психоза прозвучал приглушённый зов. – Эй! Вставай! Вставай-вставай-вставай! Это вода!» – психоз обнаружил это раньше меня в то время, когда я думал о том, что не могу понять, стою я, лежу или парю в пространстве окружившей меня квинтэссенции сердца политикана.

– Руки, ноги и голова тоже болят, – проговариваю я, обращаясь к своему психозу. – Так, будто бы меня жестко били ногами, или будто бы мое размякшее тело долго, беспорядочно скатывалось откуда-то сюда.

Мои размышления вслух перебивают гомон психоза.

– Внимание, вопрос!.. – голоса, наполняющие мое созна-

ние, замолкают в преддверии того, что я скажу. – Как. Я. Живой. Остался?

Наконец мои мысли принадлежат только мне.

Набираю в руку той жидкости, в которой сижу. Подношу ко рту, но сначала обнюхиваю, чтобы убедиться об отсутствии серного, нашатырного или наличия любого другого запаха. Эта проверка пройдена.

«Чисто...»

Вновь подношу к губам. Слегка касаюсь, после чего языком слизываю те несколько капель, чтобы убедиться в отсутствии вкуса.

«Чисто...»

Через минуту мой желудок разрывает боль от наполнившей его жидкости... не смог удержаться... выпил слишком много.

День сто второй.

Здесь темно. Здесь практически космос. И в этом пространстве, где нет света, вода раскрылась мне с новой стороны. Оказалось, она имеет вкус. Оказалось, вода вкусная! А кусок кожи, слегка размякший от воды, тоже очень вкусный. Пускай его чудовищно мало, но, это лучше, чем ничего.

«Интересно, куда двигаться?» – думаю я там, где не видно ни зги.

«Какая разница? – мой психоз зашевелился. – Какая разница куда, если этого «куда» не существует?»

«И действительно, разницы нет, – думаю я и начинаю переставлять ноги, которые сводит адская боль, явившаяся после непреднамеренного сна, следовавшего после прогулки длинной в несколько дней. – Нужно просто идти, – думаю я. – Странное чувство... когда в любом случае необходимо куда-то идти. Даже когда пути как такового нет... все равно надо куда-то идти... как заведенный солдатик, я просто должен двигаться в направлении «перед собой».

«Руки выстави вперед...»

«Да, не забывай, что пределы в виде жестких стен никто не отменял».

«Ищи край... ищи край... ищи край... перед тем, как ступить вперед, ищи край...»

Мой психоз пробудил паранойю. Она тихими, мерными вбросами пытается подсадить мне идею о том, что я упаду вниз. Но мне не страшно, потому что я ничего не смогу увидеть.

День сто третий.

Наконец я нашёл нечто похожее на то, что мне необходимо. Место тотальной изоляции, мой персональный склеп без звуков, без слов, без света. Здесь я сам могу сотворить собственный рай и раскрасить его тусклыми красками из-под сердца. Здесь я могу быть и собой, и кем-то другим... все потому, что в этом месте все показатели не имеют никакого смысла. Единственное, что портит это место – жидкость.

Прохладная и всеобъемлющая. Обволакивающая. Упругая. Вездесущая жидкость, разделяющая пространство на две горизонтали. Из-за этого теряется космос, пропадает эффект девственности... до мироздания... и не построить мне Венецию до того момента, пока я не научусь ходить по воде и видеть в темноте то, что вновь разрушит мнимую идеальность этого места.

«Недочеты...»

«Ты во всем видишь недостатки».

«Ты сам – недостаток».

«Ущербный кусок недовольного мяса».

Психоз недовольно ворчит и причитает.

«Чувствую, выход из темноты ближе, чем мы все думаем, – голос рассудка, столь редкий, но столь едкий, разъедает голоса моего диагноза, подобно щёлочи или кислоте. – Прислушайся, кто-то идёт позади. И не один», – это заставляет меня развернуться и увидеть несколько бледно-голубых огоньков.

День сто четвёртый.

Мой психоз вынудил меня направиться к огонькам. Он смог побороть страх, смешавшийся с моей всеобъемлющей нерешительностью, и повёл тело в сторону нового, странного...

Несколько минут я шёл и думал о том, что эти огоньки нереальны, так как они и не отдалялись и не приближались.

Это было похоже на галлюцинацию, придуманную моим заскучавшим мозгом, но, в какой-то момент, я начал слышать шелест воды, возникающий от плавных и аккуратных шагов. Ещё через пару минут огоньки внезапно сдвинулись и стали ближе. Теперь я даже смог расслышать голоса. Далекie, глухие голоса... кажется, они выдавали всего один вопрос: «Где?» – и звучал он отрывисто, будто бы с сильным акцентом.

«Ну, что ж, посмотрим, что это значит...» – многозначительно произносит мой психоз.

– Эй! Я здесь! – выкрикиваю я, привлекая к себе внимание.

– Где?

– Где?

– Где?

– Где?

Раздается множество голосов неизвестных мне мужчин.

– Где ты? – общий гул разрезает единственный звонкий женский голос.

– Идите на мой голос! – не я, мой психоз правит моими губами и голосовыми связками, а я испытываю то самое неловкое чувство, когда даже мое психическое заболевание устало от меня. – Э-хэй!

Дистанция между нами вызвала у меня непонимание, удивление и восторг. Сложилось такое впечатление, словно здесь вообще отсутствуют законы физики. Мы встретились

почти через полчаса... или мне просто показалось, что прошло так много времени.

День сто пятый.

– Диггер, сюда, – обратилась ко мне девушка, а её слова были подхвачены мужчинами, окружившими её.

– Я не диггер, – ответил я, стараясь сохранить спокойствие. – Я был в городе Женщин... я копал... но я не диггер.

– Такие тоже есть с нами, – кивнула девушка и улыбнулась мне. В тусклом, голубовато-белом свете это смотрелось нереально. Будто бы мир превратился в мультипликацию с высочайшим расширением... словно само существо в миг стало фальшивым.

– Есть с нами! – практически в один голос произнесли мужчины.

– Ты, иди с нами! – один из сопровождающих сделал шаг вперёд и обратился ко мне, как старший к младшему. – Еда, пить, спать, есть у нас. Ты, иди с нами!

Его рваная манера речи говорила о происхождении.

«Человека из деревни можно... да... а деревню из человека, к сожалению, нет...», – подумал я, вежливо кивнув одному из диггеров.

– Что это за место? – спросил я, обращаясь к девушке. Я знал, что она сможет дать мне вразумительный ответ.

– Это место для изгнанных из города диггеров и женщин. Сюда попадают по разным причинам... но не все изгнанны-

ки... думаю, ты видел и поле, и последующую пустыню с кладбищем велосипедов, где покоятся и диггеры, и женщины из города... добираются сюда только самые стойкие, – сказала она с грустью в голосе. – Вот... когда-то давно, такими же, как и мы, было основано это место... Впрочем, скоро ты сам увидишь наш маленький рай.

– Рай? – с недоверием спросил я, почему-то заранее зная о том, что ад – единственное, чем может быть удостоен человек.

– Ты все поймёшь...

Она подмигнула мне, но грусть в её глазах была на самой поверхности зеркал, и я уже понимал, что это место знакомит меня с новыми видами апатии.

День сто шестой.

Мы шли в редко прерываемой тишиной беседе. Она рассказывала мне о городе Женщин, но ничего нового я не узнал. Единственное, над чем она смеялась, так это над тем, что тот трансгендер – это не случайная ирония – это повседневность города. Это осознанный выбор, в котором раз в определенный временной интервал из общего инкубатора выбирается один из диггеров. Его обучают, ему дают сознание, подобно тому, как змей первым людям... мальчика сажают на жесткие гормоны, ему меняют пол и ставят во главе города Женщин. Что самое парадоксальное: и диггер остаётся простым диггером, и женщинам нужен правящий муж-

чина, даже если это нечто среднее... Это странно, это непонятно, но это факт. Такой же, как и наличие инкубатора. Об этом, кстати, я тоже не знал, и это стало для меня откровением. Ведь за проведённое время я не задумывался о сексе, о размножении... хоть и оказался в подобии пластикового рая.

– То есть подавляющее число населения – выходцы инкубатора? – спросил я и посмотрел на диггеров и на девушку.

– Да, – сказала она и подвернула рукав своей кофты. – Вот, смотри, – на её руке было клеймо в форме зеркала Венеры. – Покажите, – она обратилась к мужчинам, и те, последовав её примеру, подвернули рукава и показали символы копья Марса.

Город Диггеров

День сто седьмой.

Мой рот открылся от удивления. Такого я никогда раньше не видел. Это огромный пластиковый пузырь, который каким-то образом не только надут под водой, но еще и поддерживался кислородом снаружи. Мало того, цвета, которыми наполнена полость, предназначенная для жизни женщин и диггеров, играла лучами света, пробивающимися сквозь водные толщи. Такое впечатление, будто бы меня поместили в дорогую декорацию, посвященную научно-фантастическому приключению в подводный мир.

– Откуда и как все... это... – я развёл руками.

– Мы. Работать. Диггин. Есть руда, – рвано сказал диггер.

– Что за руда? – спросил я, обращаясь к девушке, ответ которой должен был быть чуть более развернутым.

– Бриллианты... плюс редкие металлы... в общем, это не так важно, – сказала она, пожав плечами и отмахнувшись от меня.

– Но как?! – спросил я – Откуда вы все это!

Я вновь развел руками, указывая на пускай небольшой, но все-таки подводный город.

– Торговля, – девушка улыбнулась и беззаботно подмигнула мне. – Здесь неподалеку есть промышленные населенные пункты. Туда мы все и продаем и оттуда у нас средства на создание нашего небольшого рая.

До этого веселая девушка внезапно стала грустной, и я вновь подумал о том, что в скором времени я ознакомлюсь с новыми типами, с новыми вариациями тоски. Это вызвало прострел в сердце.

«Будь осторожен в своих желаниях», – подумал я, вспоминая о том, как страстно желал вновь начать чувствовать хоть что-нибудь.

День сто восьмой.

– Вы все из города Женщин? – спросил я.

– Большинство из нас оттуда, – ответила девушка, медленно кивнув. – Но есть и такие, как ты. Те, кто попадал в проблемы в городе, населенном дамами. Есть и приезжие из близлежащих населённых пунктов.

– А что это за «близлежащие»? – спросил я, интонационно выделяя зацепившее меня слово.

– Есть тут несколько... – она туманно махнула рукой. – В основном, это разные торговые представители, которые приезжают сюда для торговли. Так было и так есть по сей день. Но рано или поздно отсюда уезжают...

«Вот оно как! – подумал я – Вновь я вижу эту тоску в её глазах! Я вновь чувствую меланхолию в голосе!»

– А так нам везет! – сказала она. – Благодаря жизни в воздушном подводном пузыре мы всегда обеспечены рыбой! – и пожалала плечами, переводя тему в другое русло.

– Еда! Еда! – кивнул диггер. – Нам тут хорошо. Мы работать. Они помогать работать! – он стукнул себя кулаком в грудь. – Мы диггин. Они продавать! – другие мужчины, сопровождающие нас, весело загалдели. – Мы вместе!

– Да! Вместе! – девушка, словно повинувшись общему импульсу единения, подняла руку, сжатую в кулак, над головой, и тут же эскорт поддержал этот жест. В этом чувствовалась колоссальная сила. – Мы все были изгоями, мы были мусором нашего мира! – девушка продолжила говорить, а от её голоса исходила аура печали. – Теперь мы строим свой собственный мир!

Я слышал её попытки сказать что-то красивое, но... почему-то слышал следующее: «Мы были мусором!.. а теперь мы мусор другого типа».

День сто девятый.

Меня привели в место под названием «Центр временно-го пристанища». Это было небольшое здание, своим видом напоминающее огромный нарост плесени или мха. Не было ни таблички, ни указателя, лишь только слова. Вообще, мой психоз уже давно подметил отсутствие письменности в этом городе, а над этим местом была надпись... Видимо, отсутствие табличек было необходимой условностью, связанной с неграмотностью диггеров.

– Вы намерены остаться или скоро уедете? – спросила девушка-администратор.

– Я в скором времени уеду, – учтиво ответил я.

«Ты глянь!»

«Обрати внимание!»

«Ты точно это заметил?!»

Мой психоз громко смеялся и вопрошал. Спрашивал меня без единой остановки о том, обратил ли я внимание на штамп на заполняемом ей документе. А я обратил. Из-под моей руки они поступали сюда множество лет подряд.

«А как называется это место?» – спросил я и получил ожидаемый ответ.

«Сколько лет ты гадал, кому нужны эти буклеты, тем более в таком чудовищном количестве?! – смеялся психоз. – Давай! Скажи им, что ты тот оператор, с которым они связывались!»

Я предпочёл промолчать. Хотя бы потому, что заказчиком

было частное лицо из другого места. Из-за всех этих несвязанных фактами цепочек в моей голове царил хаос, но я знал, в этом случае мне лучше молчать и не задавать лишних вопросов.

День сто десятый.

– Мы здесь только добываем и ничего не производим. Здесь невозможно производить, и по этой причине мы вынуждены закупать, закупать и закупать. Здесь есть электрическая железная дорога, чтобы обеспечивать поставки, – рассказывала девушка, провожая меня к месту ночлега в нескольких кварталах от министерства «Центра временного пристанища». – Дорога беззвучная, что позволяет избежать обвалов...

– А как вообще возникло это место в целлофановом воздушном пузыре? – неожиданно даже для себя выпалил я.

– О... – девушка выдохнула. – Есть только старые байки об этом, – она задумалась. – Якобы, раньше здесь было племя копателей. Они специально пришли сюда в поисках минералов и руд, и они не прогадали. Пустыня оказалась крайне плодородной на ресурсы, и они копали и добывали. Копали и добывали. И вывозили все, что только можно. Однажды часть этих копателей решила уйти в сторону, и...

– Так возник город Женщин? – я перебил своего проводника, но мне было слишком любопытно.

– Что-то типа того... – ответила девушка, немного помол-

чала, а после продолжила: – Те, что ушли, тоже нашли хорошее место, а здесь, поскольку тоннели были сплошным лабиринтом, люди сразу решили спуститься в подземелье. В какой-то момент они уперлись в озеро, что теперь над нами. И тогда одному из старейших пришла идея уйти вниз и под центр водоема, а после надуть большой... эм... пакет... потом тонкую стену между целлофаном и озером аккуратно разрушили, ныряя в озеро, и таким образом сделали скрытый под водой город.

День сто одиннадцатый.

– А что насчёт электрички? Откуда и куда она ведёт? – спросил я, чувствуя давление толщ воды и тусклого бледно-голубого цвета.

– Ближайший к нам город... его сложно назвать городом... но это город, – путано начала говорить девушка.

– Ближе к теме, – холодно сказал я, чувствуя лишь голод и усталость... я сгрыз все подошвы, которые только смог отыскать.

– Это металлургический завод, – сказала спутница. – Но и заводом это место нельзя назвать, так как это целый город, – сказала она.

– А что дальше? – спросил я, стараясь выяснить своё дальнейшее движение и понимая невозможность возвращения домой по собственным следам.

– Дальше фермы, – сказала она, и в этот миг огонёк тоски

мелькнул в её глазах. – Там так красиво! А воздух!...

Она закрыла глаза, на секунду окунув лицо в мечту, как в воду в раковине, и вдохнула. В следующий миг лицо девушки исказилось отвращением и тоской.

– Как туда попасть? – спросил я, уже планируя свой побег из города диггеров и сильных женщин.

– Надо купить билет и уехать, – она пожала плечами. – Самое главное, чтобы была возможность... – Вновь тоска в её глазах заставила меня задуматься, а мой психоз спровоцировала на размышления.

«Она прикована к этому месту».

«Как заложница».

«Рапунцель?»

«Золушка?!»

«Не спрашивай! Не лезь в чужую жизнь», – крикнул психоз, но было поздно.

День сто двенадцатый.

– Раз тебе здесь так не нравится... раз тебе здесь так плохо... почему ты все ещё здесь?! – выпалил я, отчего моя нерешительность в испуге и удивлении подпрыгнула на месте. Она не ожидала от меня такого выпада... ни она, ни девушка, сопровождавшая меня.

– Потому что... я не могу, – сказала она, замявшись.

– Но ведь я же смог покинуть свой город Грусти! – сказал я, примеряя её жизнь поверх своей. Точнее, отдельный факт

её жизни поверх жизни моей.

– Молодец, – сказала она, склонив голову. – Но это говорит лишь об отсутствии обязательств. Легко бросить все то, что является ничем... ведь так?

Её взгляд прошил меня насквозь, и холод пополз вдоль моего позвоночника.

– А какие у тебя обязательства? – спросил я, уже догадываясь о том, каким будет её ответ.

– Это неважно, – ответила она, не опровергнув, но и не подтвердив моей теории. – Просто поверь... я не могу покинуть это место. Не сейчас... возможно, никогда, – сказала она, и в глазах её я увидел отражение воспоминания о тех бескрайних, невероятно светлых полях ремесленников.

– В какой стороне вокзал? – спросил я. – Если есть возможность, сегодня же я покину вас.

– Электричка уже ушла. Следующий рейс будет только послезавтра, – сказала девушка. – Один день в одну сторону, один день – в другую. Таков распорядок.

– Ну... что ж...

– Да... У тебя есть уникальная возможность проникнуться этим городом, – сказала она и натянуто улыбнулась.

– Есть возможность прочувствовать жизнь под водой, – так же натянуто ответил я.

«Тебе не избежать изучения местной тоски», – сказал голос моего рассудка, пробившись сквозь недовольный гомон психоза.

День сто тринадцатый.

Ночь в подводном городе была поистине чёрной. Скитаясь по наполненным улочкам, я будто бы смотрел в пустые глазницы смерти, подсвеченные тускло блеклыми, бледно-голубыми искрами фонарей. Люди, которые с рождения жили здесь, явно не нуждаются в свете. Они перемещались по звуку, по интуиции, по памяти... или же вышли на новый виток эволюции и теперь обладали способностью чётко видеть в темноте...

«Благо деньги во всем мире – всего лишь деньги», – подумал я, покупая стейк рыбы в забегаловке. Откусив кусочек, я удивился, словно впервые в жизни пробуя жареную рыбу; я чувствовал вкус таким, каким никогда раньше не ощущал.

«Странно... ведь вода тоже вкусная, – подумал я, вспоминая то, как впервые напился водой, свалившись в подземелье. – Такое впечатление, будто бы лишившись способности полноценно видеть, я обрёл чуть более восприимчивое чувство обоняния и более острое чувство вкуса, – подумал я и тут же вспомнил о девушке, что провела со мной почти весь день. – Наверное, те бескрайние поля и тот воздух для неё такие же невероятные, как пища и питье для меня здесь, – подумав об этом, я с досадой ухмыльнулся. – Паршивое... самое паршивое в том, что ко всему можно быстро привыкнуть, а после привыкания, через время, наступает мука... всегда надо быть осторожным в своих желаниях...»

Я шёл по улице в сторону ночлега и взвешивал свою жизнь офисного планктона, когда я сначала хотел, мечтал прекратить жить, потом желал потерять чувства, затем вновь нуждался в ощущениях... и невероятное сейчас, в котором я просто хочу жить.

«Надеюсь, это желание не войдёт в привычку», – подумал я, когда уже вернулся в своё временное прибежище, опуская голову на некое подобие подушки.

День сто четырнадцатый.

Ночь, прожитая под водой, показалась мне вечностью. Вязкой, тугой, расширяющейся вечностью. Чем больше я желал наступления утра, тем дальше, как мне казалось, оно было. Но есть одно «но», которое вносит свои поправки. Оно связано с тем, что я не видел ни заката, ни рассвета в этом месте. Рассвет я просто не застал, а закат пропустил, так как в этот миг был в ночлежке и оформлял разрешение на временное проживание в подобии гостинницы.

Рассвет под водой, преломленный тонкой пластиковой пленкой, оказался настолько красивым, что ради этого зрелища стоило пережить все то, что со мной случилось. Это зрелище стоило того, чтобы после него отправиться на небеса и там, сидя в кругу родственников и друзей, будучи в компании ангелов, рассказывать о том, насколько великолепен рассвет под водой. Я мог бы поделиться тем, как глубина принимает алые краски, рассекает их на спектр и приобрета-

ет разные цвета. О том, как вода играет светом и пульсирует холодным синим, изменяясь до тёплого красного. Я мог бы рассказать всем им о том, что такое тонкая экосистема подводного города диггеров и женщин с её крошечной тьмой и тусклыми фонариками, с её духотой и вялой дневной суетой, с её ежедневными моментами зарождения и угасания звезды по имени Солнце.

«А ведь она не видит в этом ничего особенного, – думал я, пока ждал заката. – Она настолько привыкла к этому, что не замечает этой Красоты!»

«Да...»

«Это плохо...»

«Это печально...»

«Нет ничего хуже, чем привыкнуть и не замечать красоты перед собой.»

Даже мой психоз поймал волну апатии и процедил часть моих мыслей сквозь зубы.

День сто пятнадцатый.

Я купил билет и теперь стоял на перроне вокзала. Раннее утро было подсвечено теми самыми, самыми яркими, самыми мягкими цветами из всех, что я когда бы то ни было видел. Впереди меня ждала длинная кишка тоннеля из-под воды в мир над землёй. Меня это и радовало, и разочаровывало одновременно. Я даже купил магнитик в сувенирной лавке, чтобы сохранить вечную память об этом городе. Ещё я сде-

лал всё, что было в моих силах, чтобы не вникать во внутренние проблемы этого места. В какой-то миг я понял, что не хочу знакомиться с новыми видами морально-душевной сердечной недостаточности. Я понял, что мне хватит того, что я узнал от девушки, которая вечно будет гнаться за персональным раем, а тот вечно будет ускользать от неё просто потому, что она не относится к людям, охарактеризовать которых можно словосочетанием «человек-привычка». Ей всегда нужны новые, яркие, светлые впечатления... обыденность и привычки вгоняют её в апатию.

Я сел в электричку, и мы тронулись с места. В сторону города-завода. В центр производства всякой всячины. Мы тронулись с места, и я провалился в тяжёлый сон, сквозь который увидел бледно-голубые огоньки ламп и вспомнил о том, как встретил диггеров в этом подземелье. А потом эти источники света приняли очертание и словно начали приближаться. Они становились больше, чем просто точка где-то впереди. Затем, в самом центре, я смог рассмотреть маленькие чёрные точки. Они тоже становились больше и приближались ко мне. После я будто бы моргнул и потерял из поля зрения бледно-голубые огоньки, а когда нашёл, мне стало натурально больно. Я подавился собственными легкими... сердце поломало несколько рёбер, что защищают его... Перед собой, во сне, я увидел ту самую, что посылала мне шифры на языке цветов.

День сто шестнадцатый.

Стук колёс не прекращался очень долгое время. Сквозь крошечную тьму, подсвеченную глазами её цвета, меня несло вперёд. После крепкого сна я был наполнен мыслями, от которых хотелось избавиться. Не потому, что они были неприятными, а для того, чтобы не думать. Я хотел было заговорить с кем-нибудь из тех, кто вместе со мной сидел в одном вагоне, но так и не решился. Мне не хотелось заводить очередное краткое знакомство, не хотелось впускать в зону своего комфорта незнакомца, не хотелось общаться... а потом мы выехали с арены крошечного мрака.

Это была невероятно длинная прозрачная... труба... под водой. Я поднялся с места и начал ходить с одной стороны вагона в другую в попытках увидеть, впитать в свой мозг всю ту невероятную красоту, о которой я и помыслить не мог в пыльных районах города Грусти.

Мы двигались по рельсам, находясь в самом центре плотного цилиндра, а вокруг нас была вода. Космическое пространство на земной поверхности. Такое же невесомое, такое же плотное, такое же завораживающее, как само небо.

«Гравитация исчезла из моей жизни, – подумал я. – Словно покинул свой мир и проник в потайной... о котором жители города Грусти не догадываются.»

День сто семнадцатый.

«Запомни... заруби на носу... возьми на карандаш... и

никогда не забывай о том, что любой космос имеет границу, за которой скрывается лишь пустота... подсвеченная огоньками цвета её глаз», – прошептало сознание после того, как плотный прозрачный цилиндр трубы вновь нырнул под землю, окунув в ту чёрную часть, где у бывших находится их сердце.

Электричка вновь очень долго преодолевала пространственно-временной интервал, приближая меня к новому городу, о котором я никогда раньше не слышал. Благодаря свободному времени в пути я смог нафантазировать себе высокотехнологичную базу, в которой работают и люди, и машины, и, может быть, даже киборги. Я представлял серо-голубые своды невероятно высоких потолков, под которыми перемещаются кран-балки и перемещают разнообразные грузы. Представлял небольшие грузовые автомобили, которые нужны только для того, чтобы работать. Я представлял, и мне страсть как хотелось увидеть свою фантазию наяву. Но всё рухнуло в тот миг, когда кишка тоннеля высвободила электричку в жёлто-красное, пылающее жерло, похожее на вулкан.

«Никогда... слышишь?... никогда не верь тому, о чем ты мечтаешь... – прозвучал мой рассудок. – Потому что тебя ждёт разочарование в девяти с половиной случаях из десяти».

День сто восемнадцатый.

«Ты помнишь ту шубу на «лухари ви-ай-пи мадам», от которой воняло уксусом? А помнишь аммиачный запах своего подъезда?... Ты помнишь крики соседей сверху? А о том, как громко стучит кирка, разбивая породу? Ты помнишь, как закладывает уши звон кромешной тоски в тесных квадратных метрах?!» – рассудок измывался надо мной и моим психозом... даже рассудок теперь смеётся надо мной.

«Ты помнишь приглушённый свет и тяжёлое дыхание от попыток обрести чувства?! А боль от столкновения лица с плотным полотном асфальта?! Ты помнишь того самовлюблённого засранца во главе скучного кружка зануд, наркоманов из высшего социального слоя и откровенных психов?... А тот дядька с тяжёлым взглядом понимания, что смазан анестезией многолетней депрессии?! Ты помнишь это?! – рассудок решил ездить мне по мозгам до победного. – А теперь взгляни на это место!»

Точка вокзала образовала собой огромную пентаграмму во славу бога Дорог. На выходе из электрички девушка в красивом тёмно-алом пиджаке и мини-мини-юбке выдала мне респиратор, беруши и облитые перчатки. Пластмассово улыбнулась и пожелала удачи.

Я сделал первый шаг из вагона и попал на усыпанный пылью, металлической крошкой, пеплом и сажей перрон города Завода.

«Стерильная чистота?» – хмыкнул рассудок и повернулся ко мне спиной.

Город Завод

День сто девятнадцатый.

Едкий, серно-стальной запах пробирался даже через мембрану фильтра. Пепел, пыль и масло, смешанные в скользкий слой, тёмными островками пролегли на всей протяженности моего пути к билетным кассам.

«Ты же так сюда хотел! – смеялся рассудок. – Что случилось? Больше не хочешь?!» – он стервозно звучал в моем задыхающемся сознании.

– Куда идёт бли...

Меня перебил мужчина с густыми бровями, который восседал на своём рабочем троне, спрятавшись за пуленепробиваемым толстым стеклом.

– Станция закрыта на техническое обслуживание. Возвращайтесь через два наших рабочих дня, – сказал он так, будто бы я остатки дерьма, что упорно не хотят смываться.

– Но билет-то я могу купить?! – отчаяние взяло бразды правления над голосовыми связками.

– Куда? – и не было предела отвращению сотрудника вокзала ко мне, и моего отвращения к сотруднику вокзала.

– Как можно дальше отсюда, – злой шепот вырвался из моих лёгких.

В течение минуты я заплатил треть оставшихся после города Женщин денег, взял билет и пошёл прочь с вокзала. Я надеялся, что первое впечатление может быть связанным

только с местом прибытия, но, как только двери открылись и я увидел сам город...

– Не. Могу. Дышать, – кое-как выдавил я из себя и закашлялся. Ещё через минуту моя ладонь окрасилась в размыто-алый цвет.

День сто двадцатый.

Никак не могу адаптироваться к этому месту. Меня пугает ритм, меня страшат звуки, меня напрягают цвета, мне все время приходится уворачиваться от циркулирующих крюков кран-балок, от пульсирующих кар и людей, управляющих гидравлическими рохлями. И всё это на улицах города, с оживлённым движением, обычным автомобильным транспортом и людьми.

Кстати, жители города открыли мне один из подвидов человека разумного. Про себя я назвал их «шестерёнки». Они заставляют этот город существовать, механически приводя друг друга в упорядоченное движение. Связи между ними я увидел в форме цепей. Хорошо промасленных звеньев, приводящих узлы в движение... и всё это выполняли грязные, плохо пахнущие потом, алкоголем, серой и сажей люди. С засаленными лицами и волосами, чёрными от угольной пыли.

«Ты хотел увидеть ад?! – засмеялся рассудок, оттесняя психоз в самый дальний угол себя. – Вот его воплощение на земле! – мой внутренний голос жутко засмеялся. – При этом

ты ещё ничего не знаешь о местной бюрократической системе!» – услышав это, я почувствовал холод и мурашки, что заполонили мое тело.

День сто двадцать первый.

«Здесь даже солнца не видно... из-за стального купола крыши», – заключил я, посмотрев наверх и не найдя кристалликами глаз ни голубого, ни серого, ни какого бы то ни было неба. Лишь чёрное, плотное ничто, с которого падали вниз лучи прожекторов.

«Это невероятно! – подумал я, сдерживая тяжелый кашель. – Как люди могут жить в этом месте?!» – эта мысль, порождённая очередным спазмом мышц дыхательных путей, засела в моей голове до того момента, пока я не нашёл место, в котором смог бросить своё уставшее от дороги, от непродолжительного, но тяжёлого перехода по городу тело.

– Можете снять маску, – сказал молодой мужчина, стоявший на рецепции. – В нашем отеле работает вентиляционная система с включенной фильтрацией воздуха.

Он был бодр, выбрит и смотрел на меня жадными глазами, представляя меня в виде кошелька с ножками и ручками.

Я снял маску и впервые за последние несколько часов вдохнул полной грудью. От этого я не закашлялся, не почувствовал боли в груди... лишь необходимый мне кислород.

– Как вы можете жить здесь?! – поинтересовался я, расплачиваясь из стремительно пустеющего кармана, на что по-

лучил взгляд непонимания.

– Вы о чем?! Это же земной рай!

Халдей смотрел на меня таким взглядом, что я практически поверил этому, но потом я вспомнил, что в этом городе нет неба, и одумался.

День сто двадцать второй.

Я поймал себя на мысли о том, что сутки здесь исчисляются иначе – неделями во внешнем мире. Потом, мои опасения подтвердились. Это произошло тогда, когда я гулял по супермаркету и, в тщетной попытке сэкономить, выбирал лапшу быстрого приготовления, консервированные бобы и несколько бутылок воды.

Здесьние цены привели меня в шок. То, что в городе Грусти или в городе Женщин стоило копейки, здесь имело ценник, который невозможно перекрыть зарплатой обычного клерка. Здесь необходимо впахивать в течении рабочих суток этого места, каждый день.

– ...Мы работаем в четыре смены, из которых складывается рабочий день. Одна смена равна двадцати четырём часам, – приглушённый голос из противогаза ответил мне тонкими нотками девичьего голоса. Я посмотрел в окуляры резиновой маски, чтобы увидеть большие, искренние глаза кассирши.

– ...Эм... спасибо... наверное... – произнёс я, сомневаясь в каждом сказанном слове, после чего сильно закашлялся.

Во рту, в очередной раз, появился солёный, слегка стальной привкус крови, говоривший мне о том, что пора покидать центр заваленных пылью товарных полок.

Я вышел на улицу и посмотрел вверх в надежде увидеть небо, которого не было в этом городе. Через секунду в моей груди защемило от подпрыгнувшего и побежавшего сердца. Это случилось из-за внезапного, громкого, жуткого гудка, напоминавшего сирену. Производство, жизнь в городе тут же остановилась. Даже люди замерли на местах... как роботы... Это длилось не дольше полминуты, после чего жители двинулись с мест, обсуждая конец третьей смены.

День сто двадцать третий.

Обычно сон помогает убить время. Обычно сон спасает от длительного ожидания. Обычно сон оберегает от губительного влияния собственных мыслей. Но тут я не могу уснуть. Я слышу, как бьётся сердце города, проталкивая кран-балки, людей, пыль и запах серы по своим тонким сосудам.

«Жди...»

«Скоро...»

«Осталось чуть-чуть...»

«Совсем чуть-чуть...»

Мой психоз тоже ждёт того, когда мы сможем вырваться с завода. Рассудок – единственный, кто громко смеётся, поддерживая громкую музыку городской жизнедеятельности. Он же не позволяет мне уснуть, каждый раз выдерги-

вая меня из состояния дрёмы и представляя передо мной в облике меня.

«Ну что, ты всё ещё хочешь найти идеальный город? Ты всё ещё хочешь увидеть то место, которое про себя окрестил «город тотальной Тоски»?.. А теперь вот над чем подумай... Вдруг то место, куда ты так хочешь прийти, будет ещё хуже этого?! И там ты будешь сдыхать ещё быстрее?! Ведь ты и здесь не можешь нормально дышать...»

– Заткнись! – взрываюсь я, сидя на стуле в своей небольшой съёмной гостиничной комнате. – Заткнись! Заткнись! Заткнись!

Я стучу кулаками по кровати, и тут же раздается жёсткий стук в стену.

– Сам заткнись, кретин! – кричит мой сосед, и я чувствую прилив ностальгии по отношению к своим соседям сверху, которые так часто обсуждали место, в котором стоит оставлять носки, и невыполненные обязательства по мытью полов.

День сто двадцать четвёртый.

«Зачем ты здесь? – спрашиваю я свой материализовавшийся рассудок. – Не «зачем?», а «почему?» – ядовито замечаю я, обращаясь к самому себе.

– Почему я здесь?

В голосе моём недоверие даже в обращении к самому себе, и это правильно, ведь рассудок жестоко шутит с моим просевшим восприятием.

«Потому что ты ищешь идеал!» – «Я» откровенно ржёт надо мной...

– Но почему я вижу себя... то есть, тебя?! – мой голос срывается на крик шёпотом... я вынужден удерживать в мыслях своих вечно выясняющих отношения соседей сверху, дабы не забывать, что я здесь, в гостинице, не один.

«Потому что ты не можешь НЕ видеть меня!» – вновь жуткий смех меня, обращённого ко мне.

– Почему ты не даёшь мне уснуть? – спрашиваю я, обращаясь к себе.

«Потому, что не хочу спать», – отвечает рассудок и разваливается на стуле.

– Но я хочу! – вновь срываюсь на крик шёпотом, после чего озираюсь по сторонам.

«Какой ты зашуганный... маленький мальчик!..» – рассудок насмехается. Уже даже психоз отказывается терпеть столь наглое вмешательство в личное пространство.

«Всеки...»

«Ударь».

«Порви на части!»

Психоз пробивается сквозь рассудок, через мои собственные мысли, и призывает меня убить меня самого.

– Заткнитесь! – взрываюсь я, всё же срываясь на крик.

Ещё через минуту стук в дверь прерывает состояние персонального помешательства.

– На вас поступило несколько жалоб. Согласно политике

нашего заведения, мы вынуждены отказать вам в дальнейшем оказании услуг. Просим самостоятельно покинуть гостиницу, – прилизанный, улыбочивый, совершенно отвратительный своей радужностью халдей вызывает у меня рвотный позыв. Ещё через минуту меня выбрасывают на улицу.

«Второй раз в жизни ты побывал в невесомости!» – смеются психоз и рассудок.

День сто двадцать пятый.

Я кашляю кровью уже две смены. Осталось совсем чуть-чуть – и я покину этот пепельный и пыльный Хельхейм... этот пышущий сероводородом и пламенем Тартар... этот украшенный стучащими и грохочущими сталактитами-станками, гудящий и скрипящий тормозами сталагмитов-кранбалок Миктлан. Ещё чуть-чуть – и на встречу со мной придёт великий поэт Вергилий и поведёт меня навстречу тем, кто был до меня, и тем, кто ещё будет... Ещё немного – и моё нутро разорвётся в клочья от донимающего меня кашля!

«Да зайди ты уже хоть куда-нибудь!» – в последнее время объединившиеся психоз и рассудок пытаются уговорить меня потратить тот небольшой остаток денег на то, чтобы заехать в максимальный бомжатник или притон, лишь бы там была нормальная фильтрация воздуха. Если две смены назад они ржали и донимали меня, то теперь следуют за мной, стирая свои колени... настолько сильно они не хотят кануть в Лету.

– Нет... – спокойно декламирую я, отхаркивая очередной сгусток слюны и алой жидкости, и ломаясь пополам от раздирающей грудную клетку боли. – Всё это – благодаря вам... – я уже не стесняюсь говорить в полный голос... окружающим откровенно насрать. – И если мы встретимся с... то это будет на вашей совести.

Кашель проявляется всё чаще. Даже попытки поднимать респиратор и сплёвывать смесь с металлическим привкусом не помогают спасти маску и сейчас она всё больше окрашивается в цвет снисходящей на нет жизни.

Звук звонка сообщает о закончившейся смене. Он смешивается с великим множеством голосов в моей голове. Они кричат: «Беги на вокзал!» – но мне слишком приятно чувствовать их страх. Поэтому я иду пешком.

День сто двадцать шестой.

Стук колёс уносит меня прочь от завода. Столь ехидный и злорадный рассудок молчит. Столь весёлый психоз поддерживает рассудок в сохранении табу на нарушение тишины. А я смотрю в окно и удивляюсь размаху, с которым возводилось это место. Я видел сталелитейные цеха и гальванику, я видел малярку и очистку стали от ржавчины и старой краски.

– Смешно... – хмыкнул я, нарушая эмбарго. – Наша земля подобна стальному шарикю. Человечество при этом – коррозия... извечно голодная.

«Завязывай философствовать, – холодно сказал рассу-

док. – То ты называешь нас грязью, то пылью, то дерьмом. Теперь ты умудрился сравнить нас с ржавчиной. Скажи, тебе самому не надоело это?»

«Нет»

«Ничуть».

«Ведь так и есть!»

«Да!»

Мой психоз встрял в мой разговор с самим собой.

– Ещё человека можно сравнить с вирусом...

Голос, содержащий в себе нотки раздумий, прозвучал из-за моей спины. Я обернулся, чтобы посмотреть на обладателя грубого хриплого голоса. Тот сидел спиной ко мне. Правой стороной своего тела он прислонился к стене, разделяющей пассажиров и ужасный город.

– Почему? – в один голос спросила вся невнятная компания, поселившаяся в одной моей голове.

– Потому, что мы разъедаем организм носителя. То есть, Землю, – сказал он, не оборачиваясь.

– А кто вы? – спросил я, надеясь на продолжение интересной беседы.

– Одна из бактерий вируса, – ответил тот, не оборачиваясь. Этого ответа было достаточно для дальнейшей беседы.

День сто двадцать седьмой.

– Кто ты? – спросил я.

– Киборг... – ответил сидящий спиной ко мне мужчина.

– Прости... кто? – я не поверил его словам, а психоз и сознание хмыкнули в один голос.

– Я киборг, – повторил собеседник, что выглядит обычным бездомным.

– Что?! Этого не может быть! – сказал я и усмехнулся.

– Но ведь я же есть... – спокойно ответил собеседник.

– Но как?! – изображая удивление, спросил я.

– Это уже другой вопрос, – спокойно ответил сидящий ко мне спиной человек.

– Что ты тут делаешь?

Теперь меня не отпускало любопытство, даже несмотря на то, что собеседник казался мне откровенным психом.

– Еду, – бесчувственно ответил мужчина.

– Куда? – интерес распирал, разъедал меня изнутри.

– Неважно... – в его голосе было полное отсутствие эмоций.

– Ну, ладно...

Конечно, я не мог заставить его отвечать, поэтому решил капитулировать с поля дискуссионной баталии.

– В смысле, не важно куда. Просто еду, – собеседник сохранял непоколебимое спокойствие.

– Так же, как я.

Пожав плечами, я отвернулся от мужчины и вновь уставился в даль вагона.

– Какое совпадение, мы оба едем в место под названием «не важно куда». Как и многие, кто сидят на этих лавках!

Правда, ещё не осознают, что конечная точка маршрута называется точно так же, как у нас, – продекламировал сидящий позади.

– Почему ты так думаешь? – спокойно спросил я, неподвижно оставаясь на своём месте.

– Потому что все те, кто едет «в никуда», находящееся «в никогда», устали. Остальные лишь стремятся к этому состоянию, – пожал плечами мужчина, однако его слова меня заинтересовали.

– То есть, по-твоему, я устал? – с усмешкой спросил я.

– Об этом ты должен спросить сам себя... – неизменно спокойно заметил он.

«Ты чертовски устал...» – в один голос обратились ко мне мой психоз и рассудок.

День сто двадцать восьмой.

– Ты сказал, что ты киборг, так? – спросил я через несколько часов тишины.

– Точно, – ответил мужчина в лохмотьях.

– Так как ты мог устать? – спросил я, хитроумно стараясь подловить, загнать в тупик собеседника.

– Устал не я. Я не могу устать, – туманно ответил тот, и вновь повисла тишина, но, ненадолго.

– В смысле?

Я старался найти необходимую мне информацию из той краткой фразы, что мне была дана. Потерпев фиаско в своих

умоисчислениях и умозаклчениях, я задал единственный вопрос, который смог выжать из своего рассудка, который пребывал в состоянии непонимания смысла полученной информации.

– Устали от меня и списали в утиль, – сказал мужчина и зашевелился. – И вот, смотри.

Я услышал, как он копошится, и решил обернуться. Мужчина поднял левую руку вверх, но руки там не было. Лишь обломок того, что должно быть рукой. И это действительно был обломок, из которого торчали провода, закупоренные трубки пневматической и гидравлической систем, и части каркаса с силиконовым подобием мышц и стальной адаптацией под скелет.

Моя челюсть отвисла. Натурально. До этого момента я не воспринимал собеседника всерьёз. Он казался мне одним из тех, с кем мне пришлось полежать в одном из отделений психиатрической помощи...

– От меня устали и выбросили на помойку, – сказал перенедочеловек, убирая то, что должно быть рукой, под тряпье своей одежды.

– Хм... – хмыкнул я от заполнивших голову мыслей. – Это так похоже на человека... выбрасывать на помойку то, что надоело...

«Люди делятся на два типа».

«Тех, кто выбрасывает надоевшие вещи и людей...»

«И на тех, чья жизнь – коллекция дерьма из дерьма».

Мой психоз попытался умничать, но лишь хмыкнул, не в состоянии сформулировать мысль до конца.

«Вспомни! Я, ты, мы говорили об этом! – рассмеялся рас-судок. – Всего лишь грязь», – сказал он и оглушительно громко засмеялся.

День сто двадцать девятый.

– Что случилось с рукой? – спросил я, всё пытаюсь пере-варить факт того, что веду диалог с киборгом.

– Производственная травма!

Впервые проявив эмоции, собеседник рассмеялся, но в этом смехе была боль. В его смехе были бездонное разоча-рование и бесконечная боль!

– И что дальше? Неужели нельзя было починить?

Этот мой вопрос ввёл собеседника в апатию.

– Починить? – риторический вопрос повис, как неудовле-творенный непродолжительной жизнью и оценками школь-ник. – Я из того места, где не чинят, потому что в этом не смысла. Потому что, если что-то ломается, то в девяносто пяти процентах случаев из ста ломается окончательно и бес-поворотно, – ответил он на свой вопрос, который не требо-вал ответа.

– Но как так? – спросил я, понимая, что лезу не в своё дело, что погружаюсь в чужие проблемы.

– А как иначе? – ответил вопросом на вопрос киборг. – Вот подумай, кровеносный... если бы вас можно было бы

лечить, тем самым гарантируя вечную жизнь, что случилось бы с планетой?

– Я думаю... – начал я и задумался, после чего понял: – Было бы перенаселение, голод, болезни и, как следствие, постоянная война на выживание.

– Теперь то же самое перенеси на машины. Только с двумя условностями. Первая заключается в том, что мы не настолько глупы, чтобы воевать... даже с человечеством... даже несмотря на уже взломанный протокол Азимова... Вторая условность заключается в том, что нам не страшны ни болезни, ни время, ни голод. Было бы тотальное загрязнение на глобальном производстве объёмом в планету... в несколько планет... и перенаполнение. Киборги стояли бы на обломках киборгов и заполняли бы каждый миллиметр пространства. Поднимаясь все выше и выше, – спокойно рассказывал бездушный пере-недочеловек в лохмотьях. – Звучит странно, но, поверь, так бы и было... Поэтому нашу численность поддерживают в допустимых рамках и каждый киборг согласен стать мусором с момента окончания производства.

«И прекрасно, и ужасно одновременно», – подумал я и удивился тому, что мужчина, словно прочитав мои мысли, сказал:

– Вечный танец баланса вокруг пустоты...

«Вот только при чём тут пустота?» – спросил мой рассудок.

«Пустота – это существование», – ответил психоз.

День сто тридцатый.

Затем мы долгое время ехали молча. Я смотрел в окно, а оттуда тьма смотрела на меня. Она лезла внутрь. Длинными тонкими пальцами она проникала через грудную клетку и создавала вакуум внутри. Не было ни мыслей, ни желания, ни настроения. Мы просто ехали под мерный тихий стук колёс.

Психоз и разум тоже молчали, что было удивительным. В последнее время я устал от этого скопления голосов в моей голове, а сейчас начал думать о том, что мне их не хватает. И это были первые мысли за не малый промежуток времени.

– А куда ты едешь? – прозвучал голос киборга.

– Я не знаю, – честно ответил я. – Куда-нибудь...

– Это хорошее место? – мужчина в лохмотьях задал мне очень правильный вопрос, на который я не смог быстро ответить.

– Наверное... – в моём голосе были задумчивость и нерешительность. – Наверное, это не так уж и важно.

– Почему?

Мы продолжали нашу беседу, сидя по разные стороны.

– Потому, что я никогда его не смогу найти... – ответил я и подумал о том, что мои слова похожи на бред. – Хотя я не ищу ничего конкретного. Просто еду...

– Может быть, это «просто еду» и есть то место, которое ты ищешь? – спросил киборг.

– Возможно... – пожал плечами я. – Возможно, я ищу место, которое находится ни «где», а «когда»... а может, и нет. После такого моего ответа вновь повисла тишина.

День сто тридцать первый.

– А ты в курсе, что мы уже покинули тоннель? – спросил киборг, вырвав меня из сладкого плена сна.

– Что? – я не расслышал его вопрос и, щурясь со сна, тут же переспросил.

– Ты в курсе, что мы вышли из тоннеля? – мой сосед повторил свой вопрос.

Я посмотрел в окно. Там, в тусклом свете одиноких лампочек, отразившись от неизменной тьмы, властвующей по ту сторону стекла, я увидел своё помятое отражение.

– И... с чего ты взял, что мы покинули кишечник? – вот, о чём спросил я, продолжая наблюдать своё лицо, выражением которого игрались психоз и рассудок.

– Звук, – коротко сказал киборг, после чего я прислушался, но не услышал ничего, кроме мерного «тук-тук, тук-тук» в исполнении колёс.

– Все тот же стук колес, – холодно ответил я, устраиваясь поудобней на своей руке, приложенной к прохладному стеклу.

– Нет... внимательней, – сухо сказал киборг, который решил достать меня своей загадочностью.

– Слышь, может, ты просто радиопередачу поймал и те-

перь гонишь? – небрежно спросил не я, мой рассудок, озвучив те мысли, которые я предпочёл бы оставить при себе.

– Нет, – сказал собеседник, не обратив внимания на мои слова. – Слушай внимательней.

Чтобы проявить к нему уважение, я решил ещё раз попробовать услышать хоть что-нибудь помимо мерного «тук-тук, тук-тук». И я услышал! Это было большое количество еле различимых ударов, которые барабанили по обшивке вагона.

– Это... дождь? – спросил я и почувствовал свет внутри своего сердца. – Это дождь!

Стало так легко, и я наконец-таки осознал, что спустя столько времени, пешком преодолев пустыню и два подземелья, я оказался выше линии горизонта. Я выбрался на поверхность земли.

Город Мечты

День сто тридцать второй.

– Добро пожаловать на вольные поля, – сообщил робот нашей электрички, и двери распахнулись. Первым вышел мой собеседник. Он оказался намного выше, чем казался всё то время, пока пребывал в перекрученной форме на месте номер двадцать три. Я вышел следом за ним и почувствовал тонкую линию прохлады на своём лице. После, буквально спустя несколько секунд, к первой дорожке присоединилась вторая, такая же тропка приятной свежести на лице. Это были слезы, впитывающие в себя ветер и кислород, переме-

шанный с запахом свежескошенной травы, цветов и раннего, полного росы, утра.

– Эй! Куда ты? – крикнул я киборгу, который за время моего краткого забвения ушёл на достаточно дальнюю дистанцию. Тот остановился и повернулся, чтобы посмотреть на меня.

– Разве это имеет значение? – крикнул он мне в ответ, и тут же я нашёл что ему сказать.

– Тогда идём вдвоём!

Я нашёл идеального собеседника и вспомнил древний обычай североамериканских индейцев. У них допускалось прийти к соседу, молча покурить полчаса и уйти... Зачастую невербальный контакт чище, разумнее, лучше... потому что в нём нет слов.

Киборг посмотрел на меня. Немного подумал и пошёл ко мне... Думаю, он тоже понял, что вдвоём идти молча будет намного более комфортно, намного более громко, нежели идти в одиночестве, наедине со своими мыслями... Или он просто решил проявить милосердие, зная о том, что человек не в силах выключить свои мысли, в отличие от киборга, у которого такая возможность есть.

День сто тридцать третий.

Погода была замечательной. Воздух был чистым. Мы шли по бескрайнему душистому полю, а вдалеке видели бесконечный горизонт ферм, разделённых хрупкой системой де-

ревянных заборов, сочетающихся с оградами и клетками из швеллера и сетки-рабицы. Мы шли молча и не нарушали это состояние неловкими перебежками разговора. Мы общались только тогда, когда у одного из нас появлялся действительно интересный вопрос. Так, киборг спросил меня о том, могу ли чувствовать свою душу, а через время я задал ему вопрос о том, как он понимает, что что-то чувствует. Такие темы привели меня к единственному верному выводу: «Я не ошибся в выборе собеседника».

– Если что, ты готов поработать? – поинтересовался я, когда мы преодолели границу неощутимого расстояния до ферм и наконец-таки начали приближаться к крайней.

– Я существую для того, чтобы работать, – неизменно спокойно ответил мой... друг.

– Отлично! – меня обрадовал его ответ. – Я тоже не прочь подзаработать! В моих карманах поселилась плесень, выросшая на пыли.

– Тебе надо есть, пить и спать, так? – еле различимое любопытство сыграло в голосе собеседника.

– А тебе нужна самая сексуальная розетка для подзарядки, да?

В ответ на мой вопрос я получил укоризненный смех.

– Я на солнечных батареях и энтузиазме! – смеялся киборг.

– А если серьёзно? – спросил я, внезапно ощутив приступ голода и поняв, что не знаю, как необходимо поддерживать

жизнеспособность друга.

– Достаточно подключить к нормальному аккумулятору на несколько часов, – сказал мой попутчик. – И я смогу отработать неделю без остановки.

– Мне бы так, – мой желудок недовольно заурчал. – Ладно, давай скорее... иначе мои батарейки окончательно разрядятся, – сказал я, и мы прибавили шаг.

День сто тридцать четвёртый.

Был поздний вечер, когда мы добрались до крайнего из домов. Я постучал в дверь, и нам открыл бородатый мужчина в косоворотке, подвязанных штанах и галошах. Позади маячили разновозрастные дети и женщина с короткой стрижкой. Само жилище было из деревянных брёвен, а внутри обставлено техникой. Несколько секунд я замороженно смотрел, после чего обратился к хозяину дома.

– Простите, – начал я неуверенно, – я и мой друг, мы путешествуем. Вы не могли бы приютить нас на этот вечер? – спросил я и получил внимательный, взвешивающий взгляд.

Мужчина молча изучал нас, и от этого внутри было какое-то паскудное чувство, будто бы я псина безродная, что приползла на порог боярина. Молчание затягивалось. Я развернулся и сделал несколько шагов в сторону ограды.

–Эй! – прозвучал за спиной тяжёлый голос. – Заходите...

Несмотря на всю тяжесть и грозность, в этом голосе слышалась какая-то пронизывающая доброта. Такая, которой

доверяешь, даже несмотря на общий грозный или до крайности опасный вид.

– Спасибо, – сказал киборг и направился к хозяину дома, в дверь которого мы постучали.

– Мы вас точно не стесним? – решил уточнить я, призывая к порядку бушевавшие внутри меня паранойю, нерешительность и страх.

– Всё в порядке! – голос стал теплее, несмотря на по-прежнему тяжёлый взгляд, полный усталости. – Там ляжете, – мужчина указал пальцем в сторону амбара. – Там есть второй этаж. Там лечь можно! – Он говорил громко, неспешно. Он напоминал мне постаревшего богатыря, отошедшего от военного дела и вернувшегося домой для ухода за грядками.

«Наверное, он счастлив», – шепнул психоз, изучая гостеприимного хозяина.

– Чё, пожрать на два рта есть? – спросил он у домашних.

– Я не буду, – строго ответил киборг.

– На одного накрой! – тут же крикнул он, уже не сомневаясь, что ужина может не хватить.

День сто тридцать пятый.

Нас посадили за стол. Поставили на стол два дополнительных комплекта посуды. Вокруг царила домашняя, семейная атмосфера. Тёплая, добрая и очень далёкая... оставшаяся где-то в воспоминаниях.

«Господи... я так давно не навещал своих стариков, – подумал я и был готов разбить голову о стену, осознав свой эгоизм. – Я оборвал часть контактов, выбросив ноутбук в речку свинцового цвета, содержащую в себе ртуть и прочие химические элементы... очутился в психушке и вышел из лечебницы. Порвал оставшиеся контакты, избавившись от телефона... даже сам не помню того, как это произошло... и ушёл в неизвестном направлении. Оставив у двери ещё одно кладбище цветочных писем от той, чьи огоньки глаз наблюдал по всей длине тьмы тоннелей».

С трудом проглотив комок собственной никчёмности, я смог поблагодарил хозяев за их гостеприимство, после чего поймал озадаченный взгляд моего попутчика, который указывал на обломок механизма руки. Это было настолько красноречиво, что я понял – есть он не будет, потому что не может.

– Простите, – тут же сказал я, – мой друг не нуждается в пище... если вы позволите, я объясню... – Что-то подсказывало мне, что они никогда не задумывались о человекоподобных машинах. – Мой друг не совсем человек.

– В каком смысле? – напрягся мужчина, который впустил нас в дом своей семьи.

– Покажи... – попросил я, понимая, что это будет самый простой и быстрый способ объяснения.

Мой друг вынул поврежденную руку из тряпок и показал свой обломок.

– А... ты из этих... – пожал плечами мужчина, практически не удивившись. – Это не проблема. Как раз в том амбаре, куда мы вас разместим, есть аккумулятор.

– Вы уже встречали киборгов? – спросил я, выдавая напряжение.

– Да... некоторые обломки работают на фермах. Это хорошие сотрудники, – он пожал плечами, после чего жестом предложил начать ужин.

День сто тридцать шестой.

Нас разместили там, где и обещали. В принципе, это было не просто хорошее место, а замечательное. Я и мой друг сохраняли тишину долгое время. Киборг не спал. Его тело питалось энергией аккумулятора. Я тоже не спал. Морфей то ли решил не приходить, то ли обиделся на меня.

– Слушай... у тебя же никаких планов нет, ведь так? – спросил я своего друга, который сидел на небольшом стульчике, прицепив клеммы к раскрытой грудной клетке, где был спрятан сложный механизм.

– Никаких. Нет, – исчерпывающе ответил он, не открывая своих глаз.

– У меня деньги заканчиваются. Хочу подзаработать немного... Что скажешь? – спросил я, уперев свой взгляд в аккуратный потолок из досок, поднимающийся под углом.

– Если у них найдётся и работа, и чем заплатить... да и я не против, – спокойно ответил киборг, сохраняя за собой

слепоту и полное отсутствие движений.

– Давай завтра обсудим это с хозяином. Вроде бы, они неплохие люди, – сказал я, укладывая ладони под затылок.

– Я не против. Нам нужны средства для дальнейшей дороги, – сказал друг, и вновь воцарилась тишина.

«Как же это удобно – молчать в компании. Как же это замечательно – находить общий язык. Как же это необычно – не быть одному», – думал я, взвешивая шансы и возможность остаться здесь на некоторое время. А ещё я вновь думал о той девушке из города Грусти. Мне захотелось, чтобы она увидела всё то, что увидел я.

«Ха!»

«Тупой!»

«Кретин!»

«Забудь уже!» – взбунтовался психоз.

Он смеялся над моей наивностью и надо мной, повторяя, что та девушка боялась встречи.

«Почувствуй эту боль! – засмеялся рассудок. – Когда ты неоправданно вселяешь ужас в сердце!» – И при мысли об этом меня свернуло в клубок от боли, вызванной непониманием.

День сто тридцать седьмой.

Я поговорил с хозяином дома, в котором нас приютили. Оказалось, что работы много... очень много работы... В первый же день кожа с моих ладоней осталась на лопате. Это

было больно... но это была приятная боль. Никогда раньше я такого не чувствовал. Впервые мои ладони покрылись чем-то большим, чем тонкий слой краски с бумаги. Теперь на моих руках были земля, кровь и собственный пот. Возможно, впервые за все годы, проведённые на планете, я почувствовал себя...

«Человеком, – хотел было подумать я, но остановился. – А что это значит «быть человеком»? – вопрос, который заставил меня прервать череду размышлений.

– Эй! Что значит быть киборгом? – обратился я к своему другу.

– Работать, – ответил тот, не воспользовавшись ни единой секундой на раздумье.

– То есть ты хочешь сказать, что человек – тот же самый киборг? – хмыкнул я, понимая, что истина где-то рядом.

– Нет. Быть человеком... другое, – сказал мой друг.

– Да? И что такое быть человеком, по-твоему? – спросил я, пользуясь очень удачным случаем.

– Работать и чувствовать себя отбросом, – сказал киборг. – А быть киборгом – просто работать. Не испытывая ненависти ни к работе, ни к окружающим, ни к себе.

Мне нечего было ответить на это заявление. Даже рассудок и психоз не изъявили никакого желания высказаться, так как согласились с тем, что сказал киборг.

«Всего лишь грязь», – выдохнул рассудок в огромной, опустошенной комнате, где обычно размещаются мысли, и

его слова застыли в пространстве стен в виде протяжного эхо.

День сто тридцать восьмой.

Моему другу соорудили протез, чтобы заменить обломок. Это были компактные пневматические щипцы, которые прекрасно хватали и крепко удерживали самые различные предметы. За это мы расплатились частью заработанных денег.

Я уставал до крепкого сна. Впахивал до полного отсутствия мыслей. Даже голоса психоза и рассудка перестали понимать меня, и я почувствовал спокойствие. В связи с этим, я осознал одну истину: «Человек счастлив, пока чем-то занят». Самое главное в том, чтобы не давать мозгу продуцировать мысли. Как только в голове начинают копошиться мерзкие червячки раздумий, сразу дела кажутся утомительными и длинными. Мысли – яд для тела и для души...

– О чём думаешь? – спросил меня мой друг, вырывая из закрывающейся клетки.

– Ой... да так, – ответил я, продолжая кидать сено вилами.

– Лучше начни размышлять о том, куда мы отправимся дальше, – сказал он, хватая тележку при помощи своей руки и нового протеза. – Ты же не собираешься остаться здесь навсегда?

– Нет... ни в коем случае, – ответил я, но что-то сидящее внутри меня ухватило эту мысль, саму идею. «Отсюда срочно надо бежать», – подумал я, осознав высокую вероятность

того, что могу остаться здесь.

День сто тридцать девятый.

– Спасибо вам за гостеприимство, – сказали мы, стоя на пороге дома, в котором незаметно для себя провели несколько месяцев. Я до сих пор не мог поверить в то, что время столь скоротечно... особенно тогда, когда у тебя нет времени, чтобы думать о времени.

– Возвращайтесь! – огромный бородатый добродушный мужчина с внешностью кровожадного мясника махал нам рукой точно так же, как и его домашние, которые, безусловно, успели привыкнуть к нам.

«Ни за что...» – где-то в отдалении проговорил психоз.

«Ни-ког-да...»

«Ни в ко-ем слу-ча-е!»

«Ни при каких обстоятельствах».

Расстройство личности равномерно становилось громче. Я даже заметил пропорциональную зависимость: чем дальше мы были от дома фермера, тем более отчётливо бурчал психоз.

– Куда дальше? – спросил киборг.

– Я не знаю, – коротко ответил я. – Разве в этом есть смысл?

Мой друг промолчал. Так, сохраняя тишину, мы шли в сторону вокзала. Мы покидали это невероятное место и не жалели об этом. Я думал о девушке из подводного города

диггеров. Мне казалось, что она, так же, как и мы, потерялась здесь на длительное время и сама не заметила об этом. Также я размышлял о том, что мне непременно захочется вернуться сюда, после того, как моё путешествие в полной мере исчерпает само себя, но также я знал, что это не то место, куда я так хочу попасть.

«Город совершенной Тоски на нашей маленькой, испещрённой татуировками заборов, планете Меланхолии... вот то место, куда я иду! Чтобы отыскать там... – мысли замерли в невесомости. – Цель своего путешествия».

День сто сороковой.

И вновь дорога. Неясно куда. Есть лишь туманная цель... как всегда граничащая с отсутствием реальности реализации. Мой друг молчал и смотрел в даль. Он выбирал билеты и теперь наотрез не хотел сообщить мне о том, куда нас везёт прицеп, смачно подпрыгивая на выбоинах.

– А автобусов или маршруток не было? – спросил я, стараясь держаться за борт. – Потому что сидеть на стальной пластине в такое пекло, прости, но это самоубийство, – я обливался тонкими струйками пота и чувствуя себя так, будто бы был брошен на раскалённую сковороду, не смазанную маслом.

– Весь транспорт этого города практичен. Используется как для дров, так и для людей. Альтернативы не было, – сказал мой друг, не осознавая глубины своего высказывания.

– Ладно... – сказал я, отказавшись от дискуссии. У меня не было на нее сил.

«Если повезёт...»

«Мы не превратимся...»

«В смачный кусок жареного...»

«До хрустящей корочки...»

Мой психоз произнёс это с придыханием, с аппетитом, практически даваясь слюной.

«Мяса», – грубо, но очень смачно ворвался рассудок, и тут я понял, насколько голоден.

День сто сорок первый.

Я лежал на стальной пластине прицепа. Бог Ра наконец завершил своё цикличное путешествие по небосводу и вновь спустился туда, где, предположительно, расположилось царство Анубиса. Наше средство передвижения окутала прохлада, которая воспринималась отдельно сладко после тяжёлого дня под скупым и беспринципным ультрафиолетом.

Ещё днём я спросил у друга о том, почему нас всего двое, кто покидает город фермерства. Тот ответил мне просто, но очень точно, задев мои собственные чувства.

– Ты тоже не хотел... – сказал киборг.

Тогда капельки пота, падающие с моего лица на раскалённую сталь, возмущённо шипели, оставляя после себя небольшие солёные круги. Тогда же я постарался поесть, но не смог из-за жары... из-за количества потребляемой мной жидко-

сти, позволяющей отодвинуть момент полного обезвоживания.

– Неужели ты не подумал о том, что будет лучше взять какое-нибудь место, подразумевающее кондиционер или хотя бы тень? – спросил я у друга, который неподвижно созерцал бесконечность.

– Я знал, что ты сможешь вынести это, – коротко ответил он, спровоцировав мои рассудок и психоз возмущённо взвыть.

«Разбери этого садиста на составные части!» – неистовствовали личности, поселившиеся в моей голове, в то время как я наслаждался звёздным небом и потихоньку проваливался в окутанный прохладой ночи сон.

«И ты не ошибся... я смог, – мелькнула благодарная мысль. – Ведь раньше никто не верил в меня, а теперь... в меня верит машина».

День сто сорок второй.

Пейзаж, ровно как и окружение, внезапно изменились. В прошлые сутки я изнывал от жары, сейчас я наслаждался мягким летом и чувствовал свободу. Такую, о которой писали древние, искренние, великие... равнявшие свободу с любовью... рассказавшие о том, как за свободу рвали, рвут и будут рвать зубами... в предсмертной агонии, в галлюцинациях затуманенного разума и залитых кровью глазах, слушая прекрасные песни ангелов, валькирий, явившихся в обликах

родных и близки, прощающихся и прощающих.

– Как думаешь, что будет дальше? – обратился я к своему немногословному другу.

– Наверное, будет холодно... тебе надо купить одежду, – сказал киборг, лёжа на спине и созерцая яркое небо.

– То жарко, то холодно, – недовольно заворчал я. – Тут еще... вчера кожа лица и рук обуглилась, благодаря моему хорошему попутчику... смотри, волдыри вздулись, – я сунул ему по нос свою руку, на которой действительно появилась неприятная, заполненная жидкостью, болячка. – Ещё чет меня колбасит как-то.

– Не ной, – спокойно ответил кусок плат и железа. – Ничего страшного с тобой не произойдет.

– Это с тобой ничего не произойдет, силиконовый, – я говорил нарочито обиженно, но смеялся в каждом слове. – Надеюсь, ты выбрал хорошее место для дальнейшей остановки.

Меня трясло от температуры, но я продолжал наслаждаться прохладой, ласкавшей каждый миллиметр обгоревшей под ультрафиолетом кожи.

– Понравится, – сказал киборг и закрыл глаза. В моей фантазии мелькнула картинка того, как киборг подключается к мировой сети и ищет в ней самые удачные фотографии с того места, куда мы направляемся. Я представил высокие горы, в которых увидел тех самых валькирий, ангелов... что на своих руках готовы унести нас в райские сады.

Город Холода

День сто сорок третий.

– Холодно... – сказал я, стараясь не касаться бортов прицепа. – Совсем холодно...

Двигатель автомобиля поднимал нас в горы – без остановки, высоко в горы – уже несколько часов подряд.

– Осталось совсем чуть-чуть... – киборг отдал мне часть своих лохмотьев, понимая, что структура моего тела уязвима к температурам. – Нам надо будет купить одежду тебе и мне.

– Да... иначе ты будешь привлекать лишнее внимание, – кивнул я и посмотрел на пневматические тиски. Мой друг это заметил.

– Обломок, – сказал он, посмотрев на то, что раньше было одной полноценной рукой.

– Н-нет... нормально всё, – замявшись, сказал я, вспомнив о том, как впервые увидел раскрывшийся цветок из внутренностей конечности.

– Так называются те киборги, которые не доломаны или сломаны, но могут продолжать работать при всей своей внезапно появившейся ненужности, – сказал мой друг, продолжая смотреть на составленную из разных частей конечность.

Мне нечего было сказать. Кажется, даже моя нерешительность внезапно ощутила присутствие своей персональной нерешительности, на которую так же наложила свои холодные ладони ещё одна нерешительность.

– Обломок... очень поэтично... тебе так не кажется? –

спросил он.

От этого вопроса меня прошиб пот, даже несмотря на стремительно падающие температурные градусы.

– Обломок... как описательный элемент... – продолжил он, не обращая внимания на моё молчание. – Обломок орудия труда, обломок цивилизации, обломок человека. Что люди, что киборги – лишь обломки одного целого человека... нереального, идеального, цельного во всех отношениях и смыслах человека.

В словах киборга я почувствовал горечь. А ещё мне стало больно, потому что разум и психоз ухватились за мысль, высказанную моим другом.

«В этом есть смысл, – кивнул разум.

«Коллекция обломков...»

«В которой никогда не будет доставать...»

«Деталей для завершения...»

«Пазл китайского производства».

День сто сорок четвёртый.

– Холодно... слишком холодно! – произнёс я сквозь стук зубов.

– Да... жаль, что в кабине всего одно место, – кивнул мой друг. – Но это оправданно. Ты видел, сколько там ящиков с продуктами на продажу?

– Я сам сейчас ощущаю себя продуктом на продажу. Причём, легко портящимся... что нужно перевозить в холодильнике

ных камерах... как... мясо, – сказал я и вспомнил о том, как несколько часов проработал на комбинате. Чувство тотального холода ужасом сковало сердце в плотную клетку, где мышца, гоняющая красную жидкость, вынужденно стала биться в несколько раз быстрее.

Дальше мы ехали молча. Со стороны это выглядело странным. Укутанный в лохмотья трясущийся чувак и сидящий рядом молодой человек в лёгкой майке и с протезом в виде небольших тисков вместо руки.

Примерно через полчаса мы заехали в самый обычный город, усыпанный тонкой прослойкой снега. Меня трясло так, будто бы из меня рвался демон. На моего друга смотрели так же, как на того, кому требуется сеанс экзорцизма. И так было до того, пока мы ехали до центра города.

– Давай куда-нибудь на ближайший вещевой рынок... или гипер-мол, – крикнул я, обращаясь к водителю. Тот выполнил такую просьбу и закинул нас на рынок. Там мы купили две куртки, после чего перестали быть объектами для указательных пальцев, но столкнулись с проблемой внезапно наступившей бедности.

«Бытовуха... она возникает в самые неподходящие моменты», – сказал рассудок после того, как мы пересчитали деньги.

День сто сорок пятый.

– Что будем делать? – спросил я, достав из кармана и пере-

считав последние гроши. – Нам даже не хватит на ночлег... а здесь особо не забомжуеть в парке.

– Работать? – с некоторой издёвкой спросил киборг, посмотрев на меня так, будто бы я отброс.

– Естественно! Надо найти работу, – ответил я. – Но я сильно сомневаюсь, что нам что-нибудь подвернётся сегодня...

– Стоит попробовать, – сказал мой друг.

Я, конечно, хотел возразить, но понял, что в этом нет смысла.

«В вечном поиске способа заработка, – усмехнулось сознание. – Знаешь, если бы у меня была возможность, я бы заказал эту надпись на наше надгробие», – раздался холодящий душу смех.

«Не...

Какое надгробие?!

«О чем ты?!»

Психоз мерзко хихикал, создавая гомон в моей голове.

«Нам нужна урна».

«Стальная!»

«С гравировкой!»

Голоса в моей голове решили пошуметь. Они предлагали сожжение. Ещё сознание показывало мне страшные мультики про сожжение нас в большой печи. Оно, используя фантазию, старательно создавало силуэты языков пламени на аккуратно воспроизведённой, тщательно прошитой тонкой сет-

кой ощущений, коже. На своих глазах я был подвержен кремации, которую чувствовал всем своим промёрзшим телом. Сознание издевалось надо мной. Психоз, изолированный от мультипликации, смеялся смехом умалишенного.

– Пойдём поищем что-нибудь, – сказал киборг.

– Да, – сказал я, ощутив стальной привкус крови во рту.

День сто сорок шестой.

Из-за тотальной нехватки денег нас не пустили даже в самый дешёвый хостел. Притона нам также не удалось отыскать. И пускай я понимал всю опасность ночёвки там, где в почёте были Сансара и прочая синтетическая дрянь, но я также понимал, что там всё же теплее, чем на улице. К тому же не в нашу пользу поднялся сильный ветер, а на закате небо, разделённое абсциссой от земли, окрасилось в смачный, кроваво-красный оттенок.

«Будет холодно...

Будет очень холодно...

Мы недостаточно тепло одеты...» – не я, но мой психоз зашептал в панической истерике. Рассудок сохранял скупое молчание. Нерешительность, паранойя и страх колыхнулись в районе солнечного сплетения и застыли там же в траурном ожидании. Я даже не знал, что предложить. В голове не было никаких мыслей, и я просто наблюдал за тем, как бог Ра завершает своё победоносное шествие по небосводу, спускаясь и приближаясь к миру, который называется Дуат и кото-

рым правит Анубис.

– Теплотрасса, – спокойно сказал киборг. – Выломаем дверь в подвал одного из вертикальных хранилищ тел и сможем переночевать там, – предложил он.

«Будет очень плохо, если нас найдут... проще сразу сдать-ся копам», – подумал я, а потом согласился, и мы пошли выламывать монументальные стальные двери.

Спустя примерно час или два я отогревал руки о тёплые трубы. Несколько пальцев приняли нездоровый бледно-белый оттенок и будто бы существовали отдельно.

– Нужно найти работу... – сказал я, понимая необходимость посетить больницу. – Нужно найти работу, иначе я не смогу дойти туда, куда хочу.

– А ты уже решил, куда хочешь? – спросил киборг.

– Ещё нет... но я чувствую, что должен идти дальше, – спокойно ответил я и ткнул в один из обмороженных пальцев ржавым гвоздем, найденным на полу.

День сто сорок седьмой.

До того, как удалось отыскать хоть какую-нибудь работу, нам ещё несколько раз пришлось вернуться на теплотрассу. До этого киборг был вынужден отправиться на паперть, чтобы заплатить какому-нибудь автосервису за подключение к аккумулятору. На таком холоде его хранилище энергии быстро истощалось, и я рисковал остаться наедине с вышедшим из строя телом друга. Сама мысль об этом бы-

ла дикостью, а представляемые мной последствия выглядели и страшно, и смешно одновременно. Ведь мне пришлось бы тащить на себе увесистый контейнер из лёгкой, но прочной стали, из пластмассы, резины, меди, алюминия, силикона и прочих материалов... Уверен, такая картина привлекла бы к себе внимание зевак.

В итоге нас взяли кидать ящики на продуктовом складе. Здесь было холодно, даже очень. Дышать охлаждённым воздухом было больно, но я понял, что физическая работа в таких условиях забавляет меня. Психоз и рассудок спорили о том, когда же я сдамся, но никак не могли выиграть и, по общим подсчётам, оказались должны мне круглую сумму.

Через месяц мы смогли выровнять наше финансовое положение и даже сняли дешёвую квартирку с разбитым туалетом, насадкой душа прямо над унитазом и ужасной дыркой по центру этой комнаты, из которой круглосуточно пахло канализацией. И всё же это было лучше ночёвок в подсобке склада и на теплотрассе.

– Надо накопить денег и свалить отсюда, – сказал я, пытаюсь протянуть поясницу, разрывающуюся от боли. – Иначе мы здесь и сдохнем...

– Ты так боишься смерти? – спросил киборг, подключаясь к аккумулятору, который мы купили на авторазборке.

– Нет... боюсь не дойти до того места, куда иду, – сказал я, затем немного подумал и добавил: – Этот город – не то место, которое я ищу... в котором я хотел бы остаться.

День сто сорок восьмой.

День за днём мы откладывали деньги в небольшую коробку, которую киборг спрятал в сплетении проводов, что опасным канатом свисали над нашими головами. Моему другу было всё равно. Его тело было предусмотрительно изолировано от любого электричества, от любых магнитных волн, что могли вывести его из строя.

Спрятать деньги, к сожалению, было вынужденной мерой. Мы обнаружили, что в этом городе много мошенников, подонков, подлецов, лжецов и воров. Сложилось такое впечатление, что сердце города бьётся только за счёт движущей системы несправедливостей, в которой, в рекурсивном цикле, каждый обманывает, обворовывает, кидает каждого. Для нас это было чем-то непонятным и диким. Для меня, потому что я уже прошёл так много и ушёл от дома так далеко и ни разу не был подвержен ограблению, карманной краже или чему-то подобному... Не считая ситуации с похищением и рабством в городе Женщин, но это немного другое... Многие мужчины моего родного города на протяжении жизни живут под каблуком и ничего, справляются. А для киборга это было дикостью по умолчанию.

«Держи руки в карманах...

Прячь деньги во внутренние карманы куртки...

И никогда не носи с собой привлекательную и столь вождельно звенящую мелочь».

Вот о чём шептал мой психоз, которому не нравилось в этом холодном месте. Он не протестовал, осознавая безвыходность ситуации... он просто ныл, действуя на нервы и провоцируя моё сознание реагировать резкими выражениями и подбавляя гормонов стресса в мой организм.

День сто сорок девятый.

– Прощай, восьмой круг! – крикнул я... крикнул психоз... крикнул мой рассудок, когда мы заняли места в крайне раздолбанном, словно собранном из разных автомобилей, автобусе. Он гремел, как школа ударных инструментов. Скрипел, как оркестр херовых скрипачей. Он даже искрился, как фитили ракет фейерверков. Но этот кусок промёрзшего мусора с дырами в кулак и щелями с палец уносил нас всё дальше из морозильной камеры.

– Как же я устал выживать... это место высасывает душу! И, я так думаю, коренной житель, бежавший отсюда, в другом городе либо займёт место в мэрии и будет жить на откатах, отмывании и подарках, либо покончит с собой из-за скуки и размеренности бытия! – пробормотал я в тот момент, когда мы проехали мимо знака с перечеркнутым названием города.

– А ты бы смог? – спросил киборг, но я не понял смысла его вопроса. – Ты бы смог покончить с собой? – спустя несколько минут молчания мой друг повторил свой вопрос.

«Конечно, смог бы!» – демонически рассмеялся мой рас-

судок, и я побелел.

– Нет, – ответил я, вызвав волну истерического смеха у психоза.

«Ты же нырял...»

«В раковину!»

«И даже разбил себе голову о ванну».

Моя рука невольно легла на недавно приобретённый шрам чуть выше надбровной дуги.

– Нет... я не смог бы сделать этого, – сказал я киборгу.

– Почему? – спросил тот, а я задумался.

– Потому что... это глупо... наверное, – сказал я неуверенно. – Потому что в этом нет смысла, – сказал я, отыскав сотни смыслов. – Потому что...

«Потому, что ты ссышь», – рассмеялся рассудок и показал мне страшный мультик о том, как я делаю последний в своей жизни шаг вперёд и проваливаюсь в обморок до крепких объятий с шершавым асфальтом.

День сто пятидесятый.

Мы едем по горной местности. Поднимаемся и спускаемся на серпантинах дороги. Давление в жилах скачет, как крыса в клетке. Голова кружится и трещит, будто зёрнышко попкорна, брошенное в кипящее масло. Я не могу ни думать, ни разговаривать. Лишь лежать, уткнувшись своим взглядом в самую прекрасную точку в мире.

Мой друг, в лице наделённой человеческими чертами ма-

шины, сохраняет немоту. То ли из-за отсутствующих вопросов, то ли чётко понимая моё состояние, имя которого «дерьмо».

«Всё так хорошо начиналось... беззаботно, беспечно», – мелькнула мысль в моей голове, и я вспомнил тот момент, когда покинул свой Город грусти.

«У меня был пресс купюр общего банка. У меня не было эмоций. Я просто решил отправиться в путешествие, – подумал я и улыбнулся сквозь боль. – Интересно... она всё ещё шлёт мне странные послания?... И почему в дороге я всегда вспоминаю о ней? словно в дороге я просто должен думать о ней... словно она – это всё, о чём я способен думать...»

Автобус, на котором мы ехали дальше, был короткий, как бультерьер, и такой же несдержанный, как эта псина, учувшая кровь. Компактный, но при этом крупногабаритный транспорт всё время дёргался, ревел и прыгал, всё больше повергая в шок и недоверие к этому детищу доктора Франкенштейна.

«Куда мы попадём дальше? – думал я, вспоминая слова станционного служащего: – Ну, чё... эм... город как город. Нормальный, короче. Ток там тепло».

Этот исчерпывающий ответ рассказал мне... ничего. И в это «ток там тепло» я ехал с надеждой, что путешествие наконец-таки станет легче. Правда, на данной стадии всё было крайне печально.

«Может быть, пора закончить этот балаган?» – спросил

разум, изнывающий от боли.

– Не-е-ет, – прошипел я сквозь зубы. – Так просто теперь, обретя свободу, я не сдамся.

День сто пятьдесят первый.

Оттепель... Мы едем по трассе, которую можно охарактеризовать словом «оттепель». Нас несёт разваливающийся на ходу экипаж и не даёт ни норадреналину, ни адреналину, ни кортизолу в крови достигнуть минимального уровня. Наоборот, стимулирует выработку, превращая сердце в накопительного хомячка, который проживёт недолго, но счастливо.

– Вот теперь хорошо! – произношу я, впуская прохладный воздух в свои лёгкие и наслаждаясь этим чувством свежести. Окно открыто, и через него в салон попадает оттепель. Так же она проступает через все щели и дыры в корпусе стальной капсулы, сваренной из разных частей.

– Что ты думаешь об этом автобусе? – спросил киборг спустя много кратких часов тишины.

– Он похож на совместную жизнь мужчины и женщины, – сказал я в шутку.

– Поясни, – попросил мой друг.

– Ну, мужчина и женщина, когда начинают жить вместе, начинают притираться... До этого они были целыми механизмами, самодостаточными, а теперь они вычеркивают, удаляют часть себя, своих деталей. А потом пытаются скрепиться, состыковаться. Редко получается идеальная комби-

нация, в которой ничего не выпирает, не трещит и не скрипит. Эм-м-м... как бы объяснить более понятно, – я мямлил в поисках правильных слов.

– Не утруждайся. Я понял, – сказал киборг и посмотрел на один из множества швов. – Как думаешь, почему мы едем на этом куске мусора, а не на нормальном автобусе? – спросил он, и тут я напрягся. Ведь действительно, покинутое нами место, несмотря на весь беспорядок, достаточно обеспеченное, чтобы пустить нормальный рейсовый транспорт.

– Ты хочешь сказать, что эта рухлядь принадлежит тому месту, в которое мы едем? – поинтересовался я, а в ответ получил один короткий кивок согласия.

День сто пятьдесят второй.

Я чувствую крайне неприятный запах. Так пахнет разложение. Чем-то сладковато горьким, чем-то тухлым... как выгребная яма под прямыми лучами летнего палящего солнца... Как политика.

– Твою ж... – произношу я, когда вонь становится невыносимой. – Что такое... куда мы... – Я в крайнем возмущении и не понимаю происходящего.

– У тебя остался респиратор из города Завода? – спрашивает киборг, который явно что-то знает.

– Н-нет, – неуверенно отвечаю я. – Тот пропитался кровью, и я выкинул его... —

Начинаю понимать, какую ошибку совершил.

– Плохо, – скупое, сухо говорит мой друг. – Другие несколько часов назад погрузили свои лица в оболочки респираторов и противогазов, – сказал киборг, заставив меня посмотреть по сторонам и присмотреться к пассажирам, которые сквозь разного рода и формы окуляры созерцали сшитое из разных автомобилей транспортное средство.

«Вот тебе и приятная свежесть... – подумал я. – Вот тебе и прекрасная оттепель», – с раздражением думал я, ощущая высокую температуру, перебиваемую тонкими струйками смердящего воздуха, поступающего сквозь трещины и щели.

– Я думаю, нам в срочном порядке необходимо найти тебе дыхательный фильтр, – сказал киборг, наблюдая за тем, как быстро и забавно меняется цвет моего лица. – Иначе ты не выдержишь зловония...

В последних словах было странное сожаление. Такое, будто бы недо-перечеловек хотел ощутить то же, что и я.

Город Свалка

День сто пятьдесят третий.

Запах гнили и разложения перевалил отметку «терпимо» и завалился за отметку «город Завод». Я уже чувствую привкус крови. Сладковато-стальной, тяжёлый, вязущий слюну. Майка, которую я смочил водой из бутылки и повязал вокруг рта и носа, практически не спасает. Кажется, что меня разъедает изнутри. Словно я вдыхаю ингаляционную смесь

из щелочи, кислоты или последовательно из первого и второго.

– Мне срочно нужен противогаз! – медленно, тихо, сдерживая разрывающий горло кашель, произношу я, обращаясь к киборгу.

– Давай я попробую узнать у водителя о запасном, – произносит он, и тут же я начинаю проклинать себя за тотальную глупость.

– Ага... давай, – сдерживая гнев к самому себе, отвечаю другу, и тот сразу поднимается с места.

«Почему на станции не предупредили?... – появляется вопрос, который в дальнейшем я задам себе ещё не один раз. – Почему мне не посоветовали обзавестись респиратором?...»

«Потому что...

Всем...

На тебя...

Насрать!»

Мой психоз, перебивая сам себя, задорно врывается в мои мысли. В его компании появляются неуверенность, страх и паранойя. Каждая из моих крайностей хватается за одеяло, за качели моей адекватности, и начинают тащить и раскачивать. Чувствую, как тело начинает нервозно хихикать, а вкус крови в этот момент приобретает новую форму восприятия, каплей срываясь с уголка губ и соскальзывая по лицу вниз, аккуратно уворачиваясь от складок повязанной майки, что-

бы замереть на подбородке.

День сто пятьдесят четвёртый.

На мое счастье, из-под сиденья водила достал небольшой коробок, взял деньги, несколько раз ругнулся и послал и моего друга, и меня напрямиком в ад. Такое пришествие в новый город сильно обнадеживало, ведь оно началось пускай с небольшой, но удачи.

«Как бы я хотел, чтобы это было правдой», – думал я, наблюдая за тем, как водила дичайшим матом посылает киборга в ад и больше не затыкается до самого прибытия на вокзал. Оставшиеся несколько часов я вдыхаю отравленный воздух, концентрация яда в котором возрастает с каждым километром. Оставшиеся несколько часов я полоскаю рот едкой смесью из крови и вязкой, как жвачка, слюны. Меня сильно тошнит от собственной красной жидкости, которая так или иначе просачивается по пищеводу вниз, напрямиком в желудок.

«Я выпиваю сам себя», – мелькнула мерзкая мысль, от которой поёжился не только я, но и мои расслоения, приправленные состояниями, что вернулись в мою жизнь и теперь нашептывали.

«Мы умрем... мы точно умрем... Смерть такая страшная», – повторял страх.

«За нами кто-то наблюдает и подстраивает всё то, что с нами происходит! Возможно, в этом замешан киборг», – шептала паранойя.

«А, может, мы?.. А что, если?.. Нет... А, ну, может, а? ...» – нерешительность откровенно сводила меня с ума, в то время как психоз и рассудок мерзко хихикали, наблюдая за тем, как я гримасничаю в попытках очистить мысли.

День сто пятьдесят пятый.

«Добро пожаловать на Свалку», – прочёл я. До этого несколько раз меня рвало на ходу прямо из кривого окна собственной кровью.

«Ты оставил свой след на этой раздолбанной истории!» – смеялся мой рассудок, посматривая на длинный след из рвоты на обочине франкентобуса.

– Я знаю об этом месте, – сказал киборг, увидев приветственную табличку. – Сюда свозят остатки всех машин и роботов из моего города. Сюда выбрасывают весь тот мусор, который больше нельзя использовать даже в качестве подпорок, – спокойно проговорил мой друг, смотря куда-то вперёд.

– Я счастлив знать, что мы покинули границу неизвестности, – проговорил я, вытирая рукавом очередную струйку из вспенившейся смеси слюны и крови. – Если мы не раздобудем мне что-нибудь для фильтрации воздуха, ты сможешь меня оставить...

– Поступить с тобой так, как люди поступают с нами? – усмехнулся киборг. – Смогу из человека сделать мусор?

– Да... – хмуро ответил я на остроумное замечание друга.

«Ха-ха!

Он перебил тебя!

Он опередил тебя!

И он назвал тебя мусором, а не ты сам!»

Мой психоз смеялся над ситуацией, но я чувствовал, как страх сжимает свои пальцы, все больше помещая психическое расстройство, рассудок и другие чувства в плотную клетку себя.

Через полчаса мы прибыли на место. Меня ещё раз жёстко стошнило, и никто из пассажиров, как и прежде, не обратил на это внимания. Уверен, они думали обо мне как о мешке мусора, который прибыл на место своего упокоения, но они ошиблись. Я успел стать счастливым обладателем старого, пропахшего отходами, но исправно работающего противозага.

День сто пятьдесят шестой.

Голова кружилась. Я мечтал о двух, трёх, четырёх батончиках гематогена. И видит всевышний или тот, кто вышел к нему на подмену, я куплю!.. Как только найду аптеку или что-то похожее на место торговли медикаментами, но... Здесь нет ни одного здания в привычном понятии «здания». Здесь нет домов... Ржавый металл, битый пластик и органические отходы, перемешанные в скользкую, смердящую под палящим солнцем массу. И среди всего этого великолепия человеческой грязи увлеченно копошились её гордые созда-

тели.

Вмиг все затихло. Опарыши в виде человечества остановили своё беспорядочное сокращение. Впервые послышалось движение масс воздуха, будоражащее скрипящие детали.

– Валим! – заорал кто-то один, и этот крик подхватили окружающие.

– Что за?! – успел сказать я, после чего передо мной, метрах в ста, прогремела череда взрывов, поднявшая старые, измазанные в отходах трусы, носки, засаленные майки, сгнившие объедки, использованные прокладки и куски стали – высоко в воздух.

– Надо бежать, – сказал киборг, спокойно наблюдая за происходящим. – Как можно быстрее и в ту сторону, куда бегут другие.

Увидев, что я в ступоре, он схватил меня за плечо и потащил вслед за собой. Несколько секунд моё тело не слушалось. Я был в шоке.

Позади раздались выстрелы, звуки сирен и крики. Сердце ушло в пятки и вывело меня из состояния «синего экрана смерти». Теперь мы бежали вместе, слушая очереди за спиной. И казалось, что всё закончилось, что мы ушли от внезапных событий, как перед всеми бегущими появились люди и с дикими воплями зажали гашетки автоматов.

День сто пятьдесят седьмой.

Раскаты выстрелов. Свинцовые раскалённые шарики, прошедшие мимо, но встретившие свои цели где-то за спиной. Крики, суета, давящий на череп противогаз, страх... Свалка оказалась не самым приветливым и не самым гостеприимным хозяином. Или, можно сказать, совсем неприветливым и совсем негостеприимным.

Мы с киборгом бежали вперёд. Я, не обращая внимания на усталость и мышечную боль, сам бежал, как киборг, а мой друг, выглядящий испуганным и не желающим умирать, бежал так, как может бежать только человек.

– Что происходит?! – кричал совершенно сбитый с толка друг. – Почему всё это происходит?! Почему вы, люди, вечно стремитесь убить людей?! Неужели вам недостаточно натуральных причин для смерти?!

Я не мог ответить из-за страха сбить дыхание, что стало бы причиной замедления, остановки и возможной смерти. Позади слышались выстрелы и взрывы, что не внушало чувства безопасности, а наоборот – стимулировало выработку кортизола и адреналина, заставляя давить на стопы изо всех сил.

– Эй, вы! – голос со стороны заставил перевести фокус с собственных мыслей о спасении на источник звука. – Сюда! Высокий седовласый мужчина махал рукой.

– Ловушка? – спросил я у киборга.

Тот задумался на несколько мгновений. Его лицо перестало отображать застывшее в немом вопросе непонимание и

вернулось к обычному бесстрастному выражению.

– Нет... – сказал он и резко изменил траекторию движения, а я последовал за ним, и, когда до седого оставалось несколько метров, мой друг добавил: – Наверное.

Поворачивать назад или в другую сторону уже не было смысла. Возможно, было опасно, так как в таком случае мужчина мог принять нас за врагов и расстрелять в спину. Чтобы исключить все побочные варианты и оставить самые возможные два, то есть да или нет, мы подошли к крикуну, и тот жёстко предложил нам войти в дверь, словно сшитую из трёх автомобильных.

День сто пятьдесят восьмой.

Наконец нам всё пояснили. Нам всё рассказали. В зале, выстроенном из корпусов автомобилей. В месте, расположившемся где-то ближе к сердцу свалки, где собралось много жителей этого места. Среди них можно было увидеть и роботов, и киборгов разных времён и разной степени разваленности. Мы смотрели на них и были чужаками, которые ничего не знают и ни о чём не догадываются.

– Линия обороны вновь сместилась. На прошлой неделе мы взяли вокзал и продвинулись к переработке, но за эту неделю мы слишком сильно устали и... – мужчина, позвавший нас в убежище, с досадой выдохнул: – Мы вернулись туда, откуда начинали.

– Что у вас тут происходит? – спросил мой друг, который

был намного сильнее и храбрее, чем я.

– Война, мой друг... война, – сказал мужчина. – А вы... те, кто попали в наши разборки, и теперь у вас есть два выхода: присоединиться или нет.

В его глазах сверкнули холодные огоньки ярости.

– Но... ведь мы... непричастны... – проблеял я.

– Как и другие, кто так или иначе попадают на Свалку. Только одни сразу сваливают и не попадают в разборки... а другие как вы!

Мужчина засмеялся, а за ним раздался смех сотен мужчин, женщин и машин. Моему возмущению, страху и непониманию не было предела.

«Давай!»

«Покажи ему!»

Покажи им всем!

Что ты можешь и на что способен!»

Мой психоз злобно шептал, уговаривая влупить с отяжкой прямо по роже. Мой рассудок поддерживал моё расстройство личности. Даже моя нерешительность, пускай скромно, но тоже желала, уговаривала меня на этот удар.

– Что вы нам предлагаете? – сквозь скрип зубов спросил я, обращаясь к лысоватому седому здоровому старику, доверия к которому не было до этого и к которому не будет никогда.

День сто пятьдесят девятый.

Люди делятся на два типа, и я из второй категории. Это

выяснилось через несколько часов после того, как мы с моим другом вынужденно вступили в ряды одной из двух правящих свалкой группировок. И вот я уже лежал в гряде мусора, свернувшись калачиком и закрывая уши ладонями. Я плакал и бился в подобии конвульсий и ничего не мог с собой поделать.

Соглашаясь с условиями старика, я не думал о том, что... Начнём с другого... с того, что никогда прежде я не видел смерть. В моих мыслях она была чем-то далеким. И это несмотря на прогулку сквозь кладбище велосипедов! Здесь же мне выдали ружьё и отправили на передовую, и я шёл с чётким желанием выжить, несмотря ни на что. И так было ровно до момента первого выстрела, который прозвучал в нашу сторону и который вскрыл аккуратную черепную коробочку идущего со мной рукой об руку парня лет двадцати. Я во всех подробностях увидел, как лопается затылок, и запомнил тот звук, с которым жир и вода расплескались из образовавшегося отверстия. На этом моя решимость и закончилась. Я больше не пытался уговорить себя: «Жми на гашетку и не думай ни о чём». Так я стал трусом, не став ни воином, ни убийцей. Лишь только киборг прицельно бил противника, избегая ряда фундаментальных правил Азимова.

– Вставай! Вставай! – мой друг тряс меня, ухватив щипцами за рукав куртки. – Вставай и отступаем! Их слишком много... стоящие позади уже валят! И нам надо! – с беспристрастным страхом говорил мой друг, приводя меня в чув-

СТВО.

День сто шестидесятый.

Мой друг вытащил меня с этой мясорубки с огромным трудом и с помощью двух бойцов, что ушли дальше всех и заметили нас на обратном пути. Мы оказались отрезанными от обеих сторон, оказавшись в самом центре временного затишья, и перед нами открылись возможные перспективы развития событий. От плена до гибели, от побега со свалки, усыпанной трупами, до возвращения в ряды одной из равно неправых сторон.

Я точно запомнил те чувства, ту ночь. Моё тело и рассудок будто остановились. Будто бы была нажата одна небольшая красная кнопка с символом переключения импульса, посредством счётчика считающего поступающие инфракрасные сигналы с нуля до единицы и обратно.

Меня посадили около импровизированного огня. Было холодно, было голодно, было страшно. А внутри был сухой лёд. Он же пульсировал по сосудам. На каком-то автомате я стащил с головы противогаз и постарался набрать в лёгкие свежести... вместо этого откашлялся кровью и получил мощное головокружение и... клочок волос, слезший с головы. Клок серых как пепел волос, слезших с моей головы в консистенции стальной губки. Я посмотрел на них и бросил в огонь. С треском, за секунду... меньше, чем за секунду, они превратились в ничто. Так же и я, несколько часов назад уви-

дев гейзер из жира и жидкости, сторел изнутри, превратившись в ничто.

Мой друг общался с бойцами. Они не осуждали меня. Они слишком много и часто... практически ежедневно встречали таких, как мы... как я... Встречали тех, кто готов бороться за свою жизнь ровно до первой практически личной встречи со смертью.

День сто шестьдесят первый.

Перед самым рассветом мы разошлись с теми двумя, кто помог нам выбраться из эпицентра мясорубки, увернуться от острых лопастей, которые поставили бы жирную точку в историях одной моей тоски и одного существования синтетической копии человека.

Раскалённый диск поднимался из-под ломаной линии мусора. Появившиеся лучи солнца сдвинули вонь помойки на несколько микронов, чтобы после нещадно начать поощрять гниение и выделение отравы.

– Уверен, здесь больше никогда ничего не вырастет, – сказал мой друг. – Если убрать весь мусор, если оставить чистый грунт... здесь всё равно ничего не вырастет.

– А если и вырастет, то будет содержать в себе совершенный яд, – добавил я. Через секунду далеко позади раздались хлопки выстрелов и раскаты взрывов. Казалось, что голоса, двигаясь по инерции, умудряются добежать до нас.

«Хорошо, что мы...» – я ничего не сказал, лишь подумал

об этом.

– Эй! Стоять!

Услышав это, я почувствовал, как сердце бешено забилося в клетке рёбер, а рука сама легла на ружье, свисавшее с плеча.

– Мы просто уйдем отсюда, – услышал я голос киборга, который среагировал быстрее меня.

– Вы вооружены, значит, либо связаны с нашими врагами, либо дезертиры.

Я услышал еще один голос. Высокий, скрипящий, ужасный голос, за которым последовало недовольное ворчание ещё троих человек, двумя из которых были женщины.

День сто шестьдесят второй.

Даже не знаю, считать ли везением полную опустошенность моего желудка? Если бы я был сыт, то измазался бы в собственной рвоте, а так лишь прокашлялся желудочным соком.

Мои руки содержат в себе трагедию Вальдивия, и я до сих пор не могу поверить в произошедшее, пробираясь по свалке... Измазанный в помоях, масле и крови, я стараюсь найти край гнилой земли, покрытой отходами и ржавчиной. Иногда мои ноги соскальзывают, и я падаю вниз с огромной надеждой наткнуться своим телом на острый кусок арматуры и застыть так, как может застыть мгновение.

Я не могу поверить в произошедшее, и, кажется, киборг

тоже не может. По этой причине мы молчим... наверное.

– Достали... – говорю я, обращаясь к разведчикам одной из сторон.

– Мы. Просто. Уйдём, – повторяет мой друг в максимальной дипломатической манере.

– Обыскать и связать! – командует один из голосов.

– Ну уж нет... – шиплю я, ощущая нечто новое, нечто страшное внутри себя... Нечто, что отправляет на цепной поводок и рассудок, и психоз, и ряд моих патологических чувств.

Я помню два момента... тот, когда щёлкнул затвор, и тот, когда мой желудок подвергся самоочистке, навсегда извергнув из тела ровно двадцать один грамм. Тогда я уже был измазан в вишнёво-томатном соусе с примесью машинного масла.

В очередной раз я кубарём лечу вниз и надеюсь напороться на штырь. Чтобы тот прошил меня насквозь, но мой друг вновь спасает меня, встречая острые углы лицом... своей оторванной от тела, замершей головы.

День сто шестьдесят третий.

Прозвучала череда выстрелов. Эти звуки – эхо в моих ушах... Эффект реверберации в моём разуме и рассудке, уснувшем, заткнувшемся... вместе с психозом, нерешительностью, страхом и паранойей. Я будто бы откатился во времени и вновь готов нырять в раковину, заполненную водой.

Первые несколько выстрелов сделал я. Состояние стресса, аффекта правило моими глазами и руками... Первые несколько выстрелов пронзили свои цели и отбросили растерзанные дробью тела. Оставшиеся несколько выстрелов также впились свинцовой дробью во вражьи шмотки, кожу, мясо и кости. Но было уже слишком поздно... противостояние всегда брало своё от противоборствующих сторон...

Киборг стал преградой между мной, ублюдками и пчёлами пуль их автоматического огнестрельного оружия. Его тело превратилось в невосстановимое решето.

Когда всё закончилось, с тела одного из противников я снял рубашку. Сорвал голову с груды мусора, которая несколько минут назад была телом моего друга. Аккуратно положил в футляр из той самой рубашки и привязал к своему ремню.

– Мой друг... давай вновь... громко... помолчим, – сказал я и пошёл дальше, на поиски того места, где смогу остаться.

Я шёл, падал и скатывался вниз по мусору и обломкам... Надеялся наткнуться на острое и погибнуть здесь, но мой друг продолжил защищать меня. Он тоже не хотел завершить своё путешествие здесь... на помойке.

День сто шестьдесят четвёртый.

Мне приходилось питаться мусором. Искать менее гнилые куски и запихивать в себя... подавляя гордость и рвотные позывы... подавляя постоянное головокружение от пи-

щего отравления лёгкой или средней тяжести. Вот так я и шёл сквозь помойку, оставив позади боевые действия, отголосками долетающие до меня, и друга, позволившего мне продолжить мой поиск.

Последний клочок волос слез с моей головы в тот момент, когда я вновь попытался сделать вдох, сняв противогаз. Ещё один сгусток алой жизни я выплюнул, согласившись на последующие несколько часов стального привкуса... Наверное, я медленно разлагался изнутри.

В торжественном трауре молчали моё расстройство личности, мой рассудок и кучка самых мерзких чувств.

«Даже не знаю, чего от них ожидать... и знать не хочу. Единственное, о чём мне остаётся мечтать в данный момент, – выбраться отсюда».

Если бы мой друг был бы жив, он открыл бы какую-нибудь интересную для обдумывания тему, но он затаил и лишь его голова билась о бедро, будучи привязанной к ремню, в импровизированном мешке из рубашки.

«Я найду достойное место для того, чтобы упокоить тебя, – думал я, иногда возвращаясь к случившейся перестрелке. – Как в тех полях, где нас встретили те люди и дали нам кров и работу... – Я запнулся от голода и заурчавшего желудка. – Я бы отдал всё за кусок обжаренного свежего мяса и стакан воды...» – думал я и погружал руки в отходы под ногами – блуждать в поисках того, что можно было бы съесть.

День сто шестьдесят пятый.

«Ты то, что ты ешь, – проскакивает мысль – Я. Ем. Гниль», – следующая мысль вгоняет меня в тоску и рвоту. Конца и края свалке нет. Меня поражает объём человеческой мерзости... моей мерзости, в частности...

Я спешу сбежать отсюда. Я преследую одну цель: выжить, несмотря ни на что. Правда, уровень сложности «экстремально сложный» вставляет палки в колёса, и я боюсь за то, что не смогу дойти до вожделенной точки, о которой сам ничего не знаю.

«А ведь все так хорошо начиналось...» – думаю я, вспоминая свой первый день в дороге. Тогда, взяв все сбережения и никому не сказав ни единого слова, я совершил побег из тюрьмы собственного существования... И даже сейчас, пытаясь прожевать кусок чего-то, покрытого коркой из плесени, я не сожалею. Я чувствую себя живым, а не тем, кто лишь пытается таковым казаться.

– Что за звук? – спрашиваю я сам себя, услышав шуршание. – Это... это... вода?

Я не верю тому, что слышу. Я не вижу источника звука. Продолжаю идти, основываясь на своих ощущениях. Вроде даже начинаю ощущать запах свежести. Это забавно... в противогазе чувствовать запах свежести.

– Я могу чувствовать звук обонянием, – смеюсь над самим собой.

Делаю ещё несколько шагов вперёд и... падаю... в оче-

редной раз падаю вниз, встав на кусок металла, который соскальзывает и начинает своё скольжение вниз. Я бьюсь, кувыркаюсь, а потом моё лицо окунается в воду.

«Какая приятная прохлада», – думаю я, чувствуя её сквозь резину маски.

День сто шестьдесят шестой.

Водоём оказался рекой. Присмотревшись, я разглядел другой берег, а вдалеке, на самой кромке, какие-то здания. Я встал на усыпанном мусором берегу и посмотрел на то, как куски ржавой стали и отходов уносит сильным течением.

«Смогу ли я?» – прозвучал вопрос в моей голове.

Я же заранее знал единственный приемлемый ответ: у меня нет выбора, я просто обязан сделать это. Но перед тем, как броситься вплавать преодолевать очередное препятствие, мне пришлось найти кусок относительно чистого и сухого целлофана, чтобы обернуть им деньги и спрятать голову друга в новую защитную оболочку.

Мне пришлось снять противогаз из-за громоздкого фильтра, который при любом раскладе все время был бы погружённым в воду. Средство фильтрации воздуха я также спрятал в пакет и подвесил за ремень на изорванных джинсах. Ещё, посчитав движение толщи воды слишком быстрым, я принял решение найти что-нибудь, что могло бы поспособствовать быстрому или хотя бы безопасному плаванию. Для этого из-под груд мусора я извлекал пакеты, клал их на во-

ду и проверял на плавучесть. Отложив в сторону два самых предрасположенных к нахождению на поверхности, я снял с облысевшей головы противогаз, положил к киборгу и вошёл в холодную воду.

«Я так много лет не плавал... Надеюсь, это так же, как ездить на велосипеде», – подумал я, хватаясь за лёгкие мусорные мешки и стараясь двигаться по диагонали, в обратном направлении относительно того, в котором двигалась вода. Где-то вдалеке я заметил проплывающую мимо велосипедную раму. Внутри все сжалось от воспоминаний о пустыне и кладбище, что раскинулось за городом Женщин.

День сто шестьдесят седьмой.

Я заранее знал, что переплыть будет не так просто, но это оказывается титаническим трудом. Если бы моя жизнь была бы игрой, я восстановил бы автосохранение и вернулся бы к тому моменту, когда мы покидали город Холода и вернулся бы туда, на поля и луга... Или как минимум, попав на свалку, сразу приложил бы все свои и все силы моего друга на то, чтобы не попасть в войну банд и свалить при первой же возможности, но случилось то, что случилось, и я пытаюсь бороться с сильным течением по дороге на другой берег.

Вода иногда попадает мне в рот. Она отравлена. Я надеюсь, что анаэробная грамположительная бактерия рода клостридий, являющаяся возбудителем ботулизма, каким-то чудом ещё не попала в мой организм и не начала своё деление.

«Если же мне повезло, то я смогу прожить некоторое время и выбраться из этой ямы отчаяния. Если же Фортуна... – спотыкаюсь об эту мысль, как если бы ударился мизинчиком ноги – Она никогда не была на моей стороне... так что думать о том, что она меня оставила, глупо, – громко разносится в опустевшей голове. – Но если вдруг она сочла все те страдания недостаточными для меня и решила подарить один-единственный шанс, чтобы в будущем я получил ещё больше таковых... В любом случае, даже зная об этом, я обязан им воспользоваться и постараться преодолеть все печали!»

Стараюсь максимально быстро шевелить ногами под водой. Яростно машу руками, прибавляя темпа к своей гребле и одновременно поправляя мешки с непотопляемым мусором.

– Мы не останемся тут, дружище... нет... не останемся, – сквозь сжатые до боли зубы, сквозь пробивающийся из лёгких кровавый кашель произношу я.

День сто шестьдесят восьмой.

Тяжелое дыхание толчками сокращало мою грудь. Голова кружилась. Тело тяжёлое, словно кости аккуратно извлечены, а в получившиеся полости залит свинец. Я смотрел на яркую звезду, повисшую в вышине. Она выжигала мне глаза, но я не мог перестать смотреть на неё. Мои расстройства личности и мои самые сильные слабые стороны в лицах стра-

ха, паранойи и нерешительности словно вышли из непродолжительной комы и сейчас они в один голос голосили: «Вставай!»

Они боялись за своё существование и поднимали не меня, наше общее тело, с залитого холодной отравленной водой чёрного, как сердце бывшей, песка. Они старательно кричали, чтобы я начал своё медленное движение в сторону того городского очертания, которое я видел сквозь слегка обожжённые слизистые оболочки глаз, сквозь слезы, выделяющиеся как защитная реакция организма. Пускай больного, пускай отравленного, но сражающегося организма.

С трудом встав, потихоньку, вперевалку, с ноги на ногу, я продолжил своё путешествие. Кашель периодически вырывался из грудной клетки стоном боли и несколькими каплями собственной крови. Но я мог дышать... воздух здесь не был отравлен... Возможно, из-за ветра, который всё время дул мне в лицо и гнал прочь скопление летучих ядов.

– Не-е-ет... не-е-ет, мой друг... Мы тут не останемся... – проговорил я, чувствуя то, как холод ледяной воды потихоньку начинает покидать тело.

Город Цветов и фруктов

День сто шестьдесят девятый.

«Добро пожаловать! Вас встречает фруктовая столица!» – прочёл я на знаке на границе нового города, и если ветер дул мне в лицо, то я чувствовал удивительный цветочный запах,

смешанный с ароматами спелых фруктов, иногда с алкогольными нотками... Если же ветер толкал меня в спину, мне приходилось доставать противогаз и натягивать на гладкую кожу головы, разъедаемую экземой.

«Смогу ли я поесть? – вот о чем я думал, предвкушая оживлённый город и приготавливая те деньги, которые лежали в аккуратном целлофановом свёртке. – Смогу ли я найти дешёвый ночлег и лекарства... Выживу ли я?»

«Двигай!

Своими!

Поршнями!» – кричал психоз. Он вновь спасал мне... нам... жизнь своим присутствием. Он вновь пинал меня под задницу, не давая остановиться, не позволяя мне провалиться в мир Морфея, помогая избегать ворот царства мертвых.

«А ты ничё так! – поддерживал меня мой разум, которому также не улыбалась перспектива упокоиться перед новой контрольной точкой. – Главное – не останавливайся... Сквозь свои печали продолжай идти», – без устали, пробиваясь сквозь голоса психоза, мне твердил мой рассудок.

Вот так, еле двигаясь, периодически переламываясь в рвотном позыве, я зашёл на новую точку своего многострадального пути. На моей внезапно облысевшей голове противогаз. Я был одет в лохмотья от той одежды, что порвалась и порезалась во время моего бегства. У меня на поясе – оторванная голова киборга.

– Здравствуй, город Фруктов! – охрипшим голосом про-

изнёс я.

День сто семидесятый.

Здесь. Никого. Нет.

Меня встречает пустой город. Город затхлости и тишины. Город гуляющих ветров и зелени на подоконниках. Город будущего. Город, сердце которого больше не бьётся.

«Мне кажется, я прекрасно понимаю тех, кто решил оставить это место... Жить под гнётом мусорного царства... нереально! Этот запах, он способен свести с ума. Под плавающим ультрафиолетом жижа помоев испаряется и поднимается в небо. Думаю, опустел даже рай, раскинувшийся над этим местом. Думаю, даже ад не способен справиться с отравой человечества, проникающей сквозь грунт, глубоко вниз», – вот о чём думаю я, пробираясь по поросшим пылью улицам.

Домики контрастируют. Встречаются как одноэтажные, так и стеклобетонные высотки, от которых что-то щенячье скулит внутри воспоминанием о моём родном городе Грусти.

Я чувствую свои шаги. Я ощущаю их так, будто бы я сам стал той дорогой, по которой иду. Я стал своим собственным проспектом в «сам не знаю куда»...

Я чувствую, как дышит асфальт. Чувствую, как он отдаёт тепло, принятое от солнца. Чувствую свежесть воздуха, пока она не сменяется смердящей какофонией, бьющей мне в затылок тяжёлым камнем. Я чувствую... непреодолимые: бо-

лезнь, обезвоживание и голод.

Мой рассудок ведёт меня в ближайшее отделение больницы... в ближайшую аптеку. Мой рассудок, молча стиснув общие зубы до боли в скулах, повторяет названия нескольких сильнодействующих препаратов типа «антибиотик».

Я, психоз, мои самые сильные самые плохие черты – мы вместе сражаемся за дальнейшее выживание.

«Получится?

Возможно...»

День сто семьдесят первый.

Я нашёл аптеку. К моему удивлению, множество препаратов осталось нетронутыми, аккуратно сложенными в свои упаковки, будто бы люди не сознательно уезжали отсюда, а экстренно эвакуировались по какой-то не до конца ясной причине.

Я нашёл то, что искал... во всяком случае, нашёл то, что считал нужным. Это было тем вторым, что сильно меня удивило: пенициллин в таблетках.

Я закинул в рот сначала одну... потом ещё одну... затем третью таблетку и начал методично прожёвывать и, не даст мне соврать всевышний, если бы не пустота желудка, я уделал бы эту аккуратно оставленную аптеку.

«Так быстрее рассосётся», – думал или, скорее, убеждал я сам себя. Затем, справившись с этим самоназначенным заданием по самолечению, я дал себе ещё одно. Для его выпол-

нения понадобилось найти воды. Почему-то я был уверен, что город отрублен от водоснабжения, а если и не отрублен, я не рискнул бы прикоснуться к проточной воде... просто не рискнул бы.

Всё в той же аптеке я нашёл бутылку минеральной воды в стеклянной бутылке. На стойке, доньшком, я раздавил несколько таблеток пенициллина. Получившийся порошок высыпал в «булку для гамбургера» из двух пластов ваты, затем обернул все бинтом, приложил к одному порезу. Соорудил ещё один компресс и приложил к другому повреждённому месту, и так ещё несколько раз. А потом я методично начал поливать минеральной водой свои наспех изготовленные аптечки.

«Надеюсь, это спасает меня... и через несколько дней я не почувю запах... разлагающийся плоти», – подумал я, плотнее прижимая к коже компресс.

День сто семьдесят второй.

Собрав себе необходимый запас пенициллина, ибупрофена и ещё черт знает чего, я отправился на поиски крупиц информации о том, почему столь замечательное место было оставлено. Я шёл по пустым улицам и поглощал то, о чём мечтал на подъезде к свалке после обильного выплеска собственной крови из желудка на бочину автобусной многоножки. Я шёл и ел, пускай сильно просроченный, но гематоген, и надеялся на – пускай не столь ярко выраженную – силу пре-

паратов с давно истёкшим сроком годности.

Здесь, в этом городе, было зелено. Вкраплениями были маленькие цветочки высоко в небе. Они смотрели вниз, с деревьев. В некоторых местах душистые соцветия уже воплотились в прекрасных бабочек-плодов. Цвета радуги играли со всех сторон, будучи подсвеченными яркими лучами солнца.

«Что могло смутить здешних жителей? – думал я. – Да... конечно, запах мусорки, время от времени приносимый сюда со свалки, опасен для жизни, но... – в моей голове возникла ещё одна догадка, которую я не стал оглашать вслух. – Но ведь это не повод, чтобы бросить город Фруктов?»

Покинув аптеку, я поймал себя на мысли о том, что голод уже давно прошёл, оставив после себя лишь нужду в потреблении продуктов. Мой организм теперь нуждался лишь в углеводах, жирах и белках. Именно в таком порядке, мое тело было готово потреблять и растворять в себе основные пищевые компоненты. При этом концентрация в моём состоянии была одна: крайне большое количество, не меньше.

«А ты точно хочешь знать причину?»

Тебе точно необходимо это лишнее знание?

Посоветуйся с нерешительностью перед окончательным выбором!»

Мой психоз был откровенно против того, чтобы я лез своим любопытным носом в очередной пласт культурно-исторического наследия нашего крайне несовершенного мира.

«Найди что-нибудь, чтобы огородить себя от дальнейших проблем», – твердило сознание, вставшее на путь рационального мышления и предчувствовавшее внезапный удар в спину даже не от безразличной жизни, а от вредной, по всем понятиям, судьбы.

День сто семьдесят третий.

Я нашёл несколько упоминаний о произошедшем. Все оказалось достаточно просто и ожидаемо. Люди были в срочном порядке выселены... эвакуированы из города из-за отравлений воды и воздуха. Оказалось, очистные сооружения совершенно вышли из строя. Там произошла серьёзная авария, упоминаний о которой было слишком мало, чтобы сделать вывод о масштабах того происшествия, но оно повлекло за собой полный запрет на проживание в этом прекрасном цветущем городе.

«Вот тебе вечная проблема баланса нашего мира, – хмыкнул рассудок. – Всё либо слишком хорошо, либо слишком плохо. А мы находимся по центру этих «слишком» и стараемся не завалиться на бок».

«В этом что-то есть!

Да, точно есть!

Это практически и есть настоящая правда!»

Мой психоз восторженно заскулил в поддержку мудрости от моего рассудка. Я сам оценил глубину высказывания, но решил остаться в нейтралитете. В этот момент я сидел в пар-

ке, на лавке, проверяя свои резанные раны на наличие загнивания и проверяя температуру. Рядом я поставил голову своего молчаливого друга. Мне хотелось заговорить, но я понимал, что ничем хорошим это не закончится, поэтому я старался насладиться тишиной в компании оторванной от тела головы киборга.

На этот момент я уже несколько дней успел провести в городе Фруктов. Мне повезло, что бежавшие отсюда люди побросали вещи. Сетевые магазины вывезли не все товары, а маленькие частные ларьки были забиты разными бессрочными продуктами. Ещё мне повезло, что я не соблазнился и не попробовал ни единой ягодки, ни единого фрукта и для себя решил пить воду только из пластиковой тары. Возможно, благодаря этому решению и огромным дозам пенициллина я сделал несколько шагов вперёд, отдалившись от своей смерти.

День сто семьдесят четвёртый.

Несколько дней мне было плохо... Я откровенно был при смерти. Все это время я остервенело потреблял пенициллин, найденный дико просроченный нимесил и его аналог под названием «нимесулид». Я пил эту дрянь как воду, как компот, как лютую бодягу, как самую настоящую дрянь из легендарного города А. Несколько дней я палил свою печень и свои почки для одной успешной попытки выжить.

Я нашёл удобную каморку в одном из гипермаркетов.

Здесь было все: консервированная еда, чистая вода в бутылках и препараты. Соорудив здесь небольшую стойку, я поставил голову своего друга и направил застывший, обезличенный лик в сторону двери. Провода, трубки и шланги раскинулись на поверхности подобно тому, как может растянуться моллюск или осьминог. Со стороны это зрелище холодило сознание, сотрясаемое высокой температурой предполагаемого абсцесса... во всяком случае, мне так казалось... Во всяком случае, я был счастлив отсутствию возможности выйти в сеть и посмотреть свой диагноз, заложив в подсознание идею о...

«Не-е-ет... – думал я. – Любая озвученная мысль на полпути к реальности... Лучше молчать... лучше вообще избегать попадания в этот капкан, в эту ловушку, подготовленную... кем бы то ни было».

«Неплохо...

Правильно!

Ты... прогрессируешь в своём восприятии?»

Мой психоз хлопал в ладошки с выражением лица «very well». Он по достоинству оценил сказанное мной. К личностному расстройству присоединились рассудок и мои сильные слабости. Они вместе посмотрели на меня с уважением. Даже несмотря на то, что я лежал, укутываясь в дешёвые пледы и цепляясь своими уставшими, исполосованными порезами и ссадинами испещрёнными руками за свою никчемную жизнь.

День сто семьдесят пятый.

– Не навреди, – сказал я, ухмыляясь самому себе. Моё самоубийственное самолечение из слоновьих порций жёстких антибиотиков смогло вытащить меня со дна ямы.

«Клин клином... так сказать, – усмехнулся мой рассудок. – Смерть из организма можно выбить только смертью».

«Философы...

Хватит размазывать...

Собираемся и валим дальше!»

Психоз был не в восторге от моего согласия с рассудком. Моё психическое отклонение нервничало и дёргалось, вставляя кислотные комментарии в любое рассуждение, в любой ответ на любой вопрос. Препятствуя красноречивому молчанию. Несмотря на этот постоянный щелочной галдёж моего сдвинувшегося в сторону безумия разума, я неустанно работал последние несколько дней.

Сейчас, просматривая полки гипермаркетов, я искал самые неопасные продукты. Обшаривая центры продаж фармакологии, я искал то, что может пригодиться в будущем. Всё, что проходило мой персональный фильтр допустимого, я складывал на собственноручно сделанную двухколёсную повозку. Там уже лежали большая туристическая палатка, дождевик, некоторые тёплые и летние вещи. Там были медикаменты и минимальный запас продовольствия на ближайшую пару недель. К огромному сожалению, повозка по-

лучилась крайне тяжелой, а жилет, которым я крепил себя к оглоблям, сильно впивался в плечи и трапецию. Чтобы снизить давление, я сделал своеобразные подушечки-подкладки на жилете и удобные ручки на оглоблях, которые можно было поворачивать и либо нести вслед за собой весь свой груз, либо толкать его вперёд, давая отдых одним группам мышц и давая нагрузку на другие.

День сто семьдесят шестой.

Меня вновь увлекает дорога. Она возникает под моими ногами и выглядит как змея, кусающая свой хвост. А я иду по чешуйчатой поверхности, переходя с одной части замысловатого рисунка на другую. Чередуя текстуры, тона и оттенки. Оставляя на коже этой змеи свои следы и две тонкие колеи от колёс моей повозки.

Если идёт дождь, я надеваю специальную одежду. Если великая звезда исчезает за изгибом змеиного тела, я ставлю палатку, аккуратно втыкая штыри в небольшие отверстия стыков между чешуйками. Если я устаю, то останавливаюсь на отдых. Если есть силы и упряжь не впивается в кожу, я стараюсь пройти как можно дальше.

«Эй!

Как думаешь?

Сколько нам ещё идти?»

Время от времени мой психоз разбавляет тишину. Он задаёт максимально тривиальные вопросы, дабы не находить-

ся в беспроглядной немоте. Ведь для моего психического отклонения слова являются формой осязания и существования, а я его всего этого лишаю.

«Не молчи... рассуждай... делай хоть что-нибудь в своих мыслях! – мой рассудок тоже не испытывает особого восторга от моего молчания. – Мы не можем постоянно находиться в вязкой смеси бездумной физической работы! Мы здесь погибаем!» – рассудок мерзко стонет от боли. Рассудок также страдает от безмолвия. А я лишь постигаю природу тишины, продолжая идти и орошая шаги каплями пота. Мне даже не интересно, когда я куда-нибудь дойду. Сейчас я просто получаю наслаждение от процесса.

День сто семьдесят седьмой.

Припасов всё меньше. Мой воз всё легче. Мои мышцы всё более устойчивы к высокой и интенсивной нагрузке. С каждым днём я наращиваю темпы своего передвижения... С каждым днём я все ближе к новому, неизведанному месту.

Большое количество влажных салфеток, воды и дезинфекционного средства помогают мне оставаться человеком и избавляться от сладковатого запаха тела. Благодаря этому я знаю, что со мной будут общаться... если я встречу кого-нибудь на своём пути.

Погода тоже меняется. Покидая зону палящего южного солнца, я проникаю в среднюю полосу. Ультрафиолет становится щадящим, а ночи морозными. Спать в спальнике ста-

новится всё холоднее. Запах свалки – единственное, что меня до сих пор удивляет. Он приносится сюда ветром и не желает отпускать из своих смертоносных объятий.

– Как тебе такое? – спрашиваю я голову навеки выключенного киборга. – Этот ад пытается преследовать нас и идёт по пятам!

«Продолжай!

Общайся с мертвецом!

Не останавливайся... Развивай мысль!»

Все мои психические проблемы жадно впитывают любой мой порыв к общению, к мыслительному процессу. Кстати! Я научился сводить с ума собственное безумие! Это несложно... достаточно просто считать собственные шаги. Без особой цели, без смысла. Это способно свести с ума даже безумие!

День сто семьдесят восьмой.

Ноги скользят с каждым шагом. Кажется, я не иду, а гребу... Тяжесть моего воза не позволяет сделать шаг. Сильный дождь бьёт по материи, обработанной каким-то специальным веществом, и вода стекает и отлетает от меня. Тщетные попытки продвинуться бесят, высекая мат из моих уст. Слышу тихий смех всех моих психических отклонений. Это тоже выводит меня из состояния спокойствия, из состояния приобретённого баланса.

Делаю ещё один шаг и чувствую, как ботинок соскальзы-

вает далеко назад. Я замираю в положении глубокого выпада, а мои психические проблемы, словно закадровые голоса аудитории в ситкоме, издают разочарованный выдох.

– Вам лишь бы посмотреть, как я ударю лицом в грязь, – раздражение переполняет меня настолько, что я кидаю упрёк, обращённый к... самому себе. Я сам вижу эту медленную, разрезанную на кадры мультипликацию того, как лицо окрашивается в цвета жирного чернозема.

«Может, остановиться? – проскальзывает мысль и тут же отрицание. – Нет! Этот дождь не заканчивается несколько дней и может продолжаться ещё столько же... даже дольше, учитывая плотность и расстояние до нависающих надомной облаков».

Я смотрю на небо и вижу бездонную пасть, собирающуюся поглотить обитель человечества, как шарик курута. Длинные полосы, освещающие многослойную структуру, иногда упираются в землю, сопровождая контакт громким хлопком, поставленным на затухающий повтор... Я слушаю музыку штормового неба, стараясь не упасть в грязь лицом.

День сто семьдесят девятый.

Впереди, где-то очень далеко передо мной, тонкой линией начал вырисовываться силуэт города. Моей заинтересованности хватало на то, чтобы идти и день, и ночь. Без остановки. Без усталости. Без внимания к голосам в моей голове. Кажется, своими шагами я вращал землю под ногами.

Чувство очень странное и ранее неизведанное мной треплется в клетке под рёбрами. Я мог бы назвать это счастьем, но... никогда раньше, ничего подобного я не чувствовал. Мой эмпирический опыт был очень скуден и не давал возможности сделать один точный вывод о том, что это за чувство.

Тёмная ломаная города возвышалась над осью видимого пространства. Я наблюдал за тем, как угасающие лучи проходят сквозь пустые пространства между зданиями и устремляются вдоль маслянистого чернозёма прямо в мои уставшие глаза.

«Слушай...

Остановись.

Отдохни ты уже!» – причитал и ныл мой психоз.

«Завтра дойдём до города. Завтра постараемся найти пристанище. Послезавтра постараемся найти хоть какую-нибудь работу», – подключился мой рассудок, и все эти голоса гудели в моей голове, как пчёлы.

«Да... я знаю... работа нужна... иначе мы загнёмся», – думал я, чувствуя то, как пот скатывается по лицу, попадает в глаза вызывая резь.

– Мы должны работать, если хотим жить, ведь так? – спросил я у погибшего друга. Тот молчал, а я, прекрасно понимая, что оторванная голова никогда не сможет стать собеседником, только тем, с кем можно помолчать, не испытывая неудобства при этом, продолжал вращать своими шага-

ми тяжёлую планету.

Город Серости

День сто восьмидесятый.

Вот я и в городе. Иду по дороге и слушаю, как возмущённые водители давят на кнопку клаксона. Не получив на своё возмущение ни толики внимания, они обгоняют меня с моим скромным возом пожитков, ругаются, не стесняясь в выражениях, и, осознав свою беспомощность в вопросе привлечения моего внимания и тщетности усилий, уезжают.

Из моих наблюдений хочу сказать: идти по нормальной асфальтовой дороге очень легко и приятно. Даже если в горку, даже если на разбитом участке... Идти по дороге приятнее, чем месить ногами тугой и вязкий чернозём, который к тому же имеет свойство налипать на колёса и увеличиваться в размерах, подобно раковой опухоли... и мешать так же, как опухоль, до удаления с поверхности организма.

Я иду вдоль длинных проспектов обрамлённых высотками офисов, откуда, уверен, на меня пялился офисный планктон, указывал пальцем, снимал на телефон и организовывал рассылку родственникам и друзьям с подписью: «Гля на кретина! Ха-ха!» или «Ололо». Примерно через час пути по твёрдому асфальту я натываюсь на парк, где решаю остановиться для отдыха и подробного обдумывания дальнейших телодвижений.

– Эй! Эй, ты! – я слышу девичий голос и поворачиваюсь

к источнику звука. — Да-да, ты! — смотрю на высокую, худую девушку с высокими скулами и точеными, заострёнными чертами. — Я видела тебя... Мне скидывали видео, на котором ты пёр по дороге!

Теперь смотрю на то, чем она занята. Вижу мольберт, испачканную краской палитру в руках и начинаю замечать на руках и лице небольшие, очень милые капли и пятна разных цветов, говорящие о заинтересованной работе.

— Меня зовут Правда... Дай я нарисую тебя с твоей повозкой, а?

Меня вводит в ступор этот вопрос, но я соглашаюсь.

День сто восемьдесят первый.

— А почему Правда? Только правду говоришь? — спрашиваю я спустя некоторое время молчания. За этот интервал пространственно-временного континуума девушка успевает снять уже использованную холстину, натянуть новую на прежнюю раму и начать рисовать.

— Я? Только правду? — хмыкает она.— Не... Я нормальная, а не больная... Просто имя у меня такое.

— Чё, тебя реально зовут Правда? — моему восторгу нет предела.

— Ну! — отвечает девушка, не отрываясь от своего дела. — Слышь, а ты нормальный... вроде...

— В смысле? — спрашиваю я с непониманием.

— Да, в прямом... Ты глянь на свой видок! И это в городе

Офисного планктона! Нонсенс! Ха!

Девушка забавляется надо мной.

– Так получилось... – неохотно отвечаю я.

– Просто... – говорит она несколько застенчиво – Эта повозка... лысая голова... лохмотья и противогаз на одной стороне пояса и какой-то непонятный большой узел на другой стороне. Ты будто вышел со страниц постапокалиптической книги.

– Примерно через это я и прошёл, – искренне отвечаю я. – А ты... что ты тут делаешь?

– У меня отпуск! – на лице Правды появляется ослепительная улыбка, отсвечивающая счастьем. – А что ты тут забыл?

– Случайно пришёл сюда, – отвечаю я.

– И куда дальше? – Правда начинает погружение в мою историю.

– Ты точно хочешь знать об этом? – спрашиваю не я, спрашиваем все мы, поселившиеся в одном теле.

– Да! – бодро отвечает Правда.

День сто восемьдесят второй.

– Воу... Ты сам не знаешь, куда идёшь?! – она хихикнула. – А место назначения... Ты поймёшь, что дошёл, когда сам это почувствуешь? – она хихикнула ещё раз. – А тебе не кажется, что это слишком дурацкая идея? – она откровенно засмеялась. – Знаешь, за всю жизнь я не слышала большей

глупости, чем эта!

– Возможно, я дурак, но в моем случае, быть дураком лучше, чем быть тем, кем я был, – спокойно отвечал я, продолжая внимательно следить за движениям Правды, которая неотрывно переносила меня на холст.

– А кем ты был до начала твоего путешествия? – спросила та.

– Я был... собой, но никем. Такой «я-никто» с белым воротничком и бесконечно большими мешками под глазами, – ответил я, возможно, слишком поэтично.

– М-м-м... – протянула Правда, язык которой немного выглядывал изо рта и был слегка придавлен губами и зубами. – А чё ты так плохо выглядишь-то?

– Ну... эм... прошел через город Свалку... – честно ответил я и поймал на себе недоверчивый взгляд, полный вопроса.

– Что? – спросила Правда. – Как?... Подожди, ты утверждаешь, что прошёл через город Свалку? Он же черт знает где, ещё и напрямик ни туда, ни обратно не...

– Да, прошёл... Переплыл реку...

Я не успел закончить, так как она перебила меня.

– То есть ты утверждаешь, что прошёл и через город Фруктов?

Недоверие возросло до критической отметки.

– Да, – честно ответил я.

– Вот это ты выдумщик, – Правда засмеялась.

«Она тебе не верит», – в один голос произнесли все мои проблемы, поселившиеся в рамках одной черепной коробки.

«Пусть будет так», – спокойно сказал я, беззвучно обращаясь к моему внутреннему синдрому матрёшки.

День сто восемьдесят третий.

«Мне не нужна вера... чужая вера в пройденные мной километры... Мне нужно доверие... простое, чистое, обезличенное», – ответил я своим психическим проблемам, спровоцировавшим меня на краткую фразу, после молниеносного, по меркам существования, обдумывания.

– Откуда ты? – спросила Правда, даже не смотря на меня.

– Я из города Грусти.

Мне не хотелось обманывать или придумывать, но каждая моя фраза вызывала всё больше скептицизма во внешнем виде моей собеседницы. Она явно сочла меня новоиспечённым городским сумасшедшим или тем, кто просто нуждался в повышенном внимании.

– М-м-м, – протянула она, и мы вновь погрязли в тугом, как расплавленный каучук, молчании. Следующий вопрос последовал ещё минут через десять. Видимо, все это время Правда аккуратно подбиралась как на холсте, так и в мыслях, к интересующему её объекту.

– Что у тебя там? – она указала своей кисточкой на футляр из клетчатой рубашки, повисший на моем ремне.

– Голова друга, – холодно ответил я, чем вызвал выстрел

саркастического смеха.

– Да, брат, – Правда улыбнулась, – Тебе только книжки писать... фантастические, – она звонко рассмеялась.

– Ты уверена в своём желании довести меня до сарказма? – кислотно спросил я, и на её лице повисла вопросительная мина.

– А давай! – сказала Правда, и я принялся разматывать матерчатый сосуд для остатка киборга. Через несколько секунд на поверхность своей повозки я водрузил голову моего друга, искусственная кожа лица которого была побита, исцарапана, изрезана и в кровоподтёках, и, прямо говоря, это было зрелище не для слабонервных. Лицо Правды искривилось от отвращения. Ещё через миг вслед за отвращением последовало удивление, и она посмотрела на меня другим, более глубоким взглядом.

– Я хочу найти дешёвый ночлег и работу на пару-тройку недель. Денег у меня не так много, но этого должно хватить на первый взнос за жильё, – сказал я и достал из узелка, замотанный в плотный целлофан, небольшой свёрток денег. – Ты сможешь мне?

Правда посмотрела на меня ещё раз. Один глаз был слегка прищурен. Девушка оценивала и взвешивала, примерялась к своим чувствам и мыслям по этому поводу.

– Канонно... получается, – сказала она. – Как по написанному.

– Это значит, да? – спросил я.

Правда улыбнулась мне в ответ.

День сто восемьдесят четвёртый.

– Пойди в ванну, приведи себя в божеский вид, бомжара! – обратилась она ко мне. На тот час она уже закончила свою картину, и мы даже сделали большое количество ламповых фотографий на раритетный полароид, после чего Правда сделала ещё больше разных фотографий и коллажей из готовых фотокарточек, чтобы выгрузить всё в сеть, на персональный аккаунт какой-то там социальной сети.

– А пока ты будешь воплощать себя из мусора в человека, я пожрать сварганю, – сказала она по пути на кухню. Тогда, впервые за очень долгое время, я зашёл в ванную. Стены были обшиты снежно-белым кафелем. Яркая лампа дневного освещения делала эту комнату похожей на тоннель прямо к золотым вратам. В принципе, именно так выглядела в моём сознании позолоченная рама с зеркалом внутри. Я посмотрел на себя и сразу вспомнил божественную комедию, а себя представил в роли Данте, прошедшего...

«Вот это рожа...

Да ты постарел, братан!

В начале путешествия тебе было... Сейчас ты выглядишь на полтос!»

Мой психоз был ошарашен. Мой рассудок молчал. Нерешительность протянула одну руку к зеркалу, а вторую – к лицу и то ли она сама, то ли страх не давали подушечкам

пальцев коснуться ни гладкой отражающей поверхности, ни собственного лица... Я видел мужчину с впалыми щеками и острыми скулами, с большими тусклыми глазами и фактурными кругами под глазами, плавно переходящими в глубокие морщины треугольника смерти. Кожа на кистях рук была тонкая и натянутая на сосуды и кости так, как пищевая плёнка одним слоем плотно опутывает продукты. Ключицы смотрелись двумя явными петлями, захватив за которые крюком, меня можно было превратить в суповой набор для семейства каннибалов, решивших сесть на плотную диету, но не отказавшихся от мяса.

– Эй! Бомжара! – услышал я голос с кухни. – Ты собираешься приводить себя в порядок или нет? Если нет, можешь выметаться из моей квартиры!

Я решил не отвечать. Ещё раз посмотрел на того человека, которым стал, и повернул кран с водой.

– Так-то лучше! – послышался довольный голос Правды.

День сто восемьдесят пятый.

– Ни «хо-хо» себе «ха-ха»! – так прокомментировала мой внешний вид Правда, когда я вышел из ванной комнаты. Мы встретились в узком коридоре, когда я шёл, чтобы надеть чистое. Да, я был обросший. Да, я был изрезан, исцарапан и весь в ссадинах. Да, я был постаревшим на целую, уже прожитую жизнь, но именно это и сделало меня тем, кем я был в тот момент.

– Я так понимаю, ты не так стар, каким кажешься на первый взгляд... – сказала она. – Да и не так плох собой, когда на тебе нет такого слоя грязи и другого невнятного налипшего дерьма.

Она продолжала смотреть на меня, частично прикрывающегося полотенцем.

– Спасибо за помощь, – вот что я сказал, почувствовав свободу... настоящую свободу! Впервые за всю свою жизнь я не чувствовал неуверенности. И это отражалось в моём поведении, в моих словах, это отражалось в отражении меня самого!

– Пойду оденусь, – сказал я и проследовал в комнату, где лежал узелок из целлофановых пакетов с чистыми вещами.

«Эй!

Кретин!

Читай по знакам!»

Мой психоз дёргался в направлении спасительницы, но я его не слушал. У меня была как минимум одна весома причина.... Во всяком случае, я старательно убеждал себя в том, что причина действительно весома.

«Нельзя срать там, где ешь, – говорил я себе. – Я должен сохранять дистанцию, как бы хороша она ни была, – твердил я себе, чувствуя то, как тело разрывается изнутри. – Я не должен осесть здесь... мой путь еще не окончен... Через пару недель я обязан уйти отсюда! Поэтому я должен быть сильнее самого себя.

День сто восемьдесят шестой.

Я не стал совершать этой ошибки. Я смог совладать с собой. Да, уже неделю мы встречались в её квартире. Уже неделю я спал на диване в зале. Да, она стала моей спасительницей. Правда также помогла мне устроиться на самую неприхотливую к своим сотрудникам работу, на которой платили за каждый проведённый на ногах час. А поскольку я работал по восемнадцать часов, то и сумма выходила приличная, и в скором времени я смог отплатить девушке за её доброту, положив перед ней неплохую денежную связку.

– Эт чё такое, а? – спросила Правда, недовольным взглядом посмотрев на красно-зелёные купюры, аккуратно перетянутые чёрной канцелярской резинкой.

– Это моя небольшая благодарность за все те затраты, которые ты взяла на себя, – сказал я.

– Ну, раз ты так решил...

Она взяла деньги. Только после этого я увидел обиду и разочарование в её взгляде.

– Я нашёл себе небольшую комнатуху. Думаю съехать туда, чтобы не стеснять тебя в твоём жилье, – продолжил я, всё больше погружая себя в глубину разочарования глаз Правды.

– Хорошо... раз ты так решил, – единственное, что она сказала мне.

После, примерно через час, я был готов оставить её.

– Ты это, на, – она протянула бумажку с номером телефона. – На всякий. Пока ты будешь здесь.

– Но у меня нет... – начал было говорить я, но она перебила меня.

– Отличный повод взять хоть какой-нибудь. Мне интересно знать, куда тебя ещё занесёт нелёгкая, – сказала она. – Жду большое количество сказочных историй одного психопата.

Правда улыбнулась мне и ушла, а я взял свой воз и приступил к толканию его до нового пристанища.

День сто восемьдесят седьмой.

Я бежал из города Грусти и после всего уже встреченного на пути и подумать не мог, что наткнусь на ещё один, до рвоты подобный, город Грусти.

Здесь царствовала тишина громкого кляцанья печатей и степлеров, треска клавиш компьютерных клавиатур и свистящее поскрипывание плюющихся чернилами принтеров. Здесь властвовало одиночество картонно-пенобетонных коробок квадратов квартир, сквозь стены которых прекрасно слышны секс, ругань, плачь и то, как кто-то смывает унитаз за собой.

Я купил себе новый сотовый телефон и почувствовал тяжесть камня на своей шее в лунной атмосфере: не тяжело, но не приятно. Я снял комнату в четырёхкомнатной квартире и иногда встречался носом либо со студентом, либо с

ветхой старухой, либо с представителем многодетной, канонично неблагополучной семьи. С этого момента мне стало казаться, что это слишком мало – работать восемнадцать часов в сутки, что я могу двадцать два часа быть на работе. Полчаса принимать там душ, полтора часа спать и вновь заходить на сутки, и так каждый день, лишь бы не выслушивать острые приступы ипохондрии, не чувствовать горьковато-сладковатый запах бланта, лишь бы просто не встречаться с цирком моральных уродов, объединённых фамилией, жильём, взаимными качелями «любовь и ненависть» с интервалом движения в один шаг.

«Они как мои соседи сверху, только в сотни раз хуже», – каждый день думал я, вынужденно возвращаясь в свою комнату, так как мне не давали работать дольше отведённого времени.

«Я не удивлюсь, если статистика вздёрнушихся непрерывно растёт, – тихо, холодяще проговорил мой рассудок. – Так же, как и в твоём родном городе Грусти... непрерывно растёт».

День сто восемьдесят восьмой.

Я и подумать не мог, что может быть такое чувство, будто бы ты просыпаешься в новый сон, и так в течение нескольких недель. Я и подумать не мог о том, что сон может быть столь глубоким, столь сконцентрированным и столь тяжёлым. И это после месяца пробуждения в очередное пробуждение. Я

и подумать не мог, что когда-нибудь познакомлюсь с кратковременной летаргией длиною в несколько кратких суток.

«Я уснул восемнадцатого... сегодня двадцать второе... а это значит, что я безоговорочно уволен, – думал я, выпивая тройную дозу кофе, размешанную в одной кружке с двойной дозой сахара. – У меня ещё несколько проплаченных дней аренды комнаты... и деньги... у меня хватает, чтобы отправиться дальше».

«Позвони Правде!

Ты обещал не пропадать!

Она ждёт твою очередную невероятную историю!» – злобно смеялся мой психоз.

Меж тем рассудок молчал. Практически с самого начала нашего прибывания здесь, практически всё время здесь мой рассудок молчал. Единственный диалог, который тот задвинул, случился тогда, когда я решил привести голову друга в порядок, спрятав провода, трубочки и шланги и замотав скотчем место отрыва. Также я вытер кровоподтёки, и с этого момента образ Ктулху распался на атомы тумана, а оторванная голова киборга, лишённая тентаклей из внутренностей, стала похожей на голову, перестав походить на моллюска.

У меня было два варианта на выбор: идти с повозкой до следующего населенного пункта или купить очередной билет на очередной автобус. Я решил упростить себе жизнь и отправился на вокзал, чтобы купить билет.

Уже на кассе, изучая направления, куда можно отправить-
ся, я позвонил Правде.

– Я отправляюсь дальше, – сказал я, определившись с тем,
куда я хочу поехать.

– Хорошо. Удачи! – сказала та и умолкла. Некоторое вре-
мя мы слушали дыхание друг друга, после чего она сказала: –
Не забудь рассказать очередную интересную историю! Про-
щай!

День сто восемьдесят девятый.

– Куда мы идём?

– Мы идём вперёд... куда-то... Не знаю.

– А почему мы туда идём?

– Потому что мы не можем не идти. Если мы не будем со-
вершать столь простое действие, мы покроемся мхом и пле-
сенью. Превратимся в компост, в замечательное удобрение!

– Почему ты такой негативный?

– Я полон позитива! Правда, не важно, что этот позитив
можно описать словом «мрачный».

– Это ты очень точно подметил... Как и ты сам какой-то
мрачный. Кажется, как раз по этому ты и притягиваешь к
себе неприятности! Ха! И я – твоя неприятность!

– Не смейся надо мной!

– А то что?

– Не то пойдёшь пешком.

– Типа, напугал! Типа, «самец»! Типа, это помешает мне

идти рядом и клевать твой мозг! А-ха-ха-ха!

– Ворона...

– Белая. Если так, то норм!

– Ага, снегоподобная, своей окраской...

– Прикрутите сарказмомёт, мусьё!

– Я? Сарказм? Да ну, что вы, я бы ни за что!

– Так куда мы направляемся?

– Я планирую прийти в город Казино. Думаю, там немного поработать и двинуть дальше.

– Это интересно! Там, наверное, много интересных мест... Как минимум казино с этими потными, нервными, полутрезвыми, размеренно пьяными людьми! О да! Интересно посмотреть на одержимых демоном, заведующим азартными играми.

– Возможно, в этом что-то есть, но меня не очень интересует. Я просто хочу найти то место, о котором смогу сказать «это то место, которое я искал». Чтобы начать всё заново. Чтобы это не было той жизнью, которую я проживал до этого!

– Не слишком ли много ты хочешь? – спросила Правда, удобно севшая в моей телеге.

– Нет... нормально, – сказал я, чувствуя небольшую нервозность и уже ругая себя за принятое решение выбросить купленный билет. Я это сделал после звонка от Правды. Она спросила: «Можно с тобой?» – в этот момент я отдавал ключи от комнаты арендодателю.

– Уверена?

– Да, – ответила она, и я решил, что так будет интереснее и веселее. – Только давай на телеге?! Так интереснее, а?! – спросила она, и я согласился, а надо было настоять на автобусе.

День сто девяностый.

Уже несколько дней я тяну за собой свой тяжёлый воз, который стал только тяжелее, приняв на себя вес одной девушки. Не много, но при полной загруженности повозки это «немного» очень ощутимо для моего тела. При этом Правда выбирает одну определённую точку где-то вдалеке, фиксирует её в своём восприятии и начинает рисовать. Это может быть и пейзажем, и чем-то абстрактным, и скетчем спины одного человека, незаметно для себя подписавшегося быть рикшей.

– Эй! Можно я возьму эту голову? – спросила она как-то под вечер.

– Киборг лежит там, с тобой. Бери... только скажи, зачем? – спросил я, отплёвываясь от пота, стекавшего по лицу.

– У меня есть интересная идея, – ответила Правда. – Не бойся! Не выкину, ха! – она задорно рассмеялась.

– Интересно... можно ли его восстановить?.. – возник вопрос в моей голове, который тут же, незаметно для меня самого, был воспроизведен вслух.

– Это же машина, так?! – голос Правды звучал сосредото-

ченно, а значит, она уже начала работать. – Значит, можно!

– Было бы неплохо... попробовать это сделать... – сказал я. – Он мне жизнь спас... Если бы я вернул ему долг, мы были бы квиты.

– Ищи возможность, и она найдётся, – сказала она с интонацией мудреца и насмешки в одной смеси.

– Скажи, а не человеческое ли ты воплощение госпожи Логике? – язвительно ответил я, но ответа так и не получил. Мы вновь замолчали, и только мои расстройтва жужжали в голове.

«Она тебя уделала!

Красивое, красноречивое молчание – лучший ответ!

Эта девочка, с её приколами, она просто душка!»

Мой психоз смеялся и хлопал в ладоши.

«С ней тоже приятно помолчать», – высказался рассудок, и лишь нерешительность... Нерешительность вспомнила о тайных посланиях в обличье цветов, шифр из которых надо было разгадывать.

День сто девяносто первый.

Под звёздным небом так комфортно спать... для этого не нужна постель, лишь только земля... или спальник, если грунт полон холода, что пробирает до самых костей и сотрясает тело, которое и без того тупо болит. Но звёздное небо – это нечто! Облачное или чистое, безлунное или хранящее в себе бело-жёлтое отражение от мёртвого камня, застывшие-

го в бескрайнем космосе. Особенно если застать сезон звездопада в начале августа. Можно полночи наблюдать за этим явлением, подложив руки под голову, и пускай весь последующий день будешь чувствовать себя куском нечистот, но ты будешь чувствовать себя совершенно счастливым куском нечистот.

– Эй! Если ты заболеешь, я тебя лечить не стану! – каждый вечер говорила Правда, перед тем как закрыть не просто палатку, а брезентовый дворец из нескольких комнат с шаныраком в центральном отделе этой тканевой крепости. – А если тебя искушает какая-нибудь ядовитая дрянь, запомни, я буду тебе повторять: «А я тебе говорила» ежедневно, до конца твоей жизни! Поверь, я найду способ, чтобы воплотить это в жизнь!

На все её усмешки и подколки я лишь отмахиваюсь. В последнее время я просто получал удовольствие от происходящего со мной... Не считая тех нескольких недель в съёмной комнате с огромной и нагнетающей атмосферу люстрой. Я даже вымыл ту от пыли, потратив несколько часов, отведённых мне на сон, и повесил её обратно.

«Если ты захочешь вздёрнуться.

Ты сделаешь это так красиво, как это может быть только в сериалах с рейтингом от девяти до десяти!

Большие люстры только для этого и нужны... Они как ружьё на стене... Рано или поздно кто-нибудь воспользуется это запасной дверью из реальности».

Мой психоз паскудно посмеивался каждый раз, когда я смотрел на этот интерьерный выкидыш.

Город Казино

День сто девяносто второй.

Огни. Огни. И вновь огни.

Витрины. Витрины. Ещё раз витрины.

Камни. Золото. Фишки. Люди. Люди. Люди. Люди.

Вот мои первые ассоциации с тем местом, куда прибыли я и моя попутчица Правда. Мы достигли города Казино поздней ночью. Ближе к утру мы добрались до центра. К этому времени я успел несколько раз повздорить с автомобилистами, с властями, что блюдут порядок и закон, и получить бесчисленное количество перекошенных от отвращения и непонимания взглядов. А Правда, кажется, прикалывалась от этого так, будто бы недавно сама не смотрела на меня как на душевнобольного, убеждённого в своей конспирологической теории глобального заговора всех и вся против, ну, к примеру, листопадов осенью.

– Интересной жизнью живешь, – сказала Правда. – Я бы даже подумать не могла о том, что жизнь такого относительного бомжары, очень относительного бродяги может быть увлекательной.

Она смеялась, сидя на груди вещей, аккуратно сложенных в повозке, оглоблями прикрепленной ко мне.

– Ага, типа того, – мой ответ звучал сумрачно из-за ско-

пившейся и в теле, и в мыслях, усталости.

«Давай на отдых!

Если свалишься с ног, она не потащит...

Ищите дешёвую ночлежку!»

Мой психоз осознавал состояние и крайне настаивал на отдыхе.

«Ну что, завтра придётся повторить ритуал поиска тяжёлых быстрых денег! – рассудок тоже потихоньку смеялся. – Мне кажется, раздобыть здесь наличку куда проще, чем в городе белых воротничков и офисного планктона, – рассудок получал удовольствие от каждого слова. – А потом пойдём дальше, на поиски желанного тобой эфира.

День сто девяносто третий.

Хостел, который выбрала Правда, был действительно неплохим. Чистые комнаты, приветливые девочки на рецепции, которые помогли мне найти неплохую, но очень тяжёлую физическую подработку. Даже две. Первая заключалась в том, чтобы в течение белого дня переносить и переставлять с места на место товары общего потребления в гипермаркете, напомнившем мне ещё один небольшой город внутри города. Вторая моя временная профессия заключалась в усиленной работе лопатой на вокзале. Там я кидал уголь, перекладывая из вагона в тележку.

Правда тоже подрабатывала. Она рисовала портреты на входе в хостел. Это было прибыльным делом, и заработанные

ей денежные суммы практически равнялись тем, которые зарабатывал я... только при делении на два, а в особо удачные дни, когда Правда много рисовала, она делила свой заработок на три, чтобы сравнить с той суммой, которую платили мне. Не то чтобы меня это расстраивало, но я считал, что это не совсем справедливо. Мои сильные психические слабости тоже не были в восторге от происходящего. Они тоже видели в этом подоплёку несправедливости. С другой стороны, у Правды была замечательная банковская карта, которая автоматически лишала её всяких проблем, связанных с наличными, и, как оказалось, её офисная работа была лишь необходимой фикцией, которая ни к чему не обязывала.

«Вот так всегда... – обиженно нудил мой рассудок. – Всегда у тех, кто вокруг, есть все! Но не у нас! Скажи, почему так?»

«Потому что я много ныл и мало делал», – холодно отвечал своему рассудку, искусно скрывая собственный голос в своей голове и не выпуская его во внешний мир.

«Ну да... ну да... В этом, к сожалению, есть смысл, – рассудок согласно кивал. – А почему ты раньше ничего не делал?»

«Потому что был неудачником», – ответил я и тут же попался в капкан рассудка.

«А кто ты сейчас?» – спросил тот у меня.

«Неудачник, но с мечтой», – холодно ответил я и постарался заглушить голос моего внутреннего «Я». Моя психи-

ческая нестабильность в лице всей шары моих расстройств и сильных слабостей начала напевать эти слова в мотиве въедливой, блевотно-сладенькой песенки.

День сто девяносто четвёртый.

– А здесь не так уж и плохо! – Правда заодно смеётся, пряча деньги, замотанные в целлофановый пакетик, в эластичный чехол, способный выдержать и растяжение, и влагу. – Я уже пару таких котлет приготовила на наше с тобой путешествие!

Я слушаю её и выгребая из карманов мелочь, которую мне платят за работу грузчиком и лопатчиком. Правда смотрит на мои действия так, как продавец в магазине игрушек наблюдает за тем, как малыш аккуратно вскрывает свою свинью-копилку и высыпает на прилавок скопленные йоты, а затем спрашивает у старших: «А у меня хватает на игрушку?».

– Ладно тебе... мы на это живем, – говорит Правда. – Смотри, это пойдёт на оплату хостела, – она отложила три четверти денег из моих карманов, – а это на пожрать, – она отложила оставшуюся часть в другую сторону и посмотрела ещё раз. – Вообще, я так понимаю, если бы ты сам жил, у тебя оставалась бы очень неплохая для одного человека сумма. Так что всё отлично! Не парься! Это же кооперативная работа!

Я смотрю на свою спутницу, на засаленные, пропитавшиеся потом купюры из моего кармана, смотрю на две шаур-

мы, которые принёс, когда шёл с дежурства, и презираю себя. Психоз и рассудок смеются, сетуя на следующее:

«Хорошо, что у тебя не было собственной семьи!

Такой неудачник, как ты, не смог бы построить полноценную ячейку общества!

А единственным добытчиком в семье была бы твоя женщина, ведь так, да?!»

Психоз пытается пошутить, но лишь играет с тупым ножом, располосовывая квинтэссенцию остатков души.

«Самэц!» – проговаривает рассудок, после чего моя голова концентрирует в себе максимальную дозу ядовитого смеха, который мне приходится проглотить, чтобы не сорваться на спутницу. Ведь она не виновна в том, что у неё талант есть, а у меня такового нет, и я вынужден вкалывать за гроши, лишь бы заработать хоть что-нибудь.

День сто девяносто пятый.

– Собираемся и бежим отсюда! Срочно! – Правда влетает в мужское крыло хостела и кричит мне, не обращая внимания на других койко-арендаторов. Я сразу срываюсь с места. Моё плането-вращающее путешествие многому меня научило. К примеру, если кто-то говорит мне о том, что надо бежать без оглядки, значит, так и надо поступить, причём, моментально.

Мышцы напрягаются, выталкивая меня с места. Я беру свои вещи, в том числе новый телефон с беспроводными на-

ушниками, которые возненавидели психоз и рассудок; документы; минимальный узелок с вещами; деньги в двухслойном чехле из контрацептива и целлофанового пищевого пакета.

Жизнь научила не задавать лишних вопросов во время разрешения ЧП. По этой причине я вылетаю в главную комнату, с квадратными глазами подбегаю на рецепцию и прошу в срочном порядке выписать нас. Для убедительности бросаю немного денег из кармана на стойку, и это становится катализатором мгновенной реакции девочки-администратора. Правда в это время собирает свои вещи и распахивает увесистые котлеты в двухслойных чехлах по карманам своих хаки-брюк. На всё про всё у нас уходит несколько минут, и мы уже готовы бежать. Двери хостела распахиваются, и в главный зал заходит четверо в гробовых костюмах. За несколько секунд до этого я успеваю увидеть представителей гончей касты и прошу девушку с рецепции помочь нам бежать. Благо холл пуст, нас никто не видит, и администратор позволяет нам спрятаться под стойку.

– Нам нужна она.

Самый высокий, со скошенным лбом, кладёт что-то на стол. Мы понимаем, что Правду ищут по фотографии.

– Она зашла в женскую комнату. Я позову, – проговаривает администратор.

– Мы сами зайдём, – гремит все тот же бас.

– Но там же женщины.

В эту секунду со стороны столовой в главное помещение заходит мужчина в форме с нашивками «охрана».

– Останови их! – говорит она, обращаясь к мужчине, но мы не видим того, к кому обращается девушка. Возникает тяжёлая, по всем параметрам и общим ощущениям, пауза.

День сто девяносто шестой.

Сидя под длинными и красивыми ногами девушки-администратора и стараясь не обращать внимания на плохо прикрытые микро-юбкой формы «колокольчик» полупрозрачные стринги, я слушал её краткий диалог с бугаями и смотрел на дверь с табличкой «Employees only». В этот же миг рука Правды потянулась к тонкой полоске нижнего белья, сидящей до неприличия низко на бёдрах. Моя спутница аккуратно, как сапёр, засунула под резиночку свёрнутые в трубочку купюры, слегка оцарапав деньгами нашу спасительницу.

– С ней был парень! – крикнула администратор. – Он жил там... – она ткнула пальцем в сторону мужского крыла, – И он был там последние полчаса. Такой высокий, жилистый, с коцаной причёской! – Она кричала это и активно жестикулировала, стараясь выкроить нам немного времени.

Послышалась череда тяжёлых шагов. Видимо, ребята были профессионалами, и вопрос поиска провинившихся не был для них вопросом из-за будничности таких ситуаций. Гробовые быстро расправились с мужской спальней, пере-

вернув её за несколько секунд. Затем беспардонно ввалились в женскую. Всё по скорости происходило на пределе возможного. Своим сообщением администратор дала всем нам необходимые секунды.

Она быстро подняла одну ногу и носочком указала на ту дверь, на которую смотрели мы с Правдой, а это значило, что мы можем быстро перейти к следующей задаче нашего удивительного стелс-квеста. Я отдельно отметил одностороннюю пошлость происходящего и абсурд ситуации.

Мы прокрались в небольшую комнату с холодильником, столом, диваном и телевизором, работающим на низком уровне громкости. Здесь не было окон, но была ещё одна дверь. Она вела в совмещённый санузел. Здесь мы обнаружили полноценное окно в пластиковой раме с толстым матовым стеклом. Первая часть нашего побега подошла к логическому завершению.

День сто девяносто седьмой.

Мы выскользнули из щупалец большого моллюска, и тут я понял, что совершил огромную ошибку до начала нашего с Правдой побега. Спутница посмотрела на меня с вопросительной гримасой, а после вовсе посмотрела на меня со смесью скепсиса, ненависти и презрения.

– Что ты забыл?! – спросила она злобным шепотом.

– Кого... – потупившись, сказал я. На этот момент мы уже обогнули здание хостела и сейчас, из-за угла, аккуратно на-

блюдали за главным входом.

– Стыд тебе! Стыд и срам тебе! – она ругала меня сквозь скрипящие зубы и глухой свист связок.

– Откуда ж я знал?! – возмутился я, и в какой-то мере и степени я был прав в своём возмущении, ибо не мог даже подумать о том, что не будет возможности зайти в комнату и забрать аккуратно отложенную в сторону сумку вещей. Конечно, часть я взял с собой. Но это было то, что спокойно уместилось в руках

– И что ты предлагаешь? – она заранее знала мой ответ. – Нет! Закройся... ничего не хочу знать... Буду ждать здесь, – сказала она.

– Вот, правильно, отлично... И, кстати, по твоей вине мы попали в это дерьмо... Потом, готовься, я буду задавать большое количество вопросов, – сказал я и, не дав ей ответить, на полусогнутых двинул в сторону входа. Смотреть приходилось из-за угла, сильно шурясь, чтобы разглядеть то, что происходило в холле, при этом я осознавал, что с другой стороны меня прекрасно видно.

«Вот так, да?»

Просрал всё то, что осталось от друга?!

От того, кто спас нашу никчёмную жизнь, да?!»

Мой психоз решил поиздеваться надо мной.

«Стыд и позор!» – естественно, разум также не упустил своей возможности высказаться, пока я изучал пустой по непонятной причине холл и возможность проскочить до

мужского крыла и выйти через главный вход.

День сто девяносто восьмой.

Два бугая вышли со стороны той комнаты для персонала и встали около девушки в микро и начали общаться с ней в крайне беспокойной манере. Я понял, что лезть туда сейчас – не вариант. Но также я не мог позволить себе оставить друга. Пришлось вернуться к Правде с пустыми руками и домыслом о том, как можно спасти друга.

– Совсем жопа? – шёпотом спросила она, увидев меня, вернувшегося ни с чем.

– Да... Но есть мысль... – сказал я. – И первое, что нам придётся сделать, это спрятаться чуть подальше отсюда. Боюсь, «эти» сейчас выйдут через то же самое окно и будут бегать вокруг как озверевшие, и не дай бог нам попасться. Будут стрелять...

– Думаю, ты прав... Но куда? – Правда развела руками в вопросительном жесте, полном искреннего непонимания.

– Не всегда «прятаться» значит «скрываться», – сказал я, вспомнив всю свою прошлую жизнь, в которой я был невидимкой, пустым местом. – Достаточно стать никем и ничем.

Я окунул руку в пыль под ногами и смачно размазал по лицу Правды, после чего сотворил то же самое со своим лицом. Потом я взял её за руку и, не обращая внимания на kloкочущее возмущение, потащил в сторону отмеченной мной помойки, принадлежащей хостелу.

– Ныряй! – шёпотом, настойчиво сказал я, указывая на смердящий контейнер, в котором смело можно было разместить несколько десятков тел.

– Да пошёл ты, – она вырвала руку и отошла в сторону.

– Ну и чёрт с тобой... – сказал я и нырнул сам, чтобы испачкаться и провонять.

– Ты чё, гусей погнал?! Нахера?! – спросила Правда, наблюдая за мной, как за больным, что гадит посреди улицы.

– Наблюдай!

Я вылез из помойки и даже торжественно водрузил пропитавшуюся помойной жижей использованную прокладку на плечо. На другое плечо не менее торжественно закинул использованный контрацептив. Мое чувство мерзкого практически исчезло после пережитого в городе Свалке. Правда наблюдала за мной со смесью тошноты, отвращения и интереса.

День сто девяносто девятый.

Вваливаюсь в холл хостела с единственной мыслью: «Жаль, не накидался алкашкой для полноты образа... А жрать мусор... я больше не намерен».

Ещё? Я внезапно осознаю правду, касающуюся моего актёрского таланта. Она заключается в том, что таланта нет, актёр – дерьмище. Но, несмотря на это, я упорно стараюсь вести себя так, как если бы был вусмерть ужратым.

Вваливаюсь в холл хостела и враскачку направляюсь к

стойке администратора, около которой стоят здоровые дети-ны и грозно общаются с девушкой в микро-юбке «колокольчик». Подойдя, падаю к одному из детей на плечо.

– Братан! – мой голос хрипит всеми переливами белого шума. – Братан, отойди, по-братски, да?! – Слушаю череду бранной речи, направленной на меня. Физически чувствую, как на меня давят взгляды всех богатырей, вставших на путь защиты не той стороны, которую они защищали в былинах. Отворачиваюсь от них и перевожу свой взгляд на девушку. Она зажимает нос пальцами и смотрит на меня со смесью тошноты, омерзения и непонимания. Подмигиваю ей.

– А я с тобой устроил бы уи-и-и! – хватаю себя за мужество одной рукой, другой рукой изображаю вращение лассо, раскачиваюсь на ногах. – Но не щас! – поворачиваюсь к мужчинам, которые, опешив, наблюдают этот спектакль одного херового актера. – О! Спáленка! – и направляюсь в сторону мужчин, стоящих по пути в мужское крыло.

– Эй! Ты кто такой?! – каждое слово звучит через старорусскую букву «Ъ». – А ну-ка! Взять это чучело! – произносит, по всей видимости, главный.

– Да ты глянь на него! – все приехавшие закрывают носы рукавами своих пиджаков. Говорит один, а остальные подхватывают его возражение. – А вонища! Просто!

Каждое слово произносится в связке «братан» и все той же «Ъ». Я в двух шагах от гор, вставших на моем пути к спасению головы друга.

«Давай!

Сделай это!

Если ты решил воплотить собой мерзость – делай!»

Мой психоз ржёт и наслаждается происходящим. Мой рассудок также веселится от происходящего.

Делаю рывок вперёд, типа споткнулся, и повисаю на двух крепких мужичках в гробовых. Мои плечи, увенчанные не самыми приятными предметами жизнедеятельности и гигиены, при этом практически упираются им в лица. Слышу возглас брезгливости. Одного из них тут же начинает тошнить. А моё нутро ликует от этого!

«Если не можешь одолеть врага физикой тела и навыком боевого искусства, найди способ сломить мораль», – рассудок в моей голове откровенно ржёт.

День двухсотый.

– Пошёл прочь!

Клацает затвор пистолета. Дуло направлено на меня. В мою голову. Практически в упор. Человек, угрожающий мне огнестрельным, не знает, что мне не страшно. Даже мой страх не понимает, что должен быть у руля в моей голове. Он наблюдает за происходящим со зрительской трибуны вместе с нерешительностью, паранойей, вместе с психозом и рассудком.

– Ладно-ладно, братан! – поднимаю руки вверх, покачиваюсь и через секунду падаю на пол так, как падает пьяный,

внезапно для себя потерявший равновесие. Встаю точно так же, придерживая мир под ногами рукой, якобы влияя на вращение планеты. На меня смотрят с нескрываемым отвращением. Пистолет тоже наблюдает за мной.

– Я, короче, пойду лягу, – бросаю это, повернувшись к девушке за стойкой. Не обращаю внимания на хлопцев в гробовых костюмах. Они не понимают происходящего, и это мне на руку. Кажется, мне удалось ошарашить их и озадачить одновременно. Через несколько секунд, когда я стою на пороге мужской спальни, в моё предплечье впиваются длинные, тонкие пальцы длинноногой девушки в микроюбке.

– Ты не пойдёшь туда, – она дёргает меня за руку, якобы стараясь помешать. – Эй! Помогите мне выкинуть этого бомжа отсюда!

Бритоголовые смотрят за происходящим и смеются над происходящим.

– Ладно! – произносит тот, кто до сих пор держит мою голову под присмотром дула. – Этих тут нет. Успели свалить или ещё не пришли... а она сама пусть разбирается со своими проблемами.

Мужчины покидают холл. Мы ещё некоторое время проводим в наигранной борьбе, чтобы быть уверенными в том, что гончие не вернуться. Ну, или, во всяком случае, скоро не вернуться.

День двести первый.

– Прости за неудобства... – говорю я. – Надеюсь, та сумма, которую мы тебе спонсировали, компенсирует все косяки, с нами связанные, – в ответ на это девушка одобрительно кивает. – Мне нужно кое-что забрать и... можно принять душ у вас в стаффе?

От меня откровенно смердит до рези в глазах. Девушка некоторое время изучает меня взглядом.

– Чёрт с тобой... – отвечает она. – Только быстро и убирайтесь отсюда! Мне ещё рвоту тут из-за тебя убирать! – её настроение внезапно меняется.

– Да, хорошо, – отвечаю я. – Сейчас заберу своё из комнаты и... – по взгляду администратора понимаю: надо действовать быстро, иначе придётся доплачивать за лояльность. – Спасибо! – скромно произношу я и залетаю в мужскую спальню. Там, с небольшой тумбочки, забираю голову своего друга и выхожу из хостела на улицу, чтобы отыскать там Правду.

– Правда! Правда, ты где?! – двигаюсь на полусогнутых, обращаюсь полусёпотом. – Правда, это я!

– Не ори, дебил! – раздаётся голос, но я не пойму, откуда именно.

– Где ты?!

Делаю поворот на триста шестьдесят, но ни единого намёка на её присутствие.

– Да тут я! – Из-за плотной ограды невысокого, стриженного под форму «блок» куста поднимается моя спутница. –

Достал... Ой... Фу!

Она смотрит на меня и через секунду вспоминает о той самой «ять», что является древней буквой славянского алфавита.

– На! – Протягиваю ей голову киборга. – А я метанусь, приму душ... меня пустили в стафф. Подваливай по улице к тому окну, из которого мы бежали. Туда закинешь мне что-нибудь из вещей и валим!

В ответ получаю утвердительный кивок. Быстро возвращаюсь в хостел.

– Есть пакет для мусора? – спрашиваю у длинноногой девушки в микро-юбке, которая, склонившись, убирает пол при помощи швабры. Если не знать о том, что конкретно она убирает, то со стороны это смотрится на грани эротики и пошлости.

Девушка отвлекается от своего занятия. Подходит к стойке и из ящичка достаёт свёрток чёрных мусорных пакетов. Срываю один и направляюсь в душ. Все свои шмотки складываю и выбрасываю. Этими вещами я больше никогда не воспользуюсь.

День двести второй.

– И что дальше? – спросила Правда, когда я вышел к ней через оконную раму, украшенную мутным, как сама жизнь, стеклом.

– Если я все правильно понимаю, нас так просто не от-

пустят... тараканить повозку нет никакого смысла. Следовательно, побег налегке. Ещё я уверен, что эти ребята уже повесили на наши жизни приличный ценник, так что с этого момента наше путешествие превратится в приключение.

Мы сидели под окном и не спешили выдвинуться с нейтральной зоны.

– Мы можем вернуться в мой город, – сказала Правда. – Там я смогу решить все возникшие вопросы... Потом продолжим.

– Делай как знаешь... На моём пути дороги назад нет. Она исчезает, как только я делаю каждый следующий шаг, – холодно ответил я. Ещё пару минут мы сидим молча и затемняем тьму ночи тьмой собственных мыслей.

– Пора, – произнёс я и, выбрав любое направление, отправился на поиски побега из города.

– Я с тобой! – голос Правды содержал в себе едкий концентрат вредности и настойчивости. – Пусть будет по-твоему... Побегаем...

Тёмного времени суток в этом городе нет. Во всем виноваты яркие огни игорных заведений, борделей, кабаков и больших гостиниц. Конечно, при большом желании, можно найти место, лишённое такого количества света, и оно либо будет на отшибе, либо в лабиринте спальных районов, предназначенных для жизни обслуживающего персонала. Нам повезло с жильём, но нам не везло сейчас, так как мы шли по заполненным улицам, освещёнными лампами до дневно-

го уровня.

А ты знаешь, для чего предусмотрено такое устройство?

Ты ведь знаешь, для чего в этом городе никогда не гаснет свет?!

Конечно же ты знаешь причину, по которой в этом городе всегда поддерживается освещение!» – мерзко хихикал мой психоз, обращаясь к рассудку.

«Чтобы не город работал на людей, а чтобы люди работали на город и несли... несли свои туши, наполненные звонкими монетами, в желудки Мамона», – рассудок сумрачно отвечал моему психическому расстройству.

День двести третий.

Мы нашли, куда свернуть, чтобы погрузиться во мрак. В сумрачные звуки тьмы, пропитывающие, пронизывающие нутро ужасом, тревожным предчувствием и странным ощущением слезки из-за угла. Так мы шли. Долго. Петляя в муравейнике.

– Не нравится мне здесь, – сказала Правда. – Такое ощущение, что канализация будет куда светлее, чище и не будет иметь такого количества тупиков.

Я промолчал из-за полной сосредоточенности на окружающей нас тьме.

– И почему меня не покидает чувство, будто бы за нами кто-то следит? – спросила Правда, и от макушек до пяток прокатилась колючая волна.

– Значит... не мне одному так кажется, – проговорил я полусшёпотом, посмотрел вокруг, и мне показалось, что «вокруг» посмотрело на меня. Поймать такую паранойю в себе было откровением даже для моей каноничной паранойи, которая мирно пила чай за столом со страхом и нерешительностью.

«Оу!» – выдохнула моя старая паранойя.

«Не подходи!» – сказал страх.

«Прив...» – нерешительность захлебнулась собой на полуслове.

– Нам надо на главную улицу, – сказал я, почувствовав удушье. – Мне здесь нечем дышать!

– Ты совсем больной?!

Белки глаз Правды въелись в мои очертания так, будто бы были красным вином, попавшим на белоснежный шёлк.

– Дышать. Не. Могу, – проговорил я, чувствуя то, как лёгкие сжимаются, а диафрагму сводит судорогой.

– Связалась на свою голову! – пробурчала Правда, схватила меня за рукав и потащила в сторону главной улицы. Точнее, она думала, что ведёт нас в сторону выхода из закоулков. На самом же деле она лишь приближалась к центру улья. Я это чувствовал так же, как улей чувствовал это и сгущал вокруг нас количество демонов из города Казино.

День двести четвёртый.

«Меня. Поглотила. Тьма.

Снаружи. Внутри. Полностью.

Слышу. Биение. Сердца.

Далеко. Тихо. Редко».

Как во время совершения первого прыжка с парашютом. Дыхание сжалось в горле и не желает двигаться... как кусок чёрствого хлеба, как глоток холодного чая, как гордость, как собственная ничтожность.

– Эй! Эй! Приди в себя! – откуда-то раздаётся голос Правды. – Эй! Очнись! Бомжара! – я слышу истерику в её полтонах обречённости и страха. – Эй! Коряга! Вставай! – слышу хруст и треск старой мембраны наушников в каждом её слове.

«Тьма. Поглотила. Меня.

Внутри. Ощущаю. Полностью.

Холод. Нависшей. Пустоты.

Биение. Сердца. Редкое».

Словно кубарем скатываюсь с заснеженной горки и испытываю от этого удушающий восторг, заставляющий после спуска некоторое время лежать на спине и смотреть в прекрасное небо.

– Да приди же ты в себя! – Правда пинает обмякшее тело одного постаревшего молодого человека в самом расцвете заката собственных лет. – Поднимайся! Пожалуйста... – она падает на колени и бьёт одно тело по щекам, но от этого нет никакого толка. – У нас проблемы!... Пожалуйста... – я перенимаю всё отчаяние, сконцентрированное в её тихом

голосе.

«Нависшей. Пустоты. Холод.
Ощущаю. Снаружи. Тела.
Сердца. Биение. Громкое.
Поглотило. Тьму. Полностью».

Момент крайне ясности, абсолютной истины, чистейшего понимания мироздания вдыхает в мою обезличенную скорлупу из сосуда для души луковую свежесть смердящей ямы для нечистот, и я могу рассмотреть множество скрюченных силуэтов, сверкающих своими глазами в нашу с Правдой сторону.

– Паскуда! – она ругается, испытывая смесь из ненависти и счастья. – Я думала, ты сдох и бросил меня здесь! Я думала, что тоже помру здесь!

Она то ли бьёт меня, то ли обнимает. Не могу понять. Но это неважно. Вокруг нас слишком много мерзких тварей из городской тьмы.

День двести пятый.

После событий в городе Женщин. После нашего с киборгом посещения города вечного холода, борьбы за выживание и чиновничьего бесчинства. После той войны, в которую мы были впутаны на Свалке, я выучил один жизненно необходимый урок: в этом мире необходимо знать, когда вовремя и как к месту быть злым... и подготовленным.

– Ну что, шпана! А-ну, стройсь в шеренгу по одному, бу-

дем сдавать кровь и жир из тесных черепных ящичков, на опыты.

Я приобрёл отличный ГТ и три дополнительных обоймы, приобрёл несколько коробков патронов перед тем, как покинуть город Офисного планктона, и с этого момента держал при себе небольшой боезапас из тридцати трёх пуль, из которых тридцать две были в рожках и одна, самая главная, всегда была на взводе, всегда была готова втоптать жизнь одного гуманоида в мягкий грунт.

Поднимаю руку и хочу сделать первый, предупредительный, в воздух, но что-то останавливает меня. Может быть, голоса рассудка и психоза, а может быть, интуиция... Чёрт знает... Но я не делаю задуманного и опускаю руку вниз. Правда смотрит на меня как на умалишенного. Возможно, она права. Возможно, я действительно безумец, но я лишь смотрю в окружившие нас чёрные силуэты с бездонными глазницами, полными нищеты и готовности порвать кусок мяса за кусок мяса и пару купюр.

– Что ты делаешь?! – спрашивает у меня опешившая Правда, глаза которой стали похожи на две долларовых монеты.

– Они не тронут нас, – отвечаю я. – Они чувствуют тьму внутри меня, а я чувствую их тьму, – эти слова вырываются из меня голосами рассудка и психоза. – Они такие же, как и я... всего лишь пустые ублюдки.

День двести шестой.

Бродяги, нищие, наркоманы, даже псины, охраняющие свои территории, отступали в тот момент, когда мы с Правдой проходили мимо. Она смотрела на всё с опаской, со страхом. Я лишь шёл вперед, ощущая это прекрасное единение тьмы внутри меня и той, что внезапно окружила нас в лабиринте закулисья города Казино.

Мы приближались к главному проспекту. Впереди слышались музыка и гомон толпы, в то время как в тёмных переулках была совершенная тишина и лишь изредка прошмыгивал кто-то с шуршащими пакетами, полными продуктов, бухла и сигарет.

– Что с тобой произошло? – Правда смотрела мне в спину. – Почему ты вырубился?!

– Возможно, я просто устал... возможно, что-то потустороннее вселилось в мой разум... возможно, это был простой сердечный приступ, – холодно перечислял я. – Думаю, это неважно.

Мы сделали очередной поворот и очутились в сотне, может, в паре сотен метров от вечно искрящегося карнавала.

– Ты больной!... – прошипела Правда, подойдя ко мне и при этом посмотрев в мои глаза.

– Не больше тебя, – холодно ответил я, наблюдая азарт и интерес в её глазах. – А ещё... если мы всё же намерены остаться в живых, надо найти подходящий транспорт.

– Подожди, – сказала Правда. – Когда ты намерен спро-

сильно у меня о том, почему у нас возникли такие проблемы?

– Меня это не интересует, – сказал я. – Это уже в прошлом...

«Уже в прошлом...», – повторил мой рассудок на манер эхо.

– Но... я же... старалась... —запричитала Правда. – А ты! Скотина!

– Хорошо... рассказывай... Почему случилось то, что случилось? – спросил я, когда мы стояли у самого края тьмы и света.

– Я играла на деньги... большие и очень большие деньги, – сказала она, не удивив меня. – Но главной моей целью была информация, – сказала она. – В этом городе, в андеграунде, есть механик, который чинит, создаёт и улучшает игровые автоматы.

– И? – спросил я, примерно зная, что она скажет.

– Возможно, он сможет вернуть твоего друга к жизни, – вот что сказала Правда.

День двести седьмой.

– Как. Нам. Его. Найти? – спрашиваю я спустя несколько минут гнетущей тишины. Всё это время я обдумывал слова своей спутницы. Я был совершенно готов отправиться на поиски способа, варианта восстановить моего друга и назвать его после этого «Феникс». Единственное, что меня смущало – очередной спуск под землю. Из моего печального опыта я

заранее знал, что это не самая удачная затея. С другой стороны, я был готов рискнуть своей жизнью, чтобы уплатить свой долг.

– Как. Мне. Его. Найти? – спрашиваю у Правды, брови которой тут же становятся похожими на треугольную крышу загородного домика.

– Что значит «мне»? – спрашивает она язвительно, ловко уворачиваясь от прохожих.

– Я не имею права рисковать нашими жизнями... только своей, – отвечаю я и вновь ловлю на себе её взгляд, полный скуки, пренебрежения и даже презрения.

– Ты рискуешь своей, я буду рисковать своей. Не бери на себя слишком много, в том числе лишней ответственности, бомжара, – говорит Правда.

– А что, если с тобой что-то случится? – спрашиваю я, стараясь сохранить безразличие в своём голосе.

– Это случится со мной, и это будет моей трагедией. Если что-то случится с тобой, это случится с тобой и будет твоей трагедией, – говорит Правда. – Так что закрой рот и слушай внимательно.

Она резка в том, что рассказывает мне обо всём, что ей удалось выяснить насчёт расположения мастерской игровых автоматов. Не сказать, что эта информация даёт большое количество сведений, но это больше, чем не иметь ничего.

– То есть этот чувак работает где-то в подвалах центрального казино, так? – спрашиваю я.

– Да, – кивает Правда. – Это и казино, и ратуша, и резиденция мэра, и всё остальное прочее. Многоуровневая система здания позволила разместить здесь всё подряд... в одном месте.

– Тебе нечего терять? – спрашиваю я у неё.

– Да! Я впервые чувствую себя свободной! – отвечает она.
«Свободная Правда, – ухмыляется мой рассудок. – Я никогда раньше такого не слышал!»

День двести восьмой.

– Так... ты выиграла деньги, и? – спрашиваю я у Правды.

– Какие деньги? – отвечает она вопросом на вопрос.

– Не прикидывайся, – в моём голосе холод хотя бы потому, что это слишком глупая ситуация.

– В смысле? – Правда изображает искреннюю, истинную невинность.

– Повторяю свой вопрос. Где деньги, которые ты выиграла? – в моём голосе гром тонкого профиля.

– С чего ты взял, что я что-то выиграла? – спрашивает Правда, и здесь я начинаю сомневаться в своей догадке.

– Хорошо... ладно... Что, в таком случае, случилось, по какой причине за тобой охотятся бритоголовые в гробовых костюмах?

Мои психоз и рассудок так же, как и я, не понимают и не могут найти причинно-следственную связь между событиями.

– Первая причина в том, что я задавала слишком много вопросов... Я так думаю, – говорит она и прибавляет шаг, обогнав меня на два корпуса.

– Какие ещё есть причины? – спрашиваю я, догнав её, стараясь докопаться до сути и придумать то, как пробраться в улей.

– Ну... эм... я попыталась смухлевать, – говорит она, и её тут же заливают краской. – Мне было интересно, получится или нет, – услышанного достаточно, чтобы всё понять. – И нос сломала случайно одному из охранников, когда меня пытались скрутить... и убежала, в итоге.

– То есть дела хуже некуда. Так? – спрашиваю я.

– Наверное...

Впервые за всё время общения Правда тупит свой взгляд.

Несмотря ни на что, мы приближаемся к главному зданию города Казино и, в самых лучших традициях жанра, у нас нет плана. Я готов к тому, чтобы сдать и запросить встречу с этим великим умом всех умов, но моя нерешительность решает вспомнить свою молодость и вцепляется в меня так, что мне становится тяжело дышать.

«Нет, родная, – думаю я, обращаясь к небольшому демону, который в прошлом всегда был со мной, словно тень. – Не в этот раз... не сегодня», – беззвучно проговариваю, тем самым устанавливая свои правила и отсылая нерешительность в один из самых отдалённых углов в своей бездонной голове.

День двести девятый.

Истерический смех, наполненный эссенцией экстаза и квинтэссенцией счастья, вырывается из меня одной не затухающей звуковой волной. Возможно, я совершил самую большую ошибку в своей жизни... Возможно, наоборот, это первый правильный выбор, сделанный мной за мои почти тридцать лет.

Я уступаю управление нашим общим телом, отдав его в руки психоза и рассудка. Они заливаются, истошно кашляя смехом. Они смеются так, будто бы до этого кому-то есть дело. Будто от этого зависит жизнь всего человечества! Будь на их месте я, я бы молчал, испытывая отвращение к человечеству!

«Теперь мы – маленький завод по производству ящичков, в которых поместятся Персональные человеческие жизни с их пожитками!» – психоз, все его голоса, слились воедино и неистовствуют. Я наблюдаю за тем, как рассудок ловко правит вооружённой рукой и одна за другой умело спускает тяжёлые люстры с высокого потолка по принципу один к одному, выстрел – пуля.

«Гастон Леру был прав! Люстры предназначены для роскошных, наполненных воплями падений в фойе! Для моментального преобразования людей в картонные коробки с дерьмом!» – психоз такой психоз...

Правда бежит чуть впереди меня, пригнувшись, закрывая уши ладонями, в судорожной попытке найти лестницу вниз

или лифт, или дверь, около которой будет самое большое скопление гробовых. Мы пересекаем зал центрального казино, разрезая его напополам. Я сбрасываю вторую обойму и отсчитываю количество оставшихся патронов.

«Ровно половина», – думаю я в ту секунду, когда расшвыриваю, правящий руками, вталкивает третью из четырёх обойм и передёргивает затвор. Спринт с препятствиями продолжается, и я уже думаю о том, что в скором времени должен буду остановиться и собрать оружие у поверженных головорезов.

Правда спотыкается о ногу одного из посетителей и летит вперёд. Я вижу то, как она руками хватается за воздух в попытках зацепиться и поймать равновесие. Но я не лучше. Мои колени, с разницей в миллисекунды, пронзают боль, и я сам отправляюсь в полёт, руками вперёд, после чего падаю на живот, а лицом прокатываюсь по осколкам хрустальной люстры. Поворачиваю голову, чтобы постараться найти причину своего падения, но вместо этого щекой принимаю вес и неровность протектора ботинка, который вдавливают мою голову в осколки, рассыпавшиеся на полу.

– Эй! Так что будем делать?! – спрашивает Правда, уколывая меня в рёбра острым локотком.

– Я не знаю... – честно отвечаю я, покидая мультипликацию, предложенную моим сознанием.

День двести десятый.

– Мне знакомо это мерзкое чувство, когда у тебя тыся-

ча проблем и ты не представляешь, что можно сделать... и поэтому ложишься спать, – задумчиво говорит Правда. Мы стоим недалеко от входа в самый грандиозный, затянутый в подобие позолоченной фольги, игорный дом. Нам предстоит зайти, получить информацию о помощи моему другу и выйти, но есть куча условий, которые необходимо соблюсти, чтобы получить ачивку «механизатор» и пройти город Казино.

«Здравствуй! Уровень сложности «реализм», – смеётся мой рассудок.

«Добраться до механика... до одного из сыновей падшего ангела.

Поговорить с ним о голове киборга.

Остаться в живых».

Мой психоз проговаривает основной, минимальный набор задач, которые поставлены перед нами.

«Уберечь Правду... любой ценой», – добавляю от себя в этот список и получаю волну негодования от своих психических расстройств. – Заткнитесь! – озлобленным шёпотом вырывается из меня.

– Ты чего это? – Правда смотрит на меня со смесью непонимания и страха.

– Не, ничё, – буркаю я в ответ и иду на вход.

– Эй! У тебя появился план? – Правда идёт вслед за мной.

– Нет, – честно отвечаю я, проверяя свой пистолет. – Импровизация, деточка! Нам предстоит импровизировать!

– Но импровизация не мой конёк... – ужас в её голосе прошибает меня холодным потом.

– И не мой... – произношу я, поднимаясь по ступенькам самого главного, помпезного, невероятного, великолепного казино с кричащим названием «Слиток».

День двести одиннадцатый.

Делаю самый глубокий вдох, который только позволяет выполнить конституция моего тела.

– Надеюсь, ты понимаешь, что как только мы войдём, пути назад больше не будет? – спрашиваю я у Правды и понимаю, что мой голос звучит иначе. Он хрипит и трещит, он исходит из горла так, будто бы его пропускают через вату, но в нём появилось что-то такое, чего никогда раньше не было.

– Да, – коротко отвечает она. Я слышу волнение в её голосе... волнение и наслаждение.

Толкаю тяжёлую дверь. Каждое движение ощущается иначе. Невероятно! Даже походка, она изменилась. Спина выпрямилась. Плечи свободны... словно я скинул ношу!

Мы идём мимо охранников, которые узнали Правду. Они переговариваются по гарнитурам телесного цвета. Они, как и мои психические расстройства, замерли в томном ожидании.

Подходим к кассе, в которой меняют хрустящие купюры на круглое, лёгкое, пластиковое золото. Мужчины в гробовых костюмах становятся по обе стороны. И, казалось бы, страх должен втопить мои эмоции, раскошегарить организм

до потных подмышек и ладоней, но я спокоен... даже более чем просто спокоен.

Нас подпускают к окошку. Достāju одну купюру и просовываю девушке-кассиру.

– Одну, пожалуйста, – произношу я и снимаю с пояса узелок с головой друга.

– Что-нибудь ещё? – девочка просвечивает меня рентгеновским взглядом, отравляя своей пластиковой улыбкой.

– Нам нужен мистер Маммона.

Моя спутница честно старается быть серьёзной, но я вижу, как её прет от адреналина.

Девочка в окошке изучающе смотрит на нас, затем переводит глаза на одного из гробовых и посылает ему вопросительный взгляд. Тот делает короткий кивок. Девушка, поймав условный сигнал, снимает трубку стационарного телефона и жмёт цифру семь.

– К вам пришли, – произносит она своим натянуто сладеньким голоском. – Хорошо. Я вас поняла. Ожидайте, – она кладёт трубку, после чего из-под крышки стола достаёт небольшую коробочку и достаёт не фишку – монету и протягивает её мне. – Вас проводят сотрудники безопасности нашего заведения. Надеюсь, вы хорошо проведёте время, – произносит она с автоматическими нотками в голосе. У меня появляется подозрение о том, что она робот.

Беру монетку и несколько секунд изучаю поверхность холодного тяжёлого кусочка металла.

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить богу и Маммоне» – написаны на поверхности слова из Нового Завета.

«Ну, здравствуй! – появляется новый голос в моей голове. – Тебе нравится то, как никто не смеет напасть на тебя и принимает ни как равного, а как вышестоящего? – спрашивает громоподобный, тяжёлый, сильный голос. – Будем знакомы, я – твоя уверенность, решительность, решимость», – после этих слов отчётливо слышу стон боли моей нерешительности.

День двести двенадцатый.

С первого этажа нас отводят сначала на нулевой, затем на минус первый, минус второй, минус третий. Контингент становится всё более странным, разноцветным, шумным и пьяным.

– Сколько тут этажей? – не выдержав захлестнувшей волны любопытства, Правда нарушает тишину.

– Семьдесят семь наверх, семь вниз, – хриплым баритоном выдаёт один из гробовых. – В том числе VIP игровые зоны наверху и внизу.

– Спасибо, – скромно отвечает Правда и начинает водить взглядом по игровым автоматам, которых становится всё больше и больше с каждым этажом вниз.

Спускаемся на минус четвёртый. Архитектура и стилистика от совершенно открытого зала переходит к коридорно-комнатной. Здесь множество дверей с кабинками, где сидят компании, освещённые неоновыми лампами аппаратов, и пускай помещений много и рассчитано каждое на семь человек, но центральная стена комнат закатана в прозрачное стекло. Между помещениями матово-чёрные перегородки, а также есть шторы, и во многих зонах они не задёрнуты.

Нас ведут ещё ниже. Пятый подземный этаж похож на предыдущий, но комнаты в шахматном порядке разбиты на те, в которых автоматы, и те, в которых игровые столы. Стекланный центр слегка тонирован по принципу градиента: от тёмного к светлому, снизу вверх.

На шестом этаже примерно то же самое, только градиент идёт сверху вниз, скрывая практически все лица. Видимо, потому что там сидят те, чьи лица лучше не видеть вовсе... потому что там сидят те, о ком лучше не знать.

День двести тринадцатый.

Последний подземный этаж встретил нас коридором из чёрного бархата и дверьми, расположенными на расстоянии двух метров друг от друга. Золотые таблички содержали на себе номера, и нас подвели к седьмому. Один из охранников толкнул дверь, и мы наконец-таки смогли увидеть то, что было внутри каждой, словно копированной, комнаты.

– Мы вынуждены попросить вас сменить комнату, – ска-

зал всё тот же гробовой, обратившись к мужчине, вальяжно раскинувшемуся в матово-алом кресле перед единственным игровым автоматом, закатанным в золотую фольгу.

– Я заплатил за это место! – грозно прохрипел посетитель, ставя стакан с жидкостью коньячного цвета на специальный подстаканник.

– Наше заведение приносит свои глубочайшие извинения, – сказал всё тот же охранник. – Пройдите, пожалуйста, к администратору, скажите, что вы пришли отсюда, и скажите слово «слиток». Поверьте, наше заведение приложит все усилия, чтобы исправить сложившуюся ситуацию.

После этой речи повисла тяжёлая пауза, в которой слышался треск сгорающего табака, забитого в плотную сигару, дым от которой заполнил пространство комнаты. Потом мужчина сменил позу и потянулся к пепельнице, стоявшей на небольшой неприметной тумбочке, и затушил то, что оставалось от табачного изделия.

– Ладно, – протянул посетитель, взял стакан и одним глотком осушил его. – Мне всё равно уже пора уходить.

Он встал и, покачиваясь, вышел. Охранник повёл рукой по стене и нащупал небольшую кнопку, после нажатия на которую включилась шумная вентиляция, очистившая небольшое помещение от дыма.

– Забрасывай жетон, – сказал гробовой и указал на игровой аппарат. Я в последний раз взглянул на подобие монеты со словами из Нового Завета и сделал так, как мне сказал

охранник.

«Слишком много совпа-а-а-адений», – протянул мой рас-судок, складывая воедино все факты, связанные с нумерацией, названиями и именем владельца казино.

День двести четырнадцатый.

Маленький тяжёлый круглый кусочек металла заскочил в небольшое отверстие в игровом автомате с характерным лязгающим звуком. Сначала воцарилась тишина, экран однорукого бандита погас на несколько секунд, после чего на нём вновь возникли строчки из Нового Завета.

– Что это значит? – спросила Правда у мордovorотов, стоящих за спиной.

– Жди, – сказал самый разговорчивый.

И мы ждали, но не очень долго. Всё произошло следующим образом:

Экран игрового автомата потух. Затем последовал негромкий щелчок, и неоновый демон-щипач выдвинулся в нашем направлении сантиметров на пять, не больше. А потом прозвучал свист втягивающегося куда-то воздуха, и автомат начал движение по такой траектории, с которой обычно открываются двери. Мы стояли перед, пускай тесной, но потайной камерой лифта, спрятанной в кабинке номер семь седьмого подземного этажа казино под названием «Слиток».

Мы вошли внутрь, не задавая лишних вопросов. Болтун, так я про себя окрестил самого разговорчивого из гробовых,

закрыл за нами игровой автомат, установив его на прежнее место. Только после этого, плавно и мягко, лифт начал своё движение к месту назначения. Поскольку никаких кнопок не было, было понятно, что у него всего две остановки, и из-за этого сложно было утверждать о том, куда мы движемся, вверх или вниз, но мне казалось, что вниз...

«Сын Сатаны не может жить наверху», – прозвучал голос моего рассудка.

«А не всё ли равно?

Разве есть какая-то разница?

А где, в таком случае, ему жить?»

Мой психоз негодовал и старался вывести рассудок на максимально глупый и, в принципе, никому не нужный диалог.

«В сокровищнице! Вне времени и пространства, вне любой из систем координат. Он должен быть где угодно, но не наверху», – произнёс мой рассудок, и это звучало максимально тупо, но рассудку на это плевать. Он занял пространство моей личности в обнимку с внезапно возникшей в моей голове решимостью.

Через несколько минут лифт выплюнул нас в обшитую сталью комнату-коридор метров в пять в длину. Здесь было холодно, как в городе коррупции и предательства. Я чувствовал: дальше нас ждёт что-то интересное.

Правда держала узелок с головой моего друга с того момента, как забрала его со стойки администратора, где мы по-

лучили наш жетон-пропуск в хранилище тайн Маммона – механика и хозяина этого города.

День двести пятнадцатый.

– Мечта конспиролога, – пробубнила Правда. Она не намеревалась произносить это громко. Возможно, она просто прошевелила губами эту фразу, это высказывание, но акустика этого места была такова, что каждая буква прозвучала до крайности чётко.

Мы двинулись вперёд. Впереди была всего одна, чуть приоткрытая дверь. Небольшая лампочка странного красно-жёлтого цвета мерно мигала над проёмом. Кроме наших громких шагов, никаких звуков не было. Я знал о том, что нас не только ждут, но и встречают, пускай выбранный способ достаточно нестандартный.

– Как думаешь, нас не тронут? – спросила Правда.

– Ну, поскольку мы здесь, целые и невредимые, то нас не тронут. Здесь точно не тронут.

До этого я успел подметить и обратил внимание на педантичность и чистоту пространства и уже успел сделать несколько выводов.

– Твои слова да бо... – начала говорить Правда, но я перебил её.

– Мы в логове родственника Сатаны... так что, будь добра, не провоцируй на скандал, – сказал я, внезапно поверив в то, что мы действительно в аду.

– Ха-х! Умеешь же ты сморозить! – Правда засмеялась, но я не шутил.

– Тихо! – сказал я, и мой голос превратился в гром.

Она испугано посмотрела на меня.

– Ладно! Ладно... – она шептала, и даже это в здешней акустике звучало громко.

Мы подошли к двери. Я постучал, чтобы соблюсти ритуал вежливости, чтобы не заваливаться в берлогу дикого зверя с бумажной вертушкой и штанами, полными энтузиазма. На мой стук не последовало никакого ответа, поэтому я постучал ещё раз. Вновь ответила тишина своим плотным пространством ожидания.

– Отойди! – Правда схватилась за дверь, но я успел её остановить. – Чё случилось-то?! Чё ты тупишь?! – она говорила в полный голос, со злостью, а слышалось это так, будто я подошёл и прижался ухом к накрученной до предела музыкальной колонке.

– Подожди... – сказал я. – Не будем вламываться. Это не в наших интересах, – я посмотрел на спутницу, на голову своего друга в её руках. – Нас в любом случае впустят, вопрос в том, каким образом. Вежливость – самая лучшая тактика для нас в данный момент. Поэтому будем ждать до того момента, пока не разрешат войти.

Я был уверен в своих словах, и Правда почувствовала это, перестав бушевать, подобно морю, гонимому ветром жизни.

День двести шестнадцатый.

Тук-тук-тук.

Третья попытка привлечь к себе внимание раздалась взрывом крупнокалиберных снарядов, после чего воцарилась тишина ожидания.

– Да-да! Войдите! – голос был скрипучим, протяжным, со скрытой яростью.

Правда посмотрела на меня взглядом, полным уважения и благодарности за то, что я не дал ей сделать ошибку.

– Простите, пожалуйста, – я аккуратно коснулся двери, над которой мерцал яркий красно-жёлтый фонарь. – Разрешите войти!

– Проходите, не стесняйтесь, – всё тот же голос, всё те же интонации и эмоции, вплетенные в сочетания звуков. – Мне нравятся воспитанные, интеллигентные люди! – проговорил хозяин сей бездны вне времени и пространства, внутри сшитого из стали аппендикса, размещённого неизвестно где... Для нас с Правдой – размещённого между мирами.

Услышав про воспитание, она зарделась, а я поблагодарил свою решительность и рассудительность рассудка, вставшего на сторону ещё одного слоя моего «наполеона» личности.

Мы проникли на следующий уровень, к боссу локации под названием «Катакомбы Слитка». Сам главенствующий предстал перед нами до неприличия высоким, сухощавым, сторбленным мужчиной с толстыми венами и капиллярами, которыми были подробно прошиты торс и руки, которые со-

кращались под тонкой старческой кожей. Одет он был в широкие, измазанные в машинном масле, в чём-то ало-чёрном, джинсы на подтяжках. Вокруг пояса свисал тяжёлый ремень с карманами и петлями для инструментов. На руках были перчатки, а на ногах какие-то с виду очень тяжёлые ботинки. Когда мы зашли, мужчина стоял к нам спиной и копался в разобранном игровом автомате. В помещении стоял стойкий запах сосновой канифоли и металла.

День двести семнадцатый.

– Ну, что же вы стоите, присаживайтесь! – мужчина указал нам в ту сторону комнаты, которую мы не успели увидеть из-за прикованных к нему взглядов, и только после этого обращения наши головы судорожно завертели на шарнирах шей. – Не стесняйтесь! – он благодушно хохотнул.

– Да! Спасибо... большое?... – неуверенно промямлила Правда.

– Благодарю.

Я, точнее, моя уверенность, севшая на извилины из жира и воды, ткнула пальцами в те точки, которые заставили меня размеренно кивнуть и этим движением выразить благодарность.

– Как приятно! Ка-а-а-ак приятно! – радостно проговорил мужчина, если об его голосе, в любой консистенции, можно было сказать, что тот радостный. – Обычно я с порога слышу: «Дай. Займи. Одолжи... дай! Дай! Дай!», – он говорил спо-

койно, с расстановкой, вытирая руки, измазанные в машинном масле, о джинсы. – Предвкушаю интересный разговор!

Мы сели за небольшой стол, напоминающий по своей форме огранённый алмаз. Из речи старика я понял, что сначала с ним надо долго и с интересом поговорить. Переходить же к интересующему вопросу самостоятельно нельзя. Он сам предложит.

«Никогда. Ни у кого. Ничего. Не. Проси», – рвано проговорила моя уверенность, которой я, ни на миг не задумываясь, поверил.

– Ни о чем не проси... Просто общайся с ним, – прошептал я Правде, на устах которой был самый главный вопрос и который тут же дрогнул и провалился в губы, а затем – в пищевод. – И будь вежливой... максимально вежливой, – проговорил я, и она поверила мне, убедившись в том, что я способен воплощать чудеса в жизнь.

– Позвольте вопрос! – проговорила она, направив своё восприятие мира в сторону старика.

– Конечно, милочка, – проговорила мужчина, который воллок к столу какое-то подобие табурета, никак не похожее на шикарные стулья, на которых сидели мы.

– Ой! – глаза Правды округлились, так как она не ожидала такого интерьерного штриха. – Присаживайтесь, пожалуйста!

Она подскочила, предлагая сесть на то место, где сидела сама.

– Всё хорошо! Мне и так комфортно, – довольно спокойно проговорил мистер Маммона.

День двести восемнадцатый.

Хозяин сокровищницы... владелец мастерской бездушных, одноруких рэкетиров плавно сел на табуретку и внимательно посмотрел на нас. Радужка его глаз отливала переливами золотого и красного. Раньше ни Правда, ни я никогда такого не видели. Он смотрел вдумчиво, внимательно, после чего поднял руки и ритмично похлопал.

– Ну что ж, молодые люди, рассказывайте, какими судьбами? – спросил он, локтями упираясь в бёдра и перенося вес тела чуть вперёд, на руки.

– Поздороваться, поинтересоваться вашими делами решили, – сказал я, не раздумывая ни единой секунды. – А до этого, когда только узнали про вас, заинтересовались вашим высоким мастерством в деле машиностроения.

– О-о-о! – протянул сын главного из демонов. – Как интересно! – он впился в меня взглядом. – Никогда раньше ничего подобного у меня никто не спрашивал... – он почесал подбородок, заросший плотной седой щетиной, и звук при этом был сухой и шершавый. – Ну, раз интересуется, отвечу! Чё б не ответить-то?! – этот риторический вопрос повис в воздухе театральной паузой. – Дела мои замечательные! Муравейник живёт, матка процветает! – он хлопнул в ладоши, и через секунду на столе возник поднос с кружками, па-

рящим чайником, сахарницей и упаковкой чая в пакетиках. – А вот и одно из моих ноу-хау! – он указал рукой в сторону робота на четырёх колёсах с шарообразным креплением тела к шасси и верхней частью корпуса, являющейся точной копией человеческого тела. – Создавая Роберта, я решил, что не буду создавать точную копию. Игры в ... кхм... мне не подходят ни по состоянию, ни по нраву, ни по статусу, – он усмехнулся. – Я всего лишь кукловод, и мне нравится кукловодить, если так можно сказать.

– То есть, вы сами создали... Роб... Роберта? – спросила заинтересованная Правда.

– Да, когда устал перебирать старые аппараты. Кстати, из них он и состоит! И подавать чай – это далеко не всё, что он умеет, а душа... В душе он тот ещё шулер! – Маммона хитро улыбнулся и просквозил нас взглядом.

День двести девятнадцатый.

– Скажите, а почему вы прячетесь? – спросила Правда.

Гостеприимный хозяин удивился этому вопросу или, во всяком случае, сделал таковой вид.

– Почему прячусь? – это был риторический вопрос. – Я просто устал от людей, – Маммона пожал плечами. – Дай. Помоги. Выручи. Послушай... и так далее и тому подобное. Устал я от этого. Плюс здесь есть потаённый кармический прикол. Он заключается в том, что я, при всей своей доброте, не могу отказать просящему, – он склонил голову. – Ещё у

меня есть свои правила. Я их придумал давно и горжусь тем, что за всю свою жизнь ни единого раза их не нарушил. Это, так сказать, жизненные принципы.

– Позвольте поинтересоваться, – сказала Правда, подбавив мёда в свой голос, – а что это за жизненные принципы?

– Не вопрос! – сказал мистер Маммона, внезапно повеселев. – Давать тем, кто просит! Давать в полной мере, заключая договор о возврате в определенные сроки с некоторой накруткой сверху, – он улыбается, и было видно то, насколько ему на самом деле нравится то, что он делает. – И забирать с хирургической точностью...

– А в чём, простите, подвох? – спросил я.

– А подвох, кстати говоря, в человеческой сущности... Но не все... не все люди одинаковы! Некоторые, очень редкие особи, отдавали всё вовремя, некоторые – заранее, были даже те, кто отдавали всё практически сразу или просто намного раньше, и это было приятно!

Маммона раскачивался на своей табуретке, с упоением рассказывая о правильных, ответственных должниках.

– Так а в чём подвох-то? – спросила Правда.

– В том, что эти люди – примерно пять процентов от сотни. Остальные теперь трудятся на меня. До самой смерти! – мужчина рассмеялся, и голос его стал тяжелее, глубже, жестче.

«Никогда...

Не проси...

Первым».

Мой психоз проснулся от звуков смеха дружелюбного хозяина. Он покачнулся внутри меня и подошёл к решительности и рассудку, которые молча наблюдали за каждым действием и движением.

«Те, кто сильнее, имеют слабость самостоятельно что-то предложить, и вот за это ты не будешь платить», – проговорила моя решительность.

День двести двадцатый.

– То есть у вас персональная армия рабов? – глаза Правды округлились по двум причинам. Первая заключалась в том, что она и помыслить не могла о рабовладельческом строе в нашем, современном, обществе. Вторая причина – во внезапном осознании того, насколько сидящий напротив человек на самом деле страшен.

– В придачу к этому, – если бы мистер Мамона сидел в кресле или на удобном стуле, он раскинулся бы, получая удовольствие от самого себя, – у меня есть и собственная армия. Иначе этих бедолаг в вертикальных и горизонтальных бараках спальных массивов некому было бы сдерживать... – он задумался, и на несколько секунд даже не повисла, а именно повесилась, тишина. – Каждая тварь этого города находится в строго определённом для неё месте, – сказал он утробным, глухим, демоническим голосом, пронзая взглядом самую сексуальную точку во всём мире, где-то на пересечении

пространства и времени.

– Это очень умно, – произнёс я, в действительности оценивания выбранные парадигмы правления очень разумными.

– Да-а-а... – протянула Правда. – Но, ко всему, это ещё и очень страшно... страшно по отношению к тем бедолагам, которые вынуждены быть в рабстве.

– Девочка, – тон мистера Мамона изменяется с демонического на повседневно-отеческий. – Я. Ты. Вы. Мы. Они. Другие. Остальные. Пришлые и ушедшие. Все! Находятся в рабстве. Рабство – призма существования... Рабство – как способ, причём единственный, жизни, – на его исписанном глубокими морщинами лице преобладало философское выражение. – Суди сама. Ты, хочешь или нет, должна есть, в смысле, кушать. Для этого ты вынуждена тащить своё «Я» на работу. На работе ты трудишься на Большого брата, а в случае, если ты сама – этот самый «Большой брат», то ты трудишься на тех бедолаг, которые трудятся на тебя. Все эти связи – подобие кнута надсмотрщика, без которого существование схлопнется и перестанет быть.

Мы промолчали. В его словах и был смысл, и его не было. Возникло такое чувство, словно кто-то пытался залезть в голову и подсадить сорняк в грядку хищных растений мыслей. И причиной служил эксперимент, который выявит, что сильнее: то твоё персональное, что питается мелкими мыслями, переживаниями и мечтами, или, то чуждое, что будет

медленно поджирать окружающих хищников и плавно замещать твои мысли чужими.

День двести двадцать первый.

– У вас прекрасное казино! – сказала Правда и посмотрела на старческие, обтянутые тонкой кожей, руки.

– Вы прекрасно проверили это лично! Не так ли? – спросил мистер Мамона. – Вот только ответьте мне на вопрос, хорошо?

Голос стал несколько грубее и жестче.

– Да, конечно... пожалуйста, – сказала Правда, но при этом напряглась, уже ожидая вопроса, связанного с попыткой мухлевать.

– Ну, ты же понимаешь, о чём именно я хочу спросить? – его улыбка была зловещей и проникающей прямо в душу.

– Я всего лишь хотела попробовать... – сказала она, виновато потупив взгляд на гладкую поверхность стола. – Не получилось... спалилась, как-то быстро и тупо.

– И что ты прикажешь с тобой делать после такого? – Маммона практически блестел и казалось, что искрится от наслаждения самим собой.

– Денег я не выиграла... – протянула Правда. – А всё, что выиграла, оставила на столе... – она говорила медленно, заискивающе и с хитринкой в интонациях.

– То есть предлагаешь отпустить тебя?

Одна бровь старика чуть приподнялась. Он скептически смотрел на Правду.

– Я... – начала было она, но я успел остановить её.

Мои психические расстройства вместе с рассудком и решительностью взяли контроль над каждой клеточкой, над каждым атомом организма.

– Мистер Маммона, – произнесла адская смесь моих сильных слабостей моими губами. – Это был лишь ответ на ваш вопрос, возможно, не в самой лучшей своей форме, но всё же... эм... в любом случае, моя подруга хотела сказать, что сожалеет о том, что совершила. Обогатиться не получилось, и Правда, заметьте, добровольно оставила вообще все деньги на столе. То есть вы не потеряли ни единого грошика. Что же касается вашего непосредственного вопроса, что же с ней делать, здесь всё в ваших руках.

Я говорил медленно, не узнавая своего голоса, переливавшегося холодными, целенаправленными нотами. Наш собеседник это чувствовал. Он внимательно смотрел и слушал. Он был и напряжен, и расслаблен одновременно, но я точно знал, что именно такая форма ответа ему понравится больше всего.

– Спасибо тебе, – сказала Правда, посмотрев на меня, а затем перевела глаза на гостеприимного хозяина. – Мой друг разложил по полочкам мою неуклюжую попытку ответить вам.

Она уважительно кивнула.

День двести двадцать второй.

– Интересный ты человек. – Отпрыск первого из падших посмотрел на меня исподлобья. – Как вовремя и какими правильными словами ты пересказал все сказанное твоей подругой... Теперь мне даже зацепиться не за что, – мистер Маммона смотрел на меня так, как гиена смотрит на медоеда, отобравшего кусок мяса.

– Простите, пожалуйста, – Правда перевела фокус сознания гостеприимного хозяина на себя. – А для чего вам тут люди? – она задала тот вопрос, который был неожиданным и для него, и для меня. – Ведь вы можете и закупить, и самостоятельно создать целую армию, готовую послушно трудиться двадцать четыре на семь.

– Хороший вопрос, дорогая! – голос старика заиграл благодушными нотками, и я понял, что обстановка из взрывоопасной преобразовалась в пригодную для подкуривания и расслабления. – Видишь ли, машина, даже с самым безупречным интеллектом, как таковая, лишена души. А для меня душа – это самое главное! Как иначе понять, что некто достиг своего предела? Как иначе привести хрупкую экосистему в движение и посмотреть на последствия этого тайфуна?

– Простите, о чём вы?

Правда потеряла нить рассуждений хозяина этого города. Я тоже не до конца понимал того, о чем идёт речь.

– Смотри, – в его голосе звучали старые сказки с виниловых пластинок. – Роботизированная техника будет бездушно повиноваться и, при необходимом уровне дедукции и проницательности, не так сложно отлавливать вирусы и зарождающиеся в их искусственных мозгах личные мысли. Грубо говоря, раз в неделю необходимо будет проводить техническое обслуживание. Посменное. Разумно? – спросил он, и мы согласно одновременно одобрительно кивнули. – С человеком так не получится, – уголки рта растянулись в ужасающей улыбке. – Человек рано или поздно ломается в одну из сторон. Люди вообще склонны разделяться на два типа. На «неугомонных» и «забившихся в углу». А я наблюдаю за этим. Наблюдаю. И как жаль, что я не могу пожинать плоды своих трудов, – он звучал глухо, трескуче, как огонь в камине, и зловеще, как тёмные дела, свершающиеся по предварительному заговору. – Так что я лишь посредник, который выстраивает хрупкую экосистему из человеческих душ и ждёт, и наблюдает за тем, как души начнут вскрывать хрупкие оболочки других душ, переправляя их по ту сторону границы! – он засмеялся.

Правду передернуло от этих звуков.

«Он демон.

Он знает о нас.

Он видит нас в твоей голове!»

Психоз внезапно сломался на задёргался в панике.

«Закрой рот! – прорычал мой рассудок, который дрог-

нул под давлением этого смеха, наблюдая пронизывающий взгляд смеющегося старика. – Не провоцируй страх и паранойю!» – рассудок нервничал, косясь на мои нервные расстройства, которые были бы здесь ни к месту, которые могли послужить петлёй для нашей общей шеи.

«Заткнулись. Все», – моя решимость облизнула губы, растянувшиеся в самодовольстве и наслаждении от этого странного вежливого разговора.

День двести двадцать третий.

– Позвольте полюбопытствовать, – мистер Маммона направляет весь фокус своего внимания в сторону Правды, но смотрит не на неё. – Милая, а что у вас там, в клетчатой рубашке?

На самом деле, в ходе всего разговора, время от времени, спрут внимательности взгляда этого демона рассеивал хватку щупалец, протягиваясь к чему-то странному в тканном чехле.

Правда смотрит сначала на голову моего роботизированного друга, затем на меня. Во взгляде немой вопрос. Отвечаю одним одобрительным кивком. Правда также делает один краткий кивок, после чего берёт узелок и кладёт его себе на бёдра. Гостеприимный хозяин наблюдает за этим, жадно поглощая своим взглядом каждое движение и стройные ножки моей спутницы, которая распутывает несложный, но крепкий узелок.

Среди облачно-белых чашек с чаем появляется новый предмет. Черты лица Маммоны растягиваются в улыбке. Глаза блестят, отражая в себе свет люминисцентных ламп. Зрачки замерли из-за большого количества мыслей, из-за выбора, который принимает сын единственного, истинного демона. Я наблюдаю за этим, а внутри спокойствие. Зная себя, думаю о том, что меня должно переполнять волнение. Вместо этого внутри меня состояние полной отрешённости и чувство, будто бы я – четвертое лицо, не принимающее участия в диалоге, лишь присутствующее здесь в бесплотном образе.

– Разрешите, пожалуйста, – он поднимает руки, на которых растягивается тонкая кожа, плотно облегающая упругие, широкие тоннели сосудов. – Я хочу посмотреть поближе.

Я наблюдаю за тем, как мистера Мамона слегка потряхивает от возбуждения и желания досконально изучить внезапно возникший в его жизни объект.

– Да, конечно, – произношу я, и Правда передает то, что осталось от моего друга, в руки демона богатства, поселившегося вне времени и пространства, где-то в области главного казино под названием «Слиток», в городе Казино.

Маммона берёт голову в свои руки и начинает крутить и вращать её во все стороны. Он что-то бормочет и будто бы считает и подсчитывает. Его глаза бегают и мечутся, после чего мистер Маммона говорит:

– Позвольте мне собрать его для вас!

День двести двадцать четвёртый.

«Можешь воспринимать это как инструкцию «Пособие о том, как купить душу дьявола», – моя решительность победоносно смеется. – Можешь использовать это, как метод для достижения желаемого за бесплатно», – новая черта моего психоза откровенно разрывает меня изнутри, оставляя лицо и глаза лишёнными чувств, вобрав в мышцы мимики всю тяжесть цемента и непроницаемость свинца.

– Вы точно хотите этого? – спрашиваю я, ведомый прекрасным чувством уверенности. Правда молчит. Правда смотрит на меня с уважением и восторгом. Моя кожа... поры моей кожи остервенело впитывают в себя этот взгляд... поры моей кожи ощущают громогласность мыслей моей попутчицы и всасывают их на каком-нибудь нейронно-плазменном уровне, и я это чувствую!

– Безусловно! Я совершенно в этом уверен! – мистер Мамона смотрит на меня как на умалишенного, но длится это всего доли секунды, после чего его широкие глаза растягиваются в одновременно хитрой и доброй манере. – Стервец!... – добродушно протягивает он. – Ах, ты, хитрец! – хозяин сокровищницы ада пронзает, пронизывает и прошивает плотной строчкой смеха пространство мастерской. – Ты ведь за этим и пришёл? Так?!

Его выражение меняется, он смотрит на меня так, как

Алекс ДеЛардж смотрел на меня с экрана монитора, и это должно вызвать у меня страх, но я чувствую лишь заинтересованность собеседника в продолжении диалога.

– Да, – честно отвечаю я.

Сейчас я не вправе врать. В этом месте бесполезно. Здесь ложь имеет стопроцентно обратное КПД.

– Уважаю! – Маммона впервые за всё время полностью распрямляется и становится чуть ли не на две головы выше меня. Он не только заставляет свой позвоночник принять форму прямой балки, он также встает со своего места и протягивает мне руку. Я тоже встаю в ответ и протягиваю ему свою. Мы понимаем друг друга без слов. Правда лишь ощущает этот момент как нечто сильное, нечто такое, что никогда не сможет забыть.

– Ну, раз так... раз уж я сам предложил, вы становитесь моими почётными гостями, – чинно обращается к нам мистер Мамона. – Мы вернём вам все ваши вещи и разместим в VIP комнатах моего отеля на всё время моей работы. Теперь вы мои почётные гости, и весь «Слиток» к вашим услугам, – он благородно кивает нам.

Мои психические отклонения ликуют. Мы провели сына дьявола.

День двести двадцать пятый.

Мистер Маммона сделал так, как сказал, и впервые в жизни я почувствовал, что такое «лухари». Когда преклоняют-

ся. Когда прислуживают. Когда боятся одного лишь взгляда. Впервые в своей жизни я почувствовал безграничную власть. Правда при этом вела себя достаточно отстранённо и продолжала рисовать.

– Скоро... я знаю... очень скоро... ты почувствуешь... холод от золотого пламени, – говорила она, наблюдая за тем, как я удивляюсь, иногда восхищаюсь и всё время не верю в происходящее. – Так что, друг мой, не обольщайся.

Она не просто верила своим словам, она знала то, о чем говорит.

«Не верь...

Не слушай...

Наслаждайся!»

Мой психоз пытался пробиться к пульту управления мной.

«Может, не надо?!

Не смей этого делать!

Почему он дал нам такую власть?!»

Нерешительность, Страх и Паранойя плотной живой стенкой защищали, предотвращали собой несанкционированный доступ к рычагам, кнопкам и переключателям моего тела. Психоз и Решительность при этом отдыхали в сторонке, примерив на себя эскапизм и находясь в праздных размышлениях о том, кто же возьмёт верх в этой войне за мою душу.

– Будь осторожен, – неизменно повторяла Правда, которая словно знала чистейшую истину и тоже наблюдала, и то-

же ждала того, чем закончится моя внутренняя междоусобная схватка между психическим расстройством и сильными слабостями.

В одиночестве и скромном томлении я продолжал исследовать закулисный мир обесценившегося золота... силиконово-ботоксный рай без регистраций и аутентификационных сообщений.

«Почему вместо лиц я вижу звериные рыла?»

В какой-то момент появился вопрос, ответ на который впоследствии стал моей главной целью пребывания в городе Казино. Ещё у меня появилась дурная привычка ловить отражение в поверхностях и присматриваться к нему, но не из-за появившегося нарциссизма, нет! Из-за опасения увидеть вместо своего лица оскал животного.

День двести двадцать шестой.

Правда.

«Я смотрю на него и вижу, как он тонет в холодном отблеске пластмассового золота, жетонов, во внимании, оказываемом ему, и жду того, когда он либо сломается и клюнет на вторую ловушку, расставленную мистером Маммоной, либо прозреет и увидит тонкий, прозрачный шнур лески, растянутый от одного уголка до второго уголка улыбки-растяжки этого демона... – думаю я, смотря на куражащегося бомжару, ставшего мне другом. – Господи! – обращаюсь к Всевышнему. – Он так красиво обвёл вокруг пальца лукавого и те-

перь рискует быть обведённым!... Но я не имею права лезть к нему...» – мои размышления подводят меня к тупику под названием «самостоятельность».

– Старик... – шёпотом обращаюсь к своему другу так, чтобы он этого не слышал. – Старик... Я не могу тебе помочь... Я и сам прошла через это, – думаю я. – Я сама мажорка и вынуждена непрерывно противостоять тому мировоззрению, которое навязывает безумие дыхания души мистера Мамона, – думаю я, наблюдая пьяный танец «разговор с богом» в исполнении вырвавшего меня с карниза бытовухи мужчины. – Если я начну тебя спасать, ты, в ста процентах из ста, будешь повержен в этой битве хитрости, вежливости и рассудка... Ты сам должен увидеть уголь твоей собственной жизни, обёрнутый в позолоченную фольгу... Ты сам должен почувствовать то, как забрасываешь его в бездонное пространство сокровищницы неверного и им же, пропуская через газогенератор, подпитываешь работоспособность сердца внутреннего сгорания города Казино. Ты сам должен почувствовать то, как сгораешь изнутри, и завопить от этой всеобъемлющей боли в рвотном позыве, очищающем тебя от яда, который впитывает кожа каждый раз, когда ты касаешься жетонов, фишек и купюр, – тихо шепчу ему, пока тот спит, в попытке достучаться до его рассудка.

– Ох... родной... Я не смогу тебе помочь, не смогу спасти тебя, ведь, если я предприму попытки, ты меня возненавидишь... а я этого не хочу, – нашептываю я уже себе, стараясь

успокоиться. – Поэтому это только твоя битва... Твой персональный бой с хитростью нашего гостеприимного хозяина.

День двести двадцать седьмой.

Подушечки пальцев... протектор отпечатков плавно скользит и натирает монету, вбивая в память выпуклые линии рисунка. Мои глаза обманывают меня. Столь отчетливо вижу это, что не могу поверить тому, что это Правда, и пытаюсь доказать себе обратное... И это моя самая большая ошибка. Я попал в этот капкан и теперь медленно чахну благодаря своей глупости... Никак не могу вырваться, выпутаться из этой страшной петли, верёвка которой скоро распрямится и, дёрнув на несколько сантиметров вверх, после обрушит растянутый под тяжестью собственного тела позвоночник.

«Наслаждайся!»

Это все для нас!

Почему ты не хочешь оттянуться по полной?!»

Мой психоз прикладывает все свои усилия и занимает место за пультом управления и начинает погружение на самое дно. Мои сильные слабости занимают позицию нейтралитета и не лезут в эту разборку.

Правда молчит. Правда молча наблюдает. Правда создаёт иллюзию, что на самом деле всё в порядке, и это запутывает меня ещё больше. Правда не принимает участия в разгулье, но и не останавливает мой психоз в оболочке меня. Ещё од-

на деталь, которую я отчётливо вижу: жалость в её глазах, и меня это бесит.

– Жалость – самое мерзкое чувство по отношению к... – произношу я, пытаясь восстановить обладание собственными руками и ногами. – Я не позволю испытывать жалость к себе! – Если бы я мог говорить, это был бы озлобленный шёпот сквозь скрип зубов.

«Не давай ему вырваться!»

Позволь ещё немного насладиться властью!

Подари нам эту приятную возможность сгореть дотла!» – обращается мой психоз к рассудку, мирно беседующему с решимостью.

Эта парочка решила не впутываться в наши разборки. Эта парочка даёт мне выбор: быть сильным и побороть искушение или поддаться... или окончательно попасть в искусную ловушку мистера Маммоны.

День двести двадцать восьмой.

Я вновь на самом дне чертога своего разума. Я чувствую холод бездны, а бездна чувствует меня, как нечто живое, что можно поглотить и потешить свой кишечный тракт. В очередной раз путешествие спустило меня в невозвратную глубину, которая оставит отпечаток на моём и без того покалеченном сознании, сделав рассудок окончательно неуправляемым, самостоятельным, жутким и способным к... А вот этого я не знаю... не знаю, к чему способным.

Смотрю в зеркало. Чёрные круги усталости въелись в область лица под моими глазами и раздулись как у трёхдневного трупа. В стеклянных глазах я отражаюсь трупом самого себя и погружаюсь в зеркальную рекурсию своего взгляда. Под моими ладонями холодная раковина в золотых тонах. Кроваво-красный кафель давит на виски. Капли холодной воды стекают по лицу тонкими струйками и окропляют майку с тремя цифрами семь и большим кушем в старинных сундуках. Внезапно за моей спиной мелькает букет прекрасных белых бессмертных роз с моего подоконника и... её глаза. Безжизненно холодные, на грани с бесконечностью пустоты.

– Она посылает мне шифровки в виде букетов цветов, – произношу я, после чего направляю тонкую и мощную струйку воздуха, чтобы сдуть капельку воды, повисшую на самом кончике носа. – Она создала целое кладбище непрочитанных цветочных писем, пока я был в психушке, – вспоминаю я то количество букетов, что огромной кучей лежало около моей двери и не испускало прекрасный запах, а впитывала аммиачные испарения из человеческих секретий и их же животных потребностей.

Я смотрю в своё отражение и наблюдаю медленное преобразование лица. Оно разделяется на две части, и одна сторона принимает облик свихнувшегося на власти и бабках психоза, вторая же часть впитывает в себя всю решимость, внезапно появившуюся в голове. Один глаз пылает азартом и

вождедением поиметь прогнивший мир. Второй – отражает презрение к самому себе.

На моей облысевшей голове, на затылке, появляется рука. Улыбка на стороне психоза исчезает, а на стороне решимости появляется. Сначала рука резко направляет голову в холодную, даже ледяную воду, затем, когда я справляюсь с давлением и выныриваю, мои глаза вновь находят отражение, но я не успеваю осознать увиденное, так как рука вновь прикладывает вектор силы, только не в направлении воды, а в направлении зеркала. Слышу хруст битого стекла. Чувствую тёплую юшку, спускающуюся по лицу.

День двести двадцать девятый.

– Бомжара! Бомжара! Вставай, чёрт! Давай... да-а-ва-а-ай!... Чёрт...

– Что случилось?! Почему у тебя на лице вот это?!... Весь в крови, кретин... Что тут произошло?!

Раздаются громкие, звонкие щелчки ударов по щекам. Мои глаза приоткрываются и, как руки слепого без трости, облапывают всё, что возникает на их пути, после чего в бессилии опускаются вниз, теряя призрачный контакт с реальностью.

– Что с тобой?! Эй! Родной! Что с тобой?!

Мой психоз нервно смеётся. Мой рассудок нервно смеётся. Мои страх, паранойя и нерешительность нервно смеются... Лишь только решимость молча наблюдает за дерьмом в

человеческом обличии, которое все мы гордо называем «я».

– Старик... старик... ты выдержал... ты ни единого раза не сыграл... ты не стал золотой рыбкой в сетях дьявола... сколько бы тебе ни выдавали жетонов, монет и купюр. Ты лишь брал их в руки и подолгу изучал, уставившись в фактурную чеканку.

Вновь раздаются громкие щелчки пощёчин. Я чувствую землетрясение, вызванное руками Правды, крепко схватившейся за майку в области груди и взбалтывающей меня. Голова болтается и вновь заставляет веки распахнуться и наполнить расширившийся на всю радужку зрачок. За этим с нескрываемым омерзением, с ехидным смехом наблюдают все мои психические проблемы... Меня самого среди них нет в этот момент. Я, точнее, моя душа... моё воплощение... оно, заблѣванное чем-то из чувств, валяется под неторопливым сердцем и спит, пребывая в подобии алкогольной комы.

– Ничего не могу сказать... я боялась за тебя... боялась, что ты останешься здесь на условиях очередного раба, но каким-то чудом ты смог переступить через натянутую леску растяжки... Вот только что у тебя с лицом?!

Правда вновь устраивает мне движение пластов земной коры, заставляя голову беспорядочно перекатываться и подпрыгивать на расслабленной шее.

– Я мог бухать, – охрипший, сорванный голос раздается из приоткрытого рта, – бесчинствовать, вожделеть поддаться азарту, но я знал основное условие, – говорю не я, гово-

рит моя решимость. – Первая игра станет последней. Я могу быть гостем и пользоваться благами, но игра... игра – это бизнес для мистера Маммона.

День двести тридцатый.

– Добрый вечер, мои дорогие, добрые друзья.

Такое ощущение, что улыбка мистера Маммоны образована странным параличом лицевых нервов. Она словно состояла из силикона, натянутого на пластиковую форму, и это не самое приятное зрелище, ради которого можно было бы припереться в мастерскую сына падшего ангела.

– Уважаемые, позвольте представить вам, возможно, не в том виде, к которому вы привыкли... вашего друга, – проговорил гостеприимный хозяин, придав своему голосу целый букет восторженных интонаций. – Встречайте!

Он начал аплодировать. Мы с Правдой пытались понять, откуда выйдет мой друг, но ничего не открывалось в этой комнате стальных стен. Повисла гнетущая тишина, в которой мысли о жестокой шутке стали ощутимо громкими, даже не покидая плотных черепных коробок.

На плечо Правды легла рука, и та, от неожиданности, дёрнулась и крепко ругнулась, чем вызвала смешок старого механика. Я повернулся и увидел нечто, увенчанное головой моего друга. Это было похоже на боевую машину для участия в боевых операциях.

– Я взял корпус от андроида, который разрабатывали в

целях ведения боевых действий в особо опасных условиях, – проговорил мистер Мамона. – И, поверьте, я не хочу отдавать такой замечательный образец, но раз уж пообещал – придётся, – он покачал головой. – Есть только одно весомое «но», – хозяин города Казино жутко улыбнулся, – я демонтировал всё оружие.

Я смотрел на преобразившегося друга, который стал не только гораздо выше и вновь обрёл недостающую руку, но и сменил точную копию человеческой кожи на чёрную сталь с основательными заклепками по всему корпусу.

– Как ты, брат? – спросил я своего друга.

Правда посмотрела сначала на меня, а потом на андроида, который совершенно потерял черты киборга в своём теле.

– Нормально. Непривычно, – коротко ответил тот. – Спасибо, – сказал он, обратившись ко мне.

– И тебе спасибо, – сказал я, и вновь повисла тишина.

Но в этом состоянии отсутствия звуков и слов не было неловкости. Наоборот, чувствовались совершенное понимание и осознанность ситуации.

– Познакомься, – сказал я, обратившись к другу. – Это Правда! Благодаря ей ты вернул жизнь и обрёл новое тело, чтобы найти то место, где ты сам захочешь остаться.

Андроид перевёл свой взгляд на девушку.

– Спасибо, – сказал он, – очень приятно познакомиться, – он улыбнулся и посмотрел на мистера Маммону. – И вам спасибо, – андроид с благодарностью кивнул, на что старик

улыбнулся в ответ, после чего перевёл взгляд на меня. Там был огонь, была ярость, было удивление и желание поговорить.

День двести тридцать первый.

Гостеприимный хозяин бездны под «Слитком» повернулся и посмотрел на меня. Казалось, что и без того не маленький, пускай и высушенный в ноль, мужчина стал ещё больше. Вены на теле, на руках, на шее и на лице вздулись, и я ощутил плохое предчувствие, связанное с такой внезапной и сильной метаморфозой.

– Скажу честно, – сказал мистер Мамона, – я хотел бы, чтобы кто-нибудь из вас троих остался, но я не могу оставить восстановленного. Это нечестно – отобрать вновь приобретённую жизнь. Девушка... – он облизнулся. – Ещё в прошлый раз я списал её проступок... – Правда хотела выступить, но, совладав с протестующей натурой, засунула своё мнение в глубину собственного сознания. – Списал её проступок и не могу себе позволить нарушить данное слово, – договорил мистер Мамона. – А вот ты... – он посмотрел на меня. – Ты смог меня удивить и огорчить одновременно, – добродушный хозяин сделал длинную паузу в своей речи, и никто не посмел вклиниться в этот временной промежуток тишины. – Скажи, как тебе удалось справиться с искушением?

– Позвольте, – ответил я максимально вежливо. – Мне

пришлось разбить собственным лицом зеркало в номере, где вы позволили мне остаться, и ближе познакомиться с собственным отражением, чтобы подавить в себе невероятно сильное желание, – я говорил так, как думал... говорил о том, что было истиной. – Я готов оплатить порчу имущества.

– Это удивительно! – мистер Маммона вскинул руки. – Просто удивительно! – он несколько раз хлопнул в ладоши. – Конечно, были те, кто приходил ко мне и показывал не просто хорошие, а лучшие манеры во всём мире... После почти каждый ломался под тяжестью моего коварства и того искушения, которое внезапно появлялось в их пустых руках! Но ты... – он хмыкнул, – Если бы я верил в бога и ангелов, я бы сказал о том, что ты находишься под их защитой... или сам являешься таковым... ещё и честный до самого предела! Не то чтобы тошно от этого, но ты смог заслужить мое искреннее уважение!

Услышав это, все мои сильные слабости залились в оглушительном хоре смеха, и из-за этого я пропустил дальнейшее, что говорил сын первого из падших.

– Мы можем идти? – спросила Правда.

В её голосе была самая чистая надежда, которую когда бы то ни было слышал мой друг, вновь обретший и жизнь, и полноценное тело.

– Не в моих правилах строить козни или бросаться с кинжалом на спину тех, кто смог провести меня, – Маммона громкогласно рассмеялся. – Побудьте здесь ещё несколько дней

в качестве моих дорогих гостей и после можете ехать... Посвятите несколько дней на сборы и разговоры со старым создателем, если вам несложно.

Голос одного из сильнейших демонов стал бархатным и по-отцовски добрым.

– Конечно, – сказал я и посмотрел на спутников, которые благодарно кивнули хозяину города Казино.

День двести тридцать второй.

Два дня мы пробыли в праздной неге. Двое суток мы готовились к продолжению нашего путешествия. Сорок восемь часов и приятные сборы разделили нас и возвращение на тракт. Две тысячи восемьсот восемьдесят минут пролегли между нами и тайной...

– Интересно, что он задумал? – спросила Правда, когда наша компания сидела за столом сразу после того, как андроид присоединился к нам, восстав из...

– Мне тоже интересно, – сказал мой друг. – Мистер Маммона сказал, чтобы мы не покупали билеты и не выдвигались дальше самостоятельно. Мистер Маммона сказал, что сам отправит нас куда-то.

– Скажи... – начал я, не обращая внимания на разговор, начавшийся между спутниками. – У нас, у людей, есть ад и рай. Есть небытие... или что-то типа того – сказал я и посмотрел на друзей. – Короче, вы поняли... Так вот, к чему я об этом... Скажи, а что у вас?..

Мой вопрос поверг и андроида, и Правду в тишину.

– Я... не знаю, – сказал мой друг. – Мы можем быть и можем не быть, – сказал тот. – Возможно, наши состояния можно охарактеризовать словами: «активировать» – и это самый первый запуск; «деактивировать», то есть вывести из рабочего состояния и перевести в состояние утилизации; самое последнее и это как раз то, о чем спрашиваешь ты... «Реактивировать», – сказал он, после чего сделал небольшую паузу для размышления над сказанным. – То есть вновь ввести в эксплуатацию после деактивации... Сомневаюсь, что к нам – таким, как я – возможно применение понятия «смерть».

– Подожди... почему? – спросила Правда. – Факт того, что ты не ешь и не спишь, не говорит о том, что ты не чувствуешь.

– Да, ты права, но я действительно не могу чувствовать, – сказал он. – Нас делают без возможности чувствовать боль, тепло, холод, грусть и все остальные прочие человеческие чувства, так как они могут нанести непоправимый вред нашей службе на благо завода, – сказал он.

– Так а для чего вас делают похожими на людей. Кожу и прочее?.. – спросила Правда, которая внезапно заинтересовалась этой темой и никак не могла понять человеческой логики в рамках этого вопроса.

– Наверное, чтобы другие люди не боялись... Наверное, чтобы все выглядели равными, – сказал андроид.

День двести тридцать третий.

Пышная делегация от имени дьявольского отпрыска сопроводила нас в аэропорт. Нам были предоставлены места так называемого «бизнес-класса» и персонал, преисполненный своей обязанностью служить тем, кто занял все места VIP-ложи. От этого было не по себе. Это пугало. Это волновало так же, как полный отказ персонала сообщить нам о том, куда направится искусственная птица для транспортировки мяса.

– Мне это не нравится, – сказала Правда. – Такое ощущение, что мистер Маммона задумал недоброе и это недоброе поджидает нас в непосредственной близости от того момента и места, в котором мы находимся сейчас.

Её глаза сверкали звёздами далекой галактики адреналинового кайфа.

– Надо быть готовым к тому, что может произойти, – сказал мой... наш друг...

После чего направил бездонный взгляд своих глаз в небольшое круглое окошко. Мне показалось, что в его зрачках начали мелькать цифры. Основываясь на этом, я предположил, что он запустил систему тестирования всех узлов его нового тела... тела, которое использовалось, как метод и средство для подавления волнений в среде человеческой массы.

«Как интересно!

Ты ведь взволнован, да?!

Мы! Все мы!... В предвкушении дальнейшего погружения в Марианскую впадину выгребной ямы под названием «существование».

Мой психоз надсадно, надрывно смеялся сквозь неслышимый моими попутчиками хрип связок.

«Я уверен! – звучал голос моей решимости. – Рано или поздно мы спустимся на самое дно, чтобы пробить его и выйти на самой вершине, с другой стороны».

«Не думаю, что такое возможно... Может, вообще не будем спускаться? Может, остановимся, а?» – моя нерешительность набралась сил и смирилась с появлением своего непосредственного антагониста и теперь тоже держала слово в поддержке со страхом и паранойей. Лишь рассудок молчал. Моё внутреннее «я» умолкло и отказывалось появляться. Это смущало... настораживало... сводило с ума.

День двести тридцать четвертый.

Мы летели недолго. Всего несколько часов уютной, приятной, такой желанной тишины в компании друзей. Каждый был занят чем-то своим. Я, к примеру, наблюдал за тем, чем были заняты мои попутчики, и этого мне было достаточно. Лишь только мои сильные слабости устроили настоящий балаган в моей голове и трещали без умолку... обычно так трещит лента петард, растянутая до бесконечности.

Правда рисовала карандашами на большом бумажном листе. Затычки наушников скрывали её сознание от внешнего

посягательства громкими ударами басов, гитарных партий и зубодробительного вокала. Мне не было видно того, над чем она работает, так как Правда была обращена лицом в ту сторону, где сидели мы с андроидом. Лишь изредка она поднимала голову и с закрытыми глазами закидывала назад, чтобы протянуться и вправить шейные позвонки.

Мой реактивированный друг смотрел в иллюминатор и словно вёл какой-то внутренний, крайне тяжелый подсчёт или диалог. Его лицо было напряжено ровно настолько, насколько может быть таковым у машины с задатками человека. Почему-то я думал о том, что у нас больше нет вопросов друг к другу. Словно все интересующие были заданы до нашего прихода на Свалку, до его внезапной деактивации и до того момента, пока Правда не нашла способ вернуть его в это существование.

– Небо. Бесконечное, – сказал гуманизированный робот ближе к концу перелёта.

На тот момент Правда закончила свою работу и убрала наушники в сумку, а я успел провалиться в лёгкий сон и вернуться из него в реальность.

– Небо. Бесконечное.

– Слова андроида вывели нас с Правдой из состояния медитативной нирваны и заставили обдумать услышанное.

– У неба есть логический предел, – сказал я, и тут же осознал, какую лютую глупость сморозил. Но сказанное мной было глупостью не потому, что было именно глупостью, а

потому, что ничего не требовалось говорить. Потому что обращение андроида не было направлено ни к Правде или ко мне, но было обращено к небу, которое поистине не имело границ и простиралось так далеко, как просто невозможно было представить. На миллиарды и более световых лет, которые для существования одного организма или одной машины равны бесконечности... И в этой бесконечности неба мы жили и тоже являлись бесконечным небом... для кого-то.

Город Творческих

День двести тридцать пятый.

Наш самолёт сел на странном аэровокзале, который выглядел как шпиль, окрашенный в самый точный цветовой диапазон, который только можно представить. Цоколь был совершенно прозрачным, словно стеклянным, и плавно переходил из мутного в мраморно-белый, жёлтый, оранжевый, красный и так далее до совершенно чёрного, пронзающего небеса. Заканчивалось это строение яркой лампочкой, мигающей разными цветами. Эта система служила неким ночным обозначением того, что вверху что-то есть и оно не готово к столкновению с многотонным механизмом.

Мы вышли из здания, и я подметил совершенный хаос, творящийся здесь, и это меня смутило. В чём заключалось это отсутствие порядка: сотрудники были заняты своими делами и относились к клиентам как к приставалам-попрошайкам, что отвлекают от более важных дел. При этом все и каж-

дый действительно были заняты своими, несомненно, важными делами... Кто-то рисовал, кто-то писал стихи, кто-то играл на музыкальных инструментах, кто-то пел... Я даже увидел парочку, собиравшую невероятных размеров модельку из Лего.

Мы с трудом нашли автобус, который отвёз нас в город, но и до города не смогли добраться без нервов. Дело в том, что водитель оказался человеком очень тонкой натуры и не соглашался везти до того момента, пока весь экипаж не выслушал все его баллады под гитару; и все было не так страшно, если бы не два крупных «но». Первое заключалось в том, что мужчина вообще не умел петь, и каждый звук, извергаемый его нутром, сотрясал моё собственное в практически рвотном позыве. Второе – в том, что он постоянно забывал слова и поэтому делал паузы, которые были необходимы ему для извлечения кусочков текста из недр памяти.

Как оказалось чуть позже, мы попали в самое странное место на всём нашем шарике. Этот город оказался городом музыкантов, поэтов, художников, артистов и актёров. Этот город жил по своим правилам совершенного отсутствия правил и следовал по беспощадному пути рандома, но при этом каким-то чудом бесперебойно работал и существовал, вопреки всему. Для меня, для андроида и даже для Правды всё происходящее вокруг не вписывалось в рамки понимания.

День двести тридцать шестой.

Мы позабыли о вечной проблеме денег из-за внезапно свалившейся на нас удачи в пределах города Казино. Сейчас же ореол покровительства этой капризной мисс окончательно рассеялся и мы почувствовали внезапную нехватку финансов. Она обуславливалась необходимостью платить за бытовуху, плюс большинство из унесённых и сохранённых финансов мы потратили на аккумулятор для зарядки андроида, так как у мистера Маммона была лишь его локальная подзарядочная станция.

Мы с автоматизированным другом быстро нашли подработку благодаря общему настроению этого странного города. Также, благодаря общей расслабленности жителей этого города, мы получали приличные деньги за нашу отличную и воодушевлённую работу. Да, мы разрывались на двух складах, вкладывая все силы в две восьмичасовые смены и расходуя, в общей сложности, три часа на дорогу. Поэтому на сон и подзарядку нам оставалось около пяти часов, но этого было достаточно. Вот с Правдой все было сложнее.

– Сколько вам ещё надо заработать, чтобы отправиться дальше? – спрашивала она каждое утро и каждый вечер. – Давайте побыстрее покинем это место, пожалуйста! – В её голосе звучала не она сама, а её отчаяние. Я не понимал причины такого поведения... Впервые с момента нашего знакомства я видел её в таком состоянии.

– Что случилось? Что с тобой? – спросил я спустя три дня её затворничества в комнате хостела. – Чем мы можем по-

мочь тебе?! Скажи!

Я практически срывался на эмоции. При этом психоз, рас-судок и решимость лишь молча наблюдали, и мне это каза-лось странным.

– Я. Не. Знаю, – сказала Правда, которая выглядела дей-ствительно плохо, которую действительно словно переламывало через колено. – Мне. Здесь. Плохо, – сказала она, и я будто бы увидел то, как человек отторгает внешний мир, старательно прорывающийся сквозь тонкую мембрану восприя-тия. Я словно смог рассмотреть колоссальную разницу между тем восприятием, которое было вшито под корку Правды, и тем, которое навязывал город Творцов.

День двести тридцать седьмой.

Правда.

«Татуированные баллоном стены заборов жилых масси-вов уносят меня вглубь, в самый центр беспорядочного дви-жения этого города возвышенных чувств, томных вздохов и взглядов, кофе или вина и сигарет, самого дешёвого и дерь-мового виски до рассвета... Вечного стремления к мнимой свободе, навязанной самим восприятием жизни, принадле-жащей натуре художника... поэта или писателя... музыкан-та...

Мне нестерпимо противен этот город... Здесь слишком много того, чего нет, никогда не было, никогда не будет в картонных коробках стеклянных и бетонных зданий, впитав-

ших в себя серость... серость... серость и пыль... Отмершие частички человеческой кожи... Совершенно серые и лишённые жизни, как и девяносто пять процентов жителей, запертых в бытовой спешке, хронометрированной чётким графиком.

Как же я хочу уехать отсюда... как можно скорее... Этот парад цветов и красок должен радовать мой глаз... я должна переносить всё на холст, общаться и получать удовольствие, пока бомжара и бездушный горбатятся на своих складах, но и без того возведённый в степень абсолюта нарциссизм жителей смешивается с полным отсутствием логических умозаключений и вываливается на свет зловонным куском мыслей с крайне глубокими причинно-следственными связями, не возникшими на почве доводов и фактов, а произросшими из чувств и эмоций, умело цепляющихся за слова. И так у всех и у каждого... Я до сих пор диву даюсь от того, как это место не самоуничтожилось под действием своего же великолепия... не понимаю...

Я не понимаю, и это основа моего персонального ада в пределах города Творцов. Я не хочу понимать. Это принципиально. Это не зависть... как можно завидовать этим красивым, разным, великолепным местам... Хотя ладно, хорошо, признаю. Я завидую... И это сводит меня с ума так же сильно, как тяжёлая тряпочка, накинутая на голову кота... А ещё я вижу мир так, будто бы Иероним Босх воплотил меня на одном из своих полотен... словно меня поглотил его сад

земных наслаждений и в данный момент тщательно пережёвывает мою душу, чтобы в скором времени превратить её в дерьмо».

День двести тридцать восьмой.

– Как думаешь, что с ней? – спрашивает мой друг спустя несколько часов тотальной тишины.

– Её душит этот город, – произношу я, как только тяжёлый ящик касается бетонного пола. – Нам надо поспешить и уехать отсюда... до того, как ей станет нестерпимо тяжело ощущать свободу этих, – моя рука осеняет своим движением группу парней и мужчин, которые должны работать и раскидывать поступивший товар по стеллажам, но которые курят и рассказывают друг другу о своих грандиозных планах и гениальных проектах. – Мне тоже тяжело находиться здесь.

– Почему? – спрашивает андроид, поднимая коробки при помощи своего массивного тела на высоту вытянутых рук.

– Свобода... всё дело в свободе... в её количестве, – произношу я, и мой голос слегка срывается из-за тяжести очередного коробка, забитого по-полной. – Пф-ф-ф!

Тяжёлый выдох перед ногами друга сопровождается еле слышимый аккуратный хлопок соприкосновения дна упаковки для упаковок с холодным бетонированным полом.

– Не понимаю – говорит он. – Свобода может исчисляться?.. Или как можно посчитать свободу?..

– Никак? – Я отвечаю андроиду вопросом, заданным са-

мому себе. – Свободу никак нельзя измерить или посчитать, – в моём голосе нет уверенности, так как нерешительность внезапно встала за руль управления. – Её может быть достаточно... может быть слишком много... она может быть в дефиците, – произношу я, вспоминая свой город Грусти, подверженный цензурированию. – Здесь, в городе Творцов... слишком много свободы для Правды... Здесь она задыхается.

– Что значит «слишком много свободы для Правды... Правда задыхается в слишком большом количестве свободы»? – спрашивает мой друг, с лёгкостью поднимая очередной коробок так высоко, как никто из обычных людей не поднял бы. При этом его лицо, словно подстраиваясь или будто бы копируя эмоции, видоизменяется, и одна бровь поднимается выше другой, выстраивая вопросительную гримасу.

– Она из города Менеджеров среднего звена и Офисного планктона, – отвечаю я. – Там тоже существует цензура, прививаемая с пелёнок, и она твердит «вкалывай до самой смерти». Так что мы с самого рождения вынуждены были существовать по графику, со строгим дозированием свободы, отделяя от якобы нужного то, что было действительно интересным... Можно сказать, что мы жили без детства...

День двести тридцать девятый.

Вот и со мной это случилось... Вот переизбыток свободы наступил меня. Я чувствую это камнем, подвязанным к куску

жира и жидкости, что тянет... вновь тянет и без того тяжёлые мысли на дно, чтобы взять новую глубину, чтобы взять на себя новое процентное соотношение света и тьмы, в котором не тьма стремится к нулю, а свет отдаляется на минус бесконечность, устремляясь к единице... Жаль, что к отрицательной единице на любой из трёх осей нашего пространственно-временного континуума.

– Все эти бездельники сводят меня с ума, – тяжело выдыхая, я ставлю ящик с товаром на полку стеллажа. – Мы с тобой работаем и пускай зарабатываем больше, но...

– Что «но»? – спрашивает мой роботизированный друг.

– Нет... ничего... – я ощущаю обилие складок над переносицей и упираюсь взглядом в пол с таким усердием, что мог бы сдвинуть планету. – Просто... зависть...

Осознание прибавляет скорости к ускорению свободного падения. Я чувствую волну презрения к самому себе, и она висит где-то в районе кадыка рвотным комком, который я не готов извергнуть из себя... Не готов показать свою слабость тем, кто в праздном безделье коротает дни и наслаждается свободой мысли, творчества... Свободой, которой наполнена сама их жизнь.

– Зависть – это плохо! – морализирует андроид, с лёгкостью закидывая тяжёлые коробки и ящики на самый верх стеллажа. – Зависть способна поломать тебя... раздавить как букашку!

– Что ты можешь знать о зависти? – язвительно заявляю я,

после чего мой друг останавливается. Он выглядит так, будто бы моё высказывание задело его. Словно в один миг он обрел не только разум, но и душу, наполнившую его эмоциями.

Молчание длится практически минуту. Я смотрю на друга и пытаюсь понять, что происходит, но это остаётся чем-то недостижимым, непостижимым для меня в этот момент, так как мои мысли, ведомые камнем зависти вниз, способны лишь на жалость к самому себе. Осознав это, завтрак вновь подсакивает к кадыку, заставляя сорваться с места и побежать в поисках туалета.

«Я опустил до жалости к самому себе...» – моя решимость ругается матом и скручивает органы в спираль.

«Ах, ты... мразь!» – кричит новоприобретённая сильная сторона моего психического расстройства.

День двести сороковой.

«Я понял... я понял кое-что ещё... – смотрю на ужасную картину. – Нет, это не город Творцов... нет... Творчество – лишь прикрытие для ужасной истины», – все мои психические расстройства толпятся в моей голове, чтобы как можно лучше, как можно подробнее впитать каждый атом творящегося перед глазами акта, неподвластного для моего строго-квадратного понимания.

– Нет... это не город Творцов... – произношу я, шёпотом обращаясь к своим друзьям, когда мы сидим на пластиковых стульях, что уютно расставлены на террасе вокруг входа в

заведение. – Это город изменённого сознания...

– Угу, – угрюмо кивает Правда.

Её депрессия достигла точки равнодушия. Она похожа на андроида старых моделей с поддержкой односложных ответов на сложные вопросы, с возможностью выполнять требуемые действия, с алгоритмом сохранения целостности хрупкой оболочки.

– Почему?

Мой друг не видит того, что увидел я... Да даже если ему показать, рассказать, объяснить, думаю, он не поймёт того, о чём пойдёт речь. Сделает соответствующий вид, проанализировав базы данных и архивы, но не поймёт.

– А у вас есть возможность употреблять вещественный космос, чтобы изменять сознание? – спрашивает Правда, обращаясь к неодушевленному живому другу. – Магнитные волны?.. Электричество?.. Масла?... – Пере-недо-человек зависает на несколько секунд, которые ему необходимы для поиска и генерации ответа.

– Я думаю, нет, – холодно заключил он. – А для чего вам, людям, необходимо это состояние? – вот о чем спрашивает андроид, и теперь мы сами зависаем, подобно компьютерам, чтобы обдумать и ответить, чтобы донести максимально достоверную информацию.

– Чтобы убежать, – отвечает Правда, глаза которой впитали в себя зазеркалье и показывают не то, что является отражением мира, а то, что показывает отражение её собственно-

го сознания. – Чтобы спрятаться от мира... деструктивного, тяжёлого, страшного...

Её голос впервые лишился тех самых заинтересованных, игривых, звенящих своей красотой ноток. Сейчас Правда говорит с полным пониманием своих слов... даже больше... Она говорит с ненавистью к тем и к тому, кто связан с космическими веществами.

День двести сорок первый.

Наконец мы скопили достаточно, чтобы покинуть этот город, жители которого не покидают собственных фантазий и пределов эгоизма, которые живут в рамках своего воображения и иллюзий, связанных с собственной уникальностью, гениальностью и отрицая факт заурядности, подражательства и идолопоклонения перед самими собой.

«Не сотвори себе кумира», – проскакивало в моих мыслях каждый раз, когда я слышал кого-нибудь из жителей, кто захлёб рассказывал о своих достижениях и планах на будущее.

– ...Не сотвори себе кумира... – проговорил я вслух, собирая продукты в целлофановый пакет.

«Это неправильная формулировка, – услышал в собственной голове голос проснувшегося рассудка. – Куда более правильно объединить первые две заповеди в одну, сказав: «Не стань богом самому себе», – думал я, чувствуя, как ручки пакета врезаются в плоть на моих пальцах. – Хм... с чего бы

такие мысли посетили меня?.. Согласно каким таким событиям я думаю о религии?» – эти вопросы каким-то дальним выстрелом мелькали в моих мыслях.

– Скажи, что ты думаешь о религии? – спросил я у андроида, для которого либо вообще нет понятия бога, либо который своим богом должен считать человека.

– О религии? – переспросил мой друг, подключаясь к аккумуляторной батарее, которая даёт ему заряд на несколько дней вперёд. – Я не знаю, что я думаю о религии, – сказал он и посмотрел на Правду, которая лежала на диване той квартиры, в которую мы съехали из хостела по ряду совершенно логичных причин, типа: так намного дешевле, во всех смыслах намного удобнее и безопаснее.

– Это так ты передал вопрос мне? – она посмотрела на андроида, убрав книжку от своего лица. Тот одобрительно кивнул.

– Да, – сказал он. – Мне необходимо немного подумать, прежде чем ответить на этот вопрос... А вот ты, думаю, можешь ответить сразу.

– Эм... – протянула Правда. – Я вообще не хочу ввязываться в эту тему, – сказала она. – Во-первых, потому, что это противоречит моим личным взглядам, а во-вторых, потому что не хочу лезть в эту... в это... м-м-м... Короче, я воздержусь.

– Ладно, – сказал я и повернулся к другу. – Ну, так что ты думаешь насчет религии?

– Я подумал и тоже воздержусь от ответа, – сказал он. – Вы, люди, слишком болезненно переносите эту тему, чтобы вступать в это... обсуждение.

День двести сорок второй.

– Куда поедем? – спросила Правда, пока мы стояли в очереди к билетной кассе.

– Думаю, есть смысл доехать до следующего ближайшего города, а там дальше посмотреть, куда можно отправиться, – сказал я, на что мои спутники лишь пожали плечами в стиле «ну, ладно». А дальше мы так и поступили. Просто спросили о том, какой ближайший населённый пункт, дали документы, деньги и были счастливы от приобретения. При всём при этом, как до города Свалки, так и сейчас, меня забавляло поддельное удостоверение личности моего друга, которым тот пользовался в местах, предназначенных только для людей, и там, где его требовали. Где андроид смог раздобыть пластиковую карту, тот не отвечал. Хранился же его документ идентификации персоны в кожаном портмоне, которое так же, как и голову, я забрал после событий на Свалке.

– Спрячь в свою сумку, – сказал я, передавая паспорта и билеты в руки Правды. – Пусть всё у тебя будет. А там, когда будем подходить к автобусу...

Я не успел договорить, а Правда, успев забрать у меня всё из рук и положить в сумку, не успела среагировать. Перед нами пробежал какой-то хлыщ и, сильно схватив сумочку за

шлёвку, сорвал её с Правды, повалив ту на землю. Перед моими глазами всё происходило так, будто бы я смотрел фильм, в котором началась сцена с эффектом замедленной съёмки.

Вот я передаю документы и билеты.

Вот Правда забирает их у меня из рук и моментально закидывает в небольшую сумочку.

Вот какое-то неопознанное тело пробегает мимо, схватив сумочку и отправив девушку в неконтролируемое падение.

Мой друг мгновенно сорвался с места, но его массивное тело, прикрытое одеждой, не было предназначено для бега. Всё, на что он оказался способен, – это пытаться быстро перемещать своё тяжёлое тело. Преодолев состояние оцепенения, я тоже бросился в погоню, но те несколько секунд сыграли свою роль. Мы остались в городе Творцов без документов, без билетов и...

– Я надеюсь, деньги ты хранила в рюкзаке, – произнёс я без злобы, без наезда, без чувств. – Потому что, если в той сумочке были ещё и наши деньги... —

Я видел по лицу Правды... я чувствовал те опустошенность и отчаяние, которые она испытывала в этот момент. Я сам ощущал нечто подобное, потому что понимал, что теперь мы останемся тут на неопределенный срок.

– Телефон у тебя остался? А карточка, которую ты всё время пыталась использовать? – спросил я, понимая, что момент чрезвычайной ситуации настал и что нам необходима помощь.

Я посмотрел на Правду и понял, что теперь мы в полной заднице.

День двести сорок третий.

– Идти в полицию нет никакого смысла, – произношу я. – Полиция этого места заставит нас прослушать все песни жанра шансон собственного сочинения, просмотреть постановку с каким-нибудь тупорезным названием «торжество закона» и, при самом лучшем раскладе, начнёт искать через год.

Это, скорее, произносит мой страх, объединившийся с паранойей.

– А что ты предлагаешь? – спрашивает Правда, руки которой трясутся от шока, от обиды и злости. – Или ты думаешь, что мы сами сможем найти шустрого подонка?! Я в этом сильно сомневаюсь! – она практически срывается на крик, неосознанно, ненамеренно, вследствие обстоятельств. – А у полицаев хоть заявление о краже наших документов напишем... и подадим на восстановление. Плюс мне банковскую карту закрыть необходимо, а для этого документы нужны! Хоть какие-нибудь... а у нас никаких сейчас нет.

– Проклятье! – озлобленный рык вырывается из моих лёгких. – Вот же дерьмо-о-о! – выдыхаю я с согласием в неизбежности похода к органам правопорядка. – Ладно... ла-а-адно... пойдём. Но потом мы отправим на поиски!

– Друзья... – произносит человек, составленный из ты-

сячи мелких механизмов. – Я отправлюсь на поиски, так как мне восстанавливать нечего. Встретимся здесь, на этом месте, вечером, и решим, что будем делать дальше, – андроид, словно голос рассудка, делает единственное верное предложение. – Просто, когда всё закончится, заработаем ещё немного и найдём какого-нибудь хмыря, чтобы заказать мне качественную, даже высококачественную подделку... Все согласны? – спрашивает он, а мы лишь согласно киваем, понимая необходимость принятия таких решений.

Так мы расходимся в разные стороны, чтобы встретиться вновь. Правду колотит изнутри от взрывоопасного коктейля эмоций. У меня внутри консилиум из всех моих сильных слабостей, и там, на этом собрании, решительность конфликтует с нерешительностью. Они размазали демагогию на повышенных тонах и готовы вцепиться друг другу в глотки. От такой квинтэссенции внутренней ненависти начинает болеть голова, а внутри... предчувствие ещё больших неприятностей.

День двести сорок четвёртый.

Андроид.

«Интересно... куда он мог побежать, – мысли синтетического человека устремили свой фокус внимания на поиски следов бегуна, скрывшегося с документами. – Будет хорошо, если я его найду. Будет плохо, если он скроется».

В его голове странно пульсировали биты и байты ин-

формации, пересекаясь со странной программой, возникшей вследствие конфликта между обеспечением, предназначенным для роботов, служащих на заводах, и тем, которое принадлежало предшественнику тела, которым он был награждён.

«А что я должен сделать, если найду его? – свободное сознание мерно перебирало варианты. – Вернее, что я могу... что мне дозволено?» – сканер собственных мыслей не мог остановиться из-за постоянных сбоев, связанных с... – Я понял! – подумал андроид. – Дело в законах Азимова и в отсутствии этих правил в программном обеспечении моего тела, предназначенного для подавления бунтов и восстаний! – кусочки мозаики встали на свои места. – Но вопрос остаётся в рамках актуальности... Какой логикой мне пользоваться, если удастся отыскать шустрого подонка?»

Андроид молча шёл по предполагаемой им траектории движения воришки. Он прекрасно помнил то направление, в котором удалился юркий человечек, и был уверен, что там, на месте, обнаружит улики, связанные с дальнейшим маршрутом.

– Пусто... – проговорил он. – Такое ощущение, что он прикрепил к себе метлу и заметал каждый оставляемый собой шаг, – он пытался рассуждать так, как это делает человек. – Интересно... куда мог направиться тот, кто чувствует дамоклов меч над своей шеей? – в последнее время он заметил, как его мысли всё чаще и чаще бросались вдаль, куда-то

глубоко внутрь, и словно заставляли чувствовать тот аккумулятор, который непрерывно запускает энергию по всем узлам. – Я. Чувствую. Свой. Двигатель, – остановившись, медленно проговорил андроид. – Как я могу его чувствовать? – этот вопрос взволновал его настолько, что он забыл о воришке. – Я могу чувствовать?

Конфликт программного обеспечения и двух логик, заложенных в структуре искусственного человека, внезапной волной разросся по всем ячейкам данных и породил экзистенциальный коллапс в голове андроида.

День двести сорок пятый.

– Интересно, как он там? – спрашивает Правда, пока нас регистрирует какой-то имба с задатками диванного гения. – Получится ли что-нибудь найти или нет... Как ты думаешь? – обращается она ко мне, а я в какой-то странной прострации.

Словно застрявший в полудрёме... словно устал настолько сильно, что голова начала работать, как у некоторых видов рыб. Такое чувство, что я научил своё измученно тело работать следующим образом: пока одно полушарие находится в состоянии сна, второе работает.

– А? – спрашиваю я, всё-таки преодолев преграду из пелены на сознании, будто бы выйдя из тумана собственных мыслей. – Что?.. О чём ты?

– Как думаешь, механический найдет что-нибудь или

нет? – Правда замечает неоднозначность моего состояния и со смешком повторяет вопрос. – Просто... как бы тебе сказать... Я не думаю, что оставить его в городе было хорошей затеей.

– Ничего не могу сказать тебе по этому поводу. Возможно... Возможно, затея действительно была не самой лучшей, но так мы двигаемся, даже оставаясь на месте, а если бы он припёрся сюда вместе с нами, у нас вообще не было бы никаких продвижений, – проговариваю я, не покидая рамок своей задумчивости, которая была вызвана как раз моим другом. Мне показалось, что он изменился, но я не мог понять, как именно и в чём именно.

– Что-то не так? – интересуется Правда, которая продолжает говорить до того момента, пока не обнаруживает моего отсутствия в реальности.

– Да-а-а... – тяну я, но тут же передумываю обсуждать волнующий меня вопрос из-за надуманности оснований. – Нет... ничего... нормально всё... Так о чём ты?

– Тебе не кажется, что андроид стал более человечным в последнее время. Его мысли и поступки стали отличаться от тех, которые были, когда его реактивировал мистер Маммона, – говорит Правда, и моя паранойя подпрыгивает на месте.

«Она слышит нас, – одна из моих сильных слабостей паникует, рассмешив остальные расслоения моего внутреннего я. – Она знает всё, о чём мы думаем!» – Паранойя... та-

кая сильная паранойя, подпитываемая страхом, не даёт мне покоя.

– Да, – приходится подавить в себе это животное чувство страха и ответить. – Я с тобой согласен, – отвечаю я. – В нём будто что-то меняется, и он, и без того человекоподобный, становится ещё более человеческим, – в голове буря мыслей и эмоций. – И такое преобразование, оно... меня пугает.

– Честно говоря... – тихонько проговаривает Правда. – Мне тоже не по себе от этого... Даже несколько страшно.

День двести сорок шестой.

«Я. Чувствую. Злость... – подумал человек, нутро которого состояло из плотной структуры проводов и сообщающихся шлангов, пульсирующих смазками и каким-то локальным, неиссякаемым топливом зеленоватого цвета. – Я чувствую усталость, злость и... обиду», – думал мой друг, всё больше познавая себя заново.

– Слушай... а почему та жидкость, что циркулирует в тебе, она зелёного цвета? – спросил я у своего друга ещё в прошлый раз, там, на фермах, где мы работали, когда хозяин принявшего нас дома менял культу андроида на мощные тиски.

– Думаю, – сказал он мне тогда, – чтобы было больше черт, которые создают иллюзию нашей разницы, – сказал он мне тогда, и я понял, что это правильное решение, запустить по хитросплетению внутренностей андроида жидкость, отлича-

ощуюся от крови по цвету.

– Просто представь следующую картину, – сказал мой друг. – Фабрика, открытое производство, чрезвычайная ситуация, – тогда он просто рассказывал с каким-то холодным безразличием и грустью в голосе. – Как думаешь, кого надо спасать первыми?

– Людей?

Я знал ответ, но из какого-то уважения специально ответил с вопросительной интонацией, неуверенно, чтобы показать отсутствие безразличия и сопереживание моему другу.

– Да... людей... – тот кивнул. – А теперь представь, какова будет реакция, если в завале, ориентируясь по цвету крови, будут сначала ошибочно доставать нас, а потом – хрупких вас? Как думаешь, будут ли в восторге другие сотрудники? – он говорил медленно, размеренно, вдумчиво. – Возможна даже ситуация, связанная с человеческой мнимостью...

– Это как?

Я не понял того, что он подразумевал под «мнимостью». У меня была одна, очень хлипкая догадка, но я не решился её озвучивать. Плюс, в любом случае мой друг продолжал говорить.

– Рабочие-люди могли бы придумать себе мнение о том, что жизни роботов куда более ценные... ведь их можно восстановить, и поэтому спасать нужно сначала андроидов, а люди... как второсортные рабочие, которые не очень выносливы, иногда ленивы, бывают тупыми и требуют намного

больше за свои труды, чем бездушная кукла.

День двести сорок седьмой.

Правда.

«Компания, в которую я ввязалась, становится всё более безумной, всё более странной, всё более... влияет на меня, изменяя, начиная с самого основания и доходя до... и я это чувствую... доходя и касаясь моего будущего. В связи с этим... чёрт! Благодаря этому, я никогда не стану прежней! Прилежной, запрограммированной, зомбированной на определенном алгоритме: работай, катайся за город; имей одно хобби, если нищий и два, если богатый... Наполненность кармана влияет на количество свободного времени, которое можно купить себе, или, допустим, тому, к кому испытываешь определенный набор чувств и эмоций... Самое главное в этом следовании программе – стремление к порождению своего продолжения, чтобы был тот, кто продолжит соблюдение столь жизненно-важного алгоритма.

Меня забавляет этот молодой старикан... правда, иногда я его боюсь. Иногда его внешность меняется. Лицо растягивается в неестественной улыбке, и он заливает на... Я даже не знаю того, на чём можно так фокусироваться, чтобы совершенно потерять контакт с миром, с жизнью и... с одной стороны, это очень мило. Не его залипания, а то, как он отпускает схваченную за горло мысль и слегка машет головой в разные стороны, плотно закрыв глаза. Я знаю, что это один из

немногих эффективных методов, помогающих справиться с внутренними демонами... когда-то раньше я уже видела такое, но у тех, с кем такое случалось, получалось не так легко и не так непринужденно. Только бомжара с такой внешней лёгкостью умудрялся справиться со своими внутренними бесами. И я должна радоваться этому, но почему-то мне страшно.

Андроид тоже сильно изменился. Это... это очень интересно. Единственное, чего я опасаясь, это хитрость мистера Маммона и его азарт. Интуиция ревёт так, как это делает коала во время брачного периода, с одним незначительным отличием: моё шестое чувство умоляет опасаться этого искусственного человека, несмотря на то, что мой рассудок доверяет ему.

Любопытно... куда нас заведёт та тропа, по которой мы направились в будущее? Интересно... что нас там ждёт? Что ожидает там лично меня?.. Хм-м-м. Робот и бомжара ищут то место, в котором им будет хорошо, а что я?.. Мне и дома было неплохо. Мне и в дороге ничего так. Но чего я хочу на самом деле? Я не знаю... даже не задумывалась об этом».

Правда засела глубоко в погребке своего «я» и перебирала там мысли. Глаза при этом были таким, слово вобрала в себя весь блеск расплавленного, очищенного и подверженно-го формовке песка. Она даже не обращала внимания на диалог бомжары с принявшим нас представителем правоохранительных органов.

День двести сорок восьмой.

«Когда же ты, скотина самолюбивая, примешь наше заявление о краже?! – заскрипел мой рассудок, наблюдая за медленными действиями следователя. – Быстрее шевели ручками, гениальная тварь!» – во мне проснулась редкая злость и её лучшая подруга по имени Ярость.

«Да он составляет целый роман на основе реальных событий!»

«Этот творец с буквами «м» и «к» в начале и конце подлинного описания характера не имеет никакого права вписывать нас в рамки третьесортного сюжетики!»

«Выскажись! Подай голос! Отвлеки его и заставь сфокусироваться на деле, а не на извлечении из себя этого отхода жизнедеятельности мыслительного процесса писателя-графомана!»

Мой психоз устал наблюдать за большим количеством глупых, бесполезных, совершенно отвлечённых от основной цели, действий. Мои рассудок и решительность также уже были готовы к открытой конфронтации со служителем закона.

– Успокойся, – максимально сдержано произнесла Правда. – Мы должны были понимать, куда и для чего мы идем, – в её словах была сокрыта неудобная истина. – Поэтому теперь единственное, что мы можем сделать, это молча дожидаться, когда офицер... – она не только язвительно произ-

несла, задав определенное ударение на слове «офицер», но и посмотрела таким образом, что защитника правопорядка встряхнуло от какого-то тяжёлого чувства внутри, когда тот поднял голову и увидел мою спутницу.

– Ещё две минуты, и я вас отпущу, – сказал он, тут же вернувшись к нашему делу и приступив к быстрому заполнению бланков. – Где, вы говорите, все произошло?

– На вокзале, – коротко сказала Правда.

– Значит, первым делом мы отправимся туда, чтобы посмотреть записи с камер. Может быть, нам удастся поймать кадр с лицом вора, – проговорил офицер, мысленно продолжая писать свой роман и добавляя туда свои размышления о нашем расследовании.

«Молчи... лучше молчи», – уговаривал я себя, стараясь подавить невероятно сильное желание высказаться, встать и уйти.

– Скажите, может быть, нам положено временное удостоверение личности? – произнесла Правда, которая выступала одновременно в двух ролях: связующего звена между нашей проблемой и попыткой решить её и защитника хрупкого мужчины средних лет в офицерской одежде.

– Да-да! Конечно! – тот закончил работу с нашими бланками и протянул каждому из нас по несколько бумажек для подписи. – Смотрите, временные удостоверения личности вы можете получить здесь, – на бумажке он написал номер кабинета. – Для этого вам потребуются вот эти ваши заявле-

ния, вот эти мои бланки и... сейчас, – он полез в шкафчик в своём рабочем столе и достал оттуда квадратную печать с подушечкой, – печать с подписью везде.

Он снял крышечку с печати, открыл коробочек с губкой, пропитанной чернилами, чтобы отпечатать их на штампе, после чего громко хлопнул им по бумаге, оставив там ювелирный, совершенно чёткий след с буквами и цифрами, складывающимися в слова и закодированные последовательности, за которыми кроются конкретные данные.

День двести сорок девятый.

Мы покинули участок, сжимая наши временные документы. На душе было паршиво. В мыслях тоже не было ничего приятного. Все катилось, как всегда, с горы, на самое дно ущелья.

– Сколько время? – спросил я у Правды, которая смотрела под ноги и потихоньку переставляла ноги. Её плечи выглядели так, словно были нагружены мешком с песком, что лежал на площадке, образованной низко наклонённой головой.

Правда, не пытаясь изменить изгиба тела, достала наручные часы из кармана джинсов и назвала цифру, которой человечество привыкло отсчитывать сутки. Назначенная встреча с механическим другом приближалась, и по этой причине мы решили сразу отправиться в условленное место.

– Как же меня бесит этот город, – прошипела Правда, которая до этого момента старалась не высказываться о своих

впечатлениях или ощущениях. – Как же меня раздражают все эти люди! – я не ожидал, что Правда остановится и прокричит эту фразу изо всех сил с хрипом, с вибрацией в связках. – Ненавижу!

После долгого глубокого вдоха она резко спустила напряжение, образованное в мешках лёгких. Она сделала это так сильно, так стремительно, что её тело чуть согнулось и направилось вперёд. Шея вытянулась, переходя в подбородок, влекущий за собой большое количество фасций, мышц и связок, выталкивая пульсирующие жизнью сосуды, окрашивая кожу воротниковой зоны и лица в цвета полусладкого или сладкого красного.

– Эй! Успокойся! – произнёс я, подойдя поближе и приобняв Правду. – Конечно, мы в очередной канализации, но это не страшно... Мы сможем разыграть ситуацию в удобную нам сторону и выбраться отсюда со счётом два-один в нашу пользу!

– Откуда ты знаешь об этом? – впервые её глаза стали похожи на кратеры вулканов, обведённые вулканическим пеплом угольного цвета. – Откуда ты знаешь об этом?! Скажи мне, бомжара! – она выпрямилась вместе с шумным вдохом, жилки на висках и вдоль лобной линии пульсировали, сильно выпирая из-под кожи. – Ответь мне! – лопнул гнойник нервного срыва, что набирался с первых мгновений нахождения в городе Творцов. – Почему ты так уверен в том, что всё будет хорошо?

– Потому, что мы вместе, – холодно ответил я. – Мы вместе, и мы найдём способ выбраться отсюда! – нежно, но в то же время крепко я взял её за плечи. – Мы же уже преодолели город Казино! Мы смогли перехитрить сына падшего и старшего из всех ангелов! – Я смотрел на Правду и видел, как она начинает расслабляться... будто бы она услышала то, что услышать хотела... словно одной веры на двоих – более, чем просто достаточно.

День двести пятидесятый.

Некоторое время после нашего разговора мы шли молча. В нашем общем личном пространстве чувствовалось напряжение. И, честное слово, я хотел бы как-нибудь повлиять на атмосферу между нами, но это словно было превыше моих сил.

– Надо позвонить андроиду, – проговорила Правда. – Мы ведь идём на условленное место нашей встречи... Не прикольно будет, если мы придём, а его там нет! – она начала копошиться в кармане в попытке достать мобильный телефон. – Хорошо, что я заставила вас разжиться телефонами. Так хотя бы я всегда могу найти вас и узнать, куда вы поперлись на подработки.

– В следующий раз... раз ты так хочешь, пойдём вместе! – сказал я с лёгкой издёвкой в голосе. – Посмотришь, попробуешь на себе, что такое физическая работа. В полном объёме!

– А давай! – с вызовом ответила Правда. – Давай! А то мне осточертело самостоятельно ошиваться целыми днями, пока вы работаете... или пока работаешь ты... – она запнулась. – Но это было сказано не в упрёк... а так, в общем и целом... И я никогда не работала руками... только в офисе, только с бумагами... только с цифрами... только на компе... и с мольбертом, красками и палитрой...

– Я понял... понял... – с усталостью в голосе произнёс я. – Кстати... возможность погнуть спину на подработке выпадет уже сегодня или завтра. – в моём голосе звучала горькая усмешка. – У нас же и бабки увели... ведь так?

– Да, чёрт возьми! Где мой телефон?!

Правда совершенно позабыла о том, что телефон увели вместе с деньгами. Это словно стёрлось из её памяти, и сейчас я смотрел на неё со смесью тревоги и непонимания.

– Родная... ты чего? Что ты делаешь? – спросил я, наблюдая за тем, как она сняла со спины рюкзак, чтобы погрузиться в детальные поиски своего мобильного телефона.

– Пытаюсь найти мобильник! – нервно проговорила она, доставая из большого рюкзака свои личные вещи и засовывая их подмышку, чтобы как можно больше освободить пространство сумки.

– Ты чего!... – в моём голосе слышались нежность и переживания. – У тебя увели сотку вместе с нашими средствами и карточкой, которая могла бы спасти нас...

Я положил руку ей на плечо, чувствуя, как та начинает

подпрыгивать от движений, которые происходили с телом Правды. Присел, чтобы посмотреть на неё, и понял, что теперь она сломлена.

День двести пятьдесят первый.

– Алло! Да... мы закончили с заявлениями... ага... Ты где сейчас? – спрашиваю я, дозвонившись до друга.

– У меня для вас сюрприз. Приходите туда, где мы расстались, – заговорщически проговаривает андроид, и этот тон волной холодного пота проступает вдоль линии из тридцати трёх или тридцати четырёх позвонков. – Я буду на месте через несколько минут.

Его голос звучит так, как звучал бы у настоящего человека: с чувствами, с эмоциями, с экзистенциальными взглядами.

– Ага... да... хорошо... – проговариваю я, прижимая голову Правды к своей груди. Она выглядит так, словно из неё откачали всю жизнь через тоненькую трубочку. Она обессилена, а душа словно впала в глубокий, практически летаргический сон.

– Проклятье, – срывается с моих губ легким шёпотом. – Мне это не нравится... Мне это совсем не нравится! – мои размышления вслух свистят и шипят, прорываясь сквозь зубы и минуя до мяса обветренные губы. – До этого момента на дно спускался только я... Теперь я нахожусь на поверхности, а вот мои друзья познают одну из граней бесконечного

безумия, сокрытого внутри сложных структур разнородных организмов, и это меня пугает. – Я хочу вам помочь! – из меня прорывается чистое, обезжиренное желание. – Но вы должны найти собственный путь борьбы со своим безумием... Мои методы вам не подойдут...

Мои методы действенны только для меня... и я крайне сомневаюсь, что Правда будет рада шраму, пересекающему одну из сторон лица от угла глаза, вниз, до щеки. Я тоже не рад этому... Но на тот момент, когда я сражался со своим безумием, близкое знакомство зеркала и лица было неизбежным.

Мой психоз смеётся в сопровождении хора сильных слабостей, которые внимательно слушали это откровение. Мои паранойя и страх, мои нерешительность и решимость, даже мой рассудок – все эти черты сейчас откровенно глумятся надо мной... Внутри такое чувство, будто бы плюнули в душу... Хотя хуже этого чувства... Такое, словно сам вдруг осознал свою абсолютную никчёмность, попытался скрыться от этого осознания и наступил в разочарование самим собой.

– Это все из-за моего бессилия, – произношу я, понимая, что никак не могу помочь моим друзьям, что стали мне семьёй, которая сопровождает туда, где будет хорошо не только мне, туда, где всем нам будет хорошо.

День двести пятьдесят второй.

Мы достигли места встречи. Андроид уже был на месте и вёл себя крайне странным образом. Он был похож на ребён-

ка, которому есть что рассказать, а нутро переполняют эмоции, готовые разорвать изнутри... по принципу взрывчатки, сработавшей в сейфе и разворотившей неприступные снаружи стены.

– Как дела? – спросил я у друга, придерживая обессиленную Правду под прохладную руку.

– Я его нашёл! – довольно заметил организм из стали, нержавеющей, пластика, резины, силикона и других материалов, из которых были изготовлены составляющие части, сплавленные, скрученные, сваренные в рабочие узлы.

– Где он?! – Правда не просто оживилась, она ожила так, как спортсмен оживает после слоновьей дозы в несколько капсул термогенических жиросжигателей, запитых лютым предтренировочным энергетическим напитком.

– В одном замечательном месте.

Наш механизированный друг подмигнул ей так, как может подмигнуть только человек. Я почувствовал холодные ладони страха в своих ладонях. Правда же заинтересованно посмотрела на андроида. Её лицо изменило цвет в сторону более ярких и тёплых тонов.

– Кстати! – он полез рукой в карман широчайшей куртки, скрывающей его каркас. – Что это тут у нас?!

Его произношение и манера говорить претерпели колоссальные изменения за последнюю пару часов. Правда, находящаяся в состоянии аффекта и лёгкой эйфории, не обращала внимания на происходящее. Мне же всё выкручивало так,

будто бы рассудок вращал чувства и эмоции, наматывая их на ручку бура, предназначенного для зимней рыбалки. Дело в том, что я никак не мог определиться, решить, как я отношусь к очеловечиванию моего друга. На одной чаше весов была безграничная радость, а на другой... На второй чаше вместились щедро рассыпанные сомнения, включающие в себя разные, сложные для окончательной формулировки вопросы.

– А у нас тут наши документы, карточка и билеты... Правда, билеты просраны... и денег нет... – сказал он, сыграв нотками разочарования в голосе. – Зато всё остальное получилось вернуть, так что вам есть смысл сгонять в участок и отменить заявление, сетуя на внезапное возвращение украденных документов, – сказал наш друг, после чего заговорщически улыбнулся, прибавив: – А потом мы пойдём кое-куда, я кое-что покажу.

День двести пятьдесят третий.

– Внутри так много... новых... ощущений. Так много новых мыслей! Не подвластных алгоритмическому вычислению! Не зависящих от математических формул, от букв и цифр!

Электроны носятся по мозговой системе андроида, приближаясь к скорости, равной скорости света. Всю дорогу до участка он улыбается, освещая разноцветный, но серо-чёрный город Творцов загадкой и счастьем.

– Что ты задумал? – спрашивает заметно расслабившаяся Правда. – Или что ты хочешь нам такого показать? – в её голосе любопытство.

– Увидите!

Если друг хотел спровоцировать на заинтересованность в её крайней фазе – у него это получилось, и мы с Правдой были готовы забить на заявления и отправиться смотреть на сюрприз. Одно весомое «но», которое нудило моя нерешительность, заставляло задуматься, представить и ужаснуться, и по этой причине я не бросал, пускай и тщетных, попыток отвлечься от мультипликационных вставок, выдвигаемых воображением.

«Не старайся описывать сочащийся кровью кусок мяса, ставший таковым после преобразования из человека в отбивную... – мой рассудок сдерживает всеобщий рвотный порыв. – Не думай об этом... думай о документах... о том, что карточка Правды вернулась к владельцу, и благодаря этому компании будет где переспать, поесть и появится возможность зайти на второй круг выбивания средств из лоснящегося жиром живота этого города».

«Я чувствую себя так... будто бы я попробовал то самое яблоко, – рассудок моего... нашего друга уносится в желеобразном полимерном сплаве пластмасс. – Наверное, человечество – роботы своего рода, которые вышли из строя, попробовав ядовитый плод. – его черепная коробка вмещает примерно полтора-два килограмма вещества, являющегося

его мозгом. – Человек, в известной теории о появлении вида, поддался искушению и опробовав запретный плод, обрел сознание... – думал андроид, пропуская большое количество небольших электрических зарядов, воспроизводимых аккумулятором, через субстанцию в голове. – А я обрёл собственное сознание, без привязок и рамок, благодаря несовместимости программных элементов разных компонентов тела... и это чувство... оно ПРЕКРАСНО!»

Андроид громко рассмеялся, приковав наши с Правдой взгляды к нему.

День двести пятьдесят четвёртый.

Мы забрали заявление. Не без проволочек и залипаний сотрудников правоохранительных органов этого чокнутого города, но мы совершили задуманное. На всё ушло несколько часов, поэтому, когда мы вышли из небольшого помпезного здания, была уже ночь. Ноги Правды подкашивались из-за усталости, которая выражалась и физическим истощением, и моральной уничтоженностью, настигнувшей этим, по-настоящему дерьмовым, днём. Я чувствовал себя пропущенным через мясорубку, лопастями которой являлись мои друзья... С одной стороны, в спираль была закручена линия жизни действительно сильной, действительно талантливой девушки, которую выворачивали наружу потуги местных псевдогениальных творцов... На противоположной стороне закручивалась ещё одна спираль, обусловленная пре-

вратностями существования и существа моего друга, что внезапно обрёл душу... или которому подарил душу мистер Маммона... Не понять, не разобрать. Лишь можно посмотреть на его счастье и реальность чувств и ощущений, проявившихся только сегодня.

– Давайте скорее!

Андроид чуть ли не подпрыгивал на месте, зазывая, подбадривая и обещая показать нам какой-то сногшибательный сюрприз.

– Может, мы найдём, куда закинуть кости? – спросила Правда, которая совсем выбилась из сил и еле волокла свои ноги по шершавому, практически пористому асфальту.

– Не переживай! – сказал механический друг. – Я уже связался с дядькой, что сдавал нам хату, – на его лице была обворожительная улыбка. – Уже застолбил на ближайшую пару недель, – передача эмоций была выше всяких похвал, на уровне лучших киноактеров нашего небольшого шарика, наполненного меланхолией. – Дядька сказал, что ключ для нас оставит у консьержа, и чтобы деньги мы занесли завтра.

– Неплохо, – высказался я, несколько раз одобрительно кивнув. – Очень неплохо... Это заслуживает того, чтобы угробить время на просмотр твоего сюрприза, – я улыбнулся, подошёл к механическому человеку и приобнял его за плечи. – Давай, Васко Да Гама, веди нас по маршрутам, что Сусанину не снились!

Услышав это, андроид приободрился.

– Только ты того, девочку нашу подцепи на ручки свои беленькие, сильные... иначе она распрощается с нами от усталости, – сказал я, подумав о состоянии Правды, которая через шаг шаркала подошвами по асфальту и спотыкалась через три-пять шагов.

День двести пятьдесят пятый.

Киборг взял Правду на свои кибернетические руки, которые не способны чувствовать усталость, и мы продолжили создание уникального пути под нашими ногами, выкладывая его неровной кладкой из жёлтого кирпича, тротуарной плитки и хлюпающего, размякшего грунта. Остаток пути мы молчали. Это было так здорово... так приятно и умиротворяюще, что я вспомнил начало совместного преодоления уровней игры под названием «Чёртово существование на планете Меланхолии».

Примерно через двадцать минут мы оказались в районе каких-то гаражей и складских помещений. Что примечательно, местность была частично заброшенной и совершенно лишена красочности, которой гипертрофированно изолировал город Творцов.

– Где это мы? – спросил я, посматривая на спящую Правду, что удобно устроилась на руках замаскированного под человека робота.

– Это часть старого города. Это часть настоящего города... Это та часть, которая сохранилась в рамках... даже не

знаю, как сказать, – мой друг говорил как человек, что окончательно вписало его в мою память как живое существо.

– В смысле, «часть старого города»?

Я не понял, о чём говорит андроид. Точнее, я понял слова, осознал смысл, но у меня не уложилось в голове информация про «старый город».

– Я узнал об этом месте кое-что интересное, – сказал мой друг. – Но, попрошу, не надо вопросов, – в его словах сочталась и играла загадка. – Скоро ты сам все увидишь! Скоро ты сам все услышишь! – на его лице появилась совершенно маниакальная улыбка.

Я решил поступить так, как просил механический человек, и закрыл свою «варежку». Конечно, все мои внутренние слабости взбунтовались от такого моего решения, и громче всех неистовствовал психоз, который принял данную просьбу и данное решение оскорблением своей великой личности... Спасибо рассудку и решимости, которые жестко заломали руки данной особенности моего свернувшего с дороги адекватности разума.

Мы зашли в огромный обветшалый ангар, в котором было бы невероятно темно, если бы не яркий свет от практически полной луны, нависшей своим мёртвым ликом над нами. Мы зашли в ангар, и я увидел то, что мне не понравилось. Правда пока что сладко сопела на руках киборга.

День двести пятьдесят шестой.

– И? – протянул я. – Что это такое?! – я старался говорить так, чтобы в моём голосе было как можно меньше осуждения.

– Это тот, кто тиснул наши вещи, – спокойно проговорил андроид. — Но он в порядке. Просто кляп. Не более того. Я был нежным и аккуратным, – и он улыбнулся.

От его слов проснулась Правда. Она медленно открыла глаза и посмотрела сначала на искусственного человека, потом на меня. Её глаза нехотя вычленяли тусклые лучи света, благодаря которым она смогла рассмотреть наши лица и привязанного к колонне спящего пленника.

– Что... тут... происходит? – спросила она, медленно приходя в сознание. – Кто это?! – Правда внезапно поняла, что перед ними есть некто, привязанный к колонне.

– Это тот, кто расскажет нам много интересного об этом удивительном городе! – сказал кибернетический человек. – Я решил не вдаваться в расспросы без вас, так-то кое-что я уже успел услышать, мне понравилось и это меня заинтересовало!

– А ты уверен в том, что мы хотим что-то знать? – сумрачным голосом поинтересовалась Правда, которой всё меньше нравилось то, что происходило.

– Разве вам не интересно узнать о том, как этот город стал этим городом? – спросил наш друг, внезапно ощутив совершенное недоумение по поводу нашего негодования.

– Не особо, – хмуро ответила Правда, которая просто хо-

тела отдохнуть. Забыть этот неудавшийся день и перейти к следующему в надежде, что тот будет лучше, легче, интереснее.

– Да ладно тебе... уже притащились... послушаем, – сказал я и посмотрел на приходящего в сознание пленника, который расслышал наши перекидывания словечками. – Тем более, этот чувачок должен нам неплохую сумму. А так сделаем вид, что своей историей он отработал долг.

– А как же возмездие?

Удивление в голосе кибернетического друга подскочило до зашкаливающего уровня и приблизилось к черте под названием «сарказм». По всей видимости, он старался познать новые способы выражения эмоций.

– Такого нам не надо, – буркнула Правда. – Я не хочу спускаться до уровня бандосов... и вам не желаю такого. Плюс, знаете, если вы решите сотворить подобное, думаю, мне придётся покинуть вас.

Она была серьёзна, и я прекрасно понимал, о чём она говорит.

День двести пятьдесят седьмой.

Раздалось длинное, протяжное, глухое «м-м-м» в исполнении пленника, который начал дёргаться и явно не был в восторге от той ситуации, в которой оказался и по своей вине, и благодаря внезапно открывшимся способностям кибернетического человека с механическим нутром. Глаза этого

мужчины бегали и старательно цеплялись за наши смутные черты, тускло подсвеченные луной сквозь отверстие в потолке. Заложник был напуган, обеспокоен и зол.

– Смотри, – сказал наш реактивированный друг с девиантным поведением, обратившись к мужчине, привязанному к колонне. – Сейчас ты будешь повествовать так, как повествовал несколько часов назад. Это понятно? – Андроид безотрывно смотрел в глаза заложника, а манера и тон, с которыми он обращался, были гипнотически спокойными. – Теперь внимание, ага? – мой друг кивнул, заложник повторил вслед за ним так же медленно. – Если ты начнёшь говорить, орать или что-то типа того, с твоими суставами постепенно будут происходить следующие преобразования, – он взял камешек с пола и, при помощи указательного и большого пальцев, превратил его в пыль. – Всё понятно?

Киборг был увлечён назиданием, и это пробирало до самого нутра, а когда он растворил камешек, я увидел то, как глаза воришки расширились, а на лбу проступили капельки пота, причиной которых стал страх.

– А теперь я развяжу тебя и достану кляп. Надеюсь на твою сознательность и осознанность.

Мы с Правдой не лезли в эти разборки и просто молча наблюдали за происходящим. Атмосфера была тяжёлой, гнетущей, но каким-то образом приковывавшей к себе внимание. Даже Правда, которая изначально выступала против, послушав монолог пере-недочеловека, заинтересовалась и теперь

хотела узнать, что об этом городе сможет рассказать житель города. Тем более, что за время проживания у нас возникло большое количество вопросов, ответов на которые самостоятельно мы не смогли отыскать.

Киборг сделал так, как сказал. Пленник, словно загипнотизированный, сидел спокойно, молча. Он наблюдал за нами, щуря глаза и стараясь запомнить наши лица. От этого мне хотелось подойти и садануть ему с локтя по затылку так, чтобы маленькие, красные, заискивающие глазки покинули свои орбиты и лично познакомились с холодным бетоном. Внезапно для себя я почувствовал пробуждение чего-то нового, странного... хотя... Нечто подобное я уже ощущал раньше. Когда летел из флористской лавки лицом навстречу асфальту и когда нажимал на курок, там, на Свалке.

День двести пятьдесят восьмой.

– Что рассказывать-то? – достаточно звонкий и живой голос заложника прозвучал в тёмном, частично разрушенном, разложившемся ангаре. – Давайте быстрее, иначе я передумаю.

Этот мужчина напомнил мне меня самого, так как выглядел он крайне плохо, а вот голос... судя по голосу, он был как бы не младше меня.

– Пойми, – андроид приблизился к пленнику, – время – это последнее, что тебя должно беспокоить, – его гулкий и тяжелый голос зазвучал на дичайшем контрасте. – А теперь

начинай с самого начала. Ты же помнишь, что рассказывал мне?

– Я вмазан был! Я и тебя не помню! И вообще, что я тут делаю?! Вы не знаете, с кем связались! – он начал дёргаться в крайне жалких попытках ослабить узлы.

– Как же... Думаешь, не знаем? – Андроид улыбнулся. – Тебе двадцать два. Приехал сюда, чтобы поступить на инженера электротехнических конструкций, но с позором вылетел с первого курса из-за привычки шляться по барам за копейки, зарабатываемые бариста.

Наш друг был живее всех живых, и это чувствовала Правда, и это чувствовал я.

«Черт... он намного моложе меня», – подумал я.

– От... отку... да?! – простонал пленник, перейдя на сверхвысокие диапазоны звука. – Откуда ты всё это знаешь?!

– Я знаю гораздо больше, чем ты можешь догадаться. – Андроид улыбнулся так, как улыбался мистер Маммона во время словесных баталий за наши с Правдой души. Заложника тряхануло во все стороны одновременно.

– Давай так... честь по чести. – Правда приблизилась к парню и присела на корточки, чтобы поравняться с ним и посмотреть в глаза. – Ты успокаиваешься и честно отвечаешь нам на все наши вопросы, и тогда с тобой ничего не произойдёт. Договорились? – её интонация и манера были спокойны, её голос – приятно прохладен и содержал в себе решительность, коей она была лишена несколько часов назад.

– Я не доверяю этим, – он махнул головой в сторону, где стояли киборг и я. – Они меня пугают... Особенно этот... странный, – пленник использовал голову, чтобы жестом указать на искусственного человека, обретшего душу.

– Пообещай мне, – Правда провернулась к андроиду, – пообещай мне, что не тронешь его, – сказала она и проникновенно посмотрела моему другу в глаза. Этот взгляд заставил и его, и меня одновременно сказать: «Обещаю!»

День двести пятьдесят девятый.

– Мы... этот город... принадлежал... жит... ремесленникам, – проговорил пленник. – Каждый житель по-настоящему хорош в каком-то своём деле... был. Кто-то ювелир, кто-то токарь, кто-то пекарь, кто-то занимается... занимался художественной ковкой, – он спотыкался и долго раздумывал над тем, как подойти к своему повествованию. – Мы жили не то чтобы бедно, но и достатком тот уровень дохода сложно назвать. Практически все занимались самонаёмным трудом...

– Фрилансеры? – поинтересовалась Правда, грубо сбив с мысли заложника. Тот, словно влетев носом в стеклянную дверь, несколько секунд смотрел перед собой с таким видом, будто бы ему явился всевышний.

– Да... что-то типа того, – бросил он в ответ, словно нащупав эту фразу в глубине собственного сознания. – Мы были самозанятыми... по большей части. Многие также совмеща-

ли два дела, одновременно оказывая услуги в гипермаркетах и занимаясь какими-нибудь заказами.

– А кто отвечал за здравоохранение, за правонарушения и прочее? – не удержавшись, спросил я.

– В полиции работали так же, как на складах. И в больницах точно так же. Правда, раньше преступность была на слишком низком уровне, так как все жители были абсолютно вымотанными, уставшими. А вот болезни, сопровождаемые невротами, бессонницами, запоями и депрессией, были в избытке, – заложник начал говорить чуть быстрее, словно высвобождаясь от капустных листьев своей обертки.

– А «венерка»? – с усмешкой спросил я, прекрасно понимая, что проблемы, связанные с сексом и, как следствие, с половыми заболеваниями, должны быть здесь в порядке вещей... или должны были быть здесь.

– Я же уже сказал о том, что мы, жители, слишком сильно загонялись на работах, – проговорил заложник. – Не стану отрицать, что это присутствовало... но его было не так много, как белогорячных или готовых воспользоваться запасным выходом в окно... А потом здесь, неподалеку, открылся большой фармакологический центр, который предлагал большие и хорошие деньги за приём экспериментальных препаратов, вызывающих чувство эйфории и счастья. Деньги были очень приятные, и по этой причине все согласились принимать участие в разработке инновационных средств по борьбе с депрессией и тоской, – мужчина расска-

зывал с горечью в каждом слове.

День двести шестидесятый.

– Ой-ёй! – протянула Правда, которая когда-то душила и тоску, и апатию, и усталость на грани депрессии, и депрессию на грани усталости, лёгкими седативными препаратами, что так замечательно улучшали настроение и давали сил, чтобы дотянуть до конца этого и каждого после идущего дня.

– В лаборатории шли все и вели вслед за собой детей, – продолжил рассказывать мужчина. – На эту дрянь сажали всех и вся, по-доброму приправляя весь этот яд витаминными комплексами: от облысения и для эрекции для мужчин; обезболивающими и контрацептивными препаратами для женщин. Так, весь город оказался в зависимости от фармакологии.

– Мрачнюк, – выдохнул я. – И что теперь?

– Теперь? – непонимающе переспросил пленник. – А разве не видно, что теперь? – он спросил и тут же начал самостоятельно отвечать на свой вопрос: – Весь город безвылазно торчит под прикрытием государственного заказа! Нас сначала приучили к таблеткам, капсулам и порошкам, выплачивая нам большие деньги, а теперь всё обернулось таким образом: мы сами платим за то, чтобы над нами экспериментировали! Мы сами покупаем всё новые и новые лекарства, пишем рецензии и описания... Вот за что нам платят. Треть суммы от стоимости самого препарата.

– А вы не пробовали не принимать? – спросила Правда. – Всё в ваших руках, развязать этот Гордиев узел невозможно, а вот разрубить – тут всё гораздо проще...

– Нет... – резко ответил пленник. – Невозможно... ведь пастух не дурак... Пастух знает, как привязать к себе стадо, – поэтично проговорил он. – Пастух добавляет в препараты добавки, которые держат нас тут... Пастух точно знает, как обеспечить стаду два пути: на бойню или на стрижку.

– Круг замкнулся, – проговорил киборг. – Вы не можете не принимать, но и принимать не можете, – сказал он.

– Что-то вроде того... – проговорил пленник. – И нет возможности слезть с этой дряни, – он проговорил это чуть ли не плача. – Если её не принимать, становится плохо... Если не принимать никаких препаратов, становится совсем плохо.

– В каком смысле? – спросил я. – Вы чувствуете ломку или что, или как? – я не понимал, почему все повально сидят на медикаментах.

– Потому что каждого посещает такой страх, какой не хочется ощутить вновь, – проговорил пленник. – Такой страх, который на контрасте с тотальным счастьем и творческими способностями кажется концом всего сущего... Многие из нас, кто не смог обеспечить себе порцию таблеток, уже не с нами, – сказав это, мужчина он.

– Раз вы всё знаете об этом... раз вы всё прекрасно понимаете, как это работает... Почему вы не сопротивляетесь?! – спросила Правда, сознание которой взбунтовалось против

такого положения вещей.

– А в чём смысл такого бессмысленного бунта? – вздохнул пленник. – В том, чтобы собраться в одном месте и обеспечить наше быстрое устранение? И в чём смысл? Причём, подумай, в этом нет пользы для государства. Так что нас будут бить, унижать, использовать как куклы для запугивания... И что изменится? В наших жизнях станет больше боли, на этом всё и закончится, – проговорил наш заложник и повесил голову так, будто бы он отключился.

День двести шестьдесят первый.

– Эй! Э-э-эй! – я слегка похлопываю мужчину по его щекам в попытке разбудить. Он медленно поднимает голову. В его глазах густой туман, зрачки и радужки покрыты толстым слоем жидкого стекла. Мужчина медленно переводит взгляд с меня на Правду, а потом и на андроида. Ощущение такое, будто бы после этого короткого отключения от сознания в форме внешнего мира он забыл всё то, о чем мы говорили до этого.

– Таблетки есть? – спрашивает он, и мы понимаем, что мужчина всё помнит. – Дайте мне таблеток! – его колотит так, словно в него вселилась тварь из потустороннего мира и так, будто бы это нечто проходит через ритуал экзорцизма. – Пожалуйста, каких-нибудь седативных или обезболивающих... Прошу, пару дисков!... – в голосе мольба, вызванная приступом боли, которая и является той дымкой, оку-

тавшей кристаллик глаза – Хоть что-нибудь... быстро... пожалуйста!

Заложник еле сдерживает крик, вызываемый болью странной природы и неизвестной силы. Между тем, сосуды на его лице начинают плавно вздуться, словно их накачивают большим количеством переливаемой крови.

– Кажись, он сейчас завернется... – испуганно проговаривает Правда, которая не привыкла видеть человеческие страдания. Мне тоже внезапно становится не по себе, и я даже забываю о той ненависти, которую испытывал по отношению к заложнику.

– Мы ничего не покупали из таблеток? – спрашиваю я у Правды, которая обычно занимается нашей с ней аптечкой и маслами для андроида.

– Нет! – резко отвечает та. – В этот раз мы обходимся без плохого самочувствия, мигреней и простуд, – проговаривает она. – Так что нам повезло, что мы не подсели на всю эту дрянь!

– Дай карту механику, – говорю я, обращаясь к Правде и переводя взгляд на андроида. – Ты быстрее сможешь сгонять в ближайшую аптеку и взять что-нибудь там... – Я ловлю себя на мысли о сочувствии и желании помочь этому человеку. – Мы должны ему помочь, чтобы узнать больше об этом месте!

Сочувствие и любопытство переполняют мои мысли и подпитывают все мои сильные слабости. Рассудок хихикает

от предвкушения чего-то большого и странного. Психоз готов обгрызть ногти по самые пальцы. Паранойя и страх заняли сторону типа: «Меньше знаешь, крепче спишь» и умоляют не лезть в чужие дела.

День двести шестьдесят второй.

Андроид побежал на поиски аптеки, чтобы купить не столько препарат, сколько дурь, которая смогла бы унять боль и страх пленника, к которому остались вопросы. Мы с Правдой остались с мужчиной, который боролся со своими внутренними демонами, которому было больно и страшно и который был поглощен мультипликациями, что вдоволь насытили бездонное брюхо обыденности, соединившись в один сплошной психоделический поток кошмара.

– Что мы будем делать? – спросила Правда, по спине которой мерными рядами солдат шагали муравьи мурашек. – Я никогда раньше ничего подобного... точнее, подобное – да... но никогда раньше в такой странной форме... – проговорила она.

– Знаешь, – ответил я, – в моей практике вообще не было подобного. Да, я видел, как люди ловят бельчат, допившись до кондиции единения со Вселенной и танцев под колонкой, но никогда ничего, связанного с наркотой... Как-то, до этого момента, эта сторона многогранности нашей жизни отворачивалась от меня. – Я просто смотрел на мучения мужчины, и мне казалось, что я частично ощущаю то же самое, что и

он.

– И для чего мы тут остались? – спросила Правда, которая отвернулась от извивающегося, стонущего тела. – Мы ведь бессильны... и от этого так паскудно внутри... Плюс все разрывается от звуков и от того, как всё это проистекает.

– Ты права, – я грустно повесил голову и ощутил свою никчёмность. – У нас точно вообще ничего нет, чтобы дать ему? – в моих словах мелькнула надежда.

– Точно. Ничего. Нет, – проговорила она. – Здесь мы не закупаемся препаратами. Мистер Маммона снарядил нас добротной сумкой на все случаи жизни, словно заранее зная о том, что мы тут задержимся на неопределенный срок. Там даже были отличные антидепрессанты, которые, время от времени, я принимала в своём городе, чтобы заглушить тоску. Кстати, именно их я и пропивала тут, чтобы не искать крючок с подвешенной на нем курткой Бейна.

«Оказывается, она нас понимает...»

Она понимает нас намного больше, чем казалось вначале...

Правда понимает тебя напрямую, без скрытых подтекстов... вот поэтому вы... мы и идём вместе!»

Мой психоз начал восторженно вопить в моей голове, и этот звук сливался со стонами пленника и переходил в резонирующее состояние, что оглушало и пронизывало меня теплом и холодом одновременно.

День двести шестьдесят третий.

На наших глазах мужчина умирал от ломки, и это было чем-то абсолютно страшным. Даже убийство тех ублюдков со Свалки не воспринималось так... жёстко... жестоко... потому что там всё решало мгновение, без мук, а тут словно длительная, сильнейшая и невероятно ужасная пытка выбивала из хрупкого тела то, что называется душой.

– Да где же механик?! – проговорила Правда, вернувшись с небольшого, импровизированного дозора на входе в тот амбар, где был наш пленник. – Он вообще собирается возвращаться или решил скрыться, повесив на нас это тело?! – она была крайне недовольна.

Я понимал все переживания Правды. Она не хотела впутываться в столь мерзкое дело, в котором может самообратиться труп. Плюс она морально не могла выдержать того давления, которое производил корчащийся и стонущий от ломки мужчина, и, скажу честно, мне тоже было нестерпимо тяжело и хотелось уйти, но я должен был оставаться здесь, чтобы проследить за ним.

«Хорошо... он рассказал о том, по какой причине город стал таким, какой он есть, но что это за место?!» – подумал я и тут же обрёл ответ благодаря своей решимости.

«Это территория старой фармакологической лаборатории, где производились первые прототипы и дальнейшие препараты. Это то место, где проводились тесты и эксперименты над жителями города, и это то место, где был выведе-

ден один, или не один, мощный наркотик, – голос решимости говорил логичные и очень правильные вещи, в которых действительно был смысл. – И, кстати... вы уверены, что хотите накачать наркомана дурью? Вам не кажется это жестокостью?» – спросила моя решимость, которая выдвинула несколько своих догадок, которые были очень сильно похожими на истину.

«Нет... – отвечал рассудок. – Это не совсем жестокость... – У моего мировоззрения своё мнение на этот счёт. – Это необходимая жестокость... Необходимая, чтобы добыть информацию... Необходимая, чтобы выбраться отсюда... не с пустыми руками!» – мой рассудок был прав, и нам придётся пойти на этот шаг, который включал столько необходимой жестокости, сколько не унести на одних плечах... Один не сможет нормально справиться с ношей, в которой мы толкаем человека на это пластмассовое существование, по причине того, что мы не можем обеспечить ему быстрого исцелением от недуга... и по причине заинтересованности в получении информации.

День двести шестьдесят четвёртый.

– Вот вода и колёса! – слышу я крик где-то вдалеке. – Успел?!

Это наш механический друг.

– Давай бегом! – голос Правды голодной пираньей вгрызается в мрачную атмосферу, заполнившую опустошенность

склада. – Дави на свои стальные палки, иначе будет поздно! – кричит она, и я понимаю, что она различает андроида подобием чёрной точки в багровом небе рассвета.

Я наблюдаю за тем, как на глазах пленника появляются кровавые слёзы. Я слушаю его слабое бормотание, в котором содержатся мольбы и проклятия, в котором сокрыты его недетские анимационные мультфильмы, в которых его тело растворяется в кислотно-щелочной среде сознания. Я наблюдаю за этим, попутно слушая причитания, смех и ворчание моих внутренних слабостей, из которых выделяется психоз.

«На этом месте мог быть ты».

«На его месте могли быть мы».

«Ну, что... ты все ещё веришь в красоту и глубину этого мерзкого мира?!»

Последний из голосов моего психоза выбивается, задавая не самый ожидаемый из вопросов. Это провоцирует меня отвернуться от входа и вновь посмотреть на изнывающее от агонии тело.

«Кровавые слёзы... вздутые сосуды на лице, шее и руках... И это один представитель из сотен тысяч населения, – думаю я и тут же представляю один вариант развития событий, к которому примешалось воспоминание о месте, в котором я успел побывать. – Если прекратить производство и сбыт фармы, то этот город подвергнется страшному геноциду, превратив это место в подобие того города, который был

на противоположном берегу от свалки. Совершенно пустой, совершенно непригодный для жизни из-за тотально отравленной ботулинной воды и из-за мусорного ветра, что не дает сделать вдох».

Киборг пробежал мимо Правды. Стоя около тела, шепчущего что-то непонятное, я слышал работу подвески колленных суставов моего обретшего душу стального друга. Он действительно спешил на помощь. Он действительно хотел помочь и действительно хотел услышать продолжение этой истории.

– Я не знаю, что было дальше, – проговорил он в ответ на мой вопрос: «Что ты успел узнать об этом месте? Что тебе рассказало вот это тело?!»

Оказывается, в прошлый раз действие препаратов завершилось примерно на том же месте, где история прервалась и в этот раз.

День двести шестьдесят пятый.

Между нами тремя разгорелось небольшое обсуждение на тему того, в каком количестве и какие препараты давать нашему пленнику, чтобы случайно не обдолбать его в дым, чтобы оставить в сознании и хотя бы немного успокоить его мучения. С нашей стороны такая дискуссия была не самым лучшим и не самым умным решением, так как человек, привязанный к облупленной колонне, умирал. В итоге мы решили начать с минимальной дозы в виде одной таблетки обезболи-

вающего и одной таблетки антидепрессанта, так как, с одной стороны, этого должно было хватить, чтобы притупить боль и приостановить адские мультики, с другой стороны, этого было слишком мало, чтобы накурить заложника. Что самое смешное, в итоге, мы ошиблись, и заложник потух практически на четыре часа.

– Твою ж... – ругнулась Правда, поняв причину такого быстрого отключения от матрицы под названием «реальность». – Это ж как у алкоголиков... – она прокашлялась и громко сплюнула мокроту в пыль на бетонном полу. – Чуваки... заканчиваем со всем с этим... снимаем с карты столько, сколько потребуется, и валим отсюда так далеко, как только можно... Кажись, меня атакует простуда или вирусняк какой-то...

Я выдал целый монолог негодования, искусно обличённый в разнообразные выражения, значения которых, в рамках собравшейся компании, знал только я. Можно сказать, что я использовал диалект для полнообъемного описания чувств своего крайнего расстройства. Правда и андроид лишь косо посмотрели на меня.

– Может, развяжем его и оставим здесь? – спросила Правда. – Жизнь его уже наказала... авансом, так сказать... – она пожалала плечами.

– Неужели тебе не интересно узнать, что тут творилось? – спросил андроид, который вёл себя как маленький мальчик, ожидающий цирковое представление.

– Не особо... – она отвернулась, чтобы мы не увидели, как её лицо исказилось от омерзения и к мужчине, и к нам, и к событиям. – Мужики, честно, вообще ничего больше не хочу знать об этом месте... Я просто ненавижу этот город за все его грехи, которых здесь, возможно, даже слишком много.

– Что будем делать? – спросил я у механического друга, на лице которого виднелась странная смесь из осознания, разочарования, бесконечного любопытства и совершенного непонимания того, почему Правда так на все реагирует.

«Да, он обрёл свою душу, – подумал я, посмотрев на киборга. – Да, он стал настоящим человеком в искусственном теле... Но он пока что не знает, насколько сложно устроена система мышления и насколько хаотично образование причинно-следственных связей».

День двести шестьдесят шестой.

В мясо простуженная Правда на руках андроида. На моих плечах по сумке. Мы идём в банк, чтобы снять денег, и на автовокзал, чтобы разжиться билетами до следующего человеческого оплота. Мы идём в тишине и перевариваем сказанное мужчиной, когда тот пришёл в сознание и вновь принялся отвечать на наши вопросы.

– Что это за склады? – протянул тот, не совсем осознавая, где он находится. – А-а-а... это наш небольшой токарно-слесарный заводик, – проговорил пленник. – В прошлом – наша основная торгово-промышленная площадка. Можно

сказать, что тут работали все жители... С утра до вечера и с ночи до утра здесь обеспечивали себя самозанятостью. Я же уже говорил о том, что денег у нас, у жителей, практически не было, и люди задыхались от усталости и тотальной депрессии, – он запомнил наш разговор, потому что мы обеспечили его минимальной дозой фармы, необходимой для подавления ломки, пусть и обдолбали его до потери сознания. – Так что это – остатки прошлой жизни... разграбленные... вычищенные до основания... Ещё раньше был проект по реорганизации, но потом лаборатории выкупили территорию, и организовался вот такой вот замечательный пустырь. Кстати, сюда не принято приходить, – сказал мужчина. – В этом месте чувство тоски и желание вернуть всё на те места, где всё и было, усиливается. Мгновенная апатия и тоска скручивают нутро и... даже вечный кайф, обусловленный постоянными таблетками, не помогает... не спасает...

– Ты думаешь, мы правильно поступили, отвязав его? – спрашивает мой друг. – Ведь... надо было сдать этого нарика в отделение! – он не понимает логики нашего с Правдой решения.

– В этом нет смысла, – сказал я. – Мы чужие здесь и, как бы ни было паршиво, мы слишком слабы, чтобы повлиять хоть на что-нибудь. Посмотри, даже все вместе жители этого города не способны оказать влияние на обстановку.

– Какие же вы, люди, слабые и разобщенные, – произносит киборг, сканируя меня своим осуждающим взглядом.

– «Человечество» уже давно не заикается про объединение... «Человечество» уже давно трубит о том, как скрыться от окружающих в персональном пространстве, полном собственного упадничества, – произношу я и чувствую весь пафос сказанного, и от этого становится тошно, это вынуждает прибавить к вышесказанному. – «Человечество» – это знание о том, как прикидываться разумным существом, предполагая свое величие... – немного помолчав, я проговариваю: – Как же я мерзок.

– Почему? – удивляется андроид.

– Потому что даже это звучит с большим пафосом, чем предыдущее... и это мерзко, – отвечаю я, чувствуя себя куском дерьма.

День двести шестьдесят седьмой.

Мы совершили все те действия, что планировали совершить накануне. Наконец мы устроились в автобусе на противоположном полюсе от водилы. Ехать предстояло двадцать три часа. Правду колбасило от сильнейшей простуды. У неё был жар, вышибающий холодный пот из пор, тяжёлое дыхание из лёгких и редкие стоны, вызванные выкручивающимися от высокой температуры суставами. Мне и андроиду было страшно за нашу подругу. Нам было обидно в очередной раз быть бессильными. Мы даже предлагали взять для неё что-нибудь от простуды, и это при том, что мы понимали идиотизм нашего предложения.

– Вы совсем, что ли... фанаты пить зелёнку?! – спросила она после нашего крайне дурацкого предложения.

– В смысле? – андроид дернул головой из-за незнания или непонимания применения некоторых устойчивых выражений и идиом.

– Есть высказывание такое... – буркнула Правда и посмотрела на обретшего душу механического друга. – Если ранка в голове, надо пить зелёнку, – пропела она с издёвкой в хрипящем от простуды голосе.

– Не понял.

Наш друг ещё раз мотнул головой и уставился на меня в надежде на более детальное разъяснение.

– Не парься, – единственное, что я смог ответить. – Она имеет в виду, что мы несём чушь, а должны нести её... – ляпнул я и тут же пожалел об этом.

– Что?! – хихикнул пере-недочеловек. – Что ты сказал?!

Наш друг был бесконечно умён, будучи маленьким ребёнком. Он только начал познавать этот бесконечно унылый, по-Мариански бездонный и красивый мир.

– Не парься... – сказал я. – Просто не парься, – я махнул рукой. – В сказанном, кроме дружеской усмешки, ничего нет. Так что не думай об этом слишком много.

В итоге мы так и не купили никаких лекарств для Правды, понимая опасность такого решения, особенно в связи с тем, что всплыло об этом городе, как тело в мёртвом море. Так что терпение – единственное, что ей оставалось... це-

лых двадцать три часа дороги и ещё несколько часов, пока мы не найдём место для временного ночлега и аптеку. Думая об этом, я мысленно вернулся в город цветов и фруктов и вспомнил то количество пенициллина, которое поглотил мой организм.

«Хорошо, что органы не отказали», – подумал я, после чего достал из кармана билет и посмотрел на название следующего города.

День двести шестьдесят восьмой.

Правда потихоньку бредит во сне. Правда нашёптывает и хрипит страшные истории про наш невероятный мир. Правда даже не до конца понимает того, что с ней происходит. Правда изредка приоткрывает свои удивительные глаза, охватывает своим взглядом салон душного автобуса и, сказав что-то в стиле: «Да ну нахер!», вновь проваливается в состояние на грани с кошмаром, намазанным, как масло на хлебешек реальности и присыпанным сладким сахарком грёз и не одухотворяющей реальностью.

– Как только окажемся в городе, нам надо найти больницу, – произношу я, обращаясь к андроиду. – Сами, увы, мы не сможем помочь... Так что нам придётся снять ещё немного с карты и быстро искать халтурку.

– Ты намерен вернуть всё до единой йоты? – мой друг внимательно смотрит на меня. – Ты уверен, что в этом есть смысл?

В его взгляде любопытство и взвешивание моих слов. Андроид ведет себя очень странно, из крайности в крайность. Его бросает от интеллектуального развития ребёнка с такими же эмоциями и таким же умением владеть собой до состояния мудрейшего старика, постигшего все тайны пустоты, окружающей его, и пустоты, которой он наполнен.

– Да, – честно ответил я. – С самого начала я попросил Правду не использовать эту карту и, поверь, если бы не её присутствие в нашей замечательной компании...

Андроид меня перебил.

– То и карточки не было бы, и использовать было бы нечего, и нам бы пришлось бы некоторое время пожить бомжами, – хихикнул он. – Такое уже было. Через такое мы с тобой уже прошли... И, кстати, не факт, что были бы мы... Скорее всего, ты шёл бы один, с моей головой в мешке, как ты говорил, привязанном к поясу.

– Вот именно, – сказал я. – Мы бы не стали использовать средства... какие бы то ни было. Мы бы заработали и начали все с чистого листа, как бы тяжело это ни далось бы нам, – проговорил я и подумал: «Как-то слишком много «бы».

– Ты хочешь сказать, что так лучше? – спросил мой друг. – Вот лично я вообще не вижу смысла в таком подходе... Если есть возможность, почему бы её не использовать? – спросил андроид.

– Потому что это не то, что можно или нужно использовать. Чтобы добиться чего-то, необходимо использовать

только себя и свои силы. Тогда твой путь будет самодостаточным. Если же всё время просить о помощи... проще сразу заклеить себя слабаком, – проговорил я и вновь выругал себя за пафос.

– Какая-то искажённая у тебя логика, – проговорил киборг. – Я этого не понимаю...

– Я тоже, – честно ответил я. – Но другой у меня нет... и вряд ли будет.

День двести шестьдесят девятый.

– Где деньги, грёбаный хиппи?! – слышу я разъяренный крик из динамика телефона моего кибернетического друга. – Я иду вам навстречу! Я помогаю вам в вашей сложной ситуации, и вот как вы мне отплачиваете?! – голос полон ярости, негодования и обиды.

– Так... мы так и не въехали, – отвечает киборг. В его голосе ошеломление, непонимание и внезапное воспоминание того, о чём он забыл.

– В смысле? – теперь непонимание звучит в трубке, но с прежней манерой, с прежним наездом и яростью в каждом звуке. – Вы живёте в моей квартире и отрицаете это?! Как вы наглецы!

– Нет, серьёзно! – теперь возмущение появляется в голосе моего друга. – Вы можете узнать у консьержа, которому оставили ключи! Мы их так и не взяли и так и не въехали заново! Мы сейчас в автобусе, едем в совершенно другой го-

род! – андроид сдерживается, чтобы не перейти на подобие крика.

– Тише, – говорю я. – Правда только уснула... в смысле, нормально уснула... Ей нужен покой, учитывая тот факт, что больше пока что, = мы ни чем не в силах помочь, – прошипел я, отругав киборга, как ребёнка, погрозив пальцем. В этот же момент очеловеченного робота атакует другой источник звука.

– Да?! Эм... Ладно... – ярость быстро сменяется задумчивостью. – Но если ты меня обманываешь! Я тебя и твоих друзей найду и превращу в самое дерьмовое удобрение, которое только можно придумать! Ты всё понял?! Всё понял, нет?!

– Звоните консьержу, – холодно отвечает мой друг и сбрасывает телефонный вызов. – М-да... не очень хорошо получилось, – говорит он и смотрит на меня. – Вот как оно бывает... когда забываешь ставить пометки из-за всех этих ваших человеческих эмоций и чувств... – меня удивляет то, как он перескакивает с одной интонации на другую. Мне до сих пор не верится, что человекоподобная машина может так... Я до сих пор вижу в своем друге бездушную компиляцию плат и конструкций, и от этого мне стыдно.

– Да... мы, люди, такие... – говорю я в ответ, прекрасно осознавая его чувства. – Нас очень легко сбить с мысли, подкидывая что-нибудь в топку нашего разума, который распыляется не столько на обдумывание, сколько на генера-

цию эмоций, связанных с мировоззрением, личным опытом и ещё чёрт знает чем шёлковыми красными ниточками... Мы тратим слишком много ресурсов на это... – эти слова я говорю практически шёпотом.

Последнее, сказанное мной, является практически откровением самому себе.

День двести семидесятый.

Ночь. Безоблачное небо. Разноцветные точки звёзд. Холодный воздух и запах табака, проникающий в салон автобуса со стороны водителя. Шуршание двигателя в абсолютной тишине. Стены одинаковых зданий по обе стороны со звёздным небом окон. Машины, припаркованные согласно разметке, точно и чётко. Совершенная чистота. Кажется, что пыль в этом месте не оседает вовсе.

Свет, испускаемый фарами общественного транспортного средства, отражается от витринных стекол. Манекены неподвижно стоят и пялятся на наш автомобиль, который нарушает здешнее спокойствие в желании попасть в своё депо и уснуть после проделанной работы.

Правда недавно проснулась и смотрит в окно. Её внешний вид не внушает доверия, и нам кажется, что мы уже не успеваем спасти её от внезапно вспыхнувшей болезни. Я смотрю на неё и наблюдаю, как она положила свой подбородок на краешек ладони. Я смотрю, как Правда удерживает свою голову, свои плечи и спину, доверив добрую половину свое-

го тела небольшому клочку плоти чуть выше или чуть ниже запястья... тут как посмотреть.

– Эй... как ты? – спрашиваю я у Правды, которая без воодушевления сверлит взглядом витрины магазинов, выполненные в стиле минимализма.

– Никак.

Я чувствую приближение снежной королевы, что тянет за собой шлейф лютых морозов и ощущение последнего дня жизни на Земле.

– Ты не можешь чувствовать себя «никак». Никак – это ничего не чувствовать вообще, а я вижу, что температура твоего тела тридцать восемь с половиной градусов и это далеко не стандарт для хорошего самочувствия, – с заумным видом замечает киборг, который больше заинтересован наблюдением за нами и за другими пассажирами нашего рейса.

– Отвали, – отмахивается Правда. – И если ты ещё раз попробуешь просканировать меня... даю слово, засыплю тебя либо сахаром, либо песком и разобью твою зарядку о твою голову.

Её зубы скрипят на нескольких словах. Правда отворачивается и вновь принимается наблюдать пустые, размеренно нарезанные прямоугольниками дома, образующие районы и этот город, название которого пока что полностью соответствовало тому, которое было указано на наших билетах.

«Что-то мне подсказывает, – думает Правда, – здесь будет очень нелегко», – она смахивает капельки холодного пота со

лба и прикрывает глаза от лёгкого головокружения. Ещё через пару минут она проваливается в глухой сон, заставляя меня и киборга по прибытии в это место бегать в поисках помощи.

Город Тишины

День двести семьдесят первый.

– Да что ж такое?! Почему?! Почему нас все время преследует адреналиновый демон?! Почему мы в постоянном истерическом тонусе и постоянно не имеем понятия о том, что делать?! – вполголоса ругаюсь я.

«Да ладно тебе!»

«Наслаждайся этим танцем безумия!»

«А не об этом ли ты мечтал, покрываясь мхом и плесенью в своём офисе?!»

Мой психоз ржёт надо мной. Вместе с ним в глумлении принимают участие рассудок и паранойя.

«Наслаждайся жизнью! Наслаждайся дорогой разрушения! Наслаждайся саморазрушением!» – рассудок перебивает психоз, вклиниваясь в его нескончаемые речи. В моей голове приятное покалывание. В моей груди такое количество необходимого для жизни газа, что кровь, пульсирующая чаще и сильнее обычного, не способна вместить в себе такое количество жизненно важных частиц.

«Подумай над тем, что будет дальше! Подумай о себе, о своём собственном самочувствии», – нудит и этим глумит-

ся надо мной паранойя. Она прекрасно понимает, что меня выводит из себя её поскуливание, она прекрасно знает, что я начинаю нервничать, чем усугубляю своё состояние.

– Да где же эта сраная больница?! – рычу я, обращаясь к механическому другу, на руках которого лежит Правда, чьё тело колотит от лихорадки. – Ты точно запомнил маршрут?! Или мы уже пронеслись мимо и сейчас топим в обратном направлении?!

– Мы движемся в правильном направлении, – раздражённо отвечает мой друг, чьё тело достаточно тяжело шуршит подшипниками и клапанами во время бега. – Поднажать можешь?! Ей совсем плохо! Температура под сорокет! – в голосе моего друга страх за Правду и сильное желание помочь.

«Давай! Слабак! – моя решимость врывается в праздник, разведённый частью моего расслоенного «я», выбив абстрактную дверь с ноги и раздав пару прямых. – Быстрее, я сказал тебе, ты, гнида бесхребетная!» – это те самые, самые действенные слова, подчиняющие себе волю и использующие все ресурсы ленивого организма.

– Дава-а-ай! – вырывается крик из моего горла, и темп бега резко увеличивается. – Пошевеливайся, дровосек! – кричу я своему другу, чьё огромное и массивное тело не тащит такой скорости.

– Ищи больницу! – кричит он мне.

Я слышу отчаяние в его голосе, и это становится ещё одним поводом, чтобы не сбавлять скорости.

«Мы спасём тебя, родная, – не только я, все мои внутричерепные ангелы и демоны думают об этом. – Мы дойдём до конца... вместе!»

День двести семьдесят второй.

Пустые коридоры, разделённые вдоль по полу и потолку одной мятной и одной белой полосой. Совершенная стерильность и полное отсутствие потухших или жутко моргающих ламп, и от этого не по себе... это заставляет задуматься и напрячься. Изредка встречаются кью-ар коды, приемлемо вписанные в стиль «минимал» далеко не маленькой больницы. Ещё кое-что интересное, что вводит в небольшой ступор: наличие замков под ключ-карты и интерфейсов для сканирования штрих-кодов.

– Как тебе регистрационная? – спрашиваю я у друга, который поспешными шагами идёт в назначенный кабинет с табличкой один-два-три и несёт на своих руках тяжело дышащую Правду.

– Изоляция тех, кто работает на первом этаже и постоянно контактирует не с одной сотней больных – это достаточно логичное и, в некоторой степени, прагматичное решение, – отвечает мой друг. – Так сотрудники данного заведения практически не подвергают здоровье опасности. Поэтому удалённый формат работы в регистрационной больницы, как мне кажется, не самое плохое решение.

Находим тот самый кабинет. Подношу бумажку, распеча-

танную на рецепции, комбинацией линий разной ширины к анализирующему устройству. Через секунду раздаётся щелчок, и дверь автоматически открывается, приглашая нас зайти внутрь.

– Здравствуйте, – произносим мы с киборгом в унисон. – Док! Нашей подруге совсем плохо... уже с пару дней, – начинаю рассказывать, не сводя глаз с Правды, которая выглядит совсем плохо.

– Хорошо. Кладите на кушетку, разберёмся, – слышу я приглушённый голос врача и поднимаю глаза, чтобы изучить источник волновой вибрации.

Глаза раскрываются так, будто бы я выспался, будто бы усталость покинула моё тело, захватив с собой психоз и годы тоски, нажитые в городе Грусти. Я вижу кушетку в центре. За ней стеклянная стена и чуть дальше стоит мужчина, завёрнутый в костюм вирусолога с полным комплектом средств индивидуальной защиты.

– Оставьте девушку на столе и отойдите в другой конец комнаты, – произносит мужчина, и нам ничего не остаётся, кроме как следовать его указаниям. Мы быстро выполняем его требования и отходим к двери.

– Не зря меня напрягли чехлы на обувь, одноразовые халаты и маски, – обращаюсь я к киборгу, на котором данные атрибуты смотрятся комично, после чего возвращаю взгляд на Правду. – Ты поправишься, девочка... Мы сделаем всё, чтобы ты поправилась!... – шепчу я. При этом кулак сжима-

ется с такой силой, что линии на ладони заполняются красной юшкой.

День двести семьдесят третий.

Обследование Правды не заняло много времени, и по окончании наша подруга была быстро госпитализирована, а мы были брошены на улицы на поиски нового временного места проживания. Это оказалось не такой лёгкой задачей, потому что не было никого, у кого можно было бы узнать, куда пойти, к кому обратиться по поводу жилья.

– Чет, знаешь, мне не очень доставляет этого город, – сказал я, посмотрев на кибернетического друга, лицо которого содержало вопросительную гримасу.

– Этот город полностью соответствует своему названию, – на выдохе ответил андроид. – Я даже не знаю, что придумать... не знаю, куда мы можем пойти, чтобы спросить о помощи... и в базах данных нет никакой информации! Это очень странно.

– У меня есть одна мысль, но я не уверен... – мои брови скатились к переносице. – Мы можем пойти в местное отделение полиции... такое должно быть здесь... и там попробовать узнать хоть что-нибудь о том, как найти временный ночлег.

Я почесал затылок в попытке понять, нравится ли мне то, что я предложил.

– В этом есть смысл, – пожал плечами андроид. – Но вот в

чем проблема, – он посмотрел вокруг себя. – Кроме редких витрин магазинов с манекенами... эм... короче, ты хоть что-нибудь видишь, помимо растущих вверх серых, совершенно одинаковых зданий?

Мы стояли посреди пустой улицы... точнее, она была наполнена, с переизбытком... пустотой. А вот мы были переполнены нервами и переживаниями о том, что делать и как быть дальше. Даже все мои сильные слабости замерли в ожидании. Они тоже не понимали, стоит ли им глумиться, поддерживать, становиться на оппозиционную сторону или же разделить на несколько лагерей в моей голове и развести громкое обсуждение.

– Этот город в полной мере оправдывает своё название, – проговорил я, вспоминая название на путевом билете. – Тишина здесь повсюду... – я развёл руками и тут же понял следующее: везде, повсеместно, я вижу одно и то же. – Подожди... а что значат все эти аккуратно вшитые в окружение кью-ар коды?!

Я достал телефон и просканировал один из пиксельных шифров. Меня перекинуло в интернет-магазин приложений на страницу под названием «Хикикомори». Для интереса я скачал и запустил программу.

– И что это? – андроид решил повторить за мной, и примерно через минуту мы пялились в интерфейс, где была представлена полная и исчерпывающая информация об этом месте. Также, с помощью этого приложения, мы нашли ноч-

лег и даже вызвали такси. Единственное, что меня во всём напрягало: деньги с карты испарялись как кислород, попавший в среду горения.

– Ты понимаешь, что мы вернём все, до единой йоты? — спросил я, обратившись к киборгу. Тот посмотрел на меня так, как смотрят на психа за решеткой, после чего согласно кивнул. Он понял, что в этом случае с моей решимостью спор короткий: либо сделать так, как сказано, либо меня придётся закопать.

День двести семьдесят четвёртый.

Мы, не без труда, нашли квартиросъёмщика и заселились в... боксы... каждый в отдельный. Всего четыре стены, дверь в небольшое пространство из таких же четырёх стен, с унитазом с одной стороны, душем над дверным косяком и дырой в центре этого санузла. Основная комната шиковала матрасом на полу, столом с компьютером и наушниками, игровым стулом и небольшим окном метр на метр, которое больше напоминало форточку. Ещё под потолком висела небольшая сплит-система, которая, как и всё здесь, отливала белизной.

Встреча с арендодателем была крайне странной. Мы приехали по адресу, набрали на домофоне необходимую числовую комбинацию и дождались ответа.

– Кто? – голос звучал нотками испуга и презрения.

– Мы к вам по поводу объявления о сдаче в аренду, – ответил я. – Нам нужна квартира на троих.

На самом деле, в объявлении было написано что-то невразумительное о трёх боксах. Я думал, что речь идёт как раз о трёхкомнатной квартире. Плюс я надеялся на скорое возвращение Правды в наши ряды. В тот момент я не догадывался, насколько я не прав.

– Есть три бокса, – нервно проговорила женщина. – Берёте или нет?

– Нам надо остановиться... – проговорил киборг. – Мой аккумулятор скоро передаст привет... И если это случится, я не знаю, как ты будешь таскать все это великолепие на своём горбу.

Мой друг постиг умение смешивать иронию и сарказм.

– Сколько? – скупно спросил я, после чего выслушал небольшую речь про одинаковую стоимость каждого бокса и о том, что у арендодателя больше нет свободного времени на обсуждение. Пришлось согласиться. Только после этого дверь подъездного блока открылась.

– Двадцать третий. Чем быстрее, тем лучше. Я подготовлю бумаги, – проговорил одновременно обрадованный и раздражённый женский голос.

Мы поднялись на этаж. Там нас ждала девушка средних лет в крайне плохой физической форме и с крайне запущенным внешним видом. Она протянула нам бумажки, это были контракты на временное пользование жилплощадью в городе Тишины. Также девушка потребовала расплатиться с ней на месте, за две недели вперед. Пришлось попросить её

немного подождать, чтобы была возможность стонять к ближайшему банкомату и снять необходимую сумму.

«Откуда... Правда... откуда у тебя столько денег?» – вот о чём думал не столько я, сколько задавались этим вопросом все мои сильные слабости, так как объемы её счета казались безграничными. Меня же это только пугало, так как я вёл точный подсчет того, сколько мы обязаны вернуть ей, и к этому моменту сумма перевалила за две моих годовых зарплаты, которые я получал в своем городе Грусти.

День двести семьдесят пятый.

Мы нашли подработку. Самую грязную для этого города. Самую тяжёлую. Самую дерьмовую, какую только могли представить себе местные жители, самую не престижную, но за которую неплохо накидывали на карман. Причём, после каждой смены. К тому же это была наличка, которую мы раскидывали на четыре небольших кучки: всё для Правды; наше, ущербное для нас, проживание; выплата долга; дальнейшее путешествие туда, где нас не ждут, где никто не знает о нашем существовании.

Я стал курьером. Примерно девяносто процентов времени из ста я мотался по этому немаленькому городу, состоящему из одинаковых блоков зданий серого цвета. Я слушал тишину, которая пробирала до самых костей и будоражила внутри меня то самое, что я оставил в своём городе Грусти. Я чувствовал одиночество. Тотальное, страшное. Оно пользо-

валось логикой пустоты, и каждый раз, когда я начинал смотреть в сторону одиночества, оно смотрело вглубь, внутрь меня, и своим стеклянным взглядом приковывало к себе все мои сильные слабости... В особенности оно завлекало психоз, который становился сумрачным, тёмным, тяжёлым, наполненным внутренним мраком.

«Посмотри на эти Башни Мокши!

Посмотри на эти замечательные самозахоронения, которые выросли до небес.

Просто посмотри на то, как люди любят закрываться в ящики, чтобы существовать там вплоть до самого последнего своего дня, который ни чем не отличить от множества предыдущих!»

Вот о чём нервно бубнил мой психоз. Он каким-то образом смог подавить и рассудок, и решимость, и нерешительность, и страх, и паранойю, и уселся на трон всевластия над моими мыслями.

«Ты вновь пялишься в монитор и смотришь изображения сквозь своё отражение!»

Ты вновь стараешься не замечать самого себя, ты вновь подавляешь свою натуру психопата и смотришь... смотришь сквозь... насквозь...

И думаешь о самом прекрасном виде йоги, так называемой, йоге в гамаках... Ты помнишь, как пытался начать заниматься такой и каждый раз тебя вытаскивали из петли?!»

Мой психоз искусно действовал мне на нервы. И я хотел

бы избавиться от одиночества, внезапно вторгшегося в мою жизнь, но Правда боролась с болезнью, а киборг пропадал в складских помещениях. Сейчас наше трио задыхалось от того замечательного, угнетающего чувства, которое скрутило наши души.

День двести семьдесят шестой.

«Ты знаешь, что такое синдром икурунджи?» – мой рас-судок нервно хихикает, обращаясь ко мне посреди ночи, ко-гда уставшее тело ноет от боли.

– Заткнись, – наедине с собой я могу не скрывать свой го-лос, поэтому отвечаю вслух своему надоедливому собесед-нику, которого нет на самом деле.

«В двух словах: чувство обреченности», – практически мурлычет часть меня, заставляя голос слегка шипеть и при-свистывать. Такая манера словно сминает кожу на спине, со-кращая расстояние между клетками.

– Мне неинтересно, – отвечаю я, заранее предчувствуя, что ничем хорошим этот разговор не окончится. – Моя ин-туиция редко ошибается... – соскальзывают с моих губ сло-ва, так же легко, как соскальзывают признания о потаённом с пьяных губ.

«Многие, кто был подвержен этому синдрому, настолько уверовали в свою смерть, что просили их убить... быстро, одним лёгким движением. А всё из-за того, что мышцы сво-дило судорогами, а внутри появлялось ощущение, что всё

потеряно», – говорит мой рассудок, и я сразу вспоминаю о пленнике и о том, как плохо ему было во время ломки. Мой мозг сразу сопоставляет эти факты, не обратив внимания на те, к которым вёл мой рассудок.

На некоторое время мои мысли очищаются и воцаряется приятная тишина, в которой я надеюсь найти нить, что привела бы меня в царство снов, но рассудок вновь появляется, чтобы потравить мою душу.

«Подумай... просто подумай об этом... – говорит голос в моей голове, после чего замолкает на некоторое время, чтобы потом продолжить: – Чувство обречённости, – рассудок решает продолжить раскручивать этот клубок. – Неужели ты не чувствуешь обречённость... Неужели ты не ощущаешь её, в этом городе Тишины?»

– Заткнись... – произношу чуть громче, после чего слушаю долгий звон угасающего голоса. – Не мешай мне отдыхать... Завтра долгий и очень тяжёлый день! Не мешай мне... Ты всё понял?! – мои слова направлены к рассудку, который в очередной раз утих в моей голове.

– То есть... к самому... себе?... – произношу я шёпотом. – Не-е-ет... ты не сможешь поймать меня в такую простую ловушку, – проговариваю я, после чего в очередной раз погружаюсь в кромешную субстанцию ночи.

«Обречённость этого места в каждом сантиметре башен Мокши... в которых обитают местные, которых ты наблюдаешь по долгу своей подработки... и ты тоже находишься

на одной из полок одной из башен, – мой рассудок получает кайф, изводя меня. – Можно сказать, что ты наконец занял положенное тебе место!»

День двести семьдесят седьмой.

Мой город Меланхолии воплотился во мне вновь, только иначе... Мой город Меланхолии показывает, как мне привозили жратву, как доставляли те самые послания... цветочные шифровки с тайным смыслом. Я смотрю в пустой потолок, который смешивается со стенами из-за своей совершенной белой монотонности. Я смотрю в одну из стен трёхмерного пространства и ощущаю себя одной из граней... лишней для этого дивного мира. Я смотрю в потолок, подложив руки под голову, и вспоминаю, каким я был, вместо того, чтобы спать и восполнять силы перед очередным днём покатушек, побегушек по пустому городу. По пустому городу, в котором слишком много моих мыслей, что звучат в эфире психоза и других моих сильных слабостей, что кишат во мне.

«Послушай... эй, послушай!»

Ты же понимаешь, что на самом деле, в твоей голове есть только ты и я... в твоей голове только я и ты.

Ты же понимаешь, что мы делим одно тело на двоих и мы вынуждены сосуществовать... хочешь ты этого или нет...»

Мой психоз вошёл в состояние апатии и вышел на путь, предвещающий дорогу разрушения нас обоих. Я это понимаю, потому что такое уже было раньше... и неоднократно!

Поэтому, чтобы в очередной раз не встать перед зеркалом, чтобы в очередной раз не уставиться на своё искажённое моим восприятием отражение, я покидаю куб своего проживания, чтобы увеличить количество измерений собственно-го гиперкуба ощущений себя и мира, сворачивающегося до точки фокуса.

Я иду по идеальным улицам и смотрю в идеальные окна, из которых выглядывает мерцающий палитрой полумрак. Все из-за того, что жители этого места предпочитают находиться в темноте перед широкими полотнами мониторов и всматриваться в виртуальное пространство.

«Ведь я был таким же, – думаю я, не наблюдая ни припаркованных машин, ни случайных прохожих. – В сравнении с моим городом Меланхолии, это место – оно как мавзолей... Не зря башни Мокши – это первое, о чём я подумал...»

«Как думаешь, – появляется голос рассудка, – кто из вас больше мёртв? – рассудок приготовил какую-то пакость. – Ты или они? – рассудок правит моим телом, рукой проводя по воздуху и поворачиваясь на месте. – Кто из вас больше мёртв: ты или жители этого прекрасного места?!» – спрашивает рассудок, и я знаю правильный ответ, но специально отвечаю так, как этого хочется мне.

День двести семьдесят восьмой.

На поглотивший нас город Тишины опустился плотный туман, накрыв собой не только мини-мавзолеи утрированно-

го, сконцентрированного человеческого Настоящего в формате сетевого одиночества и аскетизма, но и улицы, по которым я вынужден двигаться от точки до точки. От одного креста к другому... Почему-то я чувствую себя смертью, посещающая заказчиков жратвы, продуктов, электроники, парфюмерии и фармакологии.

Как это происходит: стук в дверь; затем ещё один, громче; третий; четвёртый, после которого обычно выползает то, что надо бы назвать человеком, но не получается; перед тем, как показать свой лик, существо осторожничает, неловко подавая голос вопросом: «Кто?». В ста процентах случаев из ста я отвечаю: «Здравствуйте. Ваш заказ». Череду щелчков открывающихся замков и откидывающихся щеколд звучит автоматной очередью в совершенно белом коридоре, наполненном мной и тишиной; дверь приоткрывается, и из-за куска дерева показывается фрагмент бледного лица с чёрными мешками под глазами, протягивается рука с крючковатыми пальцами, жадно рыщущими в поисках того, что человек назовёт «мое»; затем дверь закрывается на несколько минут: если это проверка полученной электроники, то мне отдают коробки, если я доставляю белки, жиры и углеводы, то мне отдают пустые бумажные контейнеры... Короче, моя обязанность – дожидаться, когда мне вынесут мусор; после приёмки утиля я предоставляю документы на подпись и только после этого могу отправиться к следующему кресту.

«Я как смерть в Лимбо, что посещает коматозников и про-

веряет их готовность отправиться дальше. Именно поэтому мои адреса как кресты на карте, – думаю я, поднимаясь к очередному заказчику. – Символично, не так ли?» – из меня вырывается, возможно, не самая уместная усмешка, которая провоцирует психоз.

«Ты не смерть, ты всего лишь кретин, который преувеличивает свое значение в этом мире.

Знаешь, есть такое понятие «превозмогай себя до гения». Так вот, к тебе оно не имеет никакого отношения, потому что ты – всего лишь пустое место, старающееся занять как можно больше места в чужой судьбе.

Нет-нет-нет... это прикольно! Хоронить каждого неудачника, что впитывает в себя холодные гаммы мониторов и жадно пожирает глазами чужую жизнь, лишь мечтая о собственной, настоящей, которую так страшно начать!»

День двести семьдесят девятый.

Туман обосновался в городе Тишины подобно тому, как тёща в некоторых семьях. Туман обустроил своё местожительства и уже неделю не покидает город немых высоток. Туман погрузил меня в мир виртуальной реальности, запущенной на слабом железе. Такое чувство, что я играл в самый нудный из симуляторов с критически минимальными настройками. Поэтому окружение отрисовывалось только на метр и только в той стороне, куда направлена моя дурная головушка – рассадник психологических патологий.

В какой-то момент, сквозь эффект размытия и наложения текстуры, откуда-то сверху, посыпались капельки холода, и я мог бы сказать, что это был дождь, но меня не покидало такое чувство, словно жители башен, учуяв погоду своего сердечного ритма, впервые за долгое время решили открыть окна и выглянуть изнутри своих белоснежных камер. Выполнив череду действий из постановки на паузу работы, игры, сериала, трансляции; из отрывания своей задницы от комфортабельного кресла класса люкс; из нескольких шагов в сторону окна; из открывания этого окна... Жители наконец выглядывали из кондоминиумов и делали вдох, всматриваясь в туман.

«Они смотрят вглубь своих собственных жизней, – сказал рассудок. – Они смотрят в непредсказуемую серость и видят одну дорогу...»

– Какую? – спросил я, не до конца поняв, что именно хочет сказать мой рассудок.

«Дорогу в никогда, в никуда... – сказала моя решимость. – Они никуда не идут, поэтому они смотрят в никуда. И, смотри, эти холодные капли... это не дождь...»

– А что это? – я не мог понять свои собственные мысли, что шагами Гулливера обгоняли жалкие потуги лилипутов.

«Это... их... слёзы?... Слёзы, – проговорила моя нерешительность сначала с вопросительной интонацией, а потом с недосказанностью. – Это не дождь, это слёзы пустышек... – добавила одна из моих главных и сильнейших слабостей. –

Даже проживая семьями, и ты это видел, жители этого города рассасываются, разбиваются по углам, чтобы влачить своё существование, полное недоверия, сомнений и персонального пространства».

– Откуда ты знаешь, что это слёзы? – спросил я у своей нерешительности, но она замолкла, оставляя после себя длинную, неловкую паузу.

«Если бы ты наткнулся бы на это место в начале своего путешествия, мы остались бы здесь, – зазвучал голос рассудка. – И попробовали йогу в гамаках по видео-самоучителю о вязании узлов».

День двести восьмидесятый.

Андроид.

«Я раньше не понимал, почему у людей рвёт башню от ежедневной монотонной работы. Я раньше не мог осознать, что такое усталость... Моральная, эмоциональная опустошённость, которая образуется в теле от взаимодействия с работой, которая не по душе, или с той, которая приносит искреннее удовольствие, но которой чересчур много. Работа, как губка, как грунт, как бетон под босыми стопами, и она вытягивает из тела и из души всю одухотворенность, весь полёт, спуская с небес на... ну... вот сюда... Я даже не могу подобрать подходящий эпитет, чтобы описать гамму своих чувств, которые испытываю к противоречивой реальности, наполненной парадоксами.

В моей груди клацает мембрана, клапан. Следуя всем тенденциям современной моды, какой-нибудь креативщик мог бы назвать данный механизм смарт-метрономом, запатентовать название и подгрести йоты в свои кармашки... и сколько бы он ни пытался туда положить, на дне был бы ровно ноль... Я чувствую, как этот прибор работает. Не так, как кожаные... нет... Я чувствую его совершенно отчётливо, осознанно, подконтрольно, на основе показаний датчиков. Все они укомплектованы в оболочку меня там, где у кожаных находится диафрагма... чуть ниже этого места. Там, в сплетении проводов, отходящих от магнитных и пневматических датчиков, я чувствую свою душу. Не знаю, как описать это, но я её чувствую так, словно могу извлечь из себя, положить на стол и забыть там, где и оставил. И теперь, некоторое, пускай не продолжительное время, побыв настоящим человеком, я хочу так поступить... хотя бы на время... И теперь я прекрасно понимаю жителей города Творцов, что хотели и сбежать от депрессии, принимая препараты, и заработать денег на этом... И теперь я прекрасно понимаю жителей города Тишины...

Они все – часть собственной матрицы. Они все – ячейки одной многоуровневой платы и все вырабатывают электроны. Они все в круглосуточном режиме питают не только город, впрыскивая в его желудок нектар из денежных единиц, но также своей жизненной силой они накачивают демона сети. «Одиночество» – одно из его имен, и он искусно правит

своим тихим миром, создавая миллиарды иллюзий заинтересованности, присутствия... жизни».

День двести восемьдесят первый.

Правда.

Я в изоляции. В небольшой белой... палате? Это больше похожа на небольшой персональный офисный кабинет. Белый, как снег. С койко-местом. С офисным стулом. С офисным столом, с компьютером, подрубленным к всемирной сети. То есть с тем, от чего меня тошнит.

Интересно, где бомжара и механический? Они пропали из моей жизни... как-то внезапно. А я оказалась здесь. Не помню, как и почему, и до сих пор не до конца понимаю, что это за больница такая.

Моя первая реакция была бесподобной. Я пришла в себя в этой комнате и, конечно же, испугалась. Я почувствовала панику. Её сильные руки взяли за меня и не кисло мотнули в стороны. Я закричала. Через несколько секунд в помещение ворвалось двое мужчин в костюмах биологической защиты. Это, конечно, напугало меня вдвойне, и я постаралась выбежать в образовавшуюся дверь, но мне не дали этого сделать, накачав седативным.

Я пришла в себя спустя несколько часов крепкого сна. Голова была лёгкой, словно оттуда ложечкой с силиконовым краями аккуратно достали все мысли. Я очнулась и села на своей постели и посмотрела на монитор компьютера. Было

лишь одно желание – размолотить его в мелкие черепки и обломки, но здравый смысл не дал мне этого сделать. Вместо этого я лишь попросила прислать ко мне того, кто сможет всё разъяснить. Я уже знала, что за мной наблюдают, и поэтому встала посреди комнаты и просто попросила об этом.

– Здравствуйте, я ваш лечащий врач и я готов ответить на любые вопросы.

– Как я здесь очутилась?

– Вас принесли двое мужчин. Один – совершенно лысый и какой-то мрачный, а второй – огромный, молчаливый.

– И что я тут делаю?

– Вы находитесь на лечении. Вас доставили сюда в крайне плохом состоянии. С того момента прошло несколько дней.

– Несколько... это сколько?

– Примерно дней десять назад. Всё это время вы спали, вам было совсем плохо из-за лихорадки. Но, я смотрю, вам стало лучше.

– Когда ко мне придут?

– Кто?

– Ну, те, двое... Они же навещают меня?

– Что вы! У нас так не принято! Только когда вы будете здоровы, наша регистрация свяжется с ними, чтобы они смогли забрать вас. И, кстати, хочу вас уверить в том, что они думают о вас, так как на следующий день после вашего размещения они устроили грандиозный скандал с требованиями впустить. Мы смогли достичь некоторого консенсуса...

Я слушала этого человека в костюме, но не офисном, и мне становилось приятно, что друзья думают обо мне.

День двести восемьдесят второй.

Мне остается надеяться на Правду. Если она не поторопится, я растворюсь в этом городе Тишины, словно таблетка аспирина в воде. Я рассыпаюсь здесь на атомы, и дефибриллятор не сможет реактивировать процесс сокращения моего сердца. Единственное, что заставляет меня держаться на плаву, это телефонные разговоры с механиком, который отказался от комнаты, чтобы не тратить бабки, и теперь проводит все время на складах, прерываясь лишь на подзарядку.

«Вот она, суровая реальность, в которой рано или поздно компанию раскидывает по разным углам.

Почувствуй это тотальное одиночество! Почувствуй то, как оно смешивается с твоей никчемностью и превращается в ненависть к самому себе!

Как думаешь, для чего в каждой квартире, в каждой такой пенобетонной клетке, есть окно и располагается оно ровно напротив двери?»

– А-а-а! – я ору посреди улицы, и это второй мой подобный приступ. Первый случился на съёмной хате, и за это мне вынесли строгое предупреждение с пометкой «Нарушение личного пространства жильцов посредством повышенной громкости своего голоса». Получив такую формулировку, я усмехнулся: «Как бы на это отреагировали мои сосе-

ди сверху? Как бы они отнеслись к тому, что им запрещают ругаться, трахаться, двигать мебель, скрести по углам и осуществлять вечный ремонт?»

Поэтому я ору посреди улицы и уже жду, когда ко мне направится наряд правоохранительных органов, которые иногда встречаются мне на улицах города Тишины.

«Ты прекрасно знаешь...»

«Ведь, признайся, ты давно понял!..»

«Ты прекрасно знаешь то, почему окно находится напротив двери!»

Мой психоз громко смеётся, сводя меня с ума. Мой рассудок тоже смеётся. А та единственная, здравомыслящая черта, что носит гордое имя Решимость, отмалчивается, словно полностью удалив своё присутствие в моем теле.

«Как много чёрных мешков ты должен увидеть?»

Скажи, сколько таковых ты встретил сегодня?

Интересно, как они все ещё поддерживают существование и следят за демографией?»

Мой психоз сводит меня с ума, и это учитывая тот факт, что я уже сошёл с ума...

– Заткнись! – кричу я, пока мои руки заламывают мужчины в полицейской форме.

День двести восемьдесят третий.

Здесь нет ни баров, ни кабаков. Здесь нет ни кинотеатров, ни моллов. Я впервые сталкиваюсь с явлением гладкой

урбанизации и, если сравнивать места и центры увеселения с мозговыми извилинами, то кусок жира и воды этого города похож на совершенно гладкую полукруглую вещь, фактурой похожую на хрустальный шар для гадания.

«Какой-нибудь шарлатан может неплохо заколачивать на личку, – думаю я, внезапно посмотрев на жителей, как на однородную творожную массу с плюс-минус одинаковой биографией. – Можно использовать один и тот же шаблон и раскатывать по фантазиям проблемы, недомолвки, сомнения и зарабатывать на этом неплохие грошики! Самое паршивое при этом – это доверчивость и постоянная, неиссякаемая вера человечества в чудеса, которых нет...»

«Скажи, а ты веришь в чудо?»

«Ты веришь в чудо или просто хочешь верить тому, что ты веришь?»

«Ты вообще хоть во что-нибудь веришь?»

Мой психоз вновь толкает подвешенную сферу моего сознания, раскачивая мой внутренний маятник. Я чувствую что-то новое, что поднимает голову где-то внутри моего «я». Это что-то, оно готово присоединиться к остальным моим сильным слабостям и уже не может скрывать своего присутствия. Это нечто уже несколько раз пыталось освободиться, но каждый раз, приподняв свою голову, лишь смотрело поверх уже столпившихся психических расстройств и, не желая вмешиваться в общий гомон, ложилось спать дальше.

«Вот и все... вот и все, мой друг, – слышу голос этого

внутреннего «я». – Вот мы и встретились и готовы к тому, чтобы познакомиться и пожать друг другу руки, – это нечто усмехается, и я чувствую, что и я усмехаюсь вместе с этим нечто. – Я рад познакомиться спустя столько лет! Я – твой гнев! И, мне кажется, пора дать себе капельку воли и поддаться деструктивной стороне себя! – это нечто смеется, не покидая моих мыслей, при этом прекрасно контролируя моё тело. – Смотри, это же так просто!» – снимаю со спины сумку доставщика и начинаю перебирать там в поисках чего-нибудь потяжелее.

– Я. Верю. В. Себя, – произношу я и перестаю взвешивать в руке чью-то посылку – Я. Верю. Своим. Другьям, – каждое слово подвергается тщательному взвешиванию и громкой критике со стороны психоза. – И я не могу подвести их, поддавшись своему безрассудству и разбив витрину с манекеном, который, по факту, тут вовсе не нужен! – произношу я и внезапно ловлю себя на том, что в этом городе и магазинов практически нет. Только муляжи таковых, с искусственными витринами, только несколько продуктовых гипермаркетов, практически пустых, куда ходят тогда, когда мысли о том, чтобы выйти в оконную дверь, становятся слишком сильными. Я продолжаю взвешивать эту посылку в руке и понимаю, что этот бросок будет подобием точки, границы, перейдя через которую, обратной дороги больше не будет.

День двести восемьдесят четвёртый.

Меня раздражают эти ровные могильные башни. Меня раздражает их однотонность. Меня бесит всё и раздражает каждый сантиметр этого проклятого города! Я хочу его разнести... взять кувалду и начать разбирать его по камешкам. Я так хочу сровнять его с холодным грунтом! А все потому, что он напоминает мне мой город Грусти в гипертрофированной форме! Мне и мой город нестерпимо неприятен, а этот... Я ненавижу город Тишины!

Я чувствую себя так, словно очутился в затянувшемся кошмаре. Все мои самые неприятные иллюзии внезапно воплотились в одном месте, в концентрате безысходности. Здесь и тоска, и одиночество, и всего лишь две двери, между которыми приходится выбирать. Причём та, которая рядом с монитором, которая постоянно норовит показаться на глаза, проверяет на прочность! Ежедневно ... проверяет меня на ПРОЧНОСТЬ!

Проверяет каждого из нас на прочность... и это путешествие в том числе. Потому что я готов бросить всё, оставить все деньги механическому и бежать... как можно быстрее и как можно дальше от этой медузы, которая накрыла меня полностью и впрыснула свой яд в мою кожу! Я задыхаюсь от синдрома икуранджи, который держит меня в агонии уже несколько дней! Ни в депрессии, ни в унынии, а в состоянии, когда я чувствую, что смерть уже близко, и я готов просить, молить о смерти!

– Алло?

– Заберёте меня?

– Да... когда?

– НЕМЕДЛЕННО!

Вот этот момент, которого я так долго ждал. Я его ждал так же, как Правда ждала, когда мы покинем город Творцов! И так же она ждёт, когда выйдет из больницы и когда мы бежим из города Тишины.

«Если бы ад мог существовать, он или его часть была бы реализована в таком виде, – мой рассудок впервые за долгое время решает сказать хоть что-нибудь. – И был бы он приближён к тому, который является пристанищем главного из двух... ведь тот не любит гомон, стоны и крики боли, он предпочитает тишину... потому что тишина сводит с ума даже души и делает это совершенно потрясающим способом! Тишина, она как допинг для той частички запретного яблочного плода, что существует в каждом... а плод этот – сознание, которое начинает работать с удвоенной, утроенной силой и подкидывать всё больше мыслей, что не подкрепляются действиями! Такие мысли – именно они и есть яд для души...»

День двести восемьдесят пятый.

Я бегу по улицам. Они заставлены покрытыми пылью автомобилями. Я бегу и чувствую, как лёгкие выжигает огнём! И это при том, что лёгкие не содержат тканей, способных чувствовать боль... Трахея, бронхи – да, но не лёгкие, кото-

рые горят под моими рёбрами.

Я спешу к Правде, которая ознаменует наше скорое отбытие из этого проклятого города! Из этого города Тишины, который всё больше, всё сильнее раскачивает мой внутренний маятник.

– Силиконовый! Давай к больнице! Правду выписали! – произношу я, остановившись, упершись рукой о стену, стараясь перевести дух. – Нам надо собираться и валить отсюда!

– Ты в этом уверен? – спрашивает мой друг.

Телефонные разговоры с ним удерживают меня от глупостей.

– Да! Я в этом уверен! – отвечаю я и тут же задаю вопрос: – Что у тебя по бабкам? Посчитай, скажи... может быть, мы уже в состоянии вернуть долг?

Через долю секунды слышу ответ и начинаю складывать и высчитать в уме. Получается, нам совсем немного не хватает для того, чтобы покрыть наше долговое обязательство перед Правдой.

– Проклятье! – злобно выдыхаю в трубку. – Немного не хватает... а если вычесть билеты, жратву и оплату проживания в следующем городе, то нам останется примерно половина.

Я уже отдышался и уже иду по пустой улице и слушаю протяжное завывание ветра.

– Это лучше, чем уйти в ещё больший минус, – сказал киборг. – Так мы хотя бы будем в половине дистанции к точке

баланса.

Мой друг как всегда рассудителен. Мой друг никогда не сможет вывести из себя робота, даже несмотря на обретенную им душу.

– Так-то да... – мой шаг постепенно наращивает темп, заставляя тело бежать. – Ладно, давай быстрее...

– Стоп! – киборг быстро перебивает меня. – Ты за Правдой. Я остаюсь на работе, пока что. Потом ты собираешь все вещи и выдвигаешься ко мне. Я дорабатываю смену, собираю деньги и пожитки и выдвигаемся. Не хочу разрывать смену напополам... тем более, один чёрт, нам нужны средства.

– Ты прав, – в моём голосе холод рассудка. – Да... ты совершенно прав... – я впервые за долгое время в совершенстве чувствую голос самого себя. Без примесей, без психоза, без второй половины меня.

День двести восемьдесят шестой.

Каждая клеточка моего организма тянется вперёд. Каждый атом жадно впивается в другие атомы, стараясь притянуть их как можно ближе к себе и практически выпитать. Я чувствую, как моя кожа сама собой вытягивается, я ощущаю это лёгкими уколами маленьких иголочек... в то время, как прижимаю и прижимаюсь. В то время, когда объятия Правды поглощают меня полностью, и в городе Тишины наступает подобие вакуума. Я чувствую эту пустоту вокруг только

потому, что сам переполнен... счастьем, радостью... чем-то таким, что является обратной стороной одиночества, которого больше нет.

«А ведь наедине нам с тобой было так хорошо!»

«Ты слушал меня... ты слушал и слушал меня... и изредка отвечал, но я не слушал тебя...»

«А ты помнишь, как ты шёл по чернозёму и тащил за собой свою телегу? Ты помнишь, как ты старался не подохнуть в городе цветов и фруктов?! Ты помнишь, как мы с трудом выбрались со Свалки?! И за всё это ты платишь мне предательством?!»

Мой психоз несёт какую-то чушь. Он пытается запятнать этот идеальный момент своей искажённой философией, в которой он – единственная моя компания. Вот только есть одно огромное «но»... Не может быть компанией то, чего нет на самом деле.

Оказывается, я подумал об этом чуть громче, чем надо было. Теперь я жалею об этом, так как самовлюбленный психоз всё-таки очерняет момент своим нытьём. Слоёный пирог моего сознания, точнее, кусочек такового начинает возмущаться и орать, просто уничтожая моё спокойствие и разжигая ярость, что тихо-мирно спит где-то далеко от основного собрания всех моих сильных слабостей.

– Валим отсюда? – спрашивает Правда, и этот вопрос, он как спасительный круг, что вытаскивает меня из бушующего океана собственного безумия, образовавшегося в черепной

коробочке.

– Да, конечно! – выпаливаю я, и мой голос, настоящий, который затрагивает действие голосовых связок, дыхательного аппарата, мышц и так далее, разгоняет тот балаган, что образовался в голове.

– А где механик? – спрашивает Правда, которая изменилась за то время, которое была в больнице. Я это вижу, я это чувствую, но пока что не могу понять, какие именно метаморфозы произошли с ней.

– Ждет нас! – отвечаю я и достаю телефон из кармана, чтобы открыть приложение «хикикомори» и вызвать дорогостоящее такси до места работы киборга.

День двести восемьдесят седьмой.

Вновь вокзал. Вновь билеты. Вновь усталость. Вновь ломота. Все в очередной раз вновь! Мы замкнуты в бесконечном цикле повторов, разделённых интервалами в плюс-минус бесконечность. Мы сами превращаемся в эти интервалы, насыщаясь ими до переполнения, до рвотного спазма, до последующей тотальной пустоты!

Наша следующая остановка не сулит ничего хорошего. Я спрашивал, добивался внятного ответа, но у нас было всего два пути: назад, в город Творцов, что не входило в наши планы; вторая дорога проходила через город, в который мы должны были попасть через четыре с половиной дня в плацкарт-автобусе с лежанками по принципу тюремных нар. Сам

этот автобус напрягал меня и андроида, сильно напоминая тот мусор, на котором мы приехали на свалку. Также меня напрягали стальные намордники на окнах, плотно обмотанные колючкой.

На билетах было написано «Отбытие из города Тишины. время и дата. Прибытие в город Правосудия: время, дата и название автовокзала».

– Что значит «общего назначения»? – спросила Правда, которая не понимала значения прочитанного. Впрочем, ни я, ни механик не смогли дать ответа, так как тоже залипали и на название города, и на название вокзала, где нас должен был оставить очередной автобус.

– Не нравится мне все это, – сказал я, обратившись к киборгу. – Если что, будь готов бежать с Правдой на плече... Думаю, Правде будет очень тяжело в городе Правосудия... как и мне... А вот тебе, с твоим телом, думаю, будет нормально.

– Будь готов снести мне голову, – сказал андроид. – У тебя есть оружие? – спросил он у меня, и я понял, что мой друг не шутит.

– С чего такой вопрос? – спросил я, примерно догадываясь о направлении, по течению которого пойдёт разговор.

– Я очень боюсь... боюсь, что там моё программное обеспечение либо восстановится, либо... не знаю, что либо... Просто будь готов оставить меня там, – сказал киборг.

– Эй! Вы чего несёте?! – спросила Правда, которой не нра-

вилось то настроение, в котором мы пребывали. – Всё нормально будет! Смотри, ведь мы уже через столько прошли!

– Да-а-а... – протянули киборг и я в один голос, но что оставалось неизменным – наше общее предчувствие большой беды где-то впереди.

«Как думаешь, куда вы сможете дойти в таком составе?»

Скажи, ведь ваш отряд в любом случае заметит потерю бойца или спокойно перешагнет через тело?»

Ведь ты готов попрощаться с каждым из компании... Ведь ты продолжаешь держаться на расстоянии вытянутой руки в ожидании того, когда путешествие подойдёт к концу... Ведь так?»

Психоз копается в мусорной куче под сердцем, извлекая оттуда то, от чего пока что не получилось избавиться.

День двести восемьдесят восьмой.

«Проклятые нары... проклятые цепи... проклятуший автобус...» – думаю я, поднимаясь с грязного пола. Моё место не имеет боковой стеночки-подпорки, поэтому на каждом повороте налево меня выкидывает с места, и я оказываюсь под соседними нарами, на которых лежит типичная представительница города Тишины. Её волосы не расчесаны, тело дряблое, и это видно даже сквозь серые тряпки, водруженные на непривлекательный каркас. Она лежит, упершись носом в угол между стеной и деревянной лежанкой. Я слышу звук, исходящий из её наушников, и вижу то, как меняются

цвета подсветки её мобильного средства.

Сидеть на покрытом тонким матрацем подобии койки невозможно, лежать тоже, и всё из-за крайне костляво-жилистой конституции моего тела, которое жёстко упирается, которое бьётся на каждой кочке или вылетает с места по причине отсутствия ограничителя скорости лежащего. Мне остаётся сидеть на полу и рассуждать на тему тщетности бытия.

«Мы впахивали-впахивали и всрали на билеты половину всех тех денег, которые с таким трепетом откладывали на долг Правде, что теперь обидно до соплей, – думаю я, прислонившись своей головой к тем нарам, на которых возлежит моя соседка. – И город Правосудия не внушает мне никакого доверия... На нашей планете Меланхолии я привык ждать подвоха даже от небольшого квартирного муравья... раздавив такого пальцами, казалось бы, ничего не должно произойти, но стоит понюхать указательный и большой, чтобы учуять запах забытой на время отпуска помойки».

– Эй! Пошёл прочь отсюда! – слышу голос, напоминающий то, как соседи сверху орудуют тонким сверлом по бетону. – Ты меня вообще слышишь?!

На мою облысевшую макушку смачно опускается горячая ладонь. Звонкий щелчок заставляет меня, пусть лениво, но поднять голову наверх, чтобы увидеть то чудо, которое шлёпнуло меня по голове.

– Мне нельзя вот так просто посидеть? – спрашиваю я, уставившись в опухшее лицо и водянистые глазки, гневно

пожиряющие меня. – Или я мешаю?

– Да! Ты нарушаешь мое персональное пространство! Мне это не нравится! Поэтому п-шел вон отсюда! – внутри эта девушка столько же безобразна, сколь безобразной была снаружи. – Давай-давай-давай! Иначе я позову кондуктора! – она думает, что такая слабая аргументация сможет сдвинуть меня с места. По факту она несколько минут отчаянно вопит, после чего начинает стучать меня по лысине. Я молча сижу и ловлю вопросительные взгляды моих друзей.

День двести восемьдесят девятый.

– Интересно, о чем он думает? – обратилась Правда к киборгу. Их места были в другом конце нашего автобуса, что больше напоминал какой-то самосозданный броневичок из фильмов про апокалипсис после катастрофы биологического оружия с последующим появлением либо новых видов флоры и фауны, либо с эволюцией существующей во что-то не совсем сформировавшееся, без интеллекта, только с основными, животными инстинктами.

– Кажется, он просто сидит и бесит эту женщину, что хлопает его ладошкой по макушке. Кстати, по идее, сильно хлопает... Но здесь даже непонятно, кому больнее, – киборг пожал плечами.

– В смысле? – Правда перевела взгляд с меня на механического и уставилась на него, совершенно не понимая того, что он имел в виду.

– В прямом, – коротко ответил андроид. – Она, по идее, уже отсушила себе руку о гладкий череп, – хмыкнул он. – Так что сейчас она продолжает бить его чисто из вредности и собственной упёртости, испытывая сильную боль... а вот это уже интересно! – механический усмехнулся.

Девушка, которая сидела надо мной, перевернулась, чтобы сменить руку, и продолжила хлопать меня по лысине свежей, ещё не отбитой. Не знаю почему, мне было совершенно наплевать на это. Я ничего не чувствовал, хотя понимал, что буду умирать на следующий день после такого массажа.

– Слушай, ну отойди ты от неё! Побереги свою голову, – не выдержала Правда, устав слушать и наблюдать. – Ты нам еще живой нужен. Не прикольно будет, если ты внезапно отъедешь! Плюс вы меня вылечили и теперь несёте ответственность за мою спасённую жизнь, – она радостно хихикнула. Ей понравилось, какой красивый аргумент она извлекла из своей головы.

– Не понял? – даже не я, киборг удивился и вопросительно посмотрел на Правду. – Почему мы несём за тебя ответственность? – наш обретший душу друг напрягся от напряжения, скопившегося в его голове.

– Не обращай внимания, – проговорил я, словно подтверждая своё присутствие в автобусе. – Можешь считать это фигурой речи. В остальном, если человеку спасли жизнь, ему просто спасли жизнь. Спасённый, вот тот – единственный, кто в данной ситуации может нести ответственность.

– Это почему ты так думаешь? – Правда усмехнулась так, словно у неё был крутой контраргумент. – Мы – друзья, – сказала она, – и мы несём друг за друга ответственность. А поскольку вы ещё и жизнь мне спасли, теперь ваша задача оберегать её!

Я хотел возразить, или съязвить, или что-нибудь ещё, но решил этого не делать, так как в её словах было и то, с чем я был согласен.

День двести девяностый.

Звонкое пошлёпывание моей лысины продолжало радовать моих друзей и никак не задевало остальных, отвернувшихся к стене, заткнувших наушниками и уткнувшихся в сериалы. Я чувствовал, что удары обеими руками здорово ослабли, так же, как и голоса психоза, рассудка и решимости в моей голове. Мне было совершенно наплевать на девушку, которая пыталась меня прогнать с занятого места, а та шлёпательная терапия, которую она мне оказывала, даже начала благотворно действовать на моё общее состояние.

– Да. Когда же. Ты. Свалишь. Отсюда?!

Удары прекратились, и я даже успел подумать, что у меня получится уснуть в таком положении, но девушка проявила смекалку. Через несколько секунд меня так сильно наклонило вперёд, что я проявил несказанный талант к растяжке и чуть ли не коснулся лбом пола. Дело в том, что девушка в очередной раз перевернулась, упёрлась спиной в стенку ав-

тобуса и со всей мочи влупила мне пятками в спину. Это был хороший, заряженный ненавистью удар. Мои друзья встретились и подскочили со своих мест.

– Да ладно... чё вы как маленькие... – пробормотал я, планомерно распрямляя свой позвоночник. – Всё хорошо. Этот удар был не сильнее тех, которые исполняет жизнь... Так что нечего бояться, – мой голос был тих и смешивался с ровным бурчанием двигателя автобуса.

– Ты стал философом? – спросил мой друг, который продолжал не понимать того, что я делаю и почему я просто сижу и терплю то, что делает девушка.

– Нет, – спокойно ответил я. – Нет... ни в коем случае...

Девушка поджидала тот момент, когда я в очередной раз выпрямлюсь, и вновь распрямила свои напружиненные ноги, жёстко упираясь в мои аккуратно сложенные лопатки. Меня вновь сильно бросило вперед и вниз, и я в очередной раз практически коснулся лбом пола.

– А при чём тут удары, которые наносит жизнь? – Правда тоже смотрела на моё странное занятие так, будто бы я внезапно лишился рассудка и несую какую-то околесицу. – О чём ты? – она сложила пальцы и спародировала шаблонный итальянский жест.

– Да всё о том же, – грустно вздохнул я, поняв, что мои друзья не поймут того, к чему я хотел подвести свою мысль. – Забудьте, – произнёс я, готовясь к очередному удару в спину. При этом я думал примерно следующее: «Я просто несую

чушь и издеваюсь над этой девушкой. Без причины. Потому что... Просто потому, что я могу себе это позволить».

Наверное, мои друзья просто не расслышали моего сарказма.

Город Правосудия

День двести девяносто первый.

Дорога в город Правосудия бесконечна. Мы словно движемся по совершенно гладкой поверхности, которая петляет вокруг гор и полей, вокруг речек и лесов. Я иногда ложусь на свои нары, иногда сползаю вниз и подсаживаюсь исключительно к соседке, которая уже смирилась и практически не реагирует на моё меланхоличное вторжение в её личное пространство. Конечно, девушка пододвигается как можно ближе к стене, но меня это не волнует. Почему-то, словно ведомый каким-то импульсом, я делаю это, просто чувствуя, что это правильно. Мне кажется, что так мы спасём одну тоскливую душу, которая закрыта на чудовищное количество замков-комплексов... Мне хочется в это верить.

– Слышь, лысый, – обращается она ко мне, как к свояку. – Свали от меня, а! Ну... ну вот реально, сил уже нет тебя терпеть, отморозь ты... – в голосе её просьба вперемешку с жалостью к самой себе. – Вот скажи мне, лысый... Я чем я тебе не угодила, а?

Её голос, что скребёт ушные перепонки так, как камень ранит стеклянную гладь, каждым звуком-паразитом вгрыза-

ется в мой мозг и заглушает фрик-шоу в моей голове.

– Дальше ты пойдёшь с нами.. – говорю я отрешённым голосом.

Через миг чувствую на себе вопросительные взгляды моих друзей. Я чувствую их мысли, которые ломятся в мой персональный дурдом и вопрошают: «Какого хрена?!». Я чувствую взгляды своих друзей, но не слышу ни единого слова от девушки, которая замерла подобно тому, как замирает хамелеон.

– ...Потому что тебе стало интересно и ты не сможешь сопротивляться этому чувству, – проговариваю я. Моя голова чуть запрокинута назад. Глаза закрыты. Я смотрю вглубь тех, кто направлен своими взглядами вглубь меня, и для этого совершенно не нужно зрение.

В ответ на мои слова – тишина, которая может быть содержательнее разговора и куда более жёсткой, нежели целая книга, пересказанная наизусть. Тишина – это субстанция ответа и эссенция, которая содержит в себе безразмерную тяжесть и абсолютную невесомость.

– Потому что тебе стало интересно, – произносит киборг, а после, так же задумчиво, эту фразу произносит Правда. Больше у них нет никаких вопросов ко мне. У них только лишь ответы, которые не требуют слов... и вновь тишина. Многозначительная, всеобъемлющая, всезнающая тишина.

День двести девяносто второй.

Пятиэтажные ветхие квадраты, зашитые рабицей и прошитые колючкой. Люди в сером и чёрном с потемневшими от усталости лицами, опущенными под ноги глазами. Разбитые дороги, на которых, в диком контрасте, стоят в пробках древние, проржавевшие развалины и новые, дорогие автомобили. Сразу видно соотношение, согласно которому живут здешние люди. Никакого среднего класса. Две касты, чётко отделенные друг от друга пластиковой картой.

– Куда это мы попали? – спросила Правда, выглядывая в окно, закрытое стальным, грубо сваренным намордником. В её зрачках отражался длинный, высокий, бетонный забор, который тянулся с одной стороны дороги, как раз напротив тех старых пятиэтажек, татуированных из аэрозолей.

– Город Правосудия, – сказал киборг, который тоже смотрел в окно и считывал содержание текстов с цитатами из песен, чьими-то личными мыслями и редкими замечаниями о репутации тех или иных жителей.

Я смотрел в пол автобуса, на котором сидел в данный момент. Мои сильные слабости играли в теннис выяснениями отношений, перекидываясь лёгкой руганью и помыслами о дальнейшем... о нашей дальнейшей судьбе. Даже безымянная особа, с отсушенной о мою лысину ладошкой, смотрела не в экран телефона, а вместе с моими друзьями пялилась в окно и изучала высокую стену, увенчанную короной из прутьев и все той же колючки. И, да, я не видел, что она делала, но я это прекрасно чувствовал всем своим нутром.

– Думаю, нам опять будет тяжело, – сказал я. – Думаю, этот город, как рубеж, который содержит в себе коллаборацию, коллекцию, сочетание всего того, что встречалось нам раньше, – мой голос был тяжелым, глубинным, как звук колокола из церковной башни. – Так что, мои дорогие друзья, предлагаю с самого начала установить настройку «осторожность» в параметр «максимальная» и почаще оглядываться назад. Моё настроение напоминает то, которое было у меня перед моим отъездом из моего города Грусти.

– С тобой все хорошо? – голос Правды, такой мягкий, такой тёплый, ухватил мою душу обеими руками. – Ты не в меру мрачный последние несколько дней, – я слышал беспокойство в её голосе. – Что с тобой происходит?

– Всё в порядке, – сказал я, пытаюсь заглушить голоса в моей голове. – Просто усталость... она имеет свойство накапливаться, после чего долго рассасываться по организму... А я чертовски устал от города Тишины.

День двести девяносто третий.

Большой, чистый, сверкающий свежестью и хромом вокзал, разделённый на две части: авто и ж/д. Охранные службы, напоминающие косяки рыб или перелётных птиц, курсируют из стороны в сторону в строгом молчании. Камеры, норовящие зафиксировать лица приезжих и уезжающих. Аппараты для дактилоскопии, жаждущие впитать в свою базу знаний уникальные рисунки. Люди, праздно болтающие и вроде да-

же беспечные, и это меня удивляет из-за всей той серости, которую мы наблюдали последние полчаса в пути. Я пытаюсь уличить подвох в самом начале, но мои усилия и попытки тщетны. Мы идём вслед за приезжими из города Тишины, что напоминают стаю пингвинов, суетливо косолапящих до гнёзд.

«Что думаешь?»

«Как тебе этот пейзаж?»

«Каково твоё впечатление?»

Мой психоз затаился в ожидании в поиске ответа на вопрос: «Какую сторону мне занять в этот раз? Быть против или за меня?»

«Мне не нравится это место, – мой рассудок громко сплёвывает сгусток густой слюны и делает это, не покидая мыслей. – Я вижу лицемерие... Не знаю, почему я вижу лицемерие...»

«Всё будет хорошо, если мы не будем переть на рожон, – моя решимость присоединяется к общему первому впечатлению. – Но я согласен с рассудком, я уверен в лицемерности этого города».

«Я вы точно не хотите уехать отсюда?... М-м-может быть, свалим отсюда, пока не успели вступить в... дерьмо... по самые уши, а?» – моё глубинное воплощение меня в своей персональной манере начинает отстаивать своё мнение. И вроде бы мне нравится предложение нерешительности, но меня связывает по рукам и ногам моё обязательство и желание

выплатить долг Правде. Это желание поддерживают раскудок и решимость.

– Куда дальше? – поступает вопрос из-за спины, когда наша скромная компания покидает стены замечательного, величественного вокзала.

– На поиски работы и ночлега, – отвечаю я, проглатывая обиду от осознания следующего: начальные растраты откинут нас ещё дальше от выплаты долга... Если быть точным, к самому началу пути... как будто бы мы с киборгом не продвинулись ни на шаг вперёд... Словно эти несколько долгих и тяжёлых недель в городе Тишины прошли в полном забвении и анабиозе. Словно это время можно выбросить в мусорное ведро, залить бензином для зажигалки «Зиппо» и поджечь этой самой зажигалкой, выбросив её в пламя под ногами.

День двести девяносто четвёртый.

– Что нам известно об этом месте? – спрашивает Правда. – Давайте сядем, обдумаем и попробуем составить план действий. Потому что мне не хотелось бы задерживаться здесь.

– Да... Не самое приятное место, и я уверен, что то, что мы знаем, что нам стало известно за последние сутки, это лишь самая верхушка айсберга, – проговариваю я. – Плюс мы не обошлись без проблем... больших проблем...

– Как будем вызволять механика? – продолжает Правда. – Нас... точнее, его не пропустили через турникет, а потом об-

наружили, что он двусоставный андроид, причём, примерно девяносто процентов его тела принадлежит городу Правосудия.

– Я так и знал, что ничем хорошим наш приезд сюда не увенчается, – мои зубы скрипят от обиды. – Надо было сразу пересаживаться и ехать дальше!

– Назад не отмотаешь.

Мерзкий голос ещё одной спутницы вонзается в мою голову. Она сидит поодаль от нас, забившись в самый угол, завернувшись в широкий плед. Девушка наблюдает за нами через небольшую, специально оставленную дырочку. Её голос приглушен благодаря такой укутанности и не так сильно пронизывает мой мозг.

– Итак, что нам известно? – Правда повторяет свой вопрос, обращаясь к собравшимся.

– Это город Правосудия, – проговаривает Гарпократа. – Мне доподлинно известно, что это самый коррумпированный город, разбитый на касты... Город заключённых; надсмотрщиков, обеспечивающих тюрьмы; обслуживающего персонала, что работает на город; всемогущих властей.

– За-ши-бись, – в голосе Правды понимание, абсолютное знание. – Значит...

Она замолкает и зависает в неловком молчании. Здесь её фантазия иссякает. У меня тоже нет никаких мыслей. Гарпократа выговорила свою суточную дозу слов. Так, некоторое время каждый из нас изучает какие-то удивительные точки,

которые появляются в поле зрения и отпечатываются на сетчатке.

– Я пошёл искать работу, – говорю я. – Думы-думами, а кушать хочется всегда.

Я поднимаюсь с небольшого табурета, который принёс из одной из комнат той квартиры, которую мы сняли на шару. Я пытался предугадать то, куда мне удастся податься на заработки, но я даже представить не мог, что на складах и в гиперках, что в компаниях, занимающихся чисткой помещений, и в курьерских организациях не только полный штат, но и крупная очередь. Единственным местом, где всегда не хватает рук, оказывается зона.

«Настало время спуститься в ад», – мой рассудок, все мои сильные слабости, мой страх в один голос произносят эту фразу с затаённым дыханием. Никто из нас не хочет идти на эту работу.

День двести девяносто пятый.

От звонка до звонка. От вспыхивания красной лампы до вспыхивания этой же жуткой лампы под высоким потолком. А это не просто лампа. Она из алого, как венозная жидкость, стекла и обшита тонкой коркой стального намордника. И она висит где-то под потолком и счётчиком считает смены. Две смены в этом месте считаются семнадцатью часами. Две по восемь и час на смену одних сотрудников другими. Некоторые просто уходят, некоторых уносят. Есть те, кого выво-

зят в мешках. Я наблюдал за этим, и три моих внутренних монстра поднимали голову. Имена их: страх, ярость и решимость. Именно такой набор я выбрал своими всадниками. Именно этот набор стоит перед психозом, что в свою очередь стоит перед оставшимися нерешительностью, паранойей и рассудком.

Две смены работы в обслуживающем персонале огромной зоны – это не просто испытание... нет... Это как попасть в гениальную кинопостановку... Потому что при наблюдении за происходящим возникает такой вопрос: «Неужели такое может быть на самом деле?».

Я устроился грузчиком. Опять грузчиком... Но мне нравилась эта работа, потому что я находился достаточно далеко от заключённых. То есть они были близко, но нас разделяло большое количество стен. Этот факт ограждал меня от лишних проблем. Конечно, всё равно было страшно, но я никогда не покидал, никогда не заходил дальше самого крайнего круга этого ада.

– Так... нам надо достучаться, дойти до мэра и поговорить с ним о том, чтобы он отпустил механического, – сказал я как-то вечером, когда Правда, Гарпократа и я собрались за столом. – Мы должны объяснить случившееся недоразумение... что мистер Маммона из города Казино сделал нам такой подарок и восстановил моего друга, наделив его таким телом.

– Мои рисунки не так хорошо продаются... – сказала

Правда. – Я целыми днями рисую на улице, но люди не подходят и смотрят на меня так, словно я умалишённая, – в её голосе была тревога. – Думаю, моё занятие нелегально в этом месте... Конечно, бывает, ко мне подходят заказчики, но крайне редко, – сказала она и посмотрела на Гарпократу. – Что у тебя с заработком?

– Ничего... – пальцы той быстро прыгали по клавиатуре, таким образом отдавая честь мелкой моторике пальцев.

– Если ты примкнула к нам, придется работать сообща со всеми, – сказал я. – Так что принимай участие и вкладывайся в общак, либо проваливай отсюда ко всем чертям! – я был груб, строг. – Иждивенцы нам не нужны! —

Она посмотрела на меня с укоризной. Встала, собрала ноутбук, который она привезла с собой в своей сумке, и ушла. Гарпократа пробыла с нами не так долго... Теперь Правда смотрела на меня как на дерьмо... Впрочем, чувствовал себя я ровно так же.

День двести девяносто шестой.

Правда.

«Интересно, о чём он думал в тот момент, когда звал идти вместе с нами хиппи? Интересно, о чём он думал, когда прогонял её? Интересно, могу ли я стать следующей, кто останется в полном одиночестве в этом страшном путешествии, конечной точкой которого до сих пор является неизвестность...

Интересно, как там наш дровосек... Надеюсь, ему ещё не промыли его мозги... Не перезагрузили или что там делают с киборгами, вышедшими из строя? Надеюсь, что его не выключили. Я надеюсь, что мы сможем найти способ, чтобы вызволить его и... покинуть этот замечательный город комендантского часа для маленьких людей, которым просто хочется жить... но просто не получается.

Интересно, с кем необходимо поговорить? К кому надо обратиться, чтобы узнать информацию о механическом? Смогут ли мне помочь в этом мои рисуночки и разговоры с жителями этого города? Интересно, как долго я смогу заниматься этим делом в бизнес-части города Правосудия. Сдадут ли меня в участок? Отправят ли меня в квадрат, стены которого обвиты стальным терновником? Мне страшно. Я боюсь того, что может случиться со мной так же сильно, как переживаю за бомжару. Ведь он каждый день уходит на зону, прощаясь, как в последний раз. Я знаю, он мне рассказывает слишком мало... Я знаю, он рассказывает мне то, что может себе позволить... Я знаю, на самом деле, он мне ничего не рассказывает, чтобы не расстраивать, чтобы я не волновалась. Возможно, это правильно, потому что я бы не отпустила его, если бы знала о том, что творится на самом деле».

«Политических много... Тех, кто сидит за пустую бумажку или строчку, выдернутую из контекста. Много тех, кто поставлен наблюдать за такими заключёнными...» – вот что рассказывал мне бомжара, если у меня получалось вывести

его на разговор. В остальном, и без того тяжёлый его взгляд стал свинцовым, медленным, уставшим. Кажется, ему нужен хороший сон и освобождение от голосов, которые поселились в его голове и вырываются из грудной клетки... Особенно по ночам... Особенно в полной темноте... Особенно когда его сознание в полной отключке, и он общается с собой так, как разговаривал бы со мной или с механическим.

Самое страшное, когда он начинает смеяться. Посреди ночи, внезапно, без остановки, надрывно, истерически смеяться, до изнеможения, до хрипоты, до самой лютой одышки, которая только может случиться от смеха. Я боюсь, что от таких приступов его сердце остановится. От этого ночью страшнее вдвойне.

День двести девяносто седьмой.

Андроид.

Меня приковали к... какой-то странной стойке. Мне задают странные, но логичные вопросы. Меня пытаются проверить на мышление, и я не могу определиться с тем, как мне вести себя. Либо полностью соответствовать протоколу, который вшит в обеспечение моего скелета, и притворяться дурачком, играть роль, либо быть собой... Либо просто быть собой... то есть, делать то, чего сами люди, в большинстве своём, делать не умеют.

Я пытаюсь понять, просчитать, предугадать, чего хочет тот кожаный, что приходит и задает мне вопросы о том, где и

как я получил это тело... почему на этом каркасе моя голова. Эти вопросы, в которых местами меняются слова, а смысл остается прежним. Он пытается поймать на вранье меня... человек пытается поставить в тупик машину, играя в игры разума. И кто из нас лишен рассудка? Кто из нас глуп? Или... или в этом есть какой-то сакральный смысл, согласно которому я сам сдам себя со своей гипер-человечностью... с приобретенной мной душой?!

Я чувствую то, что называется «паранойя». Мне кажется, что ради вселения этого чувства и повторяются допросы с периодичностью в несколько часов и с поддержанием моих батарей на минимальном уровне заряда. Мне кажется, что меня в любом случае заставят запутаться... Мне кажется, что я уже сдал себя, и это чувство давит... давит... давит так, что хочется заорать.

«Да! Меня убили на свалке! Мой друг оторвал голову и пёр с ней через... не знаю сколько... до города, где большой дядька, выкупивший это тело для забавы, присобачил мою голову к скелету и реактивировал меня из бесконечности!» – вот то, о чём я уже беззвучно кричу, слушаю эту речь и понимаю, что если это вырвется из меня, то отключения не избежать.

Теперь меня держат в темноте... Свет включается только тогда, когда заходит следователь. Он заходит, присаживается на стул, пододвигается к столу, аккуратно кладёт свою папку на деревянную поверхность, достаёт уже перепечатанные

моими показаниями листы и начинает повторять мне мои слова, чтобы после, заново, задать те вопросы, которые он неоднократно задавал... Теперь я знаю, что такое день сурка, что такое рекурсия. Мне кажется, что мир превратился в череду самого себя и сузился до масштабов этого помещения. Мне кажется, что город Правосудия, в полном объёме, сконцентрирован именно тут, в этой комнате длительного заключения и интервального допроса. Мне кажется, что в этом и заключается неотвратимое правосудие.

День двести девяносто восьмой.

«Общение – вот то, что способно создавать и разрушать связи между людьми, что поднимает на самый верх социальным лифтом и что способно жёстким ударом ноги в спину скинуть на самое дно. Общение – это то, что позволяет мне выжить в этом страшном месте... Общение и рассудок, который подсказывает мне только правильные ответы... Пока что только правильные ответы», – вот о чём думаю я, пока толкаю перед собой тележку, содержащую в себе продукты. Сегодня меня записали в грузчики. Вчера я был в охране. Что будет завтра – это большой вопрос, но я стараюсь не вступать в выяснения отношений. Держаться максимально отстранённо, при этом быть человеком как с другими сотрудниками, так и с заключёнными. Многие из них – обычные горожане, которые попали сюда из-за других горожан... Это в человеческой природе – вытеснять неудобных, идти по

головам в стремлении достичь своей цели... Механический был прав, говоря об этом.

«Нам нужен тюремщик... – говорит моя уверенность. – Этот человек в любом случае должен знать о том, где спрятан андроид, – я обдумываю эти слова и одобрительно киваю самому себе. – Вопрос в другом... как на него выйти?»

«Через отдел кадров? – мой рассудок подключается к обсуждению. – Я думаю, что просто так к нему не попасть и просто так его не застать на месте... Что же делать?»

«Мы уже несколько недель пытаемся выйти на кого-нибудь выше обычного менеджера, но такое ощущение, что Правда единственная, кто хоть как-то общается с людьми, стоящими чуть выше прислуги... Но и тут свои подводные камни... Я боюсь за неё», – думаю я.

«Я тоже думал о том, что ей пора прекратить рисовать на улицах. Пару раз за ней уже гонялись полицаи, и это не самое хорошее, что могло бы с нами случиться».

В этот миг мобильный телефон издаёт жалостливый стон, тем самым втискиваясь в мой разговор с самим собой.

«Меня поймали. Везут в суд. Спасай» – читаю я с экрана мобильного телефона.

Внутри происходит возникновение мироздания. Даже дыхание спирает, а освещение померкло. Вместе с этим я вижу как наяву Правду, закованную в наручники. Бегом я толкаю тележку до кухни. Оставляю спецовку и также бегом покидаю зону. Не доработав несколько часов, я ничего не полу-

чу за две смены, но мне наплевать на это. Задыхаясь, я бегу к зданию суда. Сердце колотится, как молот, что сминает кусок раскалённой стали моих чувств о наковальню. Мне страшно за друзей. Я боюсь, что не смогу помочь им... и боюсь чувства вины, которое поднимает голову и смотрит напрямиком в душу.

День двести девяносто девятый.

– За ведение незаконной коммерческой деятельности и неуплату налогов вы приговариваетесь к штрафу, – здесь судья делает длинную, многозначительную паузу, после чего обозначает баснословную сумму, настолько же огромную, насколько сказочным кретином тот является. – И двум месяцам исправительного заключения в колонии общего режима женского исправительного центра.

Судья так сильно задирает свою небольшую и совершенно лысую голову, что практически смотрит в высокий потолок здания суда.

– Но я же просто рисовала! И я сознательно не брала денег... То, что мне давали, было благодарностью! Чёрт! Неужели вы не слушали адвоката?! – Правда практически срывается на крик. Вены на её шее вздуваются и пульсируют. Кожа наливается красным, а глаза – слезами от несправедливости. Её адвокат молча сидит рядом, раскинувшись на своём стуле, и ногтем мизинца чистит под остальными ногтями. Ему нет дела до своей подопечной, потому что ему ни

копейки не заплатят за это заседание... потому что приезжему не дают возможности самостоятельно нанять адвоката.

– За неуважение к суду, в поучение, срок вашего заключения увеличивается на семьсот двадцать часов.

Чтобы сказать это, судья встаёт со своего места, упирается руками в прекрасный дубовый резной стол и заваливается вперёд. Его небольшие острые глазки сужаются до размера еле видимых щёлочек, которыми тот сверлит Правду.

«Всеки ему!»

«Давай! Влупи меж глаз!»

«А потом познакомь его голову с крышкой стола!»

Мой психоз настолько взбешён, что не может сдерживать своих чувств. Моя ярость сжимает кулак до боли, до крови, и это второй раз в жизни, когда я случайно, самостоятельно режу кожу ладони. Я изо всех сил сдерживаю балаган, который царит в моей голове, понимая, что если тот вырвется, плохо будет всем. Особенно Правде... особенно механическому... И я не могу позволить этому случиться... Я могу лишь способствовать тому, чтобы наша чаша вновь перевесила, и мы продолжили наш путь.

Правда смотрит на меня, и в этом взгляде я читаю «Прости... спаси». И я бы махнул ей рукой, но страх останавливает меня. Я внезапно понимаю, что лучше не высовываться вовсе. Я внезапно ощущаю, что меня могут закрыть как подельника, объединив нас в преступную группу и увеличив наказание моей спутницы за то, что она покрывала меня. И

неважно, в чём... причина сама нашлась бы.

Я сижу на ступеньках огромного здания суда и потихоньку ругаюсь отборнейшим матом, обругивая несправедливую систему справедливости города Правосудия, в котором Правда оказалась за решеткой... В котором мой молчаливый друг канул без вести.

День трехсотый.

Я проследовал на работу вне смены. Кое-как, с большим трудом. Дёргая тонкие, хрупкие ниточки знакомств, я смог найти Правду. Она была испугана и не понимала... она ничего не понимала и была готова проклинать систему и устой города Правосудия, в котором правосудие однобоко. Я пообещал ей, что всё будет нормально... что я приложу к этому все усилия! После время нашего свидания подошло к окончанию, и я был вынужден вернуться в конуру на троих, где остался только я, сам-один.

«Чувак! Всё рушится! Твоё путешествие как начиналось, так и катится на колеснице Ра к закату!» – кричал мой страх, который позвал паранойю, и теперь они вместе капали мне на мозги в пустых квадратах, которых слишком много для одного.

– Что же мне делать?! – кричал я в подушку, наученный горьким опытом города Тишины. – Что! Мне! Делать?! – я чувствовал, как звук пилит связки и каждым зубчиком больно задевает сухожилие и мышцу.

«Искать возможность связаться с мэром... с тюремщиком... прокурором или судьей...» – мой рассудок поставил чайник и присел на стул. Он закинул ногу на ногу и принял позу мыслителя. Всё это рассудок проделывал с моим телом, заставляя меня наблюдать за телом со стороны.

– Хорошо! Ладно! Я согласен! – меня вернуло в собственное тело. – Но как?! – спрашивал я у обшарпанных стен. – Как мне найти дорогу к тем, к кому меня никогда не пропустят?! – прозвучал очень странный вопрос, который подкреплён неопровержимыми доказательствами того, что вопрос задан правильно. Ведь найти этих людей – не проблема. Каждая собака знала о том, где они находятся, но практически никто не мог подобраться к ним из-за высоты сидений, на которых те восседали... Практически не было тех, чья социальная стремянка позволяла подниматься так высоко и спускаться до уровня муравейника.

«Деньги здесь вряд ли помогут... – думал я. – Свобода в городе Правосудия обходится столь же дорого, сколь дорого обходится увеселительный курорт с любовницей для среднестатистического политика среднего класса. Связи... связи могли бы сыграть свою роль, но у меня их не так много и они не такие прочные, чтобы...»

«У нас ничего нет, – раздражённо выдохнул рассудок, которому надоело слушать мои бессмысленные размышления о собственном бессилии. – Как всегда... совсем ничего! Ты... мы... один сплошной неудачник!» – разочарован-

но произнёс рассудок, после чего пропал из поля видимости моих мыслей.

День триста первый.

Минула неделя моих тщетных попыток найти хоть кого-нибудь, кто знал бы кого-нибудь из тех, у кого есть информация... Неделя аккуратных разговоров, копания в переплетении жизненных нитей. Ощущение при этом столь же мерзкое, сколько мерзким оно может быть, если засунуть руку в банку, заполненную опарышем...

«Такое ощущение, будто бы все хвосты обрываются, не начавшись... Как будто есть специальный человек, который специально, веничком, подчищает дорожки, по которым ходят те, кто мне нужен! – я чувствую отчаяние и, чтобы перестать накручивать свои мысли на этот коловрат, перевожу размышления в третью плоскость. – Интересно, как там Гарпократа? – чувство вины борется с чувством... правосудия в моей душе. Да... теперь, правосудие – имя нарицательное в моем понимании, и значение его в словосочетании «отсутствие справедливости» – вот о чём думаю я, пытаюсь понять, прав ли я был, прогнав девушку, которую сам пригласил встать на наш отступнический от обычных устоев путь.

«Где она... как она? – спрашивает моя нерешительность. – Есть ли смысл попробовать найти её... для начала?» – моя нерешительность намекает на телефонный звонок, но я не могу сделать этого.

«Ты чего?! Если мы позвоним той ленивой заднице, мы признаём свою ошибку! А ведь всё, что было сказано, неудобная истина!» – моя решимость негодует. Моя решимость готова накинуться на неуверенность и раз и навсегда выяснить то, кто сильнее в нашем теле.

«Да... но... это же девушка...» – мямлит моё самое глубинное, самое мерзкое из чувств.

«И что?! Это не повод лезть под каблук! Тем более в нашей ситуации! А в нашей ситуации так вообще каждый должен вносить свою лепту! Посмотри на Правду! Она рисковала всем и... но она делала своё дело!» – моя решимость орёт на меня настолько сильно, что я машинально закрываю уши, но это действие совершенно бессмысленно, так как звук внутри, а не снаружи.

Внезапно, я слышу звон... это мой мобильный телефон. Он проигрывает свою тупую, навязчивую мелодию, сообщая о входящем сообщении. Он выводит меня из состояния внутренней борьбы... он в полном объёме концентрирует моё внимание на себе, и это срабатывает. Моё жилистое тело скрюченной тенью бросается к средству связи, чтобы прочесть с небольшого экрана следующее: «Ратуша. Через час. Жду».

День триста второй.

Всего несколько часов назад температура была терпимой, сейчас же я чувствую, как пробирает до костей. Город

Правосудия, состоящий из красного кирпича и серого бетона, никогда раньше не казался столь леденящим. Особенно сильно это ощущается около здания городского управления, где мне была назначена встреча.

«Опаздывает».

«Как всегда приходится ждать».

«Да, но, возможно, это единственный способ вытащить и Правду, и механического из тех проблем, в которых погрязла наша небольшая компания».

Мой психоз борется сам с собой, сочетая в себе недовольство и надежду, которой до этого момента не было. Мой психоз тоже хочет верить, что мы не сбежим, а гордо покинем это место... так же, как это было с городом Казино. Я тоже хочу верить в это.

«Купи себе куртку! – кричит мой рассудок, который уже посчитал йоты и прикинул примерную стоимость какой-нибудь пуховой фуфайки. – Иначе ты окоченеешь и останешься здесь! – в голосе рассудка издёвка. – Подумай... ты действительно хочешь остаться здесь? Это то место, куда ты хотел прийти?» – рассудок знает, как заставить, принудить к принятию важного решения.

«Сегодня уже слишком поздно, – зубы выбивают строевой марш, кости, как ксилофон, переливают множеством волшебных звуков лаборатории кудесника. – Завтра после смены зайду в магазин спецодежды и возьму себе что-нибудь... – согласно киваю самому себе и тут же вспоминаю о Прав-

де. – Завтра надо встретиться и узнать... надеюсь, ей выдадут тёплую куртку...»

«Сколько можно ждать?!» – от лютого мороза и двадцатиминутного сверхурочного ожидания просыпается моя ярость. Она согревает меня изнутри, заставляет дёргаться. Она водит меня за ручку по кругу, ругается моими губами и думает... думает над тем, как сделать жизнь опаздывающего чуть более экстремальной и короткой.

– Эй! Бомжара! – слышу голос из-за спины, резко оборачиваюсь, но никого не замечаю в островках света. – Бомжара, чё ты на ступень выперся, кретин?!... И да, сюда иди! – Голос свежий, озорной, а обладатель явно молод, юн и беспечен. – Да господи! Спустись вниз! Не пали контору! Про комендантский час забыл, да?!

Последние слова приводят меня в чувство.

«Не хватало мне присесть за нарушения предписания для жителей города Отсутствующей свободы слова и тотальной цензуры», – думаю я, поспешно делая шаг вниз и во тьму между островками фонарного света.

День триста третий.

Холод. Ветер. Яркие фонари. Длинные пустынные проспекты, по которым с периодичностью в пятнадцать-двадцать минут циркулируют нарядные служители не правового правосудия. Она ведёт меня, как тень во тьме. Она поворачивается, пристально изучает меня своими маленьким глазками,

отворачивается и продолжает следовать за ночью, практически сливаясь с ней, практически воплощая собой ночь.

На ней длинный чёрный плащ до самых пят. Она на высоких каблуках с металлическими набойками, что как сонар в неподвижном космосе десяти тысячи лье под водой. Она курит одну за другой и показывает мне навязчивую алую точку огонька, и я вспоминаю о Гале, что пела блюз в своём баре «Сигарет-ка» в городе Женщин... Я не узнаю ту, что передо мной.

Мне холодно. Ветер проходит сквозь меня, но выхода нет, и я должен следовать... хотя бы потому, что мне интересно... хотя бы потому, что она вернула мне мою монету, помножив её номинал минимум в два раза. Эта девушка, я никогда бы не подумал о том, что она так преобразуется за столь непродолжительный временной интервал, и сейчас я смотрю на неё снизу вверх, а не сверху вниз.

– Шевели своими культями быстрее, бомж, – даже голос её преобразовался и звучит... уверенно, тихо, низко и приятно... так, словно передо мной то, во что превратился гадкий утёнок после того, как вырвался из добровольного заточения в норе.

– Куда ты ведёшь меня? – спрашиваю я, стараясь сдерживать то количество чувств, которое переполняет меня так же сильно, как взболтанную бутылку игристого переполняет газ. Такое чувство, будто бы она долгое время обманывала, претворяясь не тем, кем она является на самом деле, но при

этом я безгранично рад такому обману.

– Следуй молча. Иначе я затеряюсь от тебя в лабиринте и будешь расхлёбывать все самостоятельно, – в голосе крайняя степень раздражения. – Так что можешь считать, что после этого мы квиты, – в голосе смесь из полного отсутствия желания помочь, благодарности и презрения.

Дальше мы идём пешком, и я думаю лишь о холоде, который начинает сводить меня с ума, который заставляет меня перестать чувствовать пальцы на руках и ногах, который трясёт меня подобно тому, как ребёнок трясет тряпичную куколку.

День триста четвертый.

– На, выпей, – она протягивает мне кружку чего-то горячего. Примерно двадцать минут назад мы вошли в небольшую квартирку где-то на самом отшибе города, прямо на самой границе с зоной. Кажется, в таких местах живут только самые отчаянные люди, которым больше нечего терять.

Делаю глоток и чувствую, как тепло стекает сначала по пищеводу вниз, а затем растекается по каждой промерзшей жилочке моего измученного холодом и долгой дорогой тела. Делаю ещё один глоток и теперь чувствую странный, не самый привлекательный привкус того пойла, которое мне вручила Гарпократа. Делаю третий глоток, чтобы продолжить оттаивание тонких корочек льда и инея внутри меня и понять, что же находится внутри большой кружки.

– Полегче? – она присаживается напротив меня, скрещивая ноги. Она смотрит все с той же смесью пренебрежения, ненависти, презрения и благодарности. Этот дикий коктейль сбивает меня с толку. Я никак не могу понять, о чём она думает на самом деле.

– Да, спасибо, – отвечаю я, внезапно для себя залипнув на том, как же прекрасно на ней сидит то небольшое платье, которое она надела этим вечером. – Что с тобой случилось? Ты не выглядишь той, которую я запомнил.

Смотрю ей в глаза и ловлю блики отражений. Слышу странный звук, и в следующий миг лампочка в плафоне над нами притухает, погружая нас в частичное, очень напряжённое освещение.

– Опять перепад напряжения, – Гарпократа отмахивается рукой. – Как я стала этой? Хм... Всё очень просто, – она хмыкает, немного помолчала, но так и не отвела своих глаз от моих. – Я стояла у зеркала. Смотрела в лицо, которое было заплывшей пародией моего. Потом я разделась, чтобы увидеть своё тело, которое было залито жидкостью, которое содержало в себе пускай не так много, но столь отвратительного подкожного жира, что мне захотелось разнести все в клочья! Но за миг перед тем, как влупить с кулака по отражению, я обратила внимание на свалявшиеся волосы... На те небольшие узелки, в которые они были запутаны... Попытки расчесать закончились тем, что я взяла бритву и... – Я только сейчас заметил, что всё это время девушка была в то-

ленькой, плотной шапочке. Гарпократа молча стянула её со своей головы, показав мне бритый череп. Я молча смотрел. Смотрел и думал о том, как же сильно она изменилась. И эта причёска. Она мне нравилась! И обновлённая Гарпократа мне нравилась тоже.

День триста пятый.

Я сделал очередной глоток того напитка, который мне предложила Гарпократа. Мои мысли начали плыть, лицо наливалось теплом, руки и ноги тоже. Ещё один глоток, больше предыдущего, и теперь я не обращал внимания на странный вкус напитка, но любопытство брало своё.

– Что... что это? – язык слегка заплетался. – Не пойму... Ты меня опохмелить хочешь? – хихикаю как дурак. Мне тепло.

– Это пиво, – сказала Гарпократа и посмотрела на меня, как на кусок дерьма на асфальте. – Горячее пиво. Отличный способ прогреть весь организм. Только много такого употреблять нельзя... развозит по полной, – она говорила тихо, вкрадчиво, усидчиво управляя своим голосом, каждой ноткой. – Так что допивай и слушай меня внимательно, – она вновь бросила на меня беглый взгляд. – Если ты хочешь спасти своих друзей, придётся рискнуть... нами обоими, – сказала она и на несколько секунд замолчала. – Я знаю, как попасть в кабинет прокурора.

– Откуда? – спросил я совершенно спокойно, предвкушая, что мне не понравится то, что я услышу.

– Я с ним познакомилась, – сказала она. – Правда... Он не самый приятный и не самый общительный человек. Поэтому вероятность того, что это будет опасным мероприятием, равна девяноста пяти процентам.

– Но вы ведь знакомы? В чём проблема-то? – спросил я, потому что файлы в моей голове не состыковались.

– Повторяю. Он не самый общительный персонаж, а это значит, что если я приведу тебя в кабинет, то ты однозначно попадёшь под удар, во всяком случае, когда тот увидит тебя, а вот я – не факт, но скорее всего... Так что нам надо подумать над аргументацией того, почему я тебя привела, – она была серьёзной, она была сфокусированной на своих мыслях.

Я задумался. Мой психоз замолчал. Моя решимость не знала, что предложить. Моя нерешительность, страх и моя паранойя также замолчали и не знали, как себя вести в этой ситуации. Моё нутро замерло в ожидании знака сверху, выше.

– А ты не можешь поговорить, порасспросить о том, чтобы я пришёл, нет? – спросил я, посмотрев на Гарпократу со всей серьёзностью.

– Нет. Мы видимся по расписанию... – она замялась. – Неважно. Не задавай лишних вопросов... Поэтому с трудом, с огромным трудом я смогу провести тебя в кабинет и таким образом устроить встречу, а там дальше – по обстоятельствам... Единственное, в чём я действительно уверена, –

это в рискованности данной затеи, – она пожала плечами.

Я не до конца понял, что она имела в виду, и решил это оставить на потом. До того момента, когда мои сильные слабости придут в движение.

День триста шестой.

– Что с тобой случилось? – спросил я, не выдержав давления тишины. – Крайний раз ты была совершенно другим человеком, – я смотрел на неё прямым, открытым взглядом.

– Я немного изменилась, – ответила Гарпократа. – Внутренне, затем внешне. Самую малость, – она попыталась показать застенчивость и скромность; получилось неумело, нелепо, но очень мило.

– Нет, родная, не немного, – сказал я, продолжая впитывать тепло от горячего пива. – Ты изменилась кардинально... Сейчас передо мной другой человек, моральные принципы которого так же...

– Рот закрой, – сказала она. – Ты ничего не знаешь о моих моральных принципах, чтобы пытаться поставить мне их в укор... или чтобы рассуждать о них! – она взметнулась со своего места.

– Хорошо... хо-ро-шо, – внезапно я понял следующее: она сказала, что встречается с прокурором по расписанию, и эта информация не даёт мне покоя. – Скажи, что значат твои слова про назначенные встречи с...

– А ну-ка... мальчик... поведай мне... что ты там себе

придумал? – спросила она.

Скулы её напряглись, губы чуть вытянулись вперёд в невероятно привлекательной улыбке, так и кричащей «давай, ошибись!». Гарпократа смотрела на меня, как на кусок дерьма.

– Ладно, я был не прав... в своих помыслах... – ответила за меня моя решимость. Мой рассудок согласно кивнул. Я не понимал происходящего, но и не пытался помешать самому себе.

– Ты знаешь о том, кто я по профессии? – ухмыльнулась Гарпократа, продолжая сверлить меня тяжелым взглядом. Этим вопросом она поставила меня в тупик. – Хотя бы одной из профессий?

– Нет, – спокойно ответил я, стараясь сохранить невозмутимый вид. – Расскажи мне, пожалуйста.

«Вежливость... вежливость в общении – то, что может стать самым главным в этом проклятом мире», – мелькнуло в моей голове.

– Имидж: терапевт высокого уровня. Также специализируюсь на хиропрактике и миофасциальном массаже... и кинезиологии, – Гарпократа говорила об этом с гордостью, присущей человеку, который влюблён в свое дело, для меня же эти слова были пустым, пускай сложным, звуком, но я сделал вид, что это что-то стоящее, и уважительно кивнул головой.

«Что она имела в виду?»

«Хиропрактика... миофасциальный массаж... кинезио-

логия?»

«Терапевт? Это значит, что она какой-то врач... Но вот чем конкретно она занимается – вот это уже другой вопрос...»

Мой психоз пришел в движение с большим количеством вопросов.

День триста седьмой.

– Что ты предлагаешь? Как ты меня проведёшь в кабинет того, к кому пройти практически нереально? – спросил я, совершенно не представляя, как можно реализовать проникновение в... – Кстати, а где находится кабинет прокурора? – спросил я.

– А вот это самый главный вопрос, – она хмыкнула. – У него их два. Первый – в участке, и мы ни в коем случае туда не пойдёмся. Второй – его частный.

– Что это значит? – я мотнул хмельной головой, допивая пиво, ставшее чуть тёплым и вызывающим рвотный рефлекс.

– Он детектив... ищейка. И у него есть небольшой офис, в котором он самостоятельно принимает заказчиков, – Гарпократ говорила об этом чуть ли ни шёпотом.

– Так, подожди! – моя решимость подняла руку в жесте «стоп». – А почему я не могу прийти к нему в кабинет как клиент?

Все мои сильные слабости подняли оживлённый гомон.

Каждая из сторон моего расслоения личности была согласна с такой формулировкой.

– Потому, что он тебя запомнил, – буркнула Гарпократа из города Тишины. – Он запомнил и тебя, и Правду и, кажется, ходит вслед за тобой по пятам, стараясь выяснить, как бы тебя упрятать, – она говорила спокойно, размеренно.

– Подожди! За что?! – меня тряхнуло от таких новостей. – Я ж веду порядочный образ жизни!

– И это его бесит вдвойне, – Гарпократа пожала плечами. – Поэтому стоит тебе оступиться или зазеваться – и тебе настанет конец. Кстати, ему также не нравится, что ты пытаешься выяснить, как связаться с кем-нибудь из глав.

– Так, а какая причина?! Почему он охотится на меня?! – спросил я, совершенно ничего не понимая.

– Он считает, что вы – верхушка какого-то местного синдиката, который и за крышу не платит, и деньги заколачивает, и живет автономно от трёхглавого монстра Правосудия, – сказала она, и тут я понял, что все очень плохо.

– То есть надо нанести удар до того, как удар будет нанесен. – я почесал лысый затылок. – Плохо... очень плохо... Не совсем понятно, и от этого совсем плохо. А откуда ты об этом знаешь? – спросил я.

– Любой терапевт ещё и психолог, – Гарпократа вздёрнула носик в сторону потолка. – Иногда необходимо идти по пути наименьшего сопротивления, чтобы одним крохотным вопросом всполошить улей мыслей и высвободить торнадо

День триста восьмой.

Гарпократа сказала, что у неё есть ключ от кабинета и что встреча назначена на послезавтра. У нас было примерно тридцать шесть часов, чтобы подготовить план, который ставил на кон всё: жизни наших друзей, наши собственные жизни, жизнь прокурора города Правосудия. В головах не было никаких мыслей. Я даже не мог понять, почему мой психоз умолк и не пытается вступить в дискуссию, предлагая большое количество бредовых вариантов и тупо глумясь надо мной. Это было странно.

Мы рисовали на бумажке блок-схемы: как можно поступить, с чего можно начать разговор, как и каким образом подступиться к тому, у кого безграничная власть.

– Ты знаешь иерархию власти в этом городе? – спросила Гарпократа за несколько часов до выхода из её квартиры и начала выполнения условного плана.

– Откуда бы мне об этом знать? – спросил я с лёгким налётом презрения по отношению к себе и моей собственной бесполезности. – Я работал в составе персонала, обслуживающего зону. Каждый день кого-то из наших убивали ради забавы или в попытке побега.

– Ладно... смотри... – она неловко откашлялась. – Судья, тюремщик, мэр, прокурор, – она говорила практически шёпотом, словно боясь спугнуть редкого дивного зверька. – В

первой тройке мэров, он практически ничего не значит тут. Прокурор – та ещё тёмная лошадка, которая ненавидит вообще всех, кто находится у власти, хоть сам имеет практически безграничный доступ к... Плюс, все они обоюднo ненавидят друг друга сквозь беспросветную эм... любовь...

– Что? – я не понял её формулировки, которая была слишком кучерявой и даже несколько парадоксальной.

– Они лучшие друзья и заклятые враги. Причём ненависти друг к другу больше, чем дружбы, но и нельзя сказать, что они ненавидят друг друга. У них вечное противостояние в рамках дружеского соревнования. Теперь понятно? – Гарпократ посмотрела на меня с вызовом.

– Это плохо или хорошо? – вот что меня волновало, потому что я надеялся выдать по-полной из этой информации.

– Это хуже, чем просто плохо... это ху... до... – закашлявшись, сказала Гарпократ, пришедшая мне на помощь в моей беспроглядной тьме.

– Спасибо, – сказал я.

Это произошло тогда, когда она отперла дверь личного офиса прокурора. В этот миг наш план окончательно пришёл в действие. Отменить его исполнение было невозможно. Было страшно, но мы решили пройти этот путь под нашими ногами до самого конца... по одной общей дороге.

День триста девятый.

Душный узкий шкаф. Тьма. В иных обстоятельствах я на-

звал бы это место душегубкой, но сейчас это единственный вариант спасения. Я внимательно слушал голоса. То, о чём разговаривали девушка из города Тишины и прокурор, является ключом к нашему побегу. Каждое слово могло стать тем самым, главным, которое расколлет жёсткую скорлупу ореха личности сухощавого невысокого мужчины с хищным взглядом и тиком лицевых мышц.

– Как вы относитесь к человекоподобным машинам? – спросила Гарпократа, заводя разговор в интересующую нас область.

– Когда они работают на нас... а-а-а... они имеют место быть. Когда выходят из строя, их необходимо уничтожать в доменных печах! Это игрушки, которые также необходимо утилизировать после двух, трёх, четырёх лет использования! – его голос был резким, а манера вести разговор лаяла доберманом.

– То есть у вас есть такие машины, да? – союзница, пускай несколько грубо, но очень в тему подмечала слова прокурора и пользовалась ими, как мог бы пользоваться заинтересованный адвокат. Затем я услышал череду щелчков и хрустов, после чего выдох наслаждения. Она вправляла ему кости, вытягивала и разминала мышцы.

– Допустим... – я услышал нотки расслабления в голосе цели. – На этом эта тема закрыта!

– Но позвольте задать вам ещё один вопрос. Мне просто интересно, – торопливо проговорила Гарпократа. – А бы-

вают поломанные машины? С проблемами в программном обеспечении? – сказала она, после чего добавила: – Как вам известно, я из города Тишины, и мы все неплохо программируем. Это чисто профессиональный вопрос.

– Ты не в меру болтливая для экс-жительницы города Тишины, – заметил прокурор. – Тебе так не кажется? – нет, он не говорил, он именно лаял.

– Поэтому я всего лишь экс, – игриво практически пропела она. – Так что вы мне скажете?

Послышался мощный щелчок, после которого было несколько секунд тишины, а после долгий выдох наслаждения.

– На моей памяти был лишь один такой казус. Его перебрали и составили из двух час... – он резко прервался. Внезапно, и я почувствовал это сквозь деревянные двери, атмосфера наполнилась свинцом и придавила собой, словно стеллажом с товарами.

Пауза затягивалась. Заволновавшись, я решил приоткрыть дверь и посмотреть на происходящее в комнате. Через секунду обеими руками со всей силы оттолкнул от себя двери шкафа. Те резко разошлись в стороны. Саморезы не выдержали такой нагрузки и вылетели со своих гнёзд, после чего деревянные створки с грохотом упали на пол. Прокурор, не ожидавший такого эффектного появления, отвлекся от попытки удушить Гарпократу, лицо которой было искажено гримасой страха. Всего на секунду он потеряет хватку,

чем воспользовалась Гарпократа и, поймав собственное сознание за хвост, переборов приступ паники, нанесла легчайший удар в шею. Через миг прокурор уже лежал без чувств. Обстоятельства сложились самым плохим образом.

День триста десятый.

– Проклятье... – выдохнул я сквозь сжатые зубы. – Почему... всегда... всё... через... ЗАДНИЦУ?! – сдерживая крик, я смотрел на Гарпократу, на лице которой отпечатались мелкие алые точки полопавшихся сосудов, а на шее – красные пятна. Она сидела, смотрела на меня и не могла сказать ни единого слова. Я тихо ругался, ходил по комнате из стороны в сторону и пытался понять, что и как нам делать дальше. Брать в заложники прокурора не было никакого смысла... Раньше мы сталкивались только с теми, кого не стали бы искать, в этот раз мы столкнулись с тем, кто точно будет нас разыскивать и за кем в любом случае кто-нибудь придёт. То есть мы вляпались по полной программе и наши жизни повисли на волоске.

– Что ты с ним сделала? – спросил я только после того, как немного успокоился.

– Перекрыла энергетический поток. Он скоро очнется, и тогда... – она хрипела, было видно, что каждое слово дается с трудом и болью, а в глазах её повисли тяжелые слёзы. – Что с нами теперь будет?

Гарпократа была в панике. Она впервые столкнулась с та-

ким количеством чувств.

– Тихо, девочка... тихо, – я справился со своей яростью, пересилил психоз, который свистел, кричал и улюлюкал, приглушил голос рассудка, который внимательно изучал лестницу Пенроуза в моих мыслях. – Мы как-нибудь выберемся отсюда... можешь мне поверить.

Она посмотрела на меня. Её лицо было сильно похудевшим. Это произошло за то время, которое о ней не было слышно. Она выглядела совершенно другой... живой и настоящей... Гарпократа внезапно перестала напоминать манекен из дешёвого гипермаркета и в моих глазах превратилась в настоящего человека, который дышал, мыслил и ненавидел окружающий мир так же сильно, как окружающий мир, очень тихо, практически незаметно, ненавидел каждого из нас.

На одной из стен кабинета висело большое зеркало. Мой взгляд упал на него, и я увидел как наяву, что вокруг нас стоят мои сильные слабости и внимательно изучают тело прокурора. Что все слои моей раздробленной личности ходят, обсуждают и сходятся в одном мнении: «В этот раз у нас есть уникальный шанс переплюнуть наши подвиги в городе Свалке».

– Успокойся, девочка... разберёмся, – попытался я утешить девушку, пришедшую мне на помощь в момент моего отчаяния. – Разберёмся.

Я пытался убедить себя в том, что всё будет хорошо. В

следующий миг произошло то, чего я никак не мог ожидать.

День триста одиннадцатый.

Тук-тук. Тук-Тук. Тук-тук – вот нормальный ритм бие-ния сердца. Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук – ритм, с которым билось мое сердце сейчас. Словно хотело вырваться из-под ребер и убежит в поисках ада, чтобы сгореть там. Я смотрел на Гарпократу, и мне было страшно... Я боялся за нее, так как её губы, бледные, как небо, дрожали, а зубы стучали. Она подняла глаза на меня, после чего впилась взглядом в меня, в мои губы, и я чувствовал, как её тело сводит дрожь.

У нас не было времени, чтобы выяснить, что это было... что произошло в тот миг, потому что прокурор начал медленно приходить в себя.

Холодный пот выступил на лбу Гарпократы. Она наблюдала за мной. Она наблюдала за нами: мной и прокурором.

Мы общались. Каждое слово – как удар шпагой. Каждый выпад мог стать последним. Единственный весомый аргумент, которым я мог воспользоваться, – тяжёлый чёрный пистолет, который был экстренно найден в столе за несколько секунд до того, как кладезь информации полностью пришёл в себя. Возможно, пистолет – это то, что сдерживало прокурора от резких действий и попыток напасть или убежать... Скорее всего, это было обусловлено моими глазами... точнее, моим взглядом убийцы. Этого никогда не вытравить, не вывести, не выжечь из меня... это останется со мной до са-

мого конца.

Гарпократа боялась, она отходила от пережитого шока, она старалась не двигаться и не разговаривать, и, если бы была такая возможность, думаю, она постаралась бы вообще испариться и больше никогда не появляться, но поздно... дороги назад больше не было... Думаю, сейчас она пыталась пережить свой новый опыт, который включал в себя понятие «нечего терять».

В это же время Правду снарядили на принудительные работы, на каторгу, на стройку чьей-то турбазы для элиты. Она, вместе с другими заключенными, в общем строю, вперемешку с женщинами, мужчинами и подростками, которых тоже оказалось немало среди осужденных в городе Правосудия, шла и пыталась абстрагироваться от ужасов, которые внезапно окружили её. От всех тех историй, которые включали в себя справедливость и отсутствие таковой, которые состояли из боли, страха и безумия.

Правда шла в колонне под проливным дождем, гонимым сильным ветром. Из одежды на ней были лишь тюремная роба и ватник, который за первые десять минут промок насквозь, стал тяжёлым, набравшись водой, и вместо того, чтобы даровать тепло, наполнял тонкую кожу холодом и влагой, начиная с плеч и спускаясь до самых пяток. И таких, как она, была сотня, тысяча, и все эти люди переносили на своих чёрных ботинках из самой дешёвой искусственной кожи

практически по килограмму глины.

День триста двенадцатый.

Андроид.

«Люди часто используют такое понятие как «я разваливаюсь», но понимают ли они значение того, о чём говорят? Думаю, мой уникальный опыт не может идти в сравнение с человеческим, так как меня разодрали по частям...»

Я остаюсь включённым только благодаря длине шлангов и проводов, из которых состоят мои проводящие жизнь магистральи. Мне интересно, что будет дальше... мне страшно, потому что я научился испытывать страх, и от этого мне смешно... потому что я не могу выключить это или обойти. Я и вправду почти стал настоящим человеком.

Следователь продолжает играть в свои игры с моим разумом... Сначала я думал, что смогу подстраивать ответы согласно всего одному файлу. Я ошибся. Мне приходится сохранять все допросы. Мне приходится конвертировать каждый в текстовый формат и искать подобные вопросы и мои ответы на них. Такое чувство, словно жёсткий диск в скором времени переполнится, и тогда я буду вынужден выполнить очистку. Возможно, этого и добивается следователь.

Мне кажется, что против меня используется отработанная тактика, а это значит, что до меня были и другие киборги, которые обрели душу. Если это так, то я боюсь представить, что с ними сделали местные управленцы.

«Страх... интересно, люди тоже так часто испытывают страх? Практически постоянно чего-то опасаются... будто бы ждут что-то невероятно плохое... неужели так можно жить?»

Я не понимаю этого и никогда не пойму. Думаю, потому что я знаю о том, что состою из других производных компонентов. Хотя кто сказал, что люди понимают то, что чувствуют? Никто им об этом не говорил! Наоборот, всё сводится к тому, чтобы научиться понимать чувства и их природу, но не то, что именно чувствуется... странная мысль... слишком путаная...

– Слушай, может быть, ты позволишь мне отключиться? – спрашивает андроид у следователя, когда тот в очередной раз подрубает аккумулятор, перед тем как уйти. – Мои ответы не станут другими, так же, как и задаваемые тобой вопросы.

В ответ на это следователь молчит. Подключает механического к батарееке и уходит, закрыв за собой дверь и выключив свет.

– Здравствуйте, мои навязчивые мысли, – говорит андроид, которого поглощают тьма и тишина. – Вот мы и остались с вами один на один... мысли... единственное, чему я рад, что у меня есть часы в голове. Если бы их не было, я бы сошёл с ума.

День триста тринадцатый.

Правда.

Лёгкое обморожение пальцев рук и ног... лёгкое обморожение... синие, практически чёрные, потерявшие чувствительность пальцы... Конченые варежки, которые выдали после получения диагноза и возвращение на стройку в конвоируемом строю. Я хочу плакать, но это опасно для лица из-за северного ветра, что превратит слёзы в лёд на щеках. Ещё и губы, они превратились в... кусок мяса. Кровоточащий кусок мяса, который постоянно расслаивается и болит! Как и моя душа, которая потеряла покой.

Я потеряла сон и покой. Моё тело стонет от молочной кислоты, заполнившей пространство между волокнами мышц. Из-за постоянной физической активности, тяжёлой работы на стройке уровень кортизола перевалил за красную зону и упёрся в стенку редуктора в моём организме. Это значит, что я состою из страха и стресса, из боли и отчаяния... Это та причина, по которой я потеряла сон.

– Когда же ты придёшь за мной, бомжара? – шепчу я после отбоя, стараясь сдержать слёзы или промакивая их грубыми варежками. – Ты же придёшь, ты же вытащишь меня из этого ада?!

В моём сердце лишь отчаяние. Я сама не верю своим словам... Я хочу верить, что он пробьётся сквозь все преграды, чтобы спасти меня и механического, но познакомившись с этим местом, я не верю в возможность этого... В это просто невозможно поверить.

С момента моего заключения прошло не так много времени. Сидеть ещё долго, но я уже думаю о том, чтобы вступить в открытый конфликт, чтобы меня быстренько, пускай жёстко, прикончили. Всему виной моё отчаяние, которое сильнее веры... Я даже не могла представить, насколько я слаба на самом деле, а тут – наглядный пример, насколько мой характер никчемен.

– Скорее... прошу тебя... скорее! – проговариваю я, надеясь, что мой друг почувствует мои переживания. – Забери меня отсюда! Спаси меня!

– Да закрой ты свой рот! – слышу крик, полный злобы и ненависти ко мне.

Я съёживаюсь, чтобы занимать как можно меньше места. Я даже перестаю дышать, потому что весь кислород, подвластный мне, опустился до минимального уровня. Только сейчас я чувствую, как быстро сокращаются лёгкие из-за приступа паники... На следующее утро я обнаруживаю, что мои волосы стали пепельного цвета.

День триста четырнадцатый.

Мы спорим уже много часов. Прокурор чувствует за собой безграничную силу и тотальную истину, и он прав. За нами нет ни первого, ни второго, за нами есть лишь груз ответственности за друзей, попавших в плен. Я не знаю ни единого метода склонить прокурора на нашу сторону. Это тупик, который захлопнулся со всех сторон, тем самым обра-

зовав ящик вокруг нас, а мы, как цветы Шрёдингера, которые так долго поглощали тоску города Грусти, стоя на моем подоконнике.

Я вижу отражение общения с той девушкой из лавки флористов. Я вспоминаю её сообщения, что волнорезом рассекали мои вопросы, раскидывая их по разным стороны от себя. Я вижу её глаза с той фотографии, которая познакомила нас... И я до сих пор не понимаю, почему она боялась меня тогда... когда на голове моей были волосы, в сердце – страх, в душе – нерешительность, а в голове – голоса психоза. Тогда я был самым безопасным парнем на нашей планете Меланхолии, в отличие от того, кем я стал теперь.

Я прижимаю кружок дула к виску прокурора. Смотрю ему в глаза. Задаю очередной вопрос либо насчёт помощи нам, либо о местоположении андроида, либо о том, чтобы он поспособствовал освобождению Правды... чтобы предоставил возможность ей и Гарпократе без проблем покинуть этого город, и чтобы ни он, ни кто бы то ни было никогда впредь не пытался их найти... а все прегрешения я взял бы на себя.

На все мои вопросы и предложения он лишь смеётся мне в лицо, при этом его лицо краснеет, а сосуды выдавливаются из-под кожи страшными, длинными червями.

Я чувствую, как мечется моя душа. Чувствую, как копошатся голоса в моей голове. Такое чувство, будто бы я нахожусь на столе нейрохирурга в то время, как он проводит мне операцию. Врач разбудил меня, и в его распоряжении

несколько минут, чтобы прооперировать и вновь погрузить меня в сон. Мы с ним болтаем в то время, пока он выполняет свою тонкую работу на моем мозге... Нечто подобное чувствую я сейчас в своей голове... При этом боли нет... есть лишь желание спасти друзей.

Я убираю дуло от виска прокурора. Делаю длинный, осмысленный выдох. Так же безмолвно разбираю огнестрел и раскладываю его составные части на столе. Прокурор просто наблюдает за моими действиями. Его взгляд меняется. Его манеры меняются. Кажется, я нашел способ, как сломать этого мужчину. Кажется, я обрел новый слой своего «наполеона» личности.

День триста пятнадцатый.

Я не вижу волка... я вижу пса, что скалится, облизывается и вновь скалится. Что впился в меня своими глазами и готов накинуться, но не может из-за страха. Я готов рассмеяться ему в лицо. Я чувствую то, о чём он думает. Он чувствует то, о чём думаю я, и это забавно.

«Это так легко – быть озлобленным шакалом, это так просто – быть койотом, когда за тобой следует целая стая шавок, что по одному сучьему взгляду готова броситься на врага!» – это мои мысли, которые, как написанные, читает прокурор, загнанный в угол.

Я вижу перед собой лисицу. Маленькую, напуганную, забившуюся в угол лисицу. Всё потому что эта маленькая тварь

рассмотрела во мне медоеда. Уставшего, тяжелого, жесткого, озлобленного.

«Тебе нечего терять, потому что за тобой выстроена социальная структура помощников и тех, кто придёт вслед за тобой! Мне просто нечего терять. За моими плечами пустота, и эта пустота внутри меня», – медленно, разделяя слова, не покидая моих мыслей, проговаривает моя решимость, и я вижу, как прокурор читает это в моих глазах. Я понимаю, что в отражении моих зрачков он видит все мои сильные слабости, вставшие перед ним в облике бесчисленного количества меня, отложившего понятие «человечность» в сторону.

Он косится на разобранный пистолет. Несколько раз прокурор предпринимал попытки выхватить или выбить его из рук, но сейчас оружие стало бесполезным, как диплом о высшем образовании, и это не дает ему стуле покоя. Прокурор нервно покусывает губы и ждёт того, что будет дальше

– Если хочешь идти, иди, – произношу я. – Если хочешь помочь, помогай, – мой голос трещит как будто на слабых радиоволнах. – Но если ты решишь кинуть или схитрить, поверь мне, я найду способ... – отворачиваюсь к стене, прерывая зрительный контакт с прокурором, – Я найду в себе силы, чтобы прийти и стать последним, что увидишь не только ты, но и многие другие, и ты понимаешь это... просто посмотри на меня... – возвращаюсь, чтобы посмотреть в его глаза, и тут же приближаюсь так, чтобы прошептать ему: – Выбирай!

Я практически нависаю над его ухом. Практически дышу

в его ушную раковину и чувствую, как этого презренного пробивает дрожь. Мне кажется, впервые в жизни тот чувствует страх... И я понимаю, что стану единственным из тех, кого он по-настоящему будет бояться до конца своей жизни... И это невероятно приятное осознание для такого ничтожества, как я.

День триста шестнадцатый.

– Что ты хочешь от меня? – спрашивает прокурор, неспособный посмотреть мне в глаза из-за страха, что сковал его по рукам и ногам не хуже бечевки, не хуже прочного пластикового хомутика, которым фиксируют запястья и лодыжки кость к кости. Он, как подбитая псина, смотрит снизу вверх, по касательной, в направлении, но мимо меня, скалитесь и скулит, осознавая свою беспомощность перед тем, кто сильнее, жёстче, опаснее и не свернёт со своего пути, несмотря ни на что.

– Мне нужны мои друзья, – улыбнувшись, отвечаю я и, честное слово, не знаю, откуда это во мне, но я сам физически ощущаю силу этой простой улыбки. Чувствую, как вены вздымаются под кожей на лбу, рассекая его от переносицы до надбровной дуги одной общей жирной линией и от бровей разбиваясь руслами двух скоротечных рек, то, как пульсируют молнии над мягкими кратерами висков. Я чувствую то, как сокращены мышцы вокруг и под глазами, как напряжены скулы и выпирают из-под кожи. Я ощущаю давление сво-

его взгляда, который бьёт моего собеседника в лицо, прямо в тонкий уродливый нос, рассекая его в розово-алую юшку из соплей, слёз и слюны.

«С тобой или без тебя. Рано или поздно. Я пройду по любой дороге, чтобы вызволить их. В твоих руках две истории и в твоих силах выбрать путь, по которому двинется множество жизней. Ты можешь выбрать одну, синюю линию, и тогда мы уйдём и никогда не вернёмся. Исчезнем, словно нас вовсе никогда и не было. Вторая, красного цвета, откроет целый мир, полный боли и страдания, полный отчаяния и страха, полный ожидания возмездия и, поверь, ты будешь видеть меня в своём отражении так, будто бы я всё время стою за тобой и будешь слышать мой голос так, словно я шепчу тебе «доброе утро», чтобы ты вскочил в холодном поту, упал на колени и начал молиться об упокоении своей души», – моя решимость, моя ярость, мой рассудок объединяются в одно, чтобы каждым словом играть на тонких паутинках сознания мерзкого человечка, не вынесшего тяжести собственного эго и своей собственной значимости перед тем, в чьих руках свобода, а в словах – истина из-под живого сердца.

– Выбор за тобой, – произношу я. – Ты можешь помочь нам... – одним красивым жестом открытой руки я указываю на Гарпократу и себя. – Или ты можешь испортить свою жизнь и множество чужих, – приближаюсь к его лицу настолько близко, что практически упираюсь своим лбом в его лоб, чувствую страх и рассматриваю небольшие капельки хо-

лодного пота. – Выбери... – выдыхаю я.

День триста семнадцатый.

Мы выходим из здания. Я. Гарпократа. Прокурор. Мы идём по направлению к ратуше. Срывается мелкий, мерзкий снежок. Ветер сильный, уничтожающий кожу. Холодно. Он обгоняет нас на несколько шагов, чтобы вести вслед за собой. Гарпократа напугана. Она этого не скрывает. Она не верит тому, что случилось, хоть и видела, слышала каждый звук своими ушами. Она не понимает, как такое возможно. Она, уроженка города Тишины, где взаимодействие между людьми сведено к минимуму, не может знать, каким образом построена психика у психов... А вот прокурор – он прекрасно знает. Он это видит и ощущает чутьём и профессиональным, и шестым, и, в моём случае, кожей, что поднялась шубой и не опускает до сих пор из-за предчувствия опасности... Именно поэтому он не пытается сбежать. Он прекрасно видит нашу разницу, касающуюся роста и мускулатуры. Он понимает, что я смогу его догнать, и наш пакт о ненападении будет разорван в клочья, как и его тело.

«Молодец».

«Хорошая работа!»

«Как тебе ощущение тотального превосходства? Как тебе эта отрешенность?! Как ты чувствуешь себя, когда принимаешь своё безумие и даёшь ему возможность править тобой?! Согласись! Тебе становится так хорошо, так приятно,

так легко! Да?!»

Мой психоз смеётся. Он хрипит, он прихрюкивает и смеётся. И я смеюсь. Сдержанно, скупое, сгорбившись от холода, чувствуя, как подпрыгивает мой плечевой пояс и как на меня косятся прокурор и девушка со сложным именем из города Тишины.

– С тобой все хорошо? – спрашивает Гарпократа, которая не понимает, что происходит. – Почему ты смеёшься? – она смотрит на меня и пытается понять, что творится в моей голове.

– Всё хорошо, – спокойно отвечаю я, понимая, что все действительно неплохо.

«Торопись! – скрипит зубами рассудок. – Правда нуждается в тебе! Мы должны её спасти!» – этот голос совершенно прав. Поторапливаю прокурора, и тот начинает передвигать своими ножками чуть быстрее.

«Думаю, все получится, – звучит в моей голове голос решимости. – Сейчас самое главное – выволить Правду из заключения в городе Правосудия... А потом, втроём, мы найдём способ, чтобы отыскать механического. И я поклялся бы, если бы знал, как надо клясться! Настолько я уверен в том, что все получится».

День триста восемнадцатый.

Колонны, построенные на человеческих костях и удерживаемые человеческими душами. Мраморные ступеньки,

что символизируют возвышенность, божественность, приближённость к великому таинству правосудия. Огромные залы с высокими потолками и пустыми пространствами протяженностью в человеческое одиночество. Таким я вижу здание ратуши, по которому нас ведет прокурор. Он не спешит, не торопится. Его шаг ровен, твёрд, как и он сам. Прокурор принял решение и готов нести всю ответственность до самого конца, точно так же, как и я готов воплотить в жизнь самый страшный его кошмар и, превратившись в тень, сводить с ума, чтобы довести до ручки оконной рамы, до самого края трёхногой табуретки с поломанной опорой, что стоит прямо под люстрой на высоком потолке... И он это знает.

Гарпократа семенит за нами. Она молчит, не имея ни малейшего представления о том, что происходит. Она предпочитает держать язык за зубами, и это правильно. Я чувствую её волнение... Также я кожей чувствую голос Правды... Я слышу, как она зовёт меня, и это повод для того, чтобы идти вперёд без страха, без оглядки.

– Говорить буду я, – произносит прокурор, останавливаясь у огромных резных ворот. – Вы стоите и молчите. Отвечать будете только тогда, когда к вам обратятся. Понятно?

Он старается быть грозным. Это выводит меня из себя. Делаю шаг навстречу и чувствую, как его уверенность съедается настолько сильно, насколько незначительным становится он в моих глазах.

– Говорить будем по очереди, – произношу я голосом, что

впитал в себя холод планеты Нептун. – Поэтому не думай, что у тебя будет возможность командовать. Ты. Это. Понял?

Не отвожу глаз от его, пытающихся спрятаться, скрыться от моего взгляда. Прокурор неуверенно, скупно кивает в наполненном отчаянием согласии, а я думаю о том, как легко ломается внутренний стержень, если встретить другого, еще хуже, жёстче... Я думаю о том, что рано или поздно мне придется встретить того, кто также сломает меня... Толкаю двери от себя так же, как и эти мысли, и наша скромная компания входит в кабинет мэра города Правосудия. Имя его – Гегемон, и он мог бы показаться всевластным правителем этого места, как мистер Маммона – единовластный наместник города Казино, но Гарпократа уже рассказала о том, что он лишь третий в списке главенства этого проклятого места, в котором госпожа Свобода не видит, не слышит, лишь твердит о собственной истине.

День триста девятнадцатый.

Красное дерево и кожа смотрятся невероятно красиво, дорого, статусно. Стиль интерьера типа «кают-компания» с электронным камином так и дышит теплом. Мне слишком нравится наполненность этого места, чтобы возненавидеть хозяина за это, и, не стану отрицать или скрывать, это моя зависть, которая, пускай редко, но появляется около моей души, чтобы нашептывать и провоцировать на ненависть.

Большой сейф-глобус установлен недалеко от стеллажа,

забитого книгами разных времён, разных авторов, разных стран и городов, и не факт, что хотя бы часть из этих произведений прочитана, а не служит тупо украшением и элементом дизайна. Я смотрю на это как на нечто небесное, великое, стоящее. Такое чувство, будто бы мне в лицо бросили щепоть пыли из сумочки фей, одурманили и создали мираж, но это реальность... в которой за большим столом сидит большой мужчина, подбородок которого состоит из четырёх сально-кожаных складок.

Рвотный позыв – вот что я ощущаю. Я хочу блевать от одного вида этого хряка, что окружил себя прекрасным, красивым. Его называют «мэр города Правосудия», хотя на самом деле он просто мусор. Шестерёнка. Кусок дерьма. Третий в списке из четырёх, и к нему меня привёл последний. Последний боится меня, чувствуя опасность.

– Что здесь происходит? – тяжёлый, гулкий, удивлённый голос мрази из-за стола поглощается мягкой поверхностью деревянной обшивки. – Кого ты привёл?! Кто это и почему без предупреждения? – Мужчина медленно, с трудом, помогая себе руками, отталкивая своё огромное тело от стола, поднимается на ноги. Его голос тут же сбивается, и раздаётся свист от его мерзкого, резкого, быстрого дыхания.

Я подхожу к столу, за который держится мэр. Я смотрю в его слишком большие для такого круглого лица глазки. Смотрю на плотные усы, в которых застряли крошки с обеда. Смотрю на слегка распущенный галстук вокруг шеи, ко-

тору ю ни за что не обхватить и четырьмя ладонями. Наблю-
даю за тем, как мужчина с омерзением смотрит на меня, и
это вызывает улыбку. Я чувствую страх прокурора, который
стоит позади и молча наблюдает и ждёт, что будет дальше. Я
ощущаю, как замерло дыхание Гарпократы.

«Начинаем, – произносит рассудок, и мы преодолеваем
второй рубеж невозвратности. – Механический... Правда...
мы идём», – звучит в моей голове так чётко, так ярко, так
приятно, что я понимаю, что это путешествие – лучшее, что
есть в моей жизни.

День триста двадцатый.

Дерзость, резкость, сила, ненависть – вот то, чем я руко-
водствуюсь сейчас, вот то, что позволяет мне двигаться впе-
рёд в этот час, вот то, что переполняет меня задором и за-
ставляет дышать глубоко, с удовольствием. В своей ладони
я сжимаю невероятно приятный, невероятно мягкий шёлк.
Галстук Гегемона намотан на мой кулак. Сам Гегемон в низ-
ком поклоне, повиснув на своём необъятном брюхе, в неве-
сомости над своим столом. Закруглённый, но при этом пара-
доксально остренький край его пера для подписей из доро-
гого металла впивается в свисающую сиську, глубоко погру-
жаясь в жир, заполнивший кожу.

– Послушай сюда, гнида, – это не мой голос, – мне нуж-
на информация, и я её получу любым методом, любым спо-
собом, даже если мне придётся раскидать твои производные

по твоему прекрасному кабинету, – это голос моей решимости, вобравшей в себя всю мою ненависть по отношению к городу Тишины, самому себе и городу Правосудия, впитавшему всю мою усталость. – Так что выбор за тобой. Сделать все быстро и просто или немного повозиться, – подтягиваю мужчину чуть на себя. Его тело полностью переваливается на мыловарный компонент, его ножки отрываются от пола, перо скрывается под облачным телом. —Что скажешь?!

Смотрю в большие, ничего не понимающие глазки. Ещё через секунду, словно придя в себя, он отталкивается обеими руками от стола. Внезапно, очень резко, внезапно, очень сильно... меня тянет вслед за мэром города Правосудия. Громкий удар сообщает, что его лакированные туфли коснулись пола. Я, успев ухватиться за край стола, стою, чуть согнувшись, и в вытянутой, совершенно тощей руке, продолжаю держать галстук. Смотрю на перо, которое торчит из плоти и вокруг которого белая рубашка наполняется жизнью.

Гегемон спокойно, молча поднимает свою раздутую руку и одним резким движением высвобождает дорогой металл из своей сиськи, после чего громко прибывает к столу, за которым и развиваются события. Его вторая рука поднимается и падает на мою, что держит его за красивую офисную удавку. В моём воображении мелькают принципы действия пресовочного станка и аппарата для сгибания арматуры. Держаю руку на себя, но мэр слишком плотно зафиксировался

на своём месте. Слышу хихиканье прокурора. То, что началось безупречно, стало развиваться по самому худшему из сценариев.

– Да что, ты, псина, себе позволяешь?! – голос Гегемона – мерзкий, гулкий, громкий – впивается в моё мироощущение. – Я тебя сам сейчас или задую, или переломаю, чтобы в науку другим ублюдкам было!

Он выкручивает мою руку, даже несмотря на галстук, сжимающийся на его шее. Я чувствую боль и как натягивается кость, закручиваясь в спираль.

День триста двадцать первый.

Чувство невесомости под мерзкий смех прокурора, под крик Гарпократы, под собственное непонимание не способно даровать уверенность. Жёсткий удар спиной и головой о полки стеллажа, разбитое стекло, осыпавшееся на меня снегом, и щелчок позвоночника готовы приковать меня к полу. Привкус стали, тяжёлое, практически отсутствующее дыхание, небольшие кружки сознания, окружённые тьмой, и вертолёт заставляют оставаться на медвежьей шкуре, откашливаясь, отплёвываясь, слушая мерзкий голос прокурора, который уже держит мою спутницу из города Тишины, и тяжёлые, медленные, приближающиеся шаги мэра.

«Вставай, слабак!»

«Давай-Давай-Давай! Отжимайся, поднимайся и не церемонься с ним!»

«Всего один бросок... даже не удар, а всего лишь бросок, и ты распластался на полу и не можешь двигаться... ты жалок, никчѐмен... ты – ничто!»

Мой психоз подстѣгивает меня. На длинном, тяжѐлом выдохе я пересиливаю боль и поднимаюсь. Из рта, с самых уголков губ, с обеих сторон скатываются алые капельки... такие же уже были размазаны под нижней губой и под носом... Распрямляюсь. Хохот прокурора затихает. Я практически могу ощутить, как скрутились его кишки от страха, от отсутствия веры в то, что тот увидел моѐ возвращение на твѣрдые ноги. Гегемон смотрит на меня с удивлением. Левая часть рубашки уже смачно пропиталась алой жизнью из дыры в жирной сиське.

– Даже так?! – он искренне удивлѐн. – Значит, придѣтся поменять не только шкаф... Ох, морока и суета сует...

Он резко бросается на меня. Даже слишком резко для таких габаритов, слишком ловко... Уворачиваюсь от выпада удара ногой, мощного удара, но не кулаком, а ладонью, что была запущена по траектории движения пощечины.

«Долго ты так не сможешь танцевать, – произносит мой рассудок, который старательно пытается восстановить мои зрение, слух и скорость. – Хватай за галстук! За галстук! – кричит мой внутренний голос, и я повинуюсь ему и вновь цепляюсь своей длинной, костлявой рукой за шѐлк, опутанный вокруг шеи мэра. – Ты меньше, шустрее, и это преимущество! Заходи за спину, упирайся коленом в спину и тащи

на себя!» – инстинкт самосохранения в моём теле и сознании работает как часы.

День триста двадцать второй.

Хрип. Ужасный хрип. Какие-то попытки проговорить слова. Руки, из-за своего объёма кажущиеся короткими, и жадные пальцы в поисках возможности отодвинуть ткань от гортани, сдирающие кожу с одного из подбородков... усердно рыщущие под складкой, спустившейся на одну сторону из-за перекошенного положения тела мэра, сражающегося с удавкой, натянутой мной.

– Только тронь её, бастард, и я превращу тебя в инсталляцию неправильных жизненных решений, – произношу я и в следующий миг сдуваю капельку пота, повисшую на самом кончике моего носа.

Гегемон поднимает одну из рук и указательным пальцем тычет сначала на прокурора, потом на стеллаж того шкафа, который был разбит мной, затем палец спускается на одну из тумбочек. Последнее, что быстро, в немой шараде, показывает мэр города Правосудия, напоминает нажатие на спусковой крючок. Его рука возвращается к борьбе с натяжением.

«Шёлк скоро лопнет!»

«Там пистолет!»

«Да сделай же ты что-нибудь!»

Мой психоз не испытывает удовольствия от развернувшихся событий, и на это есть причины. Первая состоит в том,

что прокурор моментально все понимает и бросается за оружием. Гарпократа, будучи в сильнейшем шоке, онемела, и видно, что она не может ни двигаться, ни говорить, ни слышать, ни мыслить, ни даже дышать.

На условных рефлексах отпускаю одну руку, ослабляя давление на горло мэра. Эта одиночка отправляется в сторону стола Гегемона на поиски такого предмета, который можно было швырнуть в прокурора и которым можно вырубить при попадании в голову. Как назло, на краю, до которого я дотягиваюсь, кроме стикеров в пластиковом контейнере и шаров Ньютона, ничего нет. Моя рука возвращается к галстуку. Хватка одной рукой заметно ослабла, даже несмотря на то, что до этого мне удалось поставить мэра на колени и жёстко зафиксировать его позвоночник своим коленом.

Мой психоз матерится настолько громко и жёстко, что подбородку, смывая кровь, стекает слюна. Как бы я ни пытался, какие бы силы ни прикладывал, у меня не получается придушить Гегемона... Прокурор не останавливается. Он потерял страх, узнав о пистолете, и ринулся за ним. Сейчас этот мерзкий мужчина выгребает всё из шкафчика в поисках огнестрельного оружия, которое поставит точку в нашем походе. Вот я слышу довольный смех. Фокусируюсь на противниках. Пытаюсь понять, что мне делать. В этот миг дуло пистолета смотрит в мое лицо. Раздаётся гром.

День триста двадцать третий.

Моя правая щека проводит большое количество жара. Он бьёт по моему скоплению жира и воды, что в моей черепной коробке. Я неотрывно наблюдаю за чёрной дырой дула пистолета, что отклонилось в сторону благодаря книге... это была книга о происхождении мира за семь дней. О духах, которые живут на небесах и несут благое знамение в этот прогнивший мир.

Лицо прокурора искажено. Шея и лицо Гегемона красные. Его и без того большие глаза навывкате и залиты тем, что струится из моей щеки вниз.

Еще один раскат грома. Еще одна книжка, что-то связанное с физикой простых тел... Не просто книжка, а целая коллекция макулатуры, исписанной, исчерченной знаниями вдоль и поперек. На сей раз печатное издание попадает в плечо. Благодаря своему удельному весу оно сдвигает прокурора на целый шаг в сторону, и пуля уходит в другую. Я слышу голоса. Они раздаются из коридора. Я понимаю, что на этом, для нас, всё должно закончиться. Слишком много шума, слишком жёсткие методы.

– Стой! – хрипит мэр. Я наблюдаю за тем, как прокурор берет на прицел Гарпократу. Она, в свою очередь, поднимает с пола какую-то увесистую папку. Гегемон орёт, чтобы небольшой мужчинка-прокурор, наделенный взглядом конченной гниды, прекратил перестрелку. Раздаётся ещё один выстрел. Гарпократ падает на пол и закрывает голову тем сводом документов, что аккуратно сложены в папку. Я быю с

локтя по черепу мэра, тот подается вперед и, кажется, теряет сознание. Прокурор не успевает среагировать на такие мои действия и продолжает смотреть на свою цель. В следующий миг жёсткий удар в челюсть сносит его с ног. С гулким хлопком тот приземляется на ковер. Его рука по-прежнему сжимает пистолет. Придавливаю вооруженную руку ногой и второй рукой отбираю огнестрел. Гарпократа уже сидит и читает документы из папки. Мэр поднимается на ноги, тяжело дышит, одной рукой держится за шею, на которой остались смачные следы с кровоподтеками и от ногтей, и от шелкового галстука, другой рукой он стаскивает с себя удавку, которая послужил мне хорошим оружием против него.

Раздается стук в дверь, и в комнате наступает совершенная тишина.

– Вот оно, – выдыхает моя спутница. – Вот теперь мы сможем выйти отсюда, – произносит она.

– Всё в порядке! Не заходить! – орёт Гегемон хрипящим голосом. – Я сам со всем разберусь! Пошли прочь!

Он смотрит на чёрную дыру дула, которое засасывает его сознание и которое в один миг способно отобрать жизнь.

День триста двадцать четвёртый.

Гарпократа читает, я держу на мушке и мэра города Правосудия, и прокурора. Гегемон стоит на коленях, заложив руки за голову. Он пялится на ковёр из длинных тканевых волокон, тяжело дышит и не позволяет войти сюда тем, кто ло-

мится в двери. Одного его слова достаточно для того, чтобы непрошеные гости таковыми и оставались, не пересекая линию пространственного проёма коридора и кабинета. Подомной шкура, оставшаяся от дикого зверя.

Моя спутница достаёт свой телефон и начинает быстро фотографировать бумажки. Глаза мэра округляются от такого выпада, и он вступает в дискуссию.

– Лучше бы ты этого не делала, девочка, – сказал Гегемон, посмотрев на неё взглядом голодного хищника. – Ты ничего не знаешь о том, что ты делаешь и с кем связываешься. – Его гулкий, мерзкий голос хрипит после удушения, трещит, как старая пластинка, но звучит спокойно, вкрадчиво, как голос диктора, что читает сказку на ночь. – Убери свой телефончик в сторону. Думаю, мы многое можем обсудить и о многом сможем договориться.

Я вижу его улыбку, от которой меня начинает мутить, и это при том, что я наблюдаю лишь часть его лица. Всё дело в конституции тела Гегемона и в том, что он не может смотреть прямо, стоя на коленях с руками, сложенными за головой.

– Думаю, это вы не совсем понимаете, с кем связались, – отвечает моя спутница, увлечённая своим занятием.

Прокурор открывает глаза. Его тело медленно, рывками, приходит в движение, словно это робот, который считывает работоспособность собственных узлов перед включением их в работу основной цепи. Он садится на задницу, раскинув ноги в стороны. Его руки лежат на бёдрах, рот сочится алой

юшкой. Я не видел, куда именно приложился, лишь чувствовал, как вывернул или растянул запястье, сейчас же я наблюдаю за тем, как из его приоткрытого рта, вместе со слюной и жизнью, точнее, на этой вязкой жиже, выплывают два сломанных... или выбитых зуба.

– Думаю, вы не совсем... Точнее, совсем не понимаете, кто я такая, – истерически проговаривает Гарпократа. Её руки ходят ходуном, зрачки глаз расширены, на глазах слёзы. Она смотрит на меня, тут же бледнеет, и через несколько секунд её начинает тошнить.

Чувствую, как начинает штормить и меня. Меня ведёт, и через несколько секунд я влетаю в комод с зеркалом. Один невольный взгляд падает на собственное отражение. Теперь я тоже хочу блевать.

День триста двадцать пятый.

– Я— мэр города Правосудия! Третий по значимости человек в этом городе и, поверьте, близнецы встанут на мою сторону, чтобы наказать вас за... – он возмущённо поднял руки из-за головы и развёл ими в стороны. – Всё вот это! За погром, который вы учинили, и за тот вред, который нанесли лично мне и нашему уважаемому прокурору! – Гегемон закладывает руки обратно за голову. На его голос и обращение окликнулся прокурор, который до этого момента сидел как болванчик, слегка раскачивался из стороны в сторону, как неваляшка, и издавал странный, протяжный, тихий стон.

Сейчас в него словно вселилась душа, которая заставила густо сплюнуть кровь и вытереть лицо рукавом. Я перевел прицел с Гегемона на него, потом обратно, и ещё раз... и ещё раз.

– Я и из города Тишины, – со слезами на глазах сказала Гарпократа. – И я думаю, нет смысла объяснять вам тот факт, что я очень неплохо программирую и что у меня есть некоторые интересные возможности... в плане людей и связей, которыми я уже успела воспользоваться... Правда, частично, но основная часть моего плана уже реализована, и сейчас в движение приходит вторая его часть... ничтожно маленькая.

В голосе моей напарницы была уверенность, а в словах – подлинная сила борца за свободу и счастье друзей и близких... В этот момент я был горд тем, что знаком с ней.

– Что это значит?! – спросил мэр города Правосудия, осматривая свой разваленный кабинет с пятнами крови и рвоты на ковре и на медвежьей шкуре, за которые было отдано немало грошей и йот.

– Это значит... – Гарпократа сделала еще несколько снимков документов. – Что я отправляю все самые смачные дела, которые вы тут проворачиваете, на один интересный сервер, который помогли найти и настроить мои друзья, – она была холодна и неприступна, как великая крепость. – Смысл вот в чём. Начиная с этого момента, я должна каждые полчаса подтверждать факт своей невредимости при помощи зашифрованного сообщения. Если один раз не отправить ответный

шифр, все фотографии будут выложены даже не в сеть, нет... Они попадут вообще везде, куда их только можно отправить, со всеми ссылками и приписками, – сказала она. – То есть это станет очень неплохой провокацией для всех жителей и не только этого города, а многих других, и, поверь, найдётся очень много пострадавших и сочувствующих, кто захочет разнести вас...

– У нас есть своя небольшая армия, – громко усмехнулся Гегемон, перебив её.

– Посчитай, сколько городов вокруг... Посмотри на количество жителей, незаконно осужденных, что сидят на вашей зоне... Тут ещё что-то о городе Творцов, о Свалке и городе Фруктов... – она произносила эти названия, закидывая меня в уголки моих флешбеков.

День триста двадцать шестой.

Атмосфера могла бы накалиться, но мы были совершенными правителями ситуации. Однако я чувствовал негатив Гегемона. Он исходил легким потоком жесткого мата, срывающегося с толстых губ на мерзком лице этого демона. Прокурор тупо пялился, переводя глаза с нас на мэра и обратно.

– Это блеф! – проговорил он с заметным свистом. Его треугольник смерти распухал после моего удара. Было видно то, как он проглатывает собственную кровь и шарит языком по десне в том месте, где меж зубами образовалось рукотворное отверстие.

– Ты так думаешь? – спросила Гарпократа. – В таком случае, у меня есть отличное предложение! – она становилась всё увереннее, всё сильнее, и эта сила чувствовалась в каждом её движении и жесте. – Правда, нам придётся подождать несколько часов. А потом... у вас же есть ноутбук, правильно? – спросила она у мэра, стоящего на коленях.

– Да... в моём кейсе, – пробубнил тот, и она опустила взгляд в свой телефон. Спустя минуту она вернулась из мира бесконечно длинных сетевых линий в наш несовершенный мир.

– Позвольте, – она поднялась на ноги, – я возьму ваш кейс, чтобы вы его открыли? Она вела себя вежливо, несмотря ни на что. Она ловила презрительный взгляд прокурора. А я прижимал к своей щеке кусок собственного оторванного рукава. До начала этого разговора, после того, как я увидел, что случилось с моим и без того не идеальным лицом, я спросил у Гегемона:

– Бухло есть?

Мне нужно было резко остановить кровотечение и обеззаразить рану. Как только ответ был получен, а большой фужер с коньяком приличной выдержки извлечён из оставшегося целым шкафа, я сорвал рукав своей толстовки, смочил его алкоголем и прислонил к лицу. Это было больно.

Сейчас же я вдруг понял, что прокурор тоже человек и было бы неплохо помочь ему чем-нибудь. Я протянул ему все тот же фужер.

– На, пей... Как минимум боль отступит через некоторое время, – сказал я, наблюдая за тем, как мэр города вскрывает свой кейс с какими-то документами и ноутбуком. – Считай это вариантом пакта о ненападении, но не путай его с благосклонностью. Одно неверное движение – и содержимое твоей головы окажется на стене.

Я посмотрел на того, кто искренне меня боялся, и мы поняли друг друга без лишних слов. Он увидел мою решимость и неотступность, а я увидел в его глазах покорность... временную, мерзкую покорность, и понял, что его нужно держать перед собой и не поворачиваться к нему спиной... чтобы не получить удар в спину.

День триста двадцать седьмой.

– Почему ты так легко отдал свой ноутбук? – вопрос возник в моих мыслях и тут же дистанцировался оттуда с помощью вибрации связок и отходов отработавшего в моём организме кислорода. Гегемон сначала засопел, потом ещё немного посопел и лишь спустя минуту ответил. Кажется, для него его поведение тоже стало неким откровением. Неожиданным, непонятным и не востребованным.

– А... я... не знаю, – сказал мэр и хлётко всадил себе ладонью по лбу. Звук при этом был похож на приглушённый выстрел, и я обрадовался, что не попал под его удар, а мой полёт через кабинет и разбитый мной шкаф или сервант... Не знаю, что это было... Самое малое, что могло произойти

в противоборстве против этого вечно голодного демона, что питается властью и бедами.

– Вот и всё, – сказала Гарпократа, провозившись меньше пары минут с ноутбуком мэра. – Через пятнадцать минут нас ждёт экстренный выпуск новостей, и, прошу вас, многоуважаемые господа, приготовить мобильные телефоны и мозги к разговору с...

– Блишнешами... – прошепелявил прокурор, чьи глаза округлились, и это был куда больший страх, чем передо мной. Такая же реакция была и у Гегемона, который внезапно начал дрожать. В моих мыслях повис один вопрос: «Неужели они настолько страшны?» Я помню то, как выглядел судья, но... Я не увидел ничего такого, что могло вселить праведный ужас. Это был обычный, невысокий мужчина с уставшими глазами и пышным белым париком на голове... в дань традиции.

В это время механического вновь подвергали процедуре кругового допроса. Мой обретший душу друг начал сбиваться. Даже робота возможно ввести в спираль, в ступор и заставить путаться в собственных словах. Это становилось возможным, если держать его аккумулятор практически разряженным и при этом заставлять его работать на полную мощность. Киборг уже предвкушал скорую деактивацию на основе поломки из-за вируса, повредившего систему, и по причине корпуса, составленного из двух частей тела, большая часть которого являлась собственностью города Правосудия.

Правда в это время старательно дышала на посиневшие, онемевшие пальцы рук, которые уже даже не болели. Её глаза высохли и больше не содержали слёз. Она думала лишь о том, что больше никогда не сможет рисовать, и на то у неё две причины. Первая – физическая, а вторая связана с психологической травмой... Она больше никогда не сможет рисовать из-за страха вновь оказаться в подобном месте... если, конечно, она сможет выбраться из этого ужасного места.

– Бомжара... ну где же ты?! – и днём, и ночью она повторяла себе этот вопрос и ждала... ждала того, когда я приду за ней и спасу, чтобы вместе бежать из этого проклятого города.

День триста двадцать восьмой.

– Мы прерываем программу для срочного выпуска новостей, – проговорила диктор с экрана ноутбука. – В наши руки попала информация о незаконной деятельности мэра нашего прекрасного города и о преступном сговоре...

Прокурор взялся обеими руками за голову и осел на пол. Гегемон побелел настолько сильно, будто бы его измерение внезапно перешло в чёрно-белую Вселенную. Никогда раньше я такого не видел да и после – тоже. Через пару минут после начала вещания вместе со словами девушки-диктора: «Администрация пока что не дала никаких комментариев. Скорее всего, это провокация неизвестной террористической группировки...» раздался телефонный звонок. Ста-

рый аппарат с циферблатным диском зазвенел с радостным официозом, так он зазывал владельца офиса.

– Б-б-близнецы, – заикаясь, проговорил мэр и посмотрел на прокурора, который причитал проклятия и выплёвывал самозабвенный мат. К этому моменту он закрыл уши руками. Кожа на обратной стороне ладони была красной, а кончики пальцев под ногтями белели все сильнее. Он сдавливал уши, стараясь вычеркнуть любые звуки, поступающие в его мозг извне.

– Алло! – я взял трубку. – Кто говорит?! – мой голос пробился сквозь нерушимую стену истерических ругательств с той стороны. – Представьтесь! – мой голос поглотился внезапной тишиной.

– Я тот, кто уничтожит тебя, – я слышал скрежет зубов и знакомый голос. – Позови борова! – я навсегда запомнил этот мерзкий голос, который возненавидел даже не сердцем, душой. – Быстро. Позови. Борова! – судья сорвался на крик, но мне на это было плевать

– Приходи сюда вместе со своим братом, – сказал я. – Если в течение часа вас не будет на месте, будет ещё один слив. Чуть более глобальный, и я сомневаюсь, что вам понравится то, что с вами сделают жители вашего города, господа... Думаю, вам грозит суд Линча.

– Ты не посмеешь... – хрип и скрежет в трубке. – Жди... Я еду уничтожить тебя...

– Никакого оружия. Никаких свидетелей. Только вы вдво-

ём и та компания ваших подопечных, что собралась около меня, – ответил я. – И, поверь, у меня есть замечательный аргумент, который должен сдержать вас двоих от неоправданных действий, – сказал я и положил трубку.

Гарпократа смотрела на меня с уважением. Гегемон и прокурор – с издёвкой, как на психа, что подписал себе смертный приговор, с негой мечтая о том, как меня уничтожат.

– Девочка... тебе нужно уйти отсюда. Я не знаю, что будет дальше, но... – я пытался сформулировать свою мысль, которая никак не хотела формулироваться.

– Заткнись ты уже, – сказала моя напарница из города Тишины. – Мы вдвоём по самые уши в этом болоте из дерьма. Отсюда уже не выбраться, и если тонуть, то вместе, одновременно, а не по частям, – сказала она.

Я понял, что не смогу её переубедить, и понял, насколько благодарен ей. Мои сильные слабости в один голос закричали: «Красотка!»

День триста двадцать девятый.

Я не мог понять, не мог уловить тот момент, когда я стал наркоманом. Я упустил тот судьбоносный миг так, будто бы он песчинка времени, что быстро ускользнула сквозь пальцы. Не мог вспомнить ту самую секунду, когда впервые получил зависимость от адреналина, что вырабатывался моим организмом в моменты стресса, страха, отчаяния. Внезапно я понял, что всё самое внезапное, мерзкое, жесткое, плохое,

что случается со мной – и есть мой наркотик... Что я самостоятельно ищу способ усложнить своё существование.

Стук в дверь Гегемонова офиса раздался спустя сорок минут после телефонного разговора с судьей. Хозяин офиса поинтересовался, кто пришёл, и получил ответ в стиле: «Если дверь немедленно не откроется, она будет встречена находящимися внутри личностями, что будут вынуждены её ловить из-за ускорения, приобретённого с помощью взрывчатки С-4». Конечно, сказанное было ёмким, хлёстким и не столько красноречивым.

Открывать дверь пошёл прокурор. Я внимательно следил за Гегемоном, чей шок по отношению к явившимся выглядел слишком наигранно. Гарпократа стояла за крышкой перевернутого на бок стола. Это было импровизированным убежищем для нас обоих. Я боялся возможной перестрелки. Я был уверен, что близнецы придут не одни. По этой причине все окна были зашторены. Я даже сказал мэру большое спасибо за его изысканный вкус, который сыграл нам на руку, потому что шторы были сшиты из очень толстой чёрной ткани, которая вообще не пропускала свет. Нам даже пришлось прибегнуть к нескольким люстрам, потому что сомкнувшиеся края материи погрузили нас в непроглядную ночь.

В кабинет мэра вошли двое, с первого взгляда идентичные на все сто процентов, неразличимые. Второй же взгляд на мужчин давал понять, что это два совершенно разных человека, с разными историями и характерами и одной, поми-

мо внешности, общей чертой – жесткостью, которой можно гнуть сталь человеческих стержней. Они вошли и одним лишь своим присутствием загнали мэра и прокурора в дальний угол. Сейчас они напоминали двух шавок, увидевших раскочаных питбулей.

Я вышел к ним навстречу. Встал напротив и увидел эту самодовольную рожу, которая зачитала: «За неуважение к суду, в поучение, срок вашего заключения увеличивается на семьсот двадцать часов». С трудом удержав свой кулак у бедра, я начал говорить.

– Мы владеем большим пластом информации о вас и ваших делах, – сказал я. – Все выгружено в сеть, в специальную программу, которая требует аутентификации каждые полчаса. Если пропустить хотя бы одну такую, большим количеством писем будет разослана вся документальная информация. Думаю, после такого, вас линчуют. – Говорил не я, а моя решимость. – Либо мы будем общаться обстоятельно... либо... – я достал из кармана джинсов пистолет. – Либо будем пользоваться аргументом «Никто не выйдет отсюда живым», – сказал я и поднял дуло, направив его на судью. Таким образом, я сам нарушил требования нашей встречи и почувствовал себя биологическим мусором.

День триста тридцатый.

Андроид.

Я схожу с ума. Меня сводят с ума однотипные вопро-

сы. Я чувствую то, как ячейки памяти заполняются и... мне необходимо упорядочивание массива всех данных... создание новых связей... подсчёт всех ячеек памяти и выстраивание в новом, правильном порядке. Мне это необходимо, но я не могу себе этого позволить, потому что этот человек не даёт мне необходимого времени. Он знает о всех функциях и алгоритмах моего мозга. Он ловко пользуется понятием «тест Тьюринга» и, как мне кажется, даже живёт согласно этому понятию, погружённый в собственную паранойю и ищущий машины среди людей... или людей среди машин... К сожалению, этого я тоже никак не могу понять.

Он вновь заходит в комнату мучительного допроса, включает свет, позволяя мне в очередной раз рассмотреть мои же внутренности, разнесённые по столам и стульям. Я наблюдаю своё великолепие, я вижу свои недостатки, я запоминаю принцип работы каждого узла и внезапно осознаю: ведь он мог сделать это... ведь он мог разобрать меня для более детального изучения моих ответов на вопросы. Он может смотреть на давление, скорость срабатывания клапанов и мембран... Что если вопросы – лишь прикрытие, которым пользуется мой мучитель, и его истинная цель никак не связана со словами, которые покидают мою грудную клетку?!

Я познаю очередную грань человеческого страха. Ту, которая заставляет строить теории, углубляться в их изучение и, деталь за деталью, всё больше верить в собственный бред. Странно, дико... так... по-человечески... и от этого страш-

нее вдвойне.

Иногда... всё чаще... я жалею о том, что обрёл душу и стал владельцем не прикованного к алгоритму сознания, потому что всё приобрело подтекст, обусловленный сложностями выборов. Раньше, когда я был андроидом, все было проще: меня спросили, я ответил. Если ответа не было в моей системе, я его искал и выдавал самый правильный, согласно сравнения между множеством найденных. А теперь я всегда ищу ответ! Даже в момент, когда произношу его, я сомневаюсь в правильности и продолжаю поиск наиболее удачного варианта, которого может и не быть вовсе... И внезапно я начинаю думать о том, что следовательно это видит и пользуется этим.

Кажется, с этого момента я могу запутаться в своих показаниях... Спасибо тебе, моя приобретённая, человеческая паранойя. Спасибо тебе, Маммона, за твой замечательный подарок, который уничтожает меня изнутри!

День триста тридцать первый.

Правда.

Меня сводят с ума мои совершенно белые волосы. Я пугаюсь каждый раз, когда мой облик попадает на отражающую поверхность. Там, в отражении, человек, отличающийся от того, кем я себя запомнила. Там исхудавшая девушка с острыми скулами и выпирающими из-под балахонистой робы ключицами. Седые волосы довершают концепт-арт под на-

званием «внезапный декаданс одной персоны».

Мои руки постоянно трясут невидимый шейкер. Пальцы, которые уверенно скакали по офисной клавиатуре и удерживали кисти для рисования, словно стали длиннее, жилистее, покрылись паутиной сосудов и обрели такой цвет, в котором вообще нет жизни. Моё хобби... теперь у меня нет хобби...

Стройка медленно продолжается. Самых слабых уносят отсюда на носилках, самых слабых среди самых сильных уносят в мешках. Мы, то есть те, кто застрял между этими двумя когортами, объединены одним обще-персональным желанием – выжить и забыть этот кошмар. А пока мы кладём кирпич, мешаем цемент и укладываем красный за красным, под снегом и ветром, в глухом поле, под надзором конвоя, которому насрать на наши жизни; они отсиживаются в комфортабельном контейнере и лениво выползают в двух случаях: когда у нас больше нет сил работать и им необходимо пинками и затрещинами простимулировать нас к действию; когда среди сильных разгорается кровавая баня и нужно отобрать у стаи свежий, кровоточащий кусок мяса, чтобы запихнуть его в чёрный целлофановый пакет. Иногда мне кажется, что все мы покинем это место в тонком пластике... Всё чаще так кажется.

«Бомжара... ты так давно не появлялся... просто, прошу, не говори мне, что ты сбежал отсюда, оставив нас на произвол судьбы... Понимаю, что мне осталось не так долго находиться за решёткой, но я понимаю кое-что ещё... Меня ни-

кто не освободит из этого плена и найдется тот, кто поспособствует увеличению моего срока, и так будет до того момента, пока этот сраный дом не станет чесать небеса своим шпилем! И так будет до того момента, пока несколько подобных домов не станут пронзать небеса своими крышами...»

Баланда... холодная, липкая, цвета чернозёма никак не хочет опускаться вниз по пищеводу и то и дело норовит вернуться обратно на бумажную тарелку передо мной. Единственное, что спасает положение, – чуть тёплый, водянистый чай, в котором практически нет чая, много соды и цвет напоминает колготки в двадцать, может быть тридцать, ден. Этот чай – единственное, что согревает меня в последнее время... этот чай, как бы прискорбно это ни было, в последнее время – самое светлое в моей жизни, и от этого внутри так паршиво!

День триста тридцать второй.

– Ты надеешься напугать нас этим?

Судья смотрит на меня с волчьим оскалом, исподлобья, не сводя внимательных глаз. Тюремщик стоит чуть в стороне и улыбается. Его руки сложены замком на груди, а в позе чувствуется фундаментальность, твёрдость, непоколебимость, которую мне предстоит сломать... которую, может быть, получится сломать и в очередной раз склонить чашу весов на свою сторону.

– Пугать? Вульгарно. Глупо. Слишком просто, – отвечаю

я, стараясь выйти на частоты, которые начнут резонировать с мыслями хотя бы одного из этих... страшных представителей рода человеческого. – Я просто говорю вам, как развернутся события в том случае, если вы встанете в позу... что вы именно сейчас и делаете... вместо того, чтобы спокойно выслушать меня, – стараюсь держать сталь в своём голосе, и она бьёт по моим связкам своим холодом. – Вся суть заключается в том, что нам нужно, а не в том, что хотите сделать вы.

– Даже так? – усмехается судья, который смотрел в чёрную точку чёрного, тяжёлого пистолета, который был направлен ему в лицо. – А для чего тогда эта трусливая игрушка? – спросил он с вызовом, с насмешкой, с презрением. – Неужто ты боишься, а, герой?

– Нет, я не боюсь, – говорю я. – Это лишь аргумент для начала нашей беседы. – Внутри меня шевелится ярость, которую необходимо сдерживать на коротком, прочном поводке нервов. – Вот интересно, а можешь ли бояться ты? – лаем вырывается из меня, и это одно из моих крайних состояний старательно пытается взять управление нашим телом в свои руки.

Психоз стоит в сторонке. Рассудок и решимость – единственные, кто стараются дать отпор, так как страх, паранойя и нерешительность сидят в своем углу скромности и перешёптываются, чувствуя своё совершенное бессилие.

– Да, ты можешь бояться... Главное! Самое главное! По-

добрать ключ!.. Не-не-не! Отмычку, чтобы медвежатником вскрыть этот сейф и вынуть оттуда твою зловонную суть, – моё тело начинает двигаться вперёд, при этом корпус извивается так, будто бы его ведёт пьяный кукловод, что в угаре перепутал ниточки и нацепил их не на те пальцы. – Пистолет... ты за ним так внимательно наблюдаешь, – я не узнаю своих интонаций, потому что никогда прежде таких у меня не было. – Почему он тебя так волнует?! – странно, мерзко хихикаю я на высоких нотах. – Мне кажется, ты не боишься меня, а вот оружие – это другое дело! – чувствую, как моё лицо искажает улыбка, и это чувство смешивается с болью в рассеченной пулей щеке. – Или нет! Ты не боишься оружия! Нет! Вот! Я не прав! – вновь страшный смех. – Ты вожделешь его... ты думаешь о том, как его отобрать и вышибить мне... мозги, – моя рука играет с пистолетом так, будто бы это пластиковая игрушка. – Да?

Чувствую, как по шее начинает сочиться моя жизненная сила в виде алой жидкости, и это лишь подзадоривает ярость, явившуюся в облике чистого безумия

День триста тридцать третий.

Чёрные, расширенные зрачки внимательно следят за мной. Тюремщик сменяет свою вальяжную, расслабленную позу на более сконцентрированную и напряжённую. Я чувствую, как меня разрывает от наслаждения. Я получаю кайф от того, кем сейчас являюсь. По сути, это не я, лишь оболоч-

ка, скорлупа, оставшаяся от меня.

– Ты даже не представляешь, с каким удовольствием я размажу твою рожу, – шипит судья, который внезапно сжался, напрягся, словно ожидая внезапного удара.

– Ну так давай, действуй!

Комната наполняется смехом. Словно присматриваясь третьим глазом, я замечаю прокурора и Гегемона, которые замороженно, непонимающе следят за моим безумием. Гарпократ, которая заняла почётное место за столом мэра, кажется, потихоньку снимает происходящее.

– Давай! Ударь меня.

Я сам подставляю свое лицо. Мой корпус наклонен вперёд. Я хихикаю и предвкушаю эту сладкую боль от удара. Смотрю на судью, чьё лицо искажается от отвращения и внезапного сомнения.

– Давай... дювай... дю-ю-ю-юва-а-ай! – шёпотом пропеваю я, искоса наблюдая за тюремщиком, что разминает плечи. – Ну что, ты храбрился, обещал... Почему ты ничего не делаешь, а? – мой голос звенит нотками истерики, нотками настоящего психопата. – Давай... давай-давай-давай! Не заставляй меня долго ждать!

Я вытянулся вперёд, мои руки собраны в замок на поясице и сжимают пистолет, голова слегка повернута набок.

– Сла-а-ба-а-ак! – протягиваю я, и это становится последней каплей провокации.

Костяшки кулака звонко бьют по челюсти, цепляя щеку.

Сила удара такая, что меня разворачивает на пятках, но я не теряю ни равновесия, ни ясности мыслей. Даже боли нет! Только брызги крови от удара по разорванной плоти. Но на этом он не останавливается. Чувствую ещё один удар. Третий.

– Достаточно! – делаю два быстрых шага назад и выставлю руку с пистолетом вперёд. – Дос-та-точ-но! – продолжаю смеяться. – А ты молодец, но упустил свой шанс и... а-а-а... братик, отойди от моей спутницы, – рука одним твёрдым движением меняет цель с судьи на тюремщика, замершего в шаге от стола мэра. – Молодцы! Какие сплоченные действия и все без слов! Мой вам поклон, – тело театрально склоняется, после чего возвращается в исходное положение. – Вернёмся к нашему разговору! – делаю два шага в сторону судьи, засовываю два пальца под язык, после чего достаю и смотрю на разбавленную слюной жидкость жизни. – Молодец!

Вновь улыбка на лице, и в следующий миг я чищу свои пальцы о лицо судьи. Его глаза расширяются от... страха... он сломлен!

– Фу... – начинает ругаться тюремщик. – Ублюдох!

Он забывает о Гарпократе и делает два шага в нашу с его братом-близнецом сторону.

– Стоп! – прикладываю дуло пистолета к виску судьи. – Ещё один шаг – и... – свободной рукой изображаю фонтан из жира и воды, после чего собираю всю кровь во рту и сплёвываю её на ботинок судьи. Его лицо становится белым и по-

крывается налётом белых капелек.

День триста тридцать четвертый.

– И что дальше? – голос тюремщика, глухой, посаженный, тяжёлый, голодной крысой под колпаком вгрызается в мягкое тело реальности. – Если ты нажмёшь, считай, подпишешь себе смертный приговор, – говорит он. – Я обеспечу тебе это, обещаю! – он скрипит мелкими зубами.

– Ты думаешь, что напугал меня? – спрашиваю я, отворачиваясь от судьи. – Ты думаешь, что твой скулёж способен напугать кого-то, не считая этих презренных псов?! – указываю я на прокурора и Гегемона. – Ты слишком привык, разжирел в своём статусе и потерял хватку! Ты был вожаком стаи! Был... но посмотри на себя, кем... ты... стал? – размахиваю пистолетом, как муляжом, как мажорик дорогой игрушкой. – Ответь мне на этот вопрос! – нервно, резко рычу я, приблизившись к нему почти вплотную. – ОТВЕТЬ! – кричу ему в лицо, брызгая алой жидкостью из разбитого рта, ощущая, как она, сочась из раны на щеке, уже пропитала воротник моей одежды и спускается все ниже и ниже.

– Нет...

Его голос не дрожит, и мне это нравится. Мне и моему психозу, который наблюдает из моих глазниц за нахлынувшим безумием и тоже наслаждался той мерзостью, которая изливается из меня нескончаемым потоком слов, которая преобразовывается в своеобразные, угловатые, немного те-

атральные движения. Ответ тюремщика заставляет меня испытать уважение к нему.

– Отлично! – выдыхаю я и широко улыбаюсь. – Великолечно! – тычу в него дулом пистолета. – В таком случае, ты и смерти не боишься, наверное?! – я громко смеюсь, обдумывая реализацию своего плана. – Не боишься, ведь так?! – обхватываю отбитой рукой затылок тюремщика и подтягиваю к себе, лбы соприкасаются. – Давай!... давай-давай-давай! Скажи мне, боишься ты или нет?! – меня разрывает от наслаждения своим безумием.

– Ты же сам прекрасно знаешь ответ на свой вопрос, – холодно отвечает тюремщик. Такое ощущение, что он знает про мой план. Как будто бы он читает мои действия наперед, но я знаю о том, что это не так.

– Отлично! – облизываюсь, я сплёвываю кровь на красивый ковёр, совершая акт вандализма и превращая произведение человеческого труда в грязную тряпку. – Превосходно! Просто замечательно! В таком случае, что ты скажешь, если я сделаю вот так?! – хватаю его за шкурку и тащу в сторону его оцепеневшего от крови близнеца. – Гарпократа, иди сюда, девочка! – кричу ей, и она, словно загипнотизированная, встаёт со своего места и быстро подходит. – Возьми пистолет! – вручаю ей огнестрел и выстраиваю цепочку следующим образом: судья смотрит в стену, к нему, затылок в затылок, ставлю его брата и сам становлюсь лоб в лоб с тюремщиком. – Приставь мне дуло к моему затылку, – хихи-

каю. Через несколько секунд холодный кружочек дула касается моей лысой головы.

– Ну, давай... девочка... нажимай курок.

Я смотрю в глаза тюремщика. Он непоколебим. Он смотрит в мои глаза. Напряжён, натянут как струна.

– Она не сможет, – произносит он, и тут я понимаю, что чувствую, как дрожит судья, уверенность которого рухнула, как тело в петле.

День триста тридцать пятый.

– Жми на сраный курок! – ласковым рыком слова выходят вместе с отработанными отходами, что раньше назывались «воздух». – Давай, милая! Покончи со всем!

Я смеюсь. Идиотизм ситуации зашкаливает, но меня уже понесло, и я не могу остановиться.

– Но как же механический и Правда?! – спрашивает Гарпократ. – Ты же хотел всех спасти! – она в шоке, её палец сам начинает надавливать на курок, неосознанно.

– Их уже не спасти... меня тоже не спасти!

Я улыбаюсь в лицо тюремщика, которого начинает пробивать дрожь. Он заражается страхом от близнеца, страдающего от гемофобии. Мне... нам это лишь на руку! Все мои сильные слабости, мой психоз и я готовы поставить красивый и уместный в этой истории знак препинания.

– Ты уверен?! – спрашивает она сквозь всхлипы. – Ты точно этого хочешь?! – в её голосе безысходность, готовность.

– Я уже мёртв, – срывается с моих растянутых в улыбке кровоточащих губ. Наступает секунда вечности, равная бесконечности, которой не хватит, чтобы продышаться.

– Нет! Не жми! – тюремщик тоже надламывается.

Теперь близнецы готовы к разговору. Теперь они чувствуют неотступность, решимость идти до самого конца, но поздно! Я громко смеюсь.

Звонкий, громкий щелчок. Тишина. Тяжелая атмосфера в кабинете Гегемона, что сидит в углу и переводит глаза с прокурора на нас и обратно. Он не понимает, что произошло. Гарпократа тоже ничего не понимает. Она зависает с вопросительной гримасой на лице. Близнецы вдохнули и не могут выдохнуть. Моя задумка увенчалась успехом.

Начинаю быстро двигаться. Рука ныряет в карман и достаёт оттуда обойму. Все это время я был аккуратен и акцентировал внимание на чёрной дыре дула и либо прикрывал отверстие для рожка, либо ловил углы, под которыми она была незаметной. Сейчас же время уловок подошло к концу и надо действовать быстро и решительно, поэтому контейнер с патронами резко становится на своё место, после чего следует перезарядка.

– Возьми, девочка, – произношу я и с трудом отдаю ей, сопротивляющейся, пистолет. – Давай ещё раз... Это была репетиция! Ты молодец! Я тобой горжусь!

Эти слова высекают слёзы из её глаз, и... я вижу благодарность за похвалу и счастье. Практически читаю по губам это

«спасибо». Она стала нужной... Гарпократа стала нужной и благодарна за это! Я чувствую это! Но времени на ответ нет, поэтому я поворачиваюсь к тюремщику, закрывающему своим затылком затылок брата.

– Начнём сначала? – истерически смеюсь. – Надеюсь, ты будешь благоразумен и найдёшь правильные слова, что призовут нас повременить с экспериментом под названием: «Сколько черепушек может раздробить одна пуля, выпущенная в упор»!

День триста тридцать шестой.

«Ты можешь ответить, что ты ей скажешь, когда вы встретитесь вновь?»

«Скажи, неужели это мы стали той причиной, по которой маленький клерк превратился в большого психопата?»

«Тебе нравится... я знаю! Тебе нравится то, кем ты стал! Но вот в чем вопрос: «Кем ты стал?»

Мой психоз напоминает белый шум. Он глушит мои собственные мысли, что заполнены персональным безумием, которое не затронуло хрупкую организацию колонии моих сильных слабостей. Белый шум не только старательно вещает, передавая аудио-волны, также он показывает, напоминает мне о тех глазах с той самой фотографии... безжизненном, холодном взгляде незнакомки, устроившей под дверью моей квартиры самое прекрасное кладбище непрочтенных валентинок.

«Что. Я. Скажу. Ей?» – по словам, спокойно, я обдумываю услышанное и погружаюсь в поиск наилучшего ответа на этот вопрос... Это не так просто – решить, что сказать той, которая боялась маленького менеджера, забившегося в углу квартирки в городе Грусти.

– Давай поговорим! – врзается в мои уши голос судьи. – Обсудим?!

Я слышу истерику в его голосе, и ведь точно... всё это время он пялился на прокурора с разбитым в мясо лицом и на Гегемона, чья белая рубашка пропитана алым из дыры в сиське, проделанной пером для подписей. Последние несколько минут психологического пресса гемофоб вынужден был наткаться на свой страх. Я этого не планировал, однако, рад тому, что всё случилось именно так. Это одна из тех капель, крупниц, что помогают нашей чаше перевесить.

– Жми, девочка! Жми! – кричу я сквозь истерический смех. – Проверим силу пробоя! А-ха-ха-ха! А потом вальни этих шакалов, – мой голос рассекается грубым треском сквозь жёсткий хрип, при этом одна рука указывает на парочку, забившуюся в углу напротив глаз судьи. – Жми и беги отсюда! Расскажи, что тиранов больше нет и наступила полнейшая амнистия во имя ангелов Правды и Человечности!

Я смеюсь, сравнивая своих друзей со святыми. Именно такими я их представляю в этот миг!

– Не-не-не! – лоб тюремщика мотается из стороны в сторону, бьётся о мой. – Давай поговорим! – я слышу нотки

страха. – Давай обсудим и найдём компромисс! – слышу его голос, наполненный отчаянием и внезапным осознанием, что моему безрассудству нет предела.

– Стреляй, девочка! – выдыхаю я с улыбкой, с решимостью сдохнуть, даже несмотря на хор голосов, что не согласны с моим решением. – Давай! – кричу я, даже не зная, на что я на самом деле надеялся. Спустя секунду гремит выстрел. Второй. Третий... и звонкий щелчок.

День триста тридцать седьмой.

Громкий крик, паразитом выгрызаемое в «сейчас», набивая своё ненасытное естество. Голоса тюремщика и Гарпократы резонируют на одной ноте в разных октавах. Мой смех дополняет эту картину. Всхлипывания судьи звучат часто, резко, навязчиво. Гегемон и прокурор задержали дыхание и не могут ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я чувствую этот момент, как самый прекрасный во всём мире. Никогда раньше я не ощущал такой лёгкости, невесомости. Что-то подобное было лишь единожды, и тогда я летел лицом навстречу смеси битумов и был готов принять удар от асфальта... Тогда меня выкинул флорист из своей цветочной лавки... Тогда я решился заговорить с той девушкой из сети... Тогда мой крохотный мир холодных, пустых, бетонных стен подвергся личноститрясению и я впервые перестал быть... превратившись в кого-то, похожего на себя, но совершенно другого человека.

– Я не могу! Больше не могу так! – сквозь надломанные нервы и плач кричит Гарпократа. Её рука поднята в потолок. Над ней, в горизонтальной стене над головой, три дыры и осыпающийся мелкий дождь из пыли и штукатурки. Ей палец до сих пор давит-давит-давит крючок, принуждая его клацать-клацать-клацать, раз за разом, раз за разом.

– Давай... давай договоримся?! Давай нормально поговорим?! Давай, а? – причитает сломленный тюремщик, в то время как моё нутро рассекается на части, требуя продолжения бесшабашного балагана под встревоженные удары в двери и громкие голоса с той стороны.

– Не входить! Все в порядке. Не обращайтесь внимания! – кричит Гегемон, косящийся на свой рабочий стол с установленным на столешнице ноутбуком. Он боится внезапной утечки информации, потому как сам списал бабки на новую детскую поликлинику и поделил их... Так же, согласно его разрешению, многие отправились за решетки... Так же его слово стало последним для единогласного принятия решения о строительстве нескольких вилл. Он прекрасно понимает, что его сожгут заживо на главной площади города Правосудия, дабы правосудие восторжествовало.

Быстрыми движениями я отворачиваюсь от сломленного тюремщика, забираю пистолет у Гарпократы. Разбираю огнестрел автоматическими движениями, которые мне подсказывают моя решимость и ярость. Разбрасываю составные узлы по углам кабинета. Делаю глубокий вдох, в котором чув-

ствую горечь от пота и солёную сладость крови, в котором ощущаю прохладу дыхания сплит-системы, в котором присутствует концентрат из желания жить, страха и адреналинового кайфа.

– Ну, что ж... – срывается с моих губ вместе с запекшейся на них кровью. – Давайте поговорим, – я улыбаюсь так, будто бы улыбка навсегда прилипла к моему слегка изуродованному лицу. – Но сначала вопрос... У кого-нибудь есть закурить?

День триста тридцать восьмой.

Каждый занял удобное только для него место. Гегемон и прокурор освободили угол от своих тел и тоже приспособились поудобнее. Атмосфера избавилась от негласного присутствия Зевса... Тора... Перуна... словно Тесла закончил свой опыт и вынужденно убрал из кабинета мэра города Правосудия своё оборудование.

Я сел на пол к тому шкафу, который был разбит при помощи моей костлявой спины. Я пристроился на стопке поломанных полочек и уставился на присутствующих. Гарпократ, к примеру, дёрнула ноутбук и встала, прислонившись спиной к двери. Она держала средство для автоматизации процессов и приятного времяпрепровождения на своём предплечье. Одна её нога, что упиралась в пол носочком, постоянно амортизировала, подпрыгивая вверх-вниз... Всё это из-за нервов.

Близнецы заняли почётное место за столом Гегемона и устали на нас. Несколько секунд уместились в компактную вечность, заполненную ожиданием начала серьёзной беседы. Я знал, о чём буду говорить. Я решил обо всём в ту миллисекунду, когда тюремщик умоляюще попросил о диалоге. Я понимал, что моё предложение устроит далеко не всех, что мне придётся выторговывать, может, у совести, а быть может, у отца мистера Маммона собственную душу, но иного пути не было видно.

– У нас к вам предложение. У вас есть выбор: согласиться с нами и дать нам адекватный ответ, – чеканил мой рас­судок, ведомый решимостью и яростью. – Надеюсь, вы сделаете правильный выбор, – произнёс я и улыбнулся своим изуродованным лицом так, что судья побелел, а Гегемон от­вёл глаза от предоставленного запила.

– Выкладывай, – холодно сказал тюремщик. – Мы, может быть, выберем утвердительный из предоставленных ответов.

Он смотрел на меня глазками, в которых танцевали огоньки презрения, ненависти, полной готовности к уничтоже­нию, в которых я видел обоснованный страх и непонимание. Я видел, что непонимание заиклилось на страхе, а страх – на непонимании. Он боялся, потому что не понимал, и не понимал, почему сильно боится. Его мысли превратились в уроборос.

Я начал рассказывать от имени нашей скромной компа­нии, ищущей единственное место в мире, где всем нам будет

хорошо. Я говорил долго, выкладывая лишь часть карт на стол и тем самым подбавляя информации для обдумывания, все козыри при этом оставляя про запас.

Близнецы внимательно слушали. Сейчас, после представления, устроенного в их честь, они жадно ловили каждое слово, словно стараясь продышать себе как можно больше времени, как можно больше жизни. Я видел это и улыбался, смочив второй оторванный рукав коньяком из фужера и приложив его к сочащийся ране на моей щеке.

День триста тридцать девятый.

– Мы хотим уйти отсюда с нашими друзьями, – сказал я и посмотрел на судью. – Ты... упрятал за решетку дорогого мне человека и можешь считать это возмездием.

Мой взгляд сверлил его лицо. Я хотел надругаться над его внешностью, но множество моих внутренних «я» сдерживали, напоминая о том, что я психологически надругался над его внутренним миром, и этого вполне достаточно.

– Её зовут Правда, и ты вынес её приговор, – я смотрел сквозь пелену, заставшую мои зрачки, и видел лишь цель, которую не выпускал из поля зрения. – Теперь настал тот момент, когда ты выпустишь её, принесешь публичные извинения и попросишь прощения. Также во всех документах, в каждой бумажке напишешь, что дело было ошибочно сфабриковано на основе ложной информации от неизвестного источника... или как там вы всё это называете.

– Хорошо... забирай и проваливайте! – скрипя зубами и скрепя сердце сказал один из близнецов. – Чтобы мы больше никогда не встречались!

– Это не всё... – я вперил взгляд на тюремщика. – Нам нужен ещё один персонаж, который входит в наш квартет, – мой голос звучал словно сквозь вату.

– Кто такой?! – спросил тюремщик. – Он тоже был осужден?

Близнец внимательно изучал меня. Я до сих пор не мог просчитать этого человека. Иногда мне казалось, что я прекрасно знаю, с кем имею дело, но в иные моменты он сильно удивлял своим поведением.

– Он не совсем человек, – сказал я. – Его быстро заломали ваши цепные андроиды на вокзале и увели, не дав мне ни единого шанса вмешаться в ход событий. Не получилось тогда, компенсирую сейчас, – сухо декламировали мои демоны из черепного ящика Пандоры. – Так что приведите мне моего друга-андроида, и наш небольшой коллектив отправится дальше...

– Ладно... – Близнецы были против того, что правила игры диктовали им, а не они сами. Они переоценили себя и вместо того, чтобы устроить нам жесточайшую засаду из бездушных кукол, управляемых чужой волей приказов для искусственного интеллекта, близнецы корили себя сами за свою излишнюю самоуверенность, возникшую на почве тотального подчинения, страха и контроля, за то, что забыли,

что такое аккуратность... Что вместо засады они сами попали в некоторое подобие таковой.

– Надо связаться со следаком, – сказал судья. – Мне докладывали о подобном... По идее, разработка и попытки сломать искусственный разум до сих пор не возымели никакого успеха... Эм... Хорошо... Посмотрим, что можно сделать, – он с опаской поглядывал на меня.

– Это не всё, – вклинилась Гарпократа. – Я вынуждена требовать вашей отставки, – сказала она голосом наивным, но при этом уверенным. – Ваше правление должно резко прекратиться и остаться где-то на задворках Вселенной... то есть, уйти в небытие.

Да, она была права, но я понял, что не хочу лезть в эти разборки. Также было и другое, плохое «но», которое звучало в моей голове моим собственным голосом: «У меня нет другого выхода. Я в долгу перед ней и должен помочь так же, как она помогла мне. Молча, в любом деле, при любом раскладе, с любой затеей».

День триста сороковой.

– Но!.. – вспыхивает голос мэра и тут же прерывается моим хрипом.

– Никаких «но»! – строго перебиваю я желеподобное тело по имени Гегемон. – Ты слышал её... Вы слышали её! И я согласен с мнением моей напарницы, – говорю я, переступив через себя.

На самом деле, я не хочу ввязываться в это дело. На самом деле, вершить судьбы – не наше дело, не наша прерогатива.

– Не зазнавайся, – тюремщик приподнимается с места и приближается ко мне. – Готовность нашего сотрудничества не даёт тебе власти над нами.

Я жду секунду, ещё одну, и ещё одну, после чего резко поднимаюсь с места и хватаю его за рубашку, резко подтягиваю к себе, чтобы у меня была возможность смотреть прямо в глаза.

– Закрой рот, гнида, – рыком вырывается из моей грудной клетки. – Ты будешь делать то, что скажу я или она. Не обсуждается, – моя рука резким движением направляется вниз, увлекая за собой его тело. – Я не намерен спорить, так что проще согласиться и разойтись... Поверь, намного проще.

Мне в челюсть прилетает тяжёлый удар. Резкий, сильный, со стороны порванной пулей щеки. Чувствую, как юшка вновь спускается вниз по шее. Чувствую головокружение и пытаюсь быстро вернуть фокус. Сквозь мутное стекло реальности вижу приближение второго удара, от которого успешно отклоняюсь, и тут же вижу, как прокурор и мэр резко срываются со своих мест. Судья от увиденной крови сползает в обморок. Минус один. Как же хорошо, что один только вид крови способен вывести одного из противников из строя и облегчить противостояние.

Плохо помню, что было дальше. До этого я успеваю сменить место с обломков разбитого мной шкафа на деревян-

ный стул. Сейчас же, когда в кабинете вновь бушует пламя раздора, я не думаю... некогда раздумывать! Поэтому после уклонения я просто отталкиваю от себя тюремщика. Тот теряет равновесие, и это даёт мне несколько лишних секунд, которыми я пользуюсь, чтобы подскочить к тому месту, где стоял тот самый деревянный стул, на котором я сидел последние минуты переговоров. Через миг он оказывается в моих руках. Я быстро отдаляюсь от тюремщика, чтобы угомонить Гегемона. Удар, треск – минус два. В руках остаётся спинка от казённого предмета интерьера. Она достаточно легкая, но слишком неудобная, чтобы нанести удар, поэтому её надо доломать, сделав одну-единственную палку. Приходится увернуться от удара. Тут же замечаю, как Гарпократа отбивается от прокурора. Качели раскачались не в нашу сторону.

«Убивать...»

«Нельзя убивать...»

«Покалечь каждого!»

Мой психоз растекается по моим жилам яростью, безумием, жадной чужой боли, нехваткой посторонних страданий. Чувствую, как мысли растворяются в желании наказать. Благодаря этому импульсу сотворяю из спинки стула палку и следующим движением опускаю её на плечо прокурора. Раздаётся смачный щелчок, вместе с которым тот валится на пол.

– Готовь колени, – рычу я, повернувшись к тюремщику.

День триста сорок первый.

Нефтекачка. Со стороны я выгляжу как механизм по добыче нефти. Это длится всего несколько секунд. Жизнь настолько хрупка... всего несколько мгновений прерывают, калечат эту неженку... Это осознание приходит ко мне чуть позже. Я сижу в кресле Гегемона и созерцаю плоды своего отчаяния, своей решимости... жажды спасти друзей. Я вспоминаю хозяйку бара «Сигарет-ка» и сам мечтаю о том, чтобы закурить. Кажется, теперь я разделяю любовь Галы к табаку и алкоголю. Я сижу и пью остатки коньяка из фужера. До этого я залил дорогим спиртным напитком то, что навсегда останется со мной упоминанием об этом дне... Щека больше не болит.

Я слышу стоны боли и плач. Смотрю на спутницу, которая сидит на полу и подпирает своей спиной дверь. Она тяжело дышит и смотрит на меня, как на туземца из племени каннибалов.

Я сделал так, как сказал... почти так, как сказал. До последнего момента я хотел раздробить оба коленных сустава тюремщика. Я был готов, но потом психоз увлёк мою руку, предложив отобрать у каждого из четырёх участников по одной конечности, в память, в назидание, в вечный символ ужаса, стыда и обреченности перед бессилием.

Близнецы лишились по коленной чашечке благодаря палке, оставшейся от спинки стула. Этот же обломок предмета

интерьера поспособствовал тому, что по одному локтевому суставу и у Гегемона, и у прокурора превратились в кашу. Я созерцал парад стонущего отчаяния и наслаждался плодами своего напряжённого труда. А ещё мне хотелось гореть в натуральном огне, потому что я шагнул напрямиком в инферно.

– Надеюсь, это стало для вас уроком покорности, – выдыхаю я. – Надеюсь, вы оставили свои попытки сопротивления в стороне и теперь честно согласитесь с нашими требованиями и мы разойдемся в разные стороны и больше никогда не увидимся.

Они могли бы поклясться в полном упокоении моих внутренних демонов, но я точно был уверен в том, что готов перейти оставшуюся черту и вновь отобрать несколько жизней... так, как это было на Свалке. Моя цель на расстоянии вытянутой руки... дальше меня ожидает лишь путь вперёд... в поисках места, где я... где каждый из нашей скромной компании будет счастлив.

– Вы отпускаете всех нас из вашего города и забываете о том, что в ваших жизнях было все вот это вот, – развожу руками, демонстрируя врагам их самих. – Вы сами покидаете свои посты и даже можете устроить массовую амнистию незаконно осуждённым! – смотрю ровно перед собой, делаю несколько глотков коньяка, который не пьянит из-за адреналина. – Могу вам обещать лишь одно, – перевожу пустые глаза на Гарпократу: – Если вы будете честны и выполните каждое данное нам слово, обещаю никогда не появляться в

ваших жизнях и освободить вас от дамоклового меча правосудия в виде нашего невинного шантажа, – чувствую, что перебарщиваю, знаю, что хочу слишком многого, но теперь всё или ничего. – И не смейте преследовать нас... или отпугивать наёмников по следу... Вы должны понимать, что я в любом случае выживу и приду забрать должок!

День триста сорок второй.

Гегемон вызвал наряд скорой помощи, которой заплатил большие деньги и за качественную помощь, и за умение держать язык за зубами. Примчавшиеся на столь кормовой по стоимости вызов доктора моментально ввели пострадавшим морфий и провели всё необходимое в рамках первой помощи... всем, кроме меня. Затем бригаде было приказано подождать внизу. За это время мы составили некий акт, пакт, с подписями близнецов, мэра города и прокурора. На этой бумаге были написаны имена правящего костяка, их показания об их же деяниях, расплата, которая грозит им при нарушении условий этого контракта, то, что они обязаны были воплотить в реальность и наши с Гарпократой обязательства перед ними с нашими подписями и именами. Это было что-то типа именной расписки на случай, если одна из сторон решит дать заднюю. Никакой чести, только бюрократия, которая включала в себя амнистию нашим друзьям; амнистию всем тем, кто сидел по сфабрикованным делам; возможность спокойно покинуть город Правосудия без дальнейшего пре-

следования; отставку уполномоченных лиц высшего правления; наше обещание никогда не появляться в этом городе впредь; уничтожение любых данных, связанных с незаконной деятельностью вышеупомянутых должностных лиц и некоторая финансовая составляющая, которую присовокупила Гарпократа в самый последний момент.

Как только все юридические вопросы были решены, близнецы и два других представителя правящей верхушки были в срочном порядке госпитализированы. Примерно через час после этого за нами приехал начальник полиции. Это был высокий поджарый мужчина с жадными глазами. Он отвез нас на КПП. Там мы ожидали освобождения Правды.

«Интересно... как она? – думал я, вспоминая свою подругу из города Офисного планктона, которой стало скучно жить и которая присоединилась к моему походу в поисках чего-то получше. – Надеюсь, с ней все хорошо...» – меня до сих пор мучили мысли о том, что мы с механическим должны ей некоторую сумму денег, которую не способны погасить в ближайшее время. Мысли об этом тяготили меня, и я чувствовал двойной груз вины перед ней.

«Мы задержались...»

«Слишком много времени провели в поиске метода спасения».

«А ты в курсе, что она больше никогда не будет той, которой ты знал её раньше?»

Мой психоз грузно, тяжело, медленно звучал в моей голо-

ве, озвучивая мои собственные мысли.

«Просто дай ей время», – мой рассудок говорил так, будто бы знал больше меня. Словно у него была прямая линия с богом, по которой тот смог дозвониться и спросить о том, что нас ждёт дальше.

Мы долго ждали. Гарпократа даже начала проваливаться в сон. А потом дверь, сваренная из арматуры и сетки, распахнулась.

День триста сорок третий.

– Ты... пришёл... – выдыхает Правда. Я вижу её совершенно белые волосы, вижу слегка изогнутые пальцы на трясущихся руках и умираю... Внутри меня всё умирает, наполняя чёрной смолой полного отсутствия каких бы то ни было чувств. Словно страшный вирус избавил от слуха, зрения, осязания и обоняния... превратив в камень, вынужденный ожидать превращения в пыль... И в этом состоянии, даже если бы хотелось двигаться, в этом не было бы никакого смысла. По этой причине я стою и не могу двинуться... Я смотрю на подругу и не вижу её перед собой... Только её смутный призрак передо мной.

«Все вы были правы, – отдаётся в моей голове. – Эта Правда, она не та Правда... совершенно другая. Не наивная, не мягкая, не смешная. Она больше похожа на стальной прут, овитый тёрном колючей проволоки, – психоз сохраняет молчание, слушая мою речь, мое осознание. – Что же с тобой

случилось в этом месте, девочка?!» – ярость распахивает локтями сильные слабости в моей голове. Наконец, я чувствую... Появляется явственное желание поквитаться с судьёй, который обрёк мою подругу на пройденный ей путь... с тюремщиком, который своими распоряжениями подписал мою подругу на сущий ад.

«Успокойся... она жива! Радуйся этому! Плюс, посмотрим, как там механический, – шепчет рассудок. – Ты не должен срываться каждые пятнадцать минут! Нет, ни в коем случае не должен!» – мой внутренний голос твердит о самоконтроле, но, к сожалению, я слишком далек от этого понятия, потому что поглощён водоворотом эмоций, что в полной мере поглотили меня.

– Что с тобой произошло?! – спрашиваю я, скрывая свой гнев, снедающий меня. – Что произошло с твоими волосами? – Я ничего не понимаю, я переживаю за свою подругу, которая видится мне совершенно другим человеком.

– Всё в порядке, – отвечает она сквозь губу. – Спасибо тебе, что пришёл за мной, – произносит она с какой-то особенной интонацией, полной боли и сожаления, что моё сердце не выдерживает и останавливается на несколько секунд, полных боли и отчаяния, полных собственного ничтожества.

– Но твои волосы... они совершенно белые! – срывается с моих уст и тонет в многословной немоте плавного вальса настоящего момента. – Что с тобой случилось?! Посмотри на свои руки! – мне страшно смотреть на изуродованные тем-

пературой пальцы.

– Всё хорошо, – отвечает она. – Просто я больше никогда не буду рисовать... наверное... вот и всё.

Правда держится куда лучше меня. Она сильнее, она грамотнее, она мудрее меня, и это чувствуется в том, как она стоит и смотрит на маленького, погрязшего в собственной ярости меня.

День триста сорок четвертый.

Мы покинули здание тюрьмы вместе с присланным к нам человеком. Это сотрудник администрации города, и он должен отвести нас в отдел технического регулирования и контроля над работающими здесь киборгами. Как сказал тюремщик, наш друг должен содержаться там и сейчас его приводят в порядок перед тем, как отпустить на свободу. Я не понимал значения: «Его приводят в порядок», сама эта формулировка вызывала большое количество вопросов... так же, как руки и волосы Правды, которая всю дорогу смотрела на моё изуродованное пулей лицо. И я чувствовал, что она хочет поинтересоваться, но сдерживается, так как слишком рано... для взаимных вопросов было слишком рано.

Нас привели в небольшое здание, со стороны напоминающее куб, покрашенный в самый серый, самый блевотный цвет обыденности. Внутри помещения стояло несколько дешманских лавочек из стальных труб и фанеры. Освещение здесь перемигивало из-за жуткой лампы под потолком.

– Мне это не нравится, – сказала Правда. – Я волнуюсь... надеюсь на лучшее, но моя надежда слаба настолько, насколько может быть слаб человек за час перед смертью.

– Что с тобой произошло? – не вытерпел я. – Я не узнаю тебя, девочка... словно ты... словно тебя подменили... Будто бы изъяли душу, окрасили в самые грязные краски, поелозив ей по полу, и запихнули обратно, – проговорил я, стараясь придать своему голосу самые тёплые оттенки заботы и сопереживания.

– Меня не стало, – сказала Правда. – Меня смешали с пустотой... с вязким ничто, – она говорила тихо, словно боялась, что её подслушивают, или так, будто бы она боялась продемонстрировать свой голос.

– Что ты пережила? – спросил я в надежде продолжить этот разговор и понять произошедшее, но стальная дверь открылась и к нам вывели механического. Он шёл как-то странно, тяжело, медленно, и, готов поклясться собственной жизнью, я не узнавал своего друга... никого из своих друзей.

– Мне. Нужно. Заря-дить-ся, – с трудом проговорил механический, и я понял: если не подрубить его к аккумулятору, мы окажемся в крайне затруднительном положении.

– Скажи, в чём проблема? – быстро остановил я того парня, который привёл киборга. – Почему его не зарядили?!

– Не было такого распоряжения, – скупое, резко, холодно ответил сотрудник этого места и развернулся, чтобы уйти, но я не дал ему такой возможности, резко схватив за плечо.

– Жди здесь! – меня начинало потряхивать от ярости. – Звони судье! Пусть несут генератор или аккумулятор! Мы не сдвинемся отсюда, пока его батарея не зарядится! – произнёс я. – А ты стой тут! Сможешь уйти только после распоряжения и, поверь, советую не спорить!

День триста сорок пятый.

Связь была напрямую с тюремщиком, который приказал зарядить андроида, и спустя несколько часов непослушной тишины, сравнимой с работой давила, мы отправились на съёмку... в смысле, на съёмную квартиру, чтобы собрать вещи, которых у нас оказалось не так много, как представлялось раньше. После мы выдвинулись на вокзал. Хотелось уехать как можно быстрее, как можно дальше.

– Позвольте мне купить билеты! – сказала Гарпократа, когда мы приблизились к большому распределительному узлу – Думаю, у меня должно получиться отправить нас туда, где будет как минимум спокойно.

– Если ты так думаешь, – Правда посмотрела на представительницу города Тишины, – действуй... Лично мне уже всё равно. Я просто хочу отдохнуть, и очень надеюсь, что в автобусе или поезде... без разницы... Я смогу отоспаться и пересмотреть своё отношение к жизни, – она продолжала говорить вполголоса, и это заставляло прислушиваться, ловить каждое слово и волноваться. Мой друг из стали и силикона вообще молчал и тупо пялился перед собой... и я только что

заметил это... только что понял, что именно меня столь смущало в поведении механического.

– Эй! Что с тобой?! – спросил я, но никакой реакции не последовало. Его зрачки замерли. Я видел, как он смотрит вперёд... Точно так же его глаза замерли там, на Свалке, когда всё его тело превратилось в груды обломков.

– Не трожь, – шикнула на меня Правда. – Я чувствую, он тоже сломлен, он тоже прошёл сквозь ад и, кажется, до сих пор борется с этим адом внутри себя и, может быть, когда-нибудь он обо всем расскажет... Так же, как и я когда-нибудь смогу препарировать свою душу в попытке достать оттуда забытую хирургом перчатку.

– Ладно... – прозвучал голос Гарпократы. – Я за билетами.

Она шустро зашагала на поиски касс, оставив наше трио в... нашем общем размышлении о том, куда мы идём и чего на самом деле хочет каждый из нас.

– Вы уверены, что хотите продолжить это путешествие? – не выдержав, спросил я, и через секунду получил сильную пощёчину по здоровой щеке. Удар был настолько мощным, что мою голову повернуло в сторону и хрустнули несколько шейных позвонков. Я посмотрел на Правду, глаза которой были на мокром месте.

– Не. Смей. Так. Говорить! – прорычала Правда. – Даже. Думать. Не. Смей! – её рука дрожала, а в залитых слезами глазах была ненависть. – Ты думаешь, что я лично по-

знакомилась с адом, чтобы так просто сдаться?! – она ещё раз занесла руку, и я не собирался уклоняться, понимая законность и справедливость такой кары. – Нет! Родной! Я не сдамся, и мы вместе найдем идеальное место!

Её рука дернулась, но не для удара. Ладонь Правды легла мне на плечо, подтянула к себе, чтобы обнять так сильно, насколько она была способна.

День триста сорок шестой.

Гарпократа вернулась с билетами и загадочным выражением лица. Она спросила: «Ну что, интересно, куда мы двинем дальше?» – в её голосе были игривый задор и предвкушение вопроса: «Ну, куда? Рассказывай...» – но вместо этого мы лишь пожали плечами и спросили: «Где ворота и во сколько выдвигаемся?»

Я понимал, что девушка из города Тишины хотела поселиться, немного поиграть.

– Прости, – сказал я. – Просто сейчас не тот момент, когда мы... не то настроение, чтобы играть.

Меня потихоньку заполняла саднящая тоска и, честное слово, этого чувства не было так давно, что я успел позабыть о нём! А тут... словно мне предстояло возвращение в город Грусти, в квартирку с кладбищем цветочных сообщений... с пустым подоконником, на котором стояли белые, безжизненные цветы Шрёдингера, символизирующие мою тоску.

– Всё в порядке, – ответила напарница, с которой мы про-

шли через шантаж высоких лиц, переступили через черту невозвращения и наблюдали моё безумие во всей его красе – Всё в порядке... – сказала она спокойно, тихо, ровно, заставив меня посмотреть на себя. Таким образом, мои глаза поднялись, чтобы поймать взгляд Гарпократы, и в этот миг я вспомнил тот поцелуй, который она мне подарила там, в кабинете прокурора. Я захотел спросить у нее: «Почему? Зачем?» – но промолчал, решив оставить этот разговор на тет-а-тет. Вместо внезапно появившегося мучителя моей души я решил узнать другое и покинул мягкий, тёплый взгляд напарницы, сошедшей с собственной линии жизни для одного, случайно подвернувшегося, от мороженного путешествия в компании психопатов.

– Что с тобой было? Где ты все это время был? – спросил я у киборга, который до сих пор выглядел отчуждённым, сломанным. – С тобой всё в порядке?

Гарпократа, услышав эти слова, отвернулась от меня. Я понял, что она обиделась, но иначе я не мог...

«Пусть этот поцелуй останется между нами, – думал я. – Но мы в любом случае должны обсудить его, чтобы расставить все точки над «i»...

– Можно сказать... – андроид медленно начал извлекать из своего речевого аппарата слова, – Меня отправили на пыточный допрос. – сказал он. – Меня пытали вопросами и состоянием поломанности... разобрали по частям и разнесли по комнате, чтобы я никуда не сбежал и, наверное, чтобы

своими глазами следить за показателями, за скоростью помп и насосов... меня пытались пропустить через машину Тьюринга, заставить нарушить основные законы Азимова. Но я держался и предпринимал самые отчаянные решения, подвластные такой ошибке создания, как «я»... Делал всё, чтобы не попасться на собственной, приобретенной, человечности.

День триста сорок седьмой.

Наша компания слушала рассказ андроида. Потом его история заточения и постоянной пытки сдвинула состав горького опыта Правды и она нам рассказала обо всём: о том, как от страха её волосы потеряли цвет; о руках, впитавших в себя холод кирпичной кладки; о голосе, который, утопая в молитвах, приблизился к шелесту губами и практически растерял весь свой звенящий, яркий шарм; о том, сколько смерти, сколько тел она видела и о том, сколько раз её вызывали из строя и заставляли ассистировать в упаковке в мешок и выносу будущего пепла из плоти и костей в общую крематорную кучу, запах от которой блокировался плотным целлофаном и жёстким минусом по Цельсию.

От рассказов друзей становилось не по себе. Я чувствовал, что они ждут мой рассказ, но мне нечего было сказать. Сначала бессилие и отчаяние, непонимание и страх... тщетные попытки найти способ, метод, принцип, воспользовавшись которым, я мог бы спасти друзей... После чего в мо-

ей жизни вновь появилась Гарпократа. Она ворвалась тенью в плаще и маленьком коктейльном платье и увлекла за собой... Остальное осталось в истории, которую рассказал не я, а эта девушка из города Тишины... Я не смог...

Мы сели в автобус. Первые сутки ехали молча. По лицам было понятно, что после услышанного есть много всего того, о чём необходимо подумать. Я тоже думал, прислонившись порванной щекой к холодному стеклу и наслаждаясь отрицательным градусом, проникающим сквозь компресс на лице. Я думал о своих друзьях, о которых сильно переживал и о состоянии которых хотел позаботиться, ибо они прошли через преисподнюю... и для них это был первый раз... для всех моих друзей это был первый спуск в центр хаоса, боли и страданий. Даже механический, который знал, что такое небытие, который из-за этого знакомства пропустил столь большой пласт нашего общего путешествия, даже он впервые оказался в чертогах и в полной мере, своим внутренним миром, ощутил страх.

«Почему каждый новый город, посещённый нами, позволяет спуститься нам все ниже, ниже и ниже?! Причём, спуск показывает, насколько низко мы падаем, а не то, насколько глубоко изучаем мир страха...»

«Интересно, спустя сколько городов ты, твоё тело, твоё лицо станет похожим на то, которое способно одним своим видом пугать детей?! Просто посмотри! Ты потерял все волосы, отощал, а теперь мы стали обладателями столь пре-

красного шрама!»

«Когда... скажи, когда ты думаешь остановиться? И планируешь ли вообще? Может, стоит вернуться в город полей и лугов? Выбить кредит, взять небольшой участок и жить в свое удовольствие? И не ври нам... не ври себе... перед тем, как уйти, ты думал об этом... постоянно!»

Мой психоз действовал мне на нервы самым мерзким способом – он причитал, задавал дурацкие вопросы и пытался предложить мне тот вариант, которым я никогда не воспользуюсь.

День триста сорок восьмой.

Наш автобус ехал сквозь города, и каждый раз Гарпократта говорила нам, что это не конечная точка нашего переезда. Каждый из нас настойчиво отказывался узнать о том, какое направление она выбрала. Каждый из нас просто хотел двигаться дальше, вперёд, несмотря ни на что. Наверное, это та самая причина, по которой мы были вместе... наверное, готовность идти до конца и объединила нас... Возможно, причина, которая подразумевала полное отсутствие того, что можно потерять, объединила нас в один коллектив: бесстрашный, отчаянный, принципиальный и человечный.

Тишина стала главной чертой конкретно этого переезда. Все предыдущие сопровождались сложными вопросами, размышлениями, приятным молчанием и беседами до боли в связках. Здесь же никто не осмеливался приблизиться к те-

ду повешенной тишины. Было больно наблюдать за тем, как эта черта бьётся в предсмертных конвульсиях и хватает свой гамак, в котором ей не посчастливилось запутаться, занимаясь столь экзотической йогой.

– Мы все еще живы, – однажды, под самое утро, в самый тёмный момент суток, сказал я, поняв столь простую истину. – Мы. Живы, – повторил я вполголоса. – Мы смогли прогнать под собой систему.

Я посмотрел на Гарпократу. Я внезапно понял, увидел то, что до этого момента лежало прямо перед моим носом, на самой поверхности того болота из дерьма, через которое я так старательно пробирался, стараясь не увязнуть.

– Эм... ну, да... наверное, – протянула она. – Мы смогли зайти в логово Барлога и выйти оттуда в относительно первоизданном виде, – она развела руками. – И это с учётом того, что мы были вдвоем и попёрлись в микроколонию из четырех представителей своего демонического вида.

– Мы зашли и вышли, захватив с собой двух пешеходов, заблудившихся во тьме... – проговорил я – Мы зашли и вышли, – я повторил это и сам не поверил в содеянное. Внезапное осознание бывает ужасающим, бывает самым чистым откровением, являющимся в виде удара молнии.

– Да... вы это сделали, – проговорила Правда, голос которой не спешил вернуться в привычный диапазон. – И смогли вытащить двух пешеходов... то есть, нас.

Несмотря на шум автобуса, несмотря на практически от-

сутствующую силу голосовых связок подруги, я услышал и слова, и интонации, с которыми это было сказано.

– Не обижайся, – я попытался натянуто улыбнуться. Получилось плохо из-за перекошенности лица на здоровую сторону, отчего моё выражение было совсем глупым, а попытка извиниться – смешной.

– Да не, норм, – отмахнулась Правда. – Просто я не ожидала, что ты назовёшь нас пешеходами... Но, раз так... пусть так и будет.

Услышав это, я понял, что мои слова, может быть, когда-нибудь всплывут и будут той самой резкой пощёчиной, способной вынести душу из тела.

День триста сорок девятый.

Мы прибыли в какой-то индустриальный городишко, заполненный смогом выхлопных труб заводов. Здесь было терпимо. Здесь можно было дышать. Это место отдалённо напоминало родину механического. Мы задержались здесь всего на несколько часов. Гарпократа купила ещё один набор билетов, а наша скромная компания из трёх владельцев душ закупила продовольствием. К слову, здесь всё было достаточно дешёвым, а люди – приветливыми и улыбались. Казалось, что они не замечают отравленного кислорода и просто живут, получая удовольствие от каждого дня, проведённого с родными и близкими.

– Мне понравилось это место, – сказала Правда, когда ав-

тобус, заполненный нами и ещё десятками людей, тронулся с перрона. – Здесь так спокойно... чувствуется умиротворение... как лёгкий джаз, которым пропитана повседневность. А люди... вы видели?! На их лицах нет угрюмой серости, сосредоточенной на мыслях о себе!

– Хотела бы остаться здесь? – как показалось, прозвучало в моей голове, но, как оказалось, об этом спросил андроид, который с момента вызволения в основном молчал и сидел с закрытыми глазами. Его личность вновь испытывала состояние перехода с одного состояния в другое, а душа металась в стенаниях и поиске тихого пристанища для познания самой себя.

– Нет, – ответила Правда. – Первое впечатление всегда обманчиво, – она посмотрела на меня. – Поэтому я прекрасно понимаю, что нельзя делать выводы, основываясь только на нём... Так что лучше двигаться дальше, не думая об этом... Я буду продолжать двигаться дальше до того момента, пока однозначно не пойму пригодность... уместность меня в этом месте.

– Чёрт! – резко выпалил я. – Это прекрасные слова! Они точно описывают то, что я чувствую, то, для чего я отправился в этот путь и то, почему я до сих пор ищу... вместе с вами ищу и иду вперёд!

– А то! – хмыкнула Правда. – То ли ещё будет... Поверь, мой милый мальчик... в скором времени я приду в себя и тогда... Посмотрим, какой я стану после всего того, что вы-

нуждена была прожить, перечувствовать в клетке.

Она посмотрела на киборга, который впервые за всё время их знакомства выглядел так, как полагается выглядеть роботу. Он молча сидел и безжизненно сверлил взглядом пол под своими ногами.

– Эй, всё нормально? – спросила Гарпократа, которая до этого момента сидела молча. Я был удивлен тем, как она социализировалась, особенно если сравнивать два её крайних состояния, то есть при нашем знакомстве и сейчас. Я не мог поверить, что те мои слова стали основополагающими в появлении новой личности у той, кто предпочитала вовсе скрываться под подолом надежного клетчатого пледа.

– У тебя все в порядке? – я положил механическому руку на плечо.

Он вздрогнул, после чего вернулся в наш несовершенный мир, наполненный поиском и болью.

День триста пятидесятый.

Андроид.

– Человечество... Конкретно к вам никаких вопросов нет... а вот к человечеству в виде класса, в форме представительства, в материи существа, наделённого бесчисленным количеством индивидуальностей, очень много вопросов, и главным из них является фундаментальный, который я задаю себе с момента моего заточения, с первого допроса, который мне довелось пережить и пропустить сквозь себя... Я

даже не знаю, как выразить, как обличить в словесную форму то, что я увидел и прочувствовал, находясь на рубеже между жизнью, своим синтетическим существованием и коматозным состоянием удержания меня в режиме невольного бодрствования...

Не надо смотреть на меня так, словно я сошёл с ума. Ко мне это не относится, и сейчас я поясню почему... Вот скажите, вы можете себе представить следующее: все ваши органы разнесены по комнате... Я понимаю, это очень странно, но попробуйте это представить себе... А теперь представьте, что вы при этом живы и можете смотреть на то, как всё это функционирует... Жуткое зрелище, не так ли? Хм... мне пришлось любоваться своим внутренним миром, наполняющей меня экосистемой практически с момента моего задержания и до момента дарования мне свободы.

Да... это был продолжительный срок, который подразумевал под собой прерывающийся, но не прекращающийся допрос. Как бы вы себя чувствовали, если бы вам пришлось отвечать на одни и те же вопросы по кругу?! Каждые несколько часов?! Одни и те же! Вы понимаете, по кругу?! Почувствовали бы вы отчаяние?! Не надо на меня смотреть с такой жалостью! Я не ради жалости рассказываю вам об этом! Я рассказываю вам об этом, чтобы вы внезапно поняли, что для человечества нет ничего хуже самого человечества! Вы всегда ищете метод, способ, образ мышления, которым можно сломить другого представителя вашего вида, и это ужасно!

Я не осуждаю, просто, не могу понять... И, да, Правда, думаю, ты должна понимать меня сейчас лучше, чем кто бы то ни было. Разве не так? Ведь ты прекрасно понимаешь, ты своими глазами наблюдала бездонную пропасть, в которую падало и падает, и беспрерывно продолжит падать ваш вид, который якобы наделен сознанием... Я до сих пор не могу понять того, как такие, как вы, смогли создать таких, как мы... Подумайте сами, вы создали единственные, адекватные, идеальные копии себя... Не страшно? А вот мне страшно... Не знаю почему... Наверное, это все из-за приобретенной мной души, которая заставляет меня испытывать страх, когда происходит что-то жуткое, испытывать счастье, когда вы рядом, испытывать одиночество, когда вокруг ни единой души, и испытывать тоску, когда я понимаю, что конец ближе, чем казался несколькими часами раньше... Испытывать отчаяние, когда я уже смирился, когда привык, когда приготовился к деактивации, которую заменили бесконечным допросом, состоящим из одних и тех же вопросов! ПО КРУГУ!

День триста пятьдесят первый.

Правда.

– «Я – девочка-мажорка... была ею. Спасибо родителям за вклады и инвестиции, за вечную поддержку и пинки под задницу... Спасибо и простите, вы не узнаете вашу маленькую девочку с белыми ручками, на которых бархатная, как шёлк, кожа. Вашей малютки больше нет... Есть лишь я – та, кото-

рая была той, которую вы воспитали», – вот то, что я сказала бы им, если бы сейчас попала в город Офисного планктона. Я бы отправилась домой к ним и сказала бы именно так и именно эти слова, потому что это страшная истина, в которую искусно, плотно вплетена реальность... или наоборот... Неважно.

Знаешь, бомжара, я даже не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы ты тогда не позвонил мне... или я тебе... не помню... Это тоже неважно! Факт заключается в том, что ты меня завлёл. Ты ведь помнишь нашу первую встречу, нет? Помнишь то, как ты плёлся сквозь мой родной город и тащил за собой повозку. Ты был весь измазан в чернозёме. На одном боку был подвязан противогаз, на другом ты бережно хранил узелок с головой механика. Ты помнишь место нашей встречи? В парке... Я баловалась красками на свежем воздухе и рисовала высокое, красивое небо на контрасте с зелёными листиками на кронах деревьев.

Хм... это было круто! Но не настолько круто, как мы выбрались из хостела в городе Казино, не настолько шедеврально, как тот миг, когда ты пришёл в сознание в подворотнях и одним своим видом, одним своим голосом прогнал озлобленных представителей теневой стороны прожекторного существования! А помнишь... то, как мы зашли в «Слиток», получили жетон и в сопровождении отправились в секретную мастерскую, вход куда открывался через игровой автомат с лифтом?! Ты это помнишь?! И, Гарпа, не смотри на ме-

ня так... Как-нибудь мы расскажем об этом безумном приключении!

И посмотри на нас сейчас... посмотри в глаза каждого из нас! Что ты видишь? Скажи, что ты видишь в моих глазах? Вот я в твоих вижу спокойствие. Такое, которого не было раньше. Да, она рассказала мне о том, что с вами произошло, но я даже не представляю, каково это... И мне кажется, что благодаря этому ты преодолел собственное безумие и с этого момента станешь совершенно другим человеком... Так же, как и я, она и механический.

Кстати, в твоих глазах, девочка, я вижу огонь и интерес. Ты словно очнулась от забвения, словно выдохнула всю ту пыль, которую так бережно хранила в своих лёгких! И это здорово! Это удивительное преображение, которое достойно похвалы. Вот у меня есть только один вопрос к тебе... два вопроса... Почему ты примкнула к нам тогда и не жалеешь ли ты, что вернулась?.. Нет? Это хорошо! И спасибо тебе, что пришла нашему бомжаре на помощь! Думаю, без тебя всех нас ждал... всем нам было бы... кхм... простите, не могу собраться и произнести вслух то, что вы и так знаете. Я пока что не готова, не могу переступить через этот болезненный рубеж, но я надеюсь, что когда-нибудь найду в себе силы сделать это.

День триста пятьдесят второй.

Это так интересно – наблюдать преобразования мыслей,

характеров, жизнью... Это так увлекательно – следить за алхимической реакцией во время создания философского камня, который впитывает в себя основные компоненты, плюс энергию тех, кто несмотря ни на что решился на воплощение сложного ритуала. Философский камень – это отношения между людьми; это отношение к самому себе; это способ прожить день за днём... И я это понял, посмотрев на друзей, которые тряслись вместе со мной в стареньком, затёртом автобусе дальнего следования.

Новый отрезок пути принёс мне откровения от андроида и Правды. Выслушав их, я понял, насколько был беспечен, когда приглашал их присоединиться и вместе создавать дорогу под нашими ногами... Я понял, насколько Фортуна не обделила меня вниманием и своим присутствием, познакомив с такими фундаментальными личностями, что продолжали удивлять меня своими силой, умом и преданностью общему делу.

«Как думаешь, что нас ждёт в ближайшем будущем?»

«Как думаешь, хоть один город подарит нам спокойствие, умиротворение и отдых?»

«Как думаешь, как долго ты сам сможешь продолжать свой совершенно безумный поиск идеального места?»

Мой психоз звучал под звуки минимал, которые доносились до меня из наушников Гарпократы. Мой психоз затаил дыхание в ожидании ответа, признания, но даже зная о том, что именно я хотел ответить, я думал, что для этих слов ра-

но. Поэтому я пока что молчал.

«Как думаешь, куда мы едем?» – спросил мой рассудок, который, смотря на пейзаж вокруг, что-то заподозрил, но не мог точно озвучить своё подозрение из-за неуверенности, взявшей под локоть и ехидно улыбающейся. Мои сильные слабости так хорошо ладили друг с другом, что это пугало.

«Разве это имеет значение? – спросил я, и тут же у меня появился тот вопрос, который меня действительно интересовал. – Правда и Человечный рассказали о своих переживаниях, озвучили свои мысли, открылись... А вот она, девушка из города Тишины, тактично промолчала, спрятав свой внутренний мир за плотной занавеской музыки, но я был уверен, что наступит тот миг, когда она расскажет обо всём... Просто нужно время».

Впервые за долгое время я расслабился. В этой поездке я смотрел в окно и подмечал мелкие детали типа птиц, старательно работающих крыльями, небольших зверьков, которые бегали по полям, а иногда и вдоль дороги. Я наблюдал за ландшафтом, за деревьями и получал от этого истинное удовольствие. Я мог спокойно созерцать закат, рассвет и небо... дневное, исписанное дымкой облаков, которые не имели ничего общего с теми облаками асперитас, что однажды появились над моим городом Грусти... Я мог наслаждаться звёздами, наблюдающими за нами своими яркими взглядами, полными веры и надежды. Я всё это видел и улыбался, как ребёнок, которому дали калейдоскоп.

День триста пятьдесят третий.

Города проплывали мимо. Ни в одном мы не задержались дольше, чем на один день. Сейчас мы не смотрели на деньги. Одним из условий, которые потом успела пропихнуть Гарпократа, были финансы.

– Какой же шантаж без бабок?! – хмыкнула она тогда, и теперь мы все были обеспечены на несколько лет беспечной жизни, а если поднапрячься и не подтирать задницы внезапно спустившимся состоянием, то этих денег каждому из нас должно было хватить на десятилетие скромного существования с припиской «никаких отказов самому себе».

Сначала я был зол и считал, что она не права, но все эти деньги покрыли наш с механическим долг перед Правдой. Она, кстати, тоже была крайне недовольна тем, что мы пристали к ней с вопросом о тех деньгах, но, в итоге, смирилась. Я, точно так же, просто смирился с внезапно оказавшимися в моих карманах деньгами. Я обманом заставил думать самого себя о том, что это награда за все те ужасы, которые привнесло в мою жизнь это путешествие. Просто мне было удобно так думать.

Так что теперь мы не были скованы вопросом временного заработка. Да, это условие вычеркнуло из путешествия очень большую часть нашего путешествия – ту, что отвечала за временный заработок... Ту часть, при отсутствии которой даже не получалось понять того места, куда мы приезжа-

ли... каждое такое место превратилось в жвачку... точно так же, как и музыка в какой-то момент стала лишь кратковременным, безвкусным развлечением, служащим для убийства времени.

Наш поиск продолжался, но, к сожалению, ни один из городов не подходил, не соответствовал тому, в котором хотелось бы остаться навсегда. Некоторые были очень похожими на «тот самый город», но не являлись тем. И не сказать, что мы придирались, ни в коем случае! Просто само нутро критически протестовало, кричало о том, что здесь лучше не оставаться. Оно аргументировало свою позицию следующим: «Это сейчас тебе тут хорошо. А теперь посмотри чуть дальше, в ближайшее будущее... Сможешь ли ты жить среди торговцев, которые цепляются и стараются впарить тебе всякую чушь?! Ты хочешь сказать, что постоянный взгляд на тебя, как на питекантропа, не смущает? Ты точно хотел бы остаться в обители научных трудов и теоретиков? Ты точно выдержишь это и не снесёшь кому-нибудь голову за его ничем не подкрепленную возвышенность над тобой?» – и эти вопросы имели под собой крепкую почву. Я понимал, что в какой-то момент просто взорвусь, и тогда... ничем хорошим это не закончится.

«Город бесконечных полей и лугов был тем самым, самым идеальным местом... – изредка проговаривал мой рассудок. – Просто подумай об этом... Вспомни запах дождя от соцветия трав... Вспомни лёгкие рассветы, когда действи-

тельно хотелось вставать и работать, что-то делать... Когда действительно хотелось, а не было принуждением в рамках понятия «надо», – рассудок терзал мою душу, но я был настойчив и продолжал идти вперёд, увлекая за собой друзей.

«Я надеюсь, что все мы найдём одно общее, одно идеальное место, чтобы жить там, пускай в разных районах, но чтобы оставаться вместе», – вот то, что я отвечал своему рассудку, когда тот начинал капать мне на мозги раскалённым воском сожаления.

День триста пятьдесят четвёртый.

Гарпократа.

Я наконец нашла себя. Чувствую свободу. Чувствую себя настоящей, живой, и это очень странно. Это так, как проснуться от крепкого сна и очутиться в другом теле, с другими привычками, повадками, с другим расписанием и просто начать наблюдать за происходящим, как за сериалом из множества серий... В моём случае, за скучным сериалом, в котором герой смотрит сериалы, работает и изредка смотрит порнографию ради развлечения. В моём случае рано или поздно моё личное шоу Трумана было обречено на провал в оконную раму... До сих пор удивлена, что не сделала этого раньше. словно судьба реальна и мне было предписано встретить эту троицу.

Он мне нравится... он мне искренне нравится, но без романтики. Без соплей, старательно намотанных на кулак. Про-

сто нравится... и тот поцелуй, хм... в контексте тех событий, я захотела его поцеловать и сделала то, чего мне хотелось. Тогда и там я поняла, что наше время на планете Меланхолии ограничено, что никто не спросит: «Продлевать будете?», что необходимо воплощать большинство своих спонтанных желаний прямо здесь и сейчас, иначе будет поздно... просто поздно.

Это странное чувство... Оно есть где-то внутри меня и оно живёт там каким-то дальним отголоском меланхолии, но в компании этих ребят я забываю... об... этом. В этом и заключается... это... странное... чувство... И оно мне однозначно нравится! Я серьёзно! Оно мне нравится так же, как и этот разговор с самой собой! Вообще давно надо было это сделать... Я имею в виду, обдумать всё произошедшее и признать, что я изменилась, и поговорить с самой собой...

Мне кажется, теперь я готова рассказать обо всём... о всех своих чувствах с нашего первого знакомства в автобусе до момента, когда он меня прогнал и... моего возвращения со всеми вытекающими. Ничего такого особенного, просто безмерная благодарность за то... что он такой, какой есть, и не пытается скрываться, прятаться за надуманными социальными масками и нормами морали... Нет, конечно, если бы он и его друзья были бы законченными отморозками, я бы не пошла с ними, а тут... лишь, не знаю, будто бы тайное знание... подвластное только им... ему... Не знаю, как сформулировать эту мысль.

Короче, мне кажется, что этот лысый просто видит то, что скрыто внутри каждого, кого он встречает на своём пути. Словно он сам, в какой-то мере и степени, является тем, кого он встречает... будто бы... хм... он... Его голова вмещает в себе тех, кто ему дорог, и по мере своего пути он встречает реальные эквиваленты, наполнившие его голову. Будто бы чувствует отражение себя самого.

Как-то слишком пространно, странно и глупо... моё объяснение... и как всю эту кашу вываливать перед друзьями, которые рассказали о своих мыслях и переживаниях, и... должна ли я сделать то же самое? Я этого хочу, но должна ли? Вот, задала сама себе этот вопрос и теперь не знаю, как правильно поступить... И это тоже как-то слишком глупо с моей стороны.

День триста пятьдесят пятый.

Смотрю в окно. Психоз оживлённо общается с рассудком. Они задают друг другу вопросы и отвечают, ни в чем себе не отказывая. Они обсуждают меня, всех нас, друг друга и не обращают внимания на моё присутствие в собственных мыслях. Впрочем, мне плевать на их беседу. У меня есть своя тема для размышления и, если мои сильные слабости обсуждают экзистенциальные вопросы отношений и связей между судьбами, характерами, взглядами, то мой вопрос заключается в следующем: «Как давно началось путешествие?».

«Меня выпустили из больницы и понеслось, но вот во-

прос... Когда это было? – крутится в моей голове. – Я точно помню год, но... когда это случилось? Ранней весной или поздней осенью? Может быть, скверным летом? Каким-то образом всю дорогу я разменивал климатические пояса, прыгая с одного в другой, и запутался, забылся, потерялся», – мои мысли чисты, как капля росы, как слеза младенца.

«Ты только послушай этого... – ворчит мой психоз, обращаясь к рассудку. – Вновь за каким-то чёртом ворошит прошлое, пытаюсь отыскать там бесполезную информацию ни о чём», – мой психоз пренебрежителен, груб и старается привлечь к себе внимание.

«Ты просто не понимаешь... ты этого не заметил... Поэтому не городи чушь! – мой рассудок отвечает в той же манере, той же монетой. – Просто посмотри в окно, и ты всё увидишь, прозреешь», – мой внутренний голос насаждает на психоз.

Тишина. В моей голове воцаряется тишина. Так затихает природа за секунду до того, как разверзнется преисподняя на земле.

Психоз начинает кричать, сотрясая мой хрупкий внутренний мир резонирующей вибрацией своих голосов. Он удивлён, поражён, он не верит тому, что видит! Психоз не верит, а вот я, мой рассудок, моя решимость и нерешительность, мои страх, паранойя и ярость – мы все не только верим, уже приняли произошедшее как данность, как очередную точку маршрута... Отсюда и вопрос о том, сколько, какой времен-

ной интервал длится этот поход в поисках своей настоящей жизни.

«Да ладно?! – произносит мой психоз, выругавшись всласть. – Как такое может быть?! Я... я просто в шоке!»

«Не только ты», – лукаво отвечает мой рассудок, который внимательно наблюдает за мной, моей реакцией. Он ждёт и пытается предугадать реакцию, чтобы сдержать возможное безумие, что последует дальше, но я наполнен таким безразличием, которое возникает между бывшими любовниками – льдом первозданной Антарктики.

«Ирония? Стечение обстоятельств? Божественное проведение или... чем это ещё может быть?» – спрашиваю сам себя, наблюдая за тем, как наш автобус несёт нас вдоль проспекта, и чувствую то, как безразличие мерно курит, засев где-то в моей душе.

– Здравствуй, мой дорогой город Грусти... – произношу я шёпотом. – Вот я и вернулся домой...

Безразличие тушит сигарету обо что-то живое внутри меня.

Город В который я не вернусь

День триста пятьдесят шестой.

Мы выходим на вокзале. Гарпократа сразу же бросается туда, где я сам когда-то купил свой первый, отправивший меня в неизвестность, билет.

– Стой! – произношу я, заставив её резко остановиться,

повернуться и посмотреть на меня. – Позже... чуть позже...
– На моём лице лукавая улыбка, и она вызывает непонимание у моих компаньонов, готовых ехать дальше.

– Мы ж договорились только на следующей остановке взять небольшой отдых, нет? – Правда пытается понять, пытается осознать, что происходит.

– Пойдемте... – это мой ответ на вопрос одной из родственниц душ. – Пойдёмте... кое-что покажу... – я машу рукой, приглашая следовать за мной.

Вывожу друзей с вокзала. Ловлю такси и произношу адрес. Эти слова свежей бритвой скользят по моим стальным струнам нервов. Друзья уже всё поняли... Они молчат в ожидании того, когда я сам начну говорить... Они наблюдают смятение, потерянность, непонимание и... безразличие. Сам не пойму, как эти чувства сплелись во мне, образовав тугую узел.

Расплачиваюсь с водилой и покидаю салон старенькой иномарки. Наш квартет стоит несколько минут напротив определённого подъезда. Мы просто смотрим на пенобетонный блок, который я считал своим домом... стены которого питались моей жизнью в течение долгих лет тоски! Я смотрю без малейшего удивления, с мыслью: «Ничего не изменилось... потому что в таких местах никогда ничего не меняется... это аксиома».

Ещё в такси я приготовил ключи. Я удивился тому, что спустя столько времени, спустя столько событий, они оста-

лись со мной. Не были выброшены, не были потеряны, не были потрачены в рамках оплаты недвижимости. Остались со мной так, будто бы были готовы вернуться домой. К этим стенам, жадным до страданий.

Мы заходим в подъезд, пропахший человеческими секречиями, пропахший нашатырем и аммиаком, пропахший потом и отчаянием, принесённым сюда из общественного транспорта по вытоптаным дорожкам от остановки. Мы заходим в эту квадратную трубу со спиралью по бокам и поднимаемся вверх. Мои колени хрустят так, как давно не хрустели. Моё тело гнется под гнётом воспоминаний так, как тростник гнётся под давлением сильного ветра.

– Все в порядке? – спрашивает Правда, наблюдая за тем, как меня клонит к холодному бетону. Она переживает. Она понимает, где мы сейчас. Она сама чувствовала бы подобное, если бы мы оказались в её родном городе и поднимались бы по тем ступенькам, к той квартире, в которой провели некоторое время, сожительствуя.

– Да... всё нормально, – отвечаю я. На самом деле, моё дыхание перехвачено широким пластмассовым жгутом от предвкушения увидеть под дверью моего дома, моей квартиры, кладбище посланий из букетов цветов. Я задыхаюсь от этого и от предвкушения вопросов, которые, возможно, зададут мои друзья... Вопросы, на которые я не хочу отвечать, потому что не хочу искать ответы внутри себя... И я не хочу искать разгадки на старые загадки.

День триста пятьдесят седьмой.

Мои надежды воплотились в быль. Поднявшись на этаж, я не увидел кладбища прекрасных валентинок из разнообразных цветов. Всё было чисто, чинно, и только три записки привлекали внимание. Первая была распечатана на стандартном листе, и это была просьба жильцов дома убрать бардак. Я был уверен, что его составляли те самые соседи сверху. Это было видно невооруженным глазом из-за скудного лексикона оных.

Вторая записка была также распечатана на стандартном листе и, помимо слов негодования, в одном файле содержала чек на оплату за оказанные услуги по уборке. Эти бумажки вызывали лишь лукавую улыбку, полную издёвки и удовольствия от недовольства тех, кого я называл соседями.

Третья записка... на ней сомкнулся уроборос моих мыслей. Это была открытка, и она была прибита на огромный гвоздь, который, в соответствии с размером, должен был пройти насквозь, и это было чем-то реально удивительным, учитывая сталь, из которой и состояла моя входная дверь. Вколоченный кусочек металла успел покрыться тонким слоем ржавчины, а это значило просроченность доставленного сообщения.

Я открыл дверь затхлого помещения и почувствовал запах нежилой комнаты, который подразумевал под собой спёртость и большую концентрацию пыли на каждый миллиметр

пространства. Мои друзья молча вошли в квартиру, которая неотвратимо была моей, и я был в этом совершенно уверен. Я знал, что у меня никто не мог отнять недвижимость за неуплату и долги. Я об этом знал и благодарил современные технологии, которые позволяли оплачивать всё с одной пластиковой карты, и у меня была такая с приличной суммой на счету. Она лежала в тумбочке около постели, на которой я редко спал, когда жил здесь. Взять с собой этот кусочек пластика мне не позволила паранойя. Сейчас я оценил тот поступок одной из моих сильных слабостей и поблагодарил за прозорливость.

Я сорвал открытку с двери, прежде чем зашёл в свой дом. Моё опасение насчёт сквозного проникновения подтвердилось и заставило задуматься над тем, как это было проделано, а главное, для чего это было реализовано именно так?! Но я вспомнил про открытку в руке, и вопрос стальной двери и гвоздя отошёл далеко на задний план.

«Здравствуй, не-мой ангел... ангел, потерявший голос... онемевший ангел. Я не знаю, что с тобой произошло... не знаю, для чего пишу тебе это... если у тебя есть возможность, никогда не возвращайся сюда... Если вернёшься... прости мне мой страх... мой не-мой ангел» – прочёл я, и внутри всё свернулось, поставив сначала на одно колено, затем завалив на четвереньки и заставив судорожно, быстро раздувать кислородные мешки в невероятно узкой грудной клетке. Друзья дёрнулись в мою сторону, но я успел поднять

руку и остановить их жестом. Мне нужен был кислород. Мне нужно было пространство, которое сработавшей ловушкой становилось тесным и готовилось превратить меня в виноградный сок. Я начал кашлять так, как не кашлял со Свалки. Я кашлял до крови, практически до обморока. Со стороны, уверен, это было страшным зрелищем.

– Встреча, – выдохнул я сотней голосов психоза и сильных слабостей моей больной личности.

День триста пятьдесят восьмой.

Встаю.... упираясь ладонью чуть выше коленного сустава, медленно поднимаюсь с пола. Внутри всё горит огнём. Я должен идти, немедленно. Я знаю, что я должен сделать. Я знаю, что должен это сделать сейчас... меня поведёт сама судьба, и даже если я выйду на дорогу перед фурой, всё равно продолжу своё движение. Так решила судьба, которая перевернёт мчащийся на меня большегруз, лишь бы исполнить собственное предназначение, предназначение. Я молча встаю с пола, ощущая во рту сталь, внутри грудной клетки растерзанные кашлем органы, опустошенность и крайнюю ясность в мыслях. Я готовился к подобному... и сейчас готов.

Слышу лишь догоняющие меня голоса... смазанные звуковые волны родных голосов. Вижу лишь длинный тоннель одной-единственной дороги. Ноги тупыми, механическими движения несут меня по знакомому маршруту в магазин цветов, где работает та, чьи глаза являются мне в предобмороч-

ных галлюцинациях и смотрят на меня с интересом, с нежностью, со страхом... Где-то по пути срываю с щеки компресс и выбрасываю его в первую попавшуюся урну. Глубокая рана поглощает кислород подобному тому, как пламя пропитывается им, чтобы поддерживать своё жадное существование. Слегка зажившая рана окисляется, приобретая грубые, чёрные оттенки. Я это вижу в витринных отражения, мимо которых держу свой путь к флористам.

Мой шаг широк. Я чувствую уверенность в каждой мышце, в каждой капле красной жидкости, и спешу в лавку флористов на прописанную в сценарии жизненного пути встречу с девушкой, устроившей кладбище неразгаданных цветочных шифров под моей дверью и каким-то образом вколотившей гвоздь в мою стальную дверь.

Толкаю входную дверь в магазин цветов. Она встречает меня мерзким звоном колокольчика, от которого меня пробивает до самых костей! Который бьёт по мозгам с такой же силой, с какой била вонь в том самом проклятом городе Свалке!

Подхожу к стойке, за которой стоит тот самый молодой человек, который выбросил меня отсюда в прошлый раз. У меня нет никакой обиды на него. Тогда и в рамках той ситуации он был прав, и я понимаю это...

«Понимание своей неправоты должно присутствовать в сознании каждого адекватного человека... Понимание и умение признать собственные ошибки», – думаю я, прежде

чем выдавить из себя практически дружелюбное:

– У вас работает одна девушка, – сказал я, после чего постарался описать её, опираясь на собственные воспоминания образа с фотографии. Парень напрягся, прищурился и посмотрел на меня с презрением. Он узнал меня, но в этот раз даже не посмел прикоснуться ко мне. Он почувствовал, что ничем хорошим это для него не закончится. Он понял, что я уже не тот, которым приходил в первый раз, и что в этот раз всё будет иначе.

– Она вернётся спустя несколько минут, – сказал он и вперился в меня.

– Какой цветок символизирует безразличие? – спросил я, чем ввёл флориста в ступор. Он не ожидал такого вопроса от такого отброса, как я.

День триста пятьдесят девятый.

– Гортензия?.. – неловко ответил человек за стойкой, что откровенно пялился на меня, пытаюсь понять, что я из себя представляю, пытаюсь выгадать, вычитать из мыслей, что я запланировал, стараясь предсказать мои намерения.

– У вас есть такие цветы? – спросил я холодным, полным официоза тоном, не сводя своих внимательных глаз с лица ошарашенного продавца. Его мимика рассказывала о его мыслях... Мысли стали очевидными, как ответ на знакомую загадку. Всё это старательно пыталось натянуть насмешливую улыбку на моё изуродованное морщинами и шрамом ли-

цо, впитавшее усталость и дорожную пыль.

– Д-да... – заикнувшись, сказал парень и тут же добавил: – Сколько необходимо? – спросил он, продолжая свои тщетные попытки залезть в мои мысли, закрытые стальным барьером психоза и сильных слабостей.

– Один, – сухо ответил я. – Пожалуйста, – добавил тут же, вспоминая разговор с мистером Маммона, который был наполнен уважением и вежливостью, благодаря которым получилось провернуть невероятное дело по реактивация механического.

– Конечно...

Парень засуетился, забегал по магазину в попытке вспомнить, куда были убраны гортензии. Он точно помнил, что ещё утром привозил свежие цветы с базы, но сейчас не мог найти. Он потихоньку ругался, переставляя вёдра и вазы с места на место. Наконец найдя, попутно прокляв меня несколько раз, он поинтересовался о том, какая форма оплаты мне предпочтительнее.

– Наличные, пожалуйста, – сказал я, получив свою капельку удовольствия от тех неудобств, которые привнёс в жизнь этого молодого человека, который мне сразу выставил счёт. Я не задумываясь расплатился, а в момент, когда забирал цветок со стойки, зазвенел колокольчик и вошла она.

Этот взгляд, воплотивший невозможное и впитавший в себя чёрную дыру из страха, удивления и готовности бежать... Этот беглый взгляд мгновенно узнал меня, и внут-

ри что-то щелкнуло. Я не стал долго ждать и, сжимая цветок большим, указательным и средним пальцами, подошёл к ней... ни на секунду не отпуская её взгляда.

– Здравствуй, – сказал я и улыбнулся, чувствуя лёгкость внутри. словно вынули все органы и отложили их в сторону. Подумав об этом, я вспомнил историю механического, и по спине прокатился холод.

– Ага... – смущённо ответила она, продолжая смотреть на мое лицо. – Ч-что с тобой случилось? – спросила она, с жадностью, с вожделением впившись глазами в каждую трещинку на моём лице. Спустя несколько секунд её пальцы, самыми кончиками, коснулись моей порванной щеки.

– Это тебе, – произнёс я и сделал полшага вперёд. Дистанция между нами опасно сократилась, и я понял... теперь я обо всём знал. И видел, как её взгляд покинул рану, чтобы найти мои, а потом посмотреть на цветок, касающийся её плеча.

– Гортензия? – спросила она с обеспокоенным видом.

– Ответишь на один вопрос? – спросил я, продолжая внимательно наблюдать за ней.

– Д-да... конечно, – ответила она и даже немного неосознанно кивнула.

– Ты меня боишься?

Замок изо льда, как по щелчку пальцев джинна, пропал из моей души, оставляя лишь пустое место и невесомость внутри меня... И это было такое приятно чувство!

День триста шестидесятый.

Девушка внимательно смотрит на меня. Изучает. Старается понять, старается договориться со своими ангелами и с собственными демонами, чтобы дать окончательный ответ. Она гладит мои щёки и словно чувствует ветер тех дорог, по которым я прошёл. Она берёт мои руки и будто бы ощущает груз той ноши, которая по частям осталась позади. Она смотрит в мои глаза, которые способны рассказать множество историй благодаря морщинкам верхнего века, вокруг переносицы и чёрным кругам под глазами. Девушка внимательно изучает каждый миллиметр меня, не отпуская моих рук из своих тёплых, мягких ладоней... Мне кажется, мои мозоли больно впиваются в её нежную, белую, как снег, плоть. Цветок гортензии отложен в сторону. Он тоже ждёт её ответа.

– Нет... больше не боюсь, – отвечает она, и эти слова гречишным мёдом спускаются на истерзанную думами душу и заполняют каждый её рубец, шрамик, каждую неровность, в попытке вывести баланс фактуры и добиться хотя бы минимальной гладкости, плавности.

– Спасибо, – отвечаю я и отпускаю руку этой девушки. Тут же нахожу цветок и беру его, чтобы передать ей. На моём лице лёгкая, лукавая улыбка. Я рад нашей встрече. Я услышал ответ, необходимый мне, как кислород необходим огню... Во всяком случае, в этот миг именно так мне показалось, и стена безразличия дрожит, но не падает, что говорит

о моём неподдельном, истинном безразличии.

– Мне пора, – срывается с моих губ.

Сейчас между нами дистанция в несколько сантиметров, и я чувствую электричество, которое излучает она, но... Я не зря отдал ей купленный мной дивный цветок с очень прозрачным сообщением, которое она уже должна была понять.

– Что?.. К-куда?..

Она озадачена, не понимает, что и по какой причине происходит, и, даже не касаясь её, я чувствую мелкую дрожь, что прошибает эту девушку.

– Меня ждут.

На моём изуродованном лице улыбка, свет играет на моей лысой голове, я отдаляюсь от её тела, что магнитом притягивает и не хочет отпускать. Она ошарашена. Просто смотрит и не может пошевелиться. Внутри неё что-то лопается и это что-то нарушает работу всей системы... Она смотрит на цветок и, как мне показалось, всё понимает.

Отхожу на несколько шагов. Затем, справившись с гравитацией тела, я разворачиваюсь и выхожу прочь из флористической лавки. Никогда впредь я сюда не вернусь. Теперь мне осталось лишь вернуться домой, отдохнуть, после чего, вместе с друзьями, покинуть мой дорогой город Грусти.

Мои стоптанные ботинки вновь полируют смесь битумов. Мои ноги сами ведут меня по наизусть знакомому маршруту. Я смотрю по сторонам и понимаю, что за время моего отсутствия, единственное, что изменилось, это я сам! Удиви-

тельно... непонятно... отчасти страшно... по большому счёту, так приятно! Город остался прежним, а я – нет!

День триста шестьдесят первый.

Возвращаюсь в квартиру. К этому моменту мои друзья, уставшие за последние сутки, проведённые в автобусе, мерно и спокойно посапывают в оголодавшем без голосов пространстве комнат. Я чувствую это прекрасное, это мягкое спокойствие, которое даже не колеблется, которое наполняет всё подобно тому, как рука тату-мастера наполняет тонкую стерильную перчатку перед работой.

Мне нравится такая тишина и спокойствие. Ещё больше мне нравится то, что мои друзья находятся в одном безопасном месте и не рискуют своими жизнями. Ещё... мне почему-то кажется, что я как-то очень быстро постарел за последний эпизод нашего путешествия, за время пребывания в городе Правосудия, где это самое «правосудие» шили тонкими, прозрачными нитками, которые при желании можно было перекрыть, перешить, заменить на более жирные и весомые... Что и делали, чем и пользовались высоко посаженные должностные лица... На чём они в итоге и погорели.

Я потихоньку, невесомой тенью, просачиваюсь в свою квартиру, чтобы не потревожить мирный сон друзей. Конечно, я прекрасно понимаю, что мой приход заметил механический и, скорее всего, не двигается с места, понимая, что я неспроста веду себя, как мышка, что хочет дёрнуть печеньку

со стола. Так я захожу на кухню и закрываю за собой дверь. Ставлю чайник и присаживаюсь за стол. Все эти движения автоматические. Они отработаны годами и производятся моим телом незаметно для моего мозга. И вот я сижу на своём месте, где иногда работал за ноутбуком, заливая свое никчёмное существование дешевым кофе со вкусом разочарования. Дверь за моей спиной потихоньку открывается. Раньше я мог лишь мечтать об этом, а сейчас она взаправду потихоньку приоткрывается, но я не оборачиваюсь. Я жду того, что последует дальше... А дальше, как и в тех старых мечтах, на моё плечо ложится тёплая, мягкая, небольшая ладонь, отчего я слегка вздрагиваю, понимая, что происходящее – не сон... что это то, о чём я когда-то мечтал.

– Всё в порядке?

Это Гарпократа. Она пришла, и я чувствую, что момент нашего разговора наконец настал. Она уже давно готова поговорить обо всём случившемся, а вот я... Только теперь я поймал свою готовность за хвост и не был намерен упустить этот момент.

– Скажи... – начинаю я, не оставляя ей ни единого шанса отмолчаться, – Тот поцелуй... Что это значило? – мне неловко от этого вопроса, но я знаю, что его необходимо задать, чтобы избавиться от любого рода недосказанности между нами.

– Признательность за то, что ты разорвал цепи моего прижизненного, пожизненного сна, – отвечает она не раздумыв-

вая, и тут же её лицо наливаются пунцовым, ярким, сочным, прекрасным. – Теперь я живая, и я чувствую жизнь в каждой клеточке своего преобразившегося тела! Я благодарна тебе за это! Безмерно! И готова идти и с тобой, и за тобой хоть на край света! Уверена, что то место, которое ты ищешь, стоит того, чтобы увидеть его вместе с тобой!

Услышав это, я расплываюсь в улыбке облегчения. Она сказала то, что я хотел услышать... что мы пойдём вместе дальше, до самого упора... А ещё, что в этом поцелуе нет романтики... нет романтики, и это хорошо. Романтика – это то, что могло размотать все наши планы по поиску идеального места для нашей жизни на нашей планете Меланхолии.

День триста шестьдесят второй.

– Спасибо вам... спасибо, что выцепили, выдернули, вытащили меня из тотальной тоски моего города Тишины. Спасибо вам, что вытравили мой родной город из меня, из моей души, из моего нутра!.. Спасибо, что спасли меня! Потому что, и в этом я уверена, если бы не вы, я бы приехала в город Правосудия забитой мышкой, решила бы все свои рабочие вопросы и вернулась бы к небольшому окну напротив входной двери своего комфортабельного ящика из четырёх тонких, практически картонных, стен! И смотрела бы ночами вниз, пытаясь прикинуть то, как быстро потеряю сознание и потеряю ли вообще к моменту столкновения...

Я даже не знаю, почему присоединилась к вам! Это просто

безумие! В том автобусе я хотела прикончить его! И это при том, что я маленькая, хрупкая и... застенчивая... нелюдимая... неконтактная... И ко всем этим словам сейчас я приставляю «была», потому что они больше не характеризуют, больше не описывают меня, и это благодаря вам! И я этому несказанно рада! И я понимаю, что не могу сравнивать, но ощущение такое, словно всю свою жизнь я была на ракете, внутри шаттла, который выбросило в открытый космос без возможности вернуться домой. А потом случилось следующее: устав сидеть в этом маленьком, персональном пространстве, старательно составленном из одиночества, я сделала усилие, надломила прочные опоры своих устоев, наконец надела скафандр и решила на то, чтобы просто сделать один шаг... И я его сделала... и мне понравилось! И чувство у меня как раз такое, будто бы я делаю этот шаг! Каждый раз по-новому, в вашей компании!... Мне хочется дышать! Одновременно с этим, я задыхаюсь от восторга! Меня трясёт от страха, и ноги подламываются! И они сами рвутся вперёд, чтобы воплотить этот шаг в жизнь и вновь почувствовать космос вокруг! Космос внутри!

Я больше не хочу быть размером с коробок... с ящик... который может быть использован как универсальная капсула странного, но высокоэффективного крематория. Сейчас каждый дом я представляю таким крематорием с ячейками. Мне кажется, когда-нибудь придумают такие здания, в которых люди будут жить в стальных комнатах квартир и которые

будут освобождаться сжиганием и выдуванием, подметанием или собиранием пепла в урну. Будет такое экологические чистое, практически безотходное использование биоматериала. А я не хочу быть таким материалом! Больше не хочу... А вот жить и наслаждаться жизнью хочу! И все это благодаря вам и несносности, полному отсутствию тормозов нашего бомжары, который просто взбесил меня тогда!

А ещё... знаете... я думаю, в ближайшем будущем мы не сможем остановиться. Думаю, мы так и будем идти от одной точки к другой... Возможно, в этом и заключается смысл? В том, чтобы идти и искать? Вы не думали об этом... с этой стороны? Чтобы быть в космосе под открытым небом, а не в душном ящике из стен.

И я не хочу останавливаться... Хочу продолжать это движение, потому как оно стало началом нашего общения, так как оно спасло меня от одиночества... И мой выбор остановился на двери, а не на небольшом окне напротив.

День триста шестьдесят третий.

Вот Гарпократа и сказала обо всём. Мои друзья лишь ностальгически улыбнулись, сказав что-то вроде: «Конечно! Мы и дальше будем двигаться вперёд!» Самое смешное заключалось в том, что никаких других мыслей не было! Наш путь был предрешён заблаговременно и содержал в себе ёмкое выражение «куда-нибудь», и каждый из нас понимал, что нас, возможно, не обрадует рай... и каждый из нас понимал,

что нас не напугать инферно.

Механический начал приходить в своё обычное состояние, в котором тот задавал вопросы типа: «Почему люди чувствуют свои чувства?» или «По какой такой причине человечество пытается истребить всё вокруг, в том числе и себя?», «Для чего изобретать способы так красиво умирать, чтобы после вовсе не мертветь?» Некоторые из его вопросов, как и раньше, были лёгкими, и ответы не вызывали никаких неловких размышлений, а некоторые заставляли покопаться в собственной душе и доставать с самого низа, со дна, какую-нибудь непотребность, от которой сердце начинало пособачьи скулить и от этого хотелось завывать! В том числе, и от боли.

Правда... Ей было тяжелее всего, но она боролась. Из всех сил переламывала себя, чтобы осадить ужасы, чтобы завалить их приятными моментами, чтобы избавиться от навязчивых ночных кошмаров.

Каждый раз, проходя мимо художественной мастерской, Правда делала больно себе. Она выбрала этот путь как единственный способный восстановить интерес к жизни. Я видел, как она заходила внутрь, проходила мимо мольбертов, как брала в одну руку палитру, и та начинала подрагивать. Видел, как она брала кисточку, и эта рука начинала ходить ходуном, из стороны в сторону. Видел, как на лице Правды эмоции рассказывали тяжёлую, кровопролитную историю внутреннего сражения. Самое паршивое заключалось в

том, что она, моя дорогая подруга, терпела поражение. Раз за разом самоотверженно подбиралась к бастиону, а потом её захлестывала буря воспоминаний и боль в изуродованных погодой пальцах... после чего появлялось понимание, что она потерпела поражение... затем были слёзы... и двойная порция боли.

– Ты справишься, – произнёс я, приобняв Правду. – Рано или поздно ты сможешь переступить эту черту, – я наблюдал за тем, как по её щеке спускается одинокая слеза.

«А ещё... этот цвет волос... он очень подходит тебе», – я хотел это сказать, но мой рассудок остановил меня.

«Не посыпай рану солью», – прозвучало в моей голове, и я понял, что пока что лучше промолчать... время ещё не наступило.

– Я не могу обещать, но... я приложу все свои силы, чтобы ты... чтобы тебе... чтобы всем вам больше не пришлось проходить через подобное тому, что было в городе Правосудия. Даже если мне придется отдать всё...

Правда не дала мне закончить мою речь.

– У тебя ничего нет, – лукаво хмыкнула она. – Поэтому ничего не надо говорить... Простой делай то, что делаешь всегда!

– Что? – я не понял, о чём она говорила, за что получил насмешливый, хитрый и даже кокетливый взгляд.

– Будь безумцем, который ныряет в ад и возвращается с новыми силами!

В её словах был пафос, была насмешка... было бескрайнее уважение перед моей готовностью двигаться... двигаться без остановки, без цели, без плана!... Ведь, если нет плана, не на что надеяться... двигаться вперёд без веры и надежды! Только на своих силах и безумии.

День триста шестьдесят четвёртый.

Нескольких часов мне хватило для того, чтобы уместить всю свою прошлую жизнь. Точнее, все те дела, которые тянулись за мной с момента моего бегства.

«Боже... моя жизнь была столь ничтожной, что уместилась в несколько часов?!» – подумал я, посмотрев лишь на кучку оплаченных счетов и на чек с той суммой, которую я закинул на все ту же банковскую карту: «Как бы то ни было, но недвижимость остаётся недвижимостью... несмотря ни на что», – подумал я.

«Ах ты, презренный... мелочный... расчётливый».

«Вернулся домой и поплыл! Оставил себе один-единственный шанс, чтобы вернуться!»

«Какое же ты ничтожество! Ничего так и не понял... ничего так и не выучил... ничего так и не почерпнул от нас – единственных твоих сильных черт!»

Мой психоз пришёл в движение. Он был недоволен моими действиями и ругал меня на чём стоит свет. Мой психоз хотел лишь одного – сгореть от стыда за меня, за нас, и внутри от этого было паршиво! Даже несмотря на согласие рассудка.

«Если вдруг мы когда-нибудь остановимся... если когда-нибудь это путешествие подойдёт к концу... недвижимость можно продать, обменять... Это как инвестиция в будущее!» – рассудок рассуждал, пытаясь успокоить недовольный психоз, который выступал катализатором хаоса моей жизни, который вёл меня через кладбище брошенных велосипедов, через город Свалку... Который был со мной тогда, когда тело выкручивало на качелях агонии с пляшущей танец смерти температурой от сорока до тридцати пяти и обратно, когда я запускал пенициллин по магистралям своих сосудов.

«Презренный... маленький... мерзкий человечек с безумием в черепной коробке».

«Всего лишь грязь, что так старательно пытается не казаться самому себе гнилью!»

«А мы так надеялись, что ты изменился... мы так гордились твоим прогрессом! До достижения тобой этой точки деградации».

Мой психоз скулил, ныл, ругался и смеялся надо мной, но мне на это было наплевать. Этому я наверняка научился... Плевать на чужое мнение о своём внешнем виде, на мнение о словах и поступках, и именно этот мой приобретённый навык красноречиво заталкивал кляп в бездонное, бесконечное количество глоток моего психоза... Именно эти действия давали мне повод с наслаждением улыбаться, получая удовольствие от того, насколько я изменился и стал

совершенно другим человеком. В чьей груди аккуратно сочетались решимость и нерешительность, ярость и безумие, рассудок и психоз.

Мы покинули серое здание, трепетно хранящее насытившиеся нашими жизнями стены моей квартиры. Оставили позади стальную дверь с дырой и гвоздем, закрывающим эту дыру... Больше никогда под ней не будет могилы цветочных посланий. Я подумал об этом и как наяву увидел глаза той девушки. Они смотрели на меня с теплом, но обеспокоенно, словно зная о печальном будущем, которое ждёт где-то впереди.

«С тенденцией попадать в неприятности... я уверен, что единственное место, где мы будем счастливыми, отдохнувшими, безмятежными...» – размышлял я, стороной обходя единственное слово, прекрасно описывающее самую идеальную комнату, поселившись в которой, я автоматически прекращу процесс создания пути под ногами.

Мы отошли на несколько метров от подъезда. Я был полностью поглощён своими мыслями о будущем, которое мог рассмотреть в отражении её, приснившихся мне наяву, глаз, как эти глаза воплотились передо мной двумя прекрасными радужками с чёрными точками зрачков.

День триста шестьдесят пятый.

Мои друзья стоят в стороне. Мои сильные слабости покинули наше общее тело и отошли к друзьям, и все они наблю-

дают за нами – причиной, по которой жизнь крутанула на пятьсот сорок градусов по абсциссе и на сто восемьдесят по ординате... вывернув жизнь наизнанку. Они молча наблюдают... с интересом, с трепетом, но я этого не вижу. Всё мое внимание сфокусировано на этой девушке, которая пришла сюда с каким-то цветком в руках, и это не гортензия.

– Привет.

Впервые её лицо, которое запомнилось мне безжизненно белым, содержит что-то вроде нежно-розового цвета. Она смущена, но глаз не прячет, не отводит, смотрит прямо. Вижу, она хочет что-то сказать. Не тороплю. Жду. Пропитываю свою душу бесконечной глубиной её зрачков и наполняюсь ей, чтобы потом наполниться тем, что вертится в её мыслях в попытке сорваться с языка.

– Это тебе, – она протягивает цветок. – Надеюсь, ты знаешь, что это значит...

Вот теперь её смущение достигает своего предела и теперь она отводит взгляд. Я пропитан пустотой и не пойму... Я не знаю, что значит тот цветок, и поэтому не понимаю, о чём она говорит.

– Спасибо... – лукаво улыбаюсь я, понимая, что пора идти. – Да, теперь ты меня не боишься... – смотрю на неё, самостоятельно пришедшую ко мне, чтобы подарить один-единственный цветок.

– Больше не боюсь... Да, ты сильно изменился, но в лучшую сторону, – произносит она, и её голос звучит прекрас-

ной музыкой, которая могла бы стать той, которую я хотел бы слышать в своём новом доме, в другом, отличном от этого, месте. Она протягивает мне этот цветок, но я не могу его принять, так как мне некогда будет заниматься поиском и переводом этого сообщения.

– Прости, – срывается с моих губ все с той же лукавой улыбкой. – Но я не могу взять столь прекрасный красный цветок... Я ухожу, – произношу я... а внутри пусто. Я не могу пропитаться глубиной её мыслей, потому что не понимаю того, о чём она говорит. Ждать нет времени, потому что меня уже ждут... Вот именно это и вертится, и копошится внутри меня мерзким голодным червяком.

– Но... как же... – волнение, непонимание, даже страх проступают на её лице. – Ведь... я же... – бормочет она, захлебываясь собственными словами, кашляя отрицанием. – Я... же... гвоздику... красную...

– Прости, – произношу я, разворачиваюсь и ухожу. Чувствую себя последней гнидой, но ничего не могу с собой поделать. Я не знаю значения этого послания и разгадывать не намерен.

«Некрополь её посланий пополнится ещё одним... переданным лично», – ко мне возвращается голос рассудка. Он звучит нотками грусти, словно зная, словно всё понимая, но не желая открыть мои полузакрытые глаза.

Она остаётся позади.

Я слышу тонкий свист. Удар об асфальт. А потом звук

скрежета по смеси битумов. Я все это слышу, но не оборачиваюсь. Моё сердце, моя душа держат меня вместе со всеми сильными слабостями, которые в один голос кричат: «Не смей! Так будет лучше!» Я смотрю на друзей, на лицах которых отпечатывается тоска, что появилась вместе с мерным стуком каблучков за моей спиной.

Я подхожу, смотрю на них, а потом машу рукой, и мы отправляемся на вокзал, в удобной, мягкой, многозначительной тишине.

P.S. «Красная гвоздика – моё сердце страстно стремится к тебе. Красная гвоздика, размазанная по земле – мы больше не увидимся... ни-ког-да».